

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
ВИЛЬНЮССКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПО ЗАВЕТАМ СТАРИНЫ

*МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ,
ЗАГОВОРЫ, ПОВЕРЬЯ,
БЫТОВАЯ МАГИЯ
СТАРООБРЯДЦЕВ ЛИТВЫ*

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛ Ю.А. НОВИКОВ

Санкт-Петербург
«Тропа Троянова»
2005

Рецензенты:

доктор филологических наук А.А.Горелов (Санкт-Петербург),

кандидат филологических наук В.Гудонене (Вильнюс).

**ПО ЗАВЕТАМ СТАРИНЫ. Мифологические сказания, заговоры, поверья
бытовой магии старообрядцев Литвы.** Издание подготовил Ю.А. Новиков.

П41 СПб.: Тропа Троянова, 2005. — 296 с.

В сборнике представлен вариант русской фольклорной традиции, сложившийся в условиях иноязычного окружения. В него включены произведения тех жанров, которые напрямую связаны с народной бытовой магией, отражают мифологические представления исполнителей. Это — легенды, содержащие мифологические мотивы; правила религиозного и бытового этикета, поверья и былички разных циклов (о загробном мире, о контактах покойников с живыми, о привидениях, змеях, заклятых кладах). Отдельный блок составили заговоры, рассказы об их бытовании и обучении заговорному искусству, сказания о знахарях и колдунах, поверья о «порче» и «сглазе», магических способах их нейтрализации. Вступительная статья содержит сведения об истории формирования русской диаспоры и собирания русского фольклора в Литве, о региональных и конфессиональных особенностях местной традиции. Каждому разделу предпослана заметка, характеризующая произведения данной тематической группы. Подавляющее большинство текстов — расшифровки магнитофонных записей, сделанных в 1996-2000 годах; многие из них публикуются впервые. В издании сохранены особенности местных русских говоров.

Книга рассчитана на фольклористов, этнографов, лингвистов, всех, кто интересуется традиционной народной культурой и ее судьбами в наше время.

© Издательство “Тропа Троянова”, 2005

© Ю. А. Новиков, 2005

© А. Глебов, обложка, 2005

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРЕДКОВ

Исторические судьбы восточных славян и литовцев переплелись уже в глубокой древности. В летописях и пришедших им на смену хронографах, в «Слове о полку Игореве» и «Слове о погибели Русской земли», в «Задонщине» и повестях о Мамаевом побоище содержится немало интересных, подчас уникальных сведений о литовцах и родственных им народах — пруссах и ятвягах, о взаимоотношениях Древней Руси с Великим княжеством Литовским, а позднее — с объединенным польско-литовским королевством. Эти памятники древнерусской литературы свидетельствуют о тесных политических, торговых и культурных связях восточнославянских княжеств с Литвой. В них повествуется о восточных походах Альгирдаса, Кестутиса и Витаутаса, о литовских князьях, родовитых боярах и рядовых воинах, которые вместе с «русичами» обороняли рубежи Новгородской и Псковской земли, защищали Москву и Нижний Новгород от татарских набегов, входили в состав дружины Ермака во время его сибирского похода. Альгирдас и Кестутис участвовали в войне Псковского княжества с Ливонским орденом, а позднее псковские, полоцкие и витебские ратники сражались с крестоносцами под знаменами Альгирдаса. При осаде Кульма («Голуба») воинам Витаутаса помогали московская и тверская дружины, в знаменитой Грюнвальдской битве отличились смоленские полки. А литовские князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи и воевода Дмитрий Боброк Волынский стали героями Куликовской битвы, занимающей в русской истории такое же почетное место, как и Грюнвальдское сражение («Жальгирис») в истории Литвы.

Яркий след в истории древнего Пскова оставил литовский князь Довмонт («Даумантас», в крещении — Тимофей). Он несколько десятилетий правил этим городом (1266—1299 гг.), успешно воевал с западными соседями, прежде всего — с Ливонским орденом («Побеждая, не был побежден»). Его имя окружено поэтическими легендами и сказаниями («Довмонтов город», «Довмонтов меч», «Довмонтова стена»); после смерти он был причислен к лику святых православной церкви. Псковичи на протяжении многих столетий сохраняли благодарную память об этом князе, создали воинскую повесть о его подвигах. Вплоть до революции в городе существовала традиция встречать потомков Довмонта торжественным колокольным звоном.

Многочисленные отзвуки оживленных русско-литовских контактов сохранились и в фольклоре. В целом ряде русских былин упо-

минаются Литва и литовцы, действие происходит в Литовском королевстве, имена некоторых персонажей восходят к литовскому языку («Мануил сын Ягайлов», «Жиман», «Сухман Домантьевич», «Етмануило Етмануилович»). В «Литве хороброй» богатырь Дунай Иванович находит себе невесту — Настасью-королевичну, а ее сестру Апраксию сватает за киевского князя Владимира, правителя былинной Руси. Сюжет «Наезд литовцев» целиком посвящен неудачному набегу литовских королевичей на русскую землю. Литва, ее города и их жители упоминаются в русских преданиях, балладах, исторических песнях, сказках, загадках, пословицах и нередко вызывают неподдельное удивление исполнителей: «Кто в Вильне не бывал, тот чудес не видал»; «Азов был славен, Смоленск грозен, а Вильна дивна». Для того чтобы подчеркнуть уникальность какого-либо чудесного предмета, русские сказочники говорят, что ничего подобного нет «ни у царя в Москве, ни у короля в Литве». В этой формуле топонимы «Литва» и «Москва» символизируют крайние полюса обозримого мира — западный и восточный. Однако в фольклорных произведениях слова «литвин» и «Литва» не всегда обозначают этнических литовцев и собственно Литовское княжество; нередко они превращаются в условно-обобщенное наименование всех западных соседей средневековой Руси.

В свете приведенных фактов не приходится удивляться тому, что миграция русских в Литву также имеет давнюю историю. Уже в эпоху раннего средневековья заключались литовско-русские династические браки между представителями знатных родов; особенно важными по своим последствиям оказались женитьбы Великого князя Литовского Альгирдаса на полоцкой княжне Юлиании и сына Дмитрия Донского Василия на дочери Витаутаса Софье. В Литве оседала часть военнопленных, здесь находили убежище опальные русские князья и бояре. Здесь укрывались и те, кто потерпел поражение в междоусобной борьбе или сделал неверные ставки в политической игре (сторонники временно отстраненного от власти Василия Темного, внука Витаутаса по материнской линии; тверские и рязанские князья, соперничавшие с Москвой за право верховенствовать на Руси; попавший в немилость бывший любимец Ивана Грозного князь Андрей Курбский и др.). Знатных феодалов обычно сопровождали их родственники и домочадцы, слуги, а порой и личные священники. Задолго до официального крещения Литвы в ее столице появились православные храмы. В Вильнюсе подолгу жили некоторые русские купцы, для них была построена первая в городе гостиница. Однако эти малочисленные группы переселенцев не со-

здали прочной русской диаспоры в Литве, не оставили после себя устойчивой фольклорной традиции: они либо возвращались в конце концов на родину, либо ассимилировались.

Положение изменилось в конце XVII столетия, когда в связи с расколом в русской православной церкви в Литву устремились старообрядцы, спасавшиеся от преследований со стороны церковных, а нередко и светских властей. Первые переселенцы, вероятнее всего, были выходцами из северо-западного региона (в основном из Псковского края); обосновались они на северо-востоке Литвы. Их потомки и поныне живут в Зарасайском, Игналинском, Швенчёнском, Рокишском и других районах Аукштайтии. Позднее старообрядцы, а вслед за ними и православные-ортодоксы поселились в ряде глубинных районов Литвы, кое-где они появились уже на исходе XIX века. С этими переселенческими потоками пришли жители не только северо-западных, но и центральных губерний России, Поволжья и Приуралья. Далеко не все уезжали из родных мест по собственной воле — высылка на окраины империи, в иноязычную среду практиковалась в те времена как одна из форм наказания «строптивых» и «неблагонадежных». Самой крупной по масштабам была акция «встречного» переселения после подавления восстания 1863 года в Польше, Литве и Белоруссии. Литовских крестьян целыми деревнями отправляли в Центральную Россию и Поволжье, а на их земли определяли русских мужиков или переселяли безземельных староверов из восточной Литвы.

Таким образом, русская община в Литве формировалась на протяжении трех столетий, пополняясь выходцами из разных областей России. Тем не менее это не привело к пестроте местной фольклорной традиции. Разумеется, у потомков псковичей и новгородцев, туляков и смолян были определенные различия и в репертуаре, и в манере исполнения фольклорных произведений, но многие из них довольно быстро нивелировались, сошли на нет — тенденция к унификации оказалась сильнее. Объясняется это совокупным воздействием нескольких факторов.

Судя по фольклорным и диалектологическим материалам, сохранным во второй половине XX столетия, в русской диаспоре доминировало псковское «наследие», подчинявшее своему мощному влиянию более слабые проявления других региональных традиций. (Аналогичная картина наблюдается в старообрядческих селениях на юго-востоке Латвии и северо-западе Беларуси.) Определенную роль сыграла также миграция русских переселенцев внутри Литвы. Далеко не все староверы владели земельными наделами и в поисках луч-

шей доли нередко добирались до Жемайтии и Сувалкии. Опросы исполнительниц показали, что многие из них в молодости нанимались в работницы, выходили замуж в соседние волости и уезды — порой за 100–150 верст от родного дома. Мужчины активно занимались отходничеством — торговали, валили и сплавляли лес, строили дома, изготавливали и укладывали железнодорожные шпалы. Особенно славились своим мастерством каменотесы — их руками выложены брусчатые мостовые в десятках больших и малых городов Беларуси и стран Балтии. В годы первой мировой войны большинство русских семей временно эвакуировалось из оккупированной немцами Литвы в Поволжье и центральные губернии России. А если добавить к этому периодический приток соплеменников из метрополии, солдатчину, поездки по торговым делам, то не приходится удивляться ни отсутствию ожидаемой «пестроты» в фольклорных записях из разных районов Литвы, ни обилию поздних по времени создания произведений — частушек, городских романсов, песен литературного происхождения.

Строительство железной дороги Петербург—Варшава, которая прошла через восточную Литву, способствовало укреплению культурно-экономических связей с «северной столицей». До революции сюда отправлялись на заработки мастеровые, извозчики, трактирные слуги и кухарки. В 50–80-х годах прошлого века в Ленинград возили на продажу клубнику, под которую староверы отводили целые плантации; а ленинградцы охотно снимали дачи в Зарасайском, Игналинском и Швенчёнском районах. Длительные контакты привели к тому, что в фольклор русских старожилов Литвы давно и прочно вошли «петербургские мотивы». Петербург, Петроград, Ленинград, Нева, Фонтанка, Мойка, питерские проспекты, улицы и каналы, трактиры и кабаки упоминаются во многих частушках, хороводных и плясовых песнях. Так, в Литве неоднократно записывалась песня «Крутится, вертится шар голубой...», причем многие тексты гораздо полнее популярного варианта в исполнении Бориса Чиркова (кинотрилогия о Максиме), что свидетельствует об устном заимствовании произведения, независимом от киноэкрана. С берегов Невы занесена и поговорка «Бедняку Питер карманы вытер» (оригинальный вариант популярной поговорки «Батюшка Питер карманы повытер»). В послевоенные годы в школьном быту проходили те же процессы, что и в большинстве районов России: утвердились «страшилки», «садистские стишки», скабрзная поэзия и другие жанры «постмодернистского» современного детского фольклора.

Широкое распространение получили анекдоты, в том числе политические; многие из них создавались местными остроусловами.

Для фольклорной традиции старообрядцев не прошли бесследно 8–10 лет массовой эвакуации во время первой мировой и гражданской войн. Надо полагать, что именно тогда были усвоены некоторые пословицы, в которых упоминаются поволжские народы: «*Не чуваша родня ваша*»; «*Такой родни — по всей мордвы, а пообедать негде*»; «*Мордва — на грош два, на копейку вся семейка*»; «*Задним умом и мордвин умён*». Из Поволжья и Смоленской губернии рассказчики принесли в Литву целый ряд мифологических сказаний (быличек) о кладах, о колдунах и ворожбе.

Таким образом, несмотря на географическую удаленность от своей прародины, русские старожилы Литвы не были от нее изолированы, не чувствовали себя оторванными от родных корней: их фольклорная традиция оказалась открытой для восприятия и реализации общерусских тенденций развития духовной культуры в XIX–XX столетиях. Вместе с тем на систему жанров, на репертуар и даже на стиль местных певцов и рассказчиков определенный отпечаток наложили длительные контакты с соседними народами. Для Литвы не характерны компактные, тяготеющие к замкнутому образу жизни русские общины. Как правило, русские деревни соседствуют с литовскими или польскими, а еще чаще население в них смешанное — литовцы, русские, поляки, белорусы; до второй мировой войны в небольших городках проживало немало евреев. Это создавало исключительно благоприятные условия для взаимодействия и взаимообогащения культур, формирования особой фольклорной среды, базирующейся на свободном владении двумя или несколькими языками. Наиболее ощутимо это проявилось в сказках, произведениях несказочной прозы, пословицах и поговорках. Есть основания полагать, что обилие элементов язычества, отголосков былого политеизма (поклонения многим богам) в определенной мере объясняется влиянием литовского фольклора с его мощным пластом языческих верований (литовцы приняли христианство на четыре столетия позднее восточных славян и, естественно, дольше сохраняли архаичные представления).

Долгое время фольклорные богатства русских старожилов Литвы оставались неизвестными академической науке, поскольку активное собрание русского фольклора началось здесь на несколько десятилетий позднее, нежели в соседних странах Балтии. В Западном Причудье (Эстония) еще до революции плодотворно работал В. А. Бобров; народная поэзия старообрядцев Латгалии (восточная Латвия)

широко представлена в сборниках И. Д. Фридриха, составленных по записям 20–30-х годов. В довоенной Литве русский фольклор лишь эпизодически попадал в поле зрения собирателей. В 1928 году, совершая поездку по восточным районам, финский ученый В. Мансикка записал от русских старожилов несколько народных заклиний. Отдельные произведения русской народной поэзии как от русских, так и от литовцев, изредка записывали любители литовского фольклора. В рукописных фондах Института литовской литературы и фольклора хранятся даже пересказы былин; правда, все они генетически связаны не с устной традицией, а с печатными источниками. И лишь в 1960 году, когда в вузовские программы включили фольклорную практику, собирание русского фольклора в Литве приобрело широкий размах.

За четверть века студенты-филологи Вильнюсского университета побывали практически во всех городах, местечках и деревнях, заглянули чуть ли не на каждый хутор, хозяева которого считали родным языком русский. Наиболее интересные районы обследовались по два-три раза, что позволило не только полнее зафиксировать бытующий в них репертуар, но и собрать богатый материал для наблюдений над эволюцией местной традиции, варьированием фольклорных произведений при их повторном исполнении. Отличные тексты заговоров записал в Жемайтии И. Просняков, ныне директор одной из вильнюсских школ. Немало замечательных сказочников и «песнохорок» отыскали в сельской глубинке В. Аксенова, П. Левковская, А. Карлонайте, А. Лапкаускайте, З. Самуйловайте, Л. Мартысевич, Е. Халонен, В. Трукшин, В. Копылов, Л. Мартынова, З. Фиясь и другие студенты. Общий итог этой систематической и целенаправленной работы, которой руководила Нина Константиновна Митропольская, — более 60 тысяч записей произведений разных жанров. Народная проза представлена примерно двумя тысячами текстов (в основном это сказки), зафиксированы тысячи песен и частушек, сотни загадок, произведений детского фольклора.

В педагогических вузах Литвы учебная практика не проводилась. Однако членам фольклорного кружка Вильнюсского педагогического института (ныне — педагогический университет) собрано немало интересных материалов. В. Сидорова, Й. Гервялис, Н. Стунджите, Д. Белкин и другие студенты работали под руководством автора этих строк. Самая большая наша удача — встреча с собирателем-самоучкой, старовойком Елизаветой Ивановной Колесниковой из местечка Салакас Зарасайского района. Начиная с 1946 года эта малограмотная женщина фиксирует все фольклорные произведения,

которые припоминает сама, слышит от своих родственников и земляков (прежде всего — пословицы, поговорки и фразеологизмы); причем записывает их на местном говоре. В ее домашнем архиве насчитывается более 35 тысяч паремий; около 3 тысяч текстов с развернутыми комментариями Колесниковой опубликовано [РПЛ].¹ Записала она и больше тысячи литовских пословиц.

Изучение современного состояния русского фольклора получило новый импульс в 1996 году, когда к проведению ежегодных комплексных экспедиций приступила Ассоциация исследователей старообрядчества Литвы. За короткий срок собрано большое количество текстов, позволивших ликвидировать многие «белые пятна» на фольклорной карте Литвы, уточнить сложившееся представление об исторических судьбах русской народной поэзии. Члены фольклорной секции Вера Дьячкова, Рената Еленските, Юрий Новиков, Мария Романова, Рамунас Тримакас и другие работали по специальной программе, отказавшись от практиковавшейся ранее методики сплошной записи народно-поэтических произведений. На рубеже второго и третьего тысячелетий трудно было надеяться на выявление новых тенденций в бытовании «классических» жанров фольклора, которые больше четверти века оставались в центре внимания собирателей. Мы решили сосредоточить внимание на тех жанрах, которые в советское время незаслуженно замалчивались официальной наукой, редко записывались, практически не публиковались и не исследовались. Условно их можно разделить на два блока. В первый блок входят христианские легенды, духовные стихи, обычаи, обряды и запреты, связанные с религиозными воззрениями информаторов. Второй блок составляют поверья, обычаи и обряды, отражающие мифологические представления; а также примыкающие к ним заговоры; мифологические сказания (былички) разных циклов, рассказы о «порче» и «сглазе», о лечении с помощью заговаривания и средств народной медицины. Поскольку в старых записях материалы такого рода представлены крайне скудно, мы не надеялись на обильную «жатву». Но действительность превзошла самые оптимистические ожидания: все эти жанры еще на памяти людей старшего поколения играли важную роль в духовной жизни старообрядцев, а многие из них и сегодня продолжают активно бытовать.

Не зря в народе говорят: «Чего не поищешь, того не сыщешь», «Копни поглубже, найдешь погуще». Эти пословицы имеют прямое отношение и к собирательской работе. Уже в первых экспедициях

¹ Список принятых сокращений см. в конце книги.

чуть ли не в каждом доме под иконами можно было увидеть вербы и крашенные яички. На протяжении тридцати лет собиратели ни разу не поинтересовались, почему их хранят весь год, от Пасхи до Пасхи. Стоило задать этот элементарный вопрос — и перед нами открылся целый комплекс поверий, в которых вербе и «*годовому*» пасхальному яйцу приписывается особая магическая сила (см. №№ 297–313). Один из наших собеседников случайно упомянул «*земляных гадов*», от укусов которых якобы не могут спасти ни врачи, ни самые искусные знахари. «Копнули глубже», начали расспрашивать о змеях людей с «*мифологическим*» складом мышления — и словно погрузились в сказочный мир. Услышали десятки рассказов о том, как избежать встречи с «*гадами*» в лесу или на болоте, о чудодейственных оберегах и секретах заговаривания, о сложной иерархии в «*змеином царстве*», о людях, которые разговаривают со змеями и даже приручают их (см. раздел. 12). На всякий случай, как говорится, для очистки совести задали зарасайской старушке навеянный научной литературой вопрос — не делали ли в старину гробы еще при жизни. И услышали ошеломляющий ответ: «*Почему? Все делало его... Не ленитесь — залезьте [на чердак], посмотрите. Давно сделано, стоят гробы у нас; десять лет каких, если не больше...*» Позднее мы убедились, что обычай заранее делать «*домовьё*» действительно широко распространен, а за ним скрывается множество древних поверий и быличек о загробном мире, о посмертных радостях и мытарствах души человеческой, о контактах покойников с живыми (см. разделы 4 и 5).

Целенаправленные поиски позволили узнать много нового о специфических чертах повседневного быта и духовного мира старообрядцев. За четверть века фольклористы Вильнюсского университета не записали ни одного рассказа о похищении невест, практиковавшемся вплоть до середины прошлого столетия. В нашем архиве набралось уже более 100 подобных текстов. Особенно широко этот обычай был распространен в северо-восточных районах Литвы, нередко он получал здесь оригинальное обрядовое оформление. Девушек «*красили*» на «*кирмашах*» (ежегодных сельских ярмарках) во время традиционного катания на тройках. Похитителю обычно помогали его друзья, а братья и другие родственники невесты обязаны были отбивать ее или хотя бы имитировать активное противодействие. Для того чтобы уйти от погони, нередко использовали «*подставы*» (запасных лошадей, ожидавших в условленном месте). Девушек похищали только с их согласия, поэтому в глазах членов сельской общины «*свадьба вкράдку*» («*самоходкой*», «*увозом*») выглядела вполне закон-

ным и даже достойным делом, а родители невесты в конце концов вынуждены были сменять гнев на милость и мириться с дерзким зятем.

До недавних пор фольклористы и этнографы, как правило, не отмечали конфессиональную принадлежность исполнителей. Последующие экспедиции в те же селения показали, что подавляющее их большинство — старообрядцы. Поэтому зафиксированную у русских старожилов Литвы фольклорную традицию правомерно рассматривать как конфессиональный вариант общерусской традиции, чем во многом определяются ее специфика, исторические судьбы некоторых жанров. Устойчиво державшиеся среди староверов религиозно-бытовые запреты и ограничения ускорили отмирание календарной обрядовой поэзии, привели к заметному обеднению свадебного обряда. Но с другой стороны, они способствовали сохранению христианских легенд и связанных с ними мифологических сказаний, духовных стихов и древнейших баллад, часть которых тоже считается «божественными», «полгрешными», «постовыми песнями». В некоторых общинах духовные стихи (в частности, «Умоляла мать родная...») включены в церковный обряд. В пословицах, поговорках, присловьях, преданиях, мифологических сказаниях легендарного характера обнаруживается немало примет старообрядческого быта, есть они в песнях и частушках.

Взятые изолированно записи от одного человека или из одной деревни нередко кажутся разрозненными, отрывочными, в чем-то нелогичными — словно руины некогда стройного и величественного здания. Но это впечатление обманчиво. Чем больше накапливается материалов, тем более отчетливо просматриваются внутренние закономерности, духовная культура старообрядцев обретает комплексность и системность; сохранившиеся до наших дней обряды, верования, магические действия оказываются тесно спаянными друг с другом. Разумеется, некоторые древние мотивировки забываются, но им на смену приходят вторичные объяснения; система возрений эволюционирует, сохраняя при этом основные сущностные характеристики. Роль «несущих конструкций», обеспечивающих долговечность и относительную стабильность традиционной культуры, играют старая вера, обычаи дедов и прадедов, старая книга.

В мифологии и бытовой магии староверов доминируют языческие представления, но христианский пласт тоже занимает немало важное место. Молитвы дополняют, а иногда и заменяют традиционные народные заклинания; многие религиозные символы и атрибуты (иконы, крест, святая вода, верба, пасхальное яйцо) ис-

пользуются в заговорной практике, аграрных и очистительных обрядах, считаются самыми надежными и универсальными оберегами (см. разделы 6 и 7). Христианские идеи и образы не только органично вписываются в общую картину мира, но и в значительной мере структурируют ее. Во многих сказаниях, циклах поверий и целых жанрах оппозиция «божеское — дьявольское», «крестная сила — нечистая сила» становится стержневой, структурообразующей. Традиционные легенды, восходящие к библейским и апокрифическим сюжетам, нередко дополняются этиологическими мотивами, объясняющими происхождение всего сущего. Авторитет христианского вероучения, образы Христа, Богородицы, святых подвижников церкви активно используются и для закрепления важнейших канонов древлеправославия (рассказы о наказаниях за богохульство, вероотступничество, нарушение религиозного этикета), и для сохранения старинных обрядов и обычаев, пропаганды моральных постулатов, правил гигиены, здорового образа жизни (строгое соблюдение похоронно-поминальных обычаев, необходимость накрывать на ночь посуду с едой и питьем, дискредитация курения и пьянства и т. п.). Воспитанию сострадательности и милосердия способствует широко распространенное поверье, что «милостыня из дна моря тянет», что отданные нищим вещи и продукты непременно попадут в заброшенный мир и дойдут до «адресата» — умершего родственника. Есть основания полагать, что четкое разграничение «шептунов» (знахарей) и «волховитов» (колдунов), «белой» и «черной» магии также предопределено религиозными воззрениями староверов. Шептуны творят только добрые дела и опираются на помощь крестной силы; корыстолюбие, вредоносные действия колдунов обычно объясняют их связью с бесами (см. раздел 8). Между тем в литовском фольклоре (как и в большинстве регионов России) нет столь жесткого и последовательного разделения чародеев на добрых и злых.

В ряде случаев происходит перекодирование, переосмысление языческих понятий и образов в христианском духе. В заговорах христианские персонажи заменяют языческих или сосуществуют с ними в рамках одного текста, одной формулы («утренняя заря *Параскевья*», «вечерняя заря *Соломона*»). В быличках и поверьях функции леших, привидений, оборотней, «ходячих покойников», безобидных в общерусской традиции домовых все чаще переносятся на чертей. Архаичное представление о существовании параллельных миров, в которых обитают некоторые мифические персонажи, трансформируется в поверье о невидимой «бесовой стеге», «чертовой дороге». Нечаянно ступив на нее, путник обязательно заблудится или будет

«путаться под ногами» у бесов, вызывая их раздражение. По давней традиции покойникам на ноги одевают матерчатые или вязаные тапочки. «А ботинки в нас нельзя на гвоздѣх. <...> А почему? — Исуca Христа гвоздам-то прибивали, распинали! И вот в нас гвоздѣ чтоб не были б». Даже вещие сны народная молва склонна связывать с христианством — обычно их видят в ночь на среду и пятницу (постные дни недели).

Фольклорные материалы, собранные в старообрядческих общинах Литвы, позволяют говорить о таком типе народной культуры, в котором «письменная традиция <...> во многом определяет содержание и функционирование устной культуры» (Никитина, 31), активно влияет на стиль и образ жизни, на мировоззрение ее носителей (Белоусов). В значительной мере это связано со своеобразным культом грамотности, старопечатной книги и рукописного слова. Многие информаторы старшего поколения, с которыми нам довелось работать, не учились в русских школах, но владеют, как они выражаются, «славянской грамотой». Обучались ей в семьях, у грамотных родственников и соседей, у местных священников и начетчиков.¹ Вплоть до середины XX столетия в деревнях существовали общественные школы, где обучали не только чтению и письму, но и церковному пению «по сольѣм» (то есть «по крюкѣм» — знакам старинного русского нотного письма). Занятия проводились в избах, родители учеников поочередно содержали учителя столько недель, сколько их детей обучалось в такой школе. В семьях бережно хранили и передавали по наследству церковные книги, в том числе и рукописные; реставрировали утраченные или истлевшие страницы, переписывая их полууставом или скорописью; нередко вручную копировали целые сборники духовных произведений.

Высокий уровень грамотности населения отразился и на фольклорной традиции, причем формы рукописного бытования произведений и причины обращения к письменному слову были самыми разнообразными. Переписывались большие по объему тексты религиозного содержания, генетически связанные со средневековой традицией (жития святых, библейские и апокрифические сказания), а также сочинения старообрядческих авторов, в том числе и местных. С помощью рукописей распространялись сказки, восходящие к средневековым повестям (о Петре и Февронии, о Карпе Сутулове), стихотворное переложение «Жития» протопопы Аввакума, сказание

¹ Владимир Даль так истолковал одно из значений этого слова: «Грамотей, промышляющий по деревням обученьем грамоте» (Даль, II, 497).

о боярыне Морозовой. В Ионавском районе записаны весьма интересные по сохранности похоронные плачи, духовные стихи сектантов, бытовые лирические песни, позаимствованные из романов П. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах». (Немаловажно, что первая часть этой дилогии посвящена жизни и быту старообрядцев Заволжья.) Характер различий между записанными вариантами и печатными прототекстами (фрагментарность произведений, замена архаизмов их общеупотребительными аналогами, описки и искажения) позволяет предполагать неоднократное копирование рукописи. При переписывании устных по происхождению фольклорных произведений старообрядцы отдавали предпочтение таким жанрам, в которых важную роль играет стабильность вербального текста (легенды, духовные стихи, жизнеописания святых). Особенно широкий размах приобрело письменное бытование заговоров (см. раздел 14). К помощи рукописей иногда прибегали и для того, чтобы передать потомкам свой фольклорный репертуар. Упомянутая выше Е. И. Колесникова многозначительно озаглавила одну из своих тетрадок с пословицами — «Для внуков». Георгий Клычов из Рокишского района оставил дочерям две рукописные «Памятные книжки», которые он вел в послевоенные годы. В эту «семейную хронику», наряду с заметками о важнейших событиях деревенской жизни, погодных аномалиях, включено несколько «рецептов» магического воздействия на окружающую среду.

Поскольку в Литве староверы живут вперемешку с литовцами, поляками, белорусами, а в межвоенные годы их соседями были также евреи и литовские татары, во многих ареалах сложился особый фольклорный «микроклимат», способствовавший активному взаимодействию и взаимообогащению традиционных культур разных народов. Особенно часто старообрядцы заимствовали у соседей сказки, бытовые лирические песни, пословицы и поговорки, загадки, исторические и топонимические предания. Но почти все, что связано с народным христианством и бытовой магией, оказалось малопроницаемым для внешних влияний. Духовные стихи, легенды, правила религиозного и бытового этикета выдержаны в старорусском духе; некоторые тексты построены на противопоставлении староверов представителям других конфессий. Заговоры традиционны по тематике, композиции и стилю; даже единичные лексические заимствования из литовского или польского языков встречаются в них крайне редко. Календарные и семейные обряды и сопровождающие их поэтические тексты также избежали сколь-нибудь заметного воздействия фольклора соседних народов.

Одна из важнейших составляющих русского фольклора — повышенный интерес к прошлому своего народа. На европейском Севере России, в Поволжье и Сибири вплоть до недавнего времени активно бытовали былины; повсеместно большой популярностью пользуются песни и предания, в поэтической форме отражающие реальные исторические события как общенационального, так и регионального масштаба (Путилов, Соколова и др.). Симптоматично, что удельный вес подобных произведений особенно велик там, где русские живут в иноязычном окружении или длительное время соседствуют с носителями других культур. В селе Русское Устье (Якутия) более трех столетий сохранялись архаичные версии былинных сюжетов, сказания о прибытии русских на реку Индигирку (*Русское Устье*). В Беломорско-Обонежском крае записаны десятки преданий о борьбе русских с чужью и «панами», о разбойниках и старообрядцах, о Петре I и местных силачах (*Криничная*). Потомки казаков-некрасовцев, в петровские времена участвовавших в восстании Булавина, рассеялись по всему миру — от Кубани, Турции и румынского устья Дуная до Аргентины и североамериканского штата Орегон. Кочуя по белу свету, нередко подвергаясь преследованиям властей, они бережно хранили сказания о драматической судьбе своей общины: «Смерть Булавина», «Заветы Игната Некрасова», «У нас круг правил» и др. (*Тумилевич*).

Фольклор старообрядцев Литвы в этом плане не укладывается в привычные рамки, но зато близок к русскому фольклору Латгалии и западного Причудья. Здесь не зафиксирована устная былинная традиция, скуден репертуар исторических песен, а их сюжеты по времени сложения не старше XIX века. Прозаических произведений, претендующих на роль «устной летописи», записано очень мало, почти все они связаны с историей «второй родины». Некоторые предания, видимо, позаимствованы у литовцев (о происхождении географических названий, о заколдованном войске, о провалившихся поместьях, о жестоком пане, заставлявшем своих слуг коковать на дереве и стрелявшем на звук голоса, и т. п.). В сказаниях, повествующих об истории русской диаспоры, как правило, размыты границы фольклорных жанров, тексты изобилуют анахронизмами, а события освещаются в мифологизированном ключе. Так, массовую миграцию староверов в Литву объясняют случившимся в России грандиозным потопом; в предании о восстании 1863 года утверждается, что «мятежники» у императора «телефоны все обрезали», но у него оказался «скрытый» телефон, по которому удалось вызывать казаков и усмирить бунтовщиков (*Морозова, Чекмонас*). Старообрядческая

община порой осознается исполнителями чуть ли не как центр все-ленной, к ней «привязываются» важнейшие события российской и мировой истории, ветхозаветные и евангельские мотивы. В то же время в Зарасайско-Игналинском крае не удалось найти даже глухих воспоминаний о Гудишкском (1728–1755 гг.) и Дегучайском (1755–1844 гг.) старообрядческих монастырях, которые вплоть до их разорения были крупными культурно-религиозными центрами. В Дегучай написан знаменитый «Дегуцкий летописец», здесь же в 1823 году состоялся первый в Прибалтике Старообрядческий Собор (*Барановский*).

Длительное общение со старообрядцами заставило нас усомниться в справедливости широко бытующего мнения об их замкнутости, «колючей» настороженности и религиозной нетерпимости. Переселившись в Литву, они сумели адаптироваться к изменившимся условиям, интегрироваться в новый социум. Во все времена их ценили за исключительное трудолюбие, законопослушность, бытовую и нравственную опрятность. «Закрытость» староверческих общин проявлялась в основном в тех сферах, которые прямо или косвенно связаны с религиозными воззрениями, старинными русскими обрядами и обычаями. До недавних пор у староверов полагалось занавешивать иконы, если в дом заходили незнакомые люди или просто любители курева и спиртного. В межвоенные годы большой редкостью были межконфессиональные браки; мужа или жену, исповедовавших католичество или ортодоксальное православие, не разрешали хоронить на старообрядческих кладбищах. Одна из женщин уверяла собирателей, что именно за отступление от древних обычаев кто-то из односельчан «напустил» на нее тяжелую болезнь: *«Я вышедцы за литовцем, зато мне и наделали...»* Однако истовая приверженность к древлеправославию, неприязнь к вероотступникам (их презрительно называют *«перекұлами»*, *«белохвостиками»*, *«обливі́нцами»*) не мешает многим из наших информаторов уважать религиозные взгляды других людей. *«Веру никакую не заклиняйте, ни церкви, — поучала собирателей 95-летняя Анна Пахомовна Иванова. — Какой есть закон — вси Богу молотся. Один Господь на свете, одно солнце нас прогревает, земля нас одна окармливает...»* Показательно, что в заговорной практике допускается использование любых христианских молитв — и православных, и католических; читать их можно и на русском, и на литовском, и на польском языке. Претерпев жестокие гонения за веру своих предков, вынужденные покинуть Родину и искать приюта на чужбине, старообрядцы в массе своей отнюдь не стали рели-

гиозными фанатиками. Скитаясь по белу свету, они добивались лишь одного — чтобы власти не посягали на их духовную свободу, не мешали им жить по старому «чину», по заветам отцов и дедов. И в этом праве они не отказывают представителям других конфессий. «Вер много, а Бог один»; «Хто в каком законе родился, тот в таком законе и Бога призывает». Под такими высказываниями подпишутся самые ревностные защитники свободы совести.

Нельзя не сказать несколько теплых слов в адрес тех людей, от которых записаны публикуемые тексты. Они оказались удивительно душевными, добросердечными и благожелательными, щедро делились с нами своими знаниями, ради записи фольклорных текстов порой откладывали срочные дела по хозяйству, забывали о своих болезнях, активно «агитировали» односельчан подключиться к нашей работе. Особенно много текстов, разнообразных в жанровом и стилистическом отношении, записано в Зарасайском и Йонавском районах. Незабываемое впечатление произвела на собирателей Анфиса Афанасьевна Павлова, поразившая энциклопедичностью своих познаний в области народной культуры, житейской мудростью, точностью и чеканностью художественного слова. Интересные, порой уникальные тексты записаны и от других жителей Зарасайского района — Марьи Мироновны Колесниковой (Зарасай), Зинаиды Макарьевны Балапкиной (Капустине), Елизаветы Ивановны Колесниковой и Степаниды Васильевны Чувькиной (Салакас), Веры Нефодьевны Горшановой (Яктишкес), Христины Климовны Портновой (Дегучай), Евдокии Савельевны Мельковой (Авиженес), Анны Семеновны Зуевой (Рустейкай). Настоящим «заповедником» традиционной народной культуры оказалось село Ужусалай Йонавского района, куда в связи с мелиоративными работами переселились староверы из большинства окрестных деревень. Здесь мы встретили Агриппину Гавриловну Суетене, Анну Малофеевну Иванову, Тарасия Савельевича Родионова, обладающих обширными познаниями в области бытовой магии и заговорного искусства. Их соседка Евдокия Варфоломеевна Кузьмина — прекрасный исполнитель духовных стихов и старинных баллад.

На редкость плодотворным оказалось знакомство с Гликерией Емельяновной Коваленкиной (дер. Летишкес Каунасского района) и Дием Петровичем Сиволовым (дер. Думсай Йонавского района). Их отличает высокое исполнительское мастерство, богатство и разнообразие репертуара. От Коваленкиной записаны старинные лирические песни, баллада, духовные стихи, частушки, описания народных игр, много поверий и примет, сведений по народной медицине.

Сиволов тоже помнит немало песен, особенно солдатских, знает он и духовные стихи, заговоры, поверья; живо, с юмором рассказывает народные анекдоты. Но главное место в репертуаре обоих исполнителей занимают легенды и мифологические сказания. От каждого из них записаны по 40–50 сюжетов, тексты насыщены яркими бытовыми подробностями, оригинальными поэтическими образами, безупречны по композиции, сочны и выразительны по языку. И Коваленкина, и Сиволов рассказывают былички сериями, по три-четыре произведения на одну тему (заклятые клады, вешие сны, привидения, встречи с «ходячими покойниками» и т. д.). Работа с ними заставила нас усомниться в справедливости устоявшегося мнения о нестабильности текстов преданий, мифологических сказаний, произведений других жанров несказочной прозы. Это справедливо в отношении рассказчиков-«любителей», быть может, впервые в жизни исполняющих то или иное произведение. Д. Сиволов, Г. Коваленкина, А. Павлова, Х. Портнова — настоящие мастера-виртуозы; их варианты в процессе многократного повторения приобрели относительную устойчивость и изменяются лишь на уровне естественной «вибрации текста» (термин К. В. Чистова). Функции «арматуры», внутренних скреп, придающих сказаниям, легендам и преданиям структурную устойчивость, выполняют опорные, ключевые формулы и отдельные слова (иногда — эмоционально окрашенные звукоподражательные местоимения).

В других районах старообрядческих деревень не так много, но и там нашлись прекрасные знатоки старинного быта и фольклора. В Игналинском районе это — Мария Федоровна Рябченко и Михаил Анисимович Прусаков (Душктас), Николай Лаврельевич Иванов (Мейкштай); в Швенчёнском — Анна Аникеевна Гаврилова (Валучай), Агрипина Яковлевна Голубева и Фома Семенович Авденков (Юргелишкес); в Аникшчайском — сестры Анна Анисьевна Колейникова и Зинаида Анисьевна Прусакова (Вешинтелис); в Каунасском — Марфа Изотовна Ярова (Ванджэгала); в Кельмеском — Марья Никитьевна и Петр Иванович Митревы (Покупеляй). Благодаря памяти и творческой одаренности этих людей, традиционному складу их мышления и сохранилось до наших дней бесценное духовное наследие предков.

Предлагаемый вниманию читателей сборник не претендует на роль антологии фольклора русских старожилов Литвы. Стремление охватить всю русскую диаспору, все жанры народного творчества привело бы к значительному расширению объема книги. К тому же издания такого рода уже неоднократно предпринимались. Н. К. Митропольская подготовила к печати самый богатый по материалу раздел книги «Фольклор русского населения Прибалтики» (Москва, 1976), сборник «Русский фольклор в Литве», в который вошло около 600 текстов (Вильнюс, 1975), а также подборки произведений разных жанров, опубликованные в «Ученых записках вузов Литвы». Автор этих строк использовал антологический принцип отбора фольклорных текстов при подготовке хрестоматии «Живое слово» (Вильнюс, 1999). Отдельной книгой вышли избранные пословицы из собрания Е. И. Колесниковой («Русские пословицы Литвы», Вильнюс, 1992).

Мы поставили перед собой более узкую задачу — представить наименее изученную, обойденную вниманием исследователей часть фольклорного наследия старообрядческой общины. Предпочтение отдавалось тем жанрам, которые отражают религиозное сознание и мифологические представления исполнителей, характеризуют важнейшие особенности духовной культуры староверов, их менталитета и жизненного уклада, издавна ориентированного на традицию. За рамками издания осталось все, что напрямую не связано с народной бытовой магией (сказки, исторические предания, некоторые легенды, произведения песенных жанров, частушки, большинство пословиц и поговорок, загадок, детский фольклор). При отборе материала для книги мы руководствовались также стремлением по мере возможности ликвидировать «белые пятна» в представлениях читателей о слагаемых и современном состоянии фольклорной традиции, ввести в научный оборот неопубликованные записи, не фиксировавшиеся ранее в Литве сюжеты и их версии. Значительная часть текстов печатается впервые.

подавляющее большинство публикуемых текстов — магнитофонные записи, расшифрованные составителем сборника. Варианты, записанные вручную, отмечены в примечаниях. При подготовке к печати полевые материалы практически не подверглись редактированию. Сохранены все лексические, словообразовательные, синтаксические, морфологические и большинство фонетических особенностей местных говоров, отмечены ненормативные ударения. Сняты лишь некоторые фонетические аномалии, затрудняющие восприятие текстов (сильное «яканье», «г» фрикативное в словах

«Бох», «Бохородица» и т. п.), а также незакономерные отклонения от норм диалектного произношения, связанные с нечеткой дикцией отдельных исполнителей. В текстах сделаны незначительные купюры, все они отмечены знаком «<...>».

Комментарии исполнителей даются в круглых скобках обычным шрифтом, а вопросы и пояснения собирателей — в квадратных скобках курсивом. Сведения об исполнителях и собирателях, о месте и времени записи, о первой публикации того или иного текста, вспомогательные указатели помещены в конце книги.

1. ХРИСТОС. БОГОРОДИЦА. КРЕСТНАЯ СИЛА

Как отмечалось выше, в традиционной культуре старообрядцев Литвы важную роль играет христианская книжность. Большинство народных легенд и сказаний на религиозные темы генетически связано с ветхозаветными, евангельскими и апокрифическими сюжетами; в них действуют Христос, Богородица, наиболее популярные в Древней Руси святые и подвижники церкви. Иногда встречаются библейские топонимы, а описываемые события, как правило, этнесены к далекому прошлому — во всяком случае, отделены от современности неким временным барьером. Однако этот библейский мир, формально замкнутый в «своем» времени и пространстве, незримыми нитями связан с нашим миром, с днем сегодняшним. Там — начало всех начал, там пытливая мысль народных рассказчиков ищет разгадку тайн мироздания, истоки христианского вероучения и его нравственных постулатов. Не случайно многие сюжеты осложняются этиологическими мотивами, объясняющими окружающий нас мир; звучит в них и тревога по поводу падения нравов и надвигающегося «конца света». В этом плане легенды и примыкающие к ним сказания о взаимоотношениях людей с небесными силами (см. также следующий раздел книги) сопоставимы со знаменитым духовным стихом «Голубиная книга». Они являются важным элементом народного православия, народного миропонимания в целом.

В Литве записаны десятки произведений на религиозные темы, зафиксировано и письменное их бытование. Чаще всего переписывали большие по объему тексты, которые трудно запомнить во всех подробностях. Их копии переходили от поколения к поколению, передавались из одной деревни в другую. Так, в материалах шляуляйской экспедиции Вильнюсского университета (1975 г.) мы обнаружили 12 произведений агиографического жанра. Это — жизнеописания святых, изобилующие церковнославянскими оборотами речи и нарративными стереотипами, характерными для старокнижного стиля. Некоторые тексты названы «Житиями», но чаще встречается другое жанровое определение: «Страдания святого мученика» (далее — имярек). Повествование в них ведется в размеренно-неторопливом эпическом стиле, с использованием развернутых повторений и устойчивых формул; в самом пространном тексте насчитывается 9 страниц.

Устное бытование таких произведений практически исключено — вероятнее всего, студенты-практиканты скопировали их с рукописных оригиналов, хранившихся у Клементия Семеновича Минкевича.

Марья Федоровна Рябченко из Дукштаса (Игналинский район) подарила нам «Сон Богородицы» — текст явно книжного происхождения, занимающий более 20 страниц. После традиционного «Аминя» следует любопытная приписка: «*А стиха конец Богородицкого сна. Сей сон переписана 1910 года III [т. е. 3-го числа], мисяца декабря*». Далее, видимо, указываются «выходные данные» прототекста, к которому восходит рукопись 1910 года: «*переписано в Петербурхе 28 марта 1906 года*». Этот «стих» Рябченко когда-то получила в подарок от местной старушки, сняла с него несколько копий и все, кроме одной, раздала землякам. К ответственной и трудоемкой работе по переписыванию полууставом церковнославянского текста она привлекла и своего восьмилетнего внука.

Произведения такого рода не имеют прямого отношения к устной фольклорной традиции, поэтому мы не включили их в этот сборник. Но и среди публикуемых текстов немало сказаний и легенд, связь которых со средневековой книжной и рукописной культурой не вызывает сомнений. Это — рассказы о Христе, Богородице, ангелах и святых; о творимых ими чудесах, о посрамлении неверующих. Христос демонстрирует свое могущество женщине, усомнившейся в правоте его вероучения. Богородица помогает выжить после тяжелой операции, а потом настаивает на выполнении данного большим обета. Никола-чудотворец иносказательно сообщает женщине о ранении ее мужа, укрощает штормящее море или спасает «недовярка», заставляя его пожалеть о своих язвительных насмешках над святым.

Иногда христианские персонажи остаются «за кадром», но именно их вмешательством объясняются сверхъестественные явления. «*Бог им показал чудо, силу свою*» — таков лейтмотив целого ряда сказаний. Съеденная курица ожила, запела и «*положила яичко красное на столе*», что стало самым веским аргументом в споре христианина с неверующим. Чей-то голос разбудил женщину, проспавшую пасхальное богослужение в церкви; ей послышалось ангельское пение.

В процессе длительного устного бытования эти произведения фольклоризировались, подверглись значительным изменениям, что неизбежно приводило к появлению внутренних противоречий и хронологическим неувязкам. Ветхозаветные истории, насыщенные этиологическими мотивами, нередко переносятся в евангельскую эпоху. Вот как наши рассказчики объясняли, почему угря можно есть,

хотя он похож на змею. Во время плавания Христа по морю «угорич» заткнул своим хвостом дыру, которую «кто-то проточил» в корабле. В апокрифическом сюжете этот мотив связан с плаванием праведника Ноя по волнам всемирного потопа. Аналогичным образом мотивируются особые магические возможности петуха, крика которого боится нечистая сила. Когда евреи у могилы Христа ели жареного петуха и рыбу, один из них усомнился в возможности воскресения сына Божьего, заявив, что скорее наполовину съеденная рыба взмахнет хвостом, а петух вскочит и запоет. Именно такое чудо и свершилось. «*Зато [потому] <...> беси его [петуха] и боятся, что он воскрес*». В легенде о Лоте и его жене сохранены основные сюжетобразующие мотивы библейского сказания, но повествование переведено в бытовой план. Отсутствуют имена собственные; проступок героини, нарушившей запрет ангела не оглядываться, мотивируется «бабьим» любопытством; она окаменела, а не превратилась в соляной столп. Изменен и финал рассказа — дочери Лота вышли замуж и т.д.

Особый интерес представляет оригинальный текст, записанный в Рагуве от Ирины Шварцовой, не укладывающийся в привычные рамки какого-либо жанра народной несказочной прозы. В нем переплетаются элементы христианских легенд, исторических преданий и мифологических сказаний; светская образованность и начитанность исполнительницы также наложили определенный отпечаток на его содержание. Текст сложен по составу: рассказ о подвигах Георгия, за которые он был причислен к лику святых, дополняется рассуждениями о нравственном разложении современного общества и неминуемой каре за грехи.

Ключевой эпизод — победа Георгия над змеем (исполнительница именуется его «*динозавром*») — восходит к легендам и духовным стихам. Георгий Победоносец — один из самых почитаемых на Руси святых, покровитель земледельцев и скотоводов; ему посвящено два «*годовых*» праздника — 23 апреля и 26 ноября по старому стилю; его имя фигурирует в легендах и духовных стихах («*Муки Егория*» и «*Егорий и змей*»), в календарных обрядовых песнях и поговорах. В старообрядческой среде Георгий не столь популярен. В записях из Литвы он упоминается лишь в связи с первым, ритуальным выгоном скота в поле; не найдены в Литве и духовные стихи об этом христианском подвижнике. В полном соответствии с официальной церковной и светской традицией И. Шварцова последовательно называет святого «*Георгием Победоносцем*» и даже склонна мотивировать происхождение эпитета его победой над чудовищем («*Так он стал Георгием Победоносцем*»). В народной традиции доминируют другие формы

имени: «Егор», «Егорий Храбрый», «Егорий», «Юрий»; две последние неоднократно фиксировались в Литве, в том числе и в старообрядческой среде. Все это наводит на мысль о возможном книжном первоисточнике публикуемого текста.

Традиционный сюжет подвергся серьезной трансформации; в нем обнаруживаются очевидные анахронизмы, несогласованность отдельных элементов текста. События, происходившие на Ближнем Востоке в конце III — начале IV веков, приурочены к городу Двинску (Даугавпилсу), который трактуется здесь как своеобразная столица старообрядцев Прибалтики (там «шесть церквей есть наших»). Реальный Двинск одновременно оказывается и столицей какого-то древнего царства. В народных легендах и духовных стихах — это «царство Рахлинское», на жителей которого Бог насыляет змея в наказание за их вероотступничество. Шварцова вскользь упоминает детей, приносимых в жертву чудовищу, но на первый план выдвигается другой мотив. «Динозавр» угрожает перекрыть течение Двины, а потом «затопит весь город». Подобные действия дракона не характерны для фольклора восточных славян, а в сказаниях южных славян и народов Востока чудовище перекрывает реку, чтобы оставить людей без воды. Но благодаря этим новациям мотив потопа становится в данном тексте сквозным, объединяя первую его часть с финальной — с эсхатологическими картинками конца света. А поскольку неизбежно возникают ассоциации с библейским сказанием о всемирном потопе, в варианте И. Шварцовой просматривается идея цикличности в истории человечества: всемирный потоп осознается как своеобразный «инструмент» для периодического очищения земли от грешников.

Конец света ассоциируется не только с всемирным потопом, но и с огненной стихией (аналогичные мотивы есть в восьмой главе «Откровения Иоанна Богослова»). Апокалиптическая картина столкновения грешной земли с огромной звездой («больше мильён, тысящ раз за землю»), видимо, навеяна образом «звезды Полюнь» из того же «Откровения Иоанна Богослова». Но если в евангельском тексте предсказывается, что роковая звезда отравит (сделает горькой) «третью часть вод и источники вод», что послужит причиной гибели людей, то в фольклорном варианте изображается грандиозная космическая катастрофа. Современные естественнонаучные знания снова вторгаются в христианскую мифологию (ср. упоминание «динозавра», потоп «до Ленинграда и Лондона»). Текст, восходящий к разнообразным книжным и устным источникам, «впитавший» в себя традиции разных фольклорных жанров, связывает воедино библейские

времена, первые века христианства, недавнее прошлое и близкое будущее.

1. ...Ишёл Христос и встретил женщину. Говорит, вучит: «Так, так надо праведно делать...» А она: «Ай, это не праведно, <...> ты токо говоришь. <...> Вот, если праведно говоришь, угадай, что у меня естя в этой... в корзинке». А она несла яички, бабка эта. А он говорит: «А там в тебя свинья и с поросяткам». Она открыла корзинку — а там свинья и с поросяткам. <...> Это была еврейка. И вот теперь <...> эти евреи свиньи не едút, нельзя им жисть...

2. ...Идёт Исус Христос, как по земле ходил. Раньше люди знали, когда умрут. Человек с соломы городит забор. «Что же ты, человек, делаешь?» — «Ай, за [через] двенадцать дней всё равно умирать, на мой век хватит». Что-нибудь он делает не так, ему говорят: «Строишь, как не себе». А он: «А я и строю не себе». <...> И с этого времени Бог [сделал так], чтобы человек не знал, когда он умрёт; чтобы работал, как для себя, всё время.

3. [А почему вся нечистая сила петуха боится?]

...Петух с Богом как... Вот, расскажу.

Когда Христа распяли и похоронили его, пришли жиды разговляться. Это в двенадцать часов, зато с двенадцати... Стали разговляться, петуха [есть]. Говорит. «Как этому петуху не встать, не запеть, и егой рыбы — и рыбы вже половина съедена — так и рыбы этой не заплескотать, так и Христу не встать, не воскреснуть». А тут петух крыльям «лоп-лоп-лоп!» — «Кири-ку-ку!» И рыба захлопала. <...> Пету́н — вот. Зато [потому] что запел, вот, ён в двенадцать часов и поёт. И вот, беси его и боятся; что он воскрес...

4. [А какого цвета яички должны быть на Пасху?]

Яйцо красное всё время. <...> Кто это так придумал, почему оно должно быть красное, яичко?

Вот, вы неверующие, допустим. И я, значит. И заспорились они, между собой. <...> Один говорит правду, а другой: «Я не верю, не может быть». Вот, <...> ели эту курицу; <...> уже она скушана была, токо кости одни оставши. Она, значит, откуда не бывши... — але откуда <...> сила Божья! — запела, как петух, и им положила яичко красное на столе. Который спорился: <...> «Христос воскрес!» А етот повторяет: «Воистину воскрес!» И перекрестилися крестом, что <...> наш спор неправильный. А вот, значит, Бог им показал чудо, силу свою...

5. Угóрич — это рыба такая, наподобие гадюки, а жисть его можно. Вот как было. Иус Христос ехал по морю, и проточил там кто-то в корабле дырку. А угóрич хвостом прикрыл. Так вот почему его можно жисть, хоть он, как гадюка.

6. А я была заболевши, так так... Я не знаю, сколько я лежала. <...> Так ляжу, и Господь говорит: «Ангелы, ангелы! Несите скорей живой воды, её надо оживить!» И вот, помню даже, какую воду пила... Два раза ангелы приносили воду, а Господь сам мне давал воды. Ну, вода не такая, как наша, <...> а такая — вроде кислотатая...

И вот видите, я два раза парализованная; вот, и работаю, и хожу, и живу. Вот Господняя вода какая крепкая! Так теперь я так верю Богу, что я вже била на тым свете... И токо спросили в мене, как в нас, как «Христос воскрес» уже надо петь: «Мáти, мáти, чего тебе дати?» Так вот в меня даже спрашивали: «Что тебе дать — злата, серебра?» А я говорю: «Не злата, не серебра; мне дайте дар церковный». А потом: «А ещё?» А я только им ответила: «Ежли можно — то мои песни...»

И вот, осталась жить; живу, детки мои...

7. Вот, я видела, как сегодня. Это было в этом месте вот, на улице. И вот так она невысока, как икона, Богородица передо мной вот так висит. <...> Это недавно, лет двадцать прошло, как

я Богородицу сняла. <...> На закат солнушка, вот так. <...> И так она на меня смотрит, а я на янѹ. И стала плакать, говорю: «Пресвятая Богородица, или ты с хорошим, или ты с дурным ко мне?» Ничего не ответила и так пропала.

[А двигалась или нет?]

Вот так вот, как быдто бы как живая, как вот будто она зыблется. Але на въздуху, на въздуху.

[А руки не двигались?]

Не-не! Вот, икона, просто икона; Богородицу сняла. И так к этому боку так на меня глядит, а так на закат солнушка как. И глядит она на меня, а я плачу: «Пресвятая Богородица! — я говорю. — Или с хорошим ко мне, или ты с дурным ко мне?»

[А после этого ничего не случилось?]

Ну вот, плохое. <...> Вот, в меня сын уже и ножик вытянул, уже хотел зарезать: «Дай мне денег...» <...> Как вот, быдто меня Богородица спасает.

8. ...Нужно было операция... Вот, мне во сне, значит, Богородица вышла с глубокого колодца. Вода, колодец глубокий; а цвет-тов несёт — полный букет она. И сына на руках несёт, значит, с этого колодца. И говорит <...> мне: «Что обещала, отдай в церковь!» <...> «А-а, — думаю, — я обещала всем святым свѣщи поставить, скоко есть» [святых]. Сто свещей <...> — вы поймите, какая сумма! <...> Ну, и думаю: «Надо отдать половину». <...> Отдала половину; значит, думаю, как мне тяжело вторую половину отдать. Она мне опять: «Что, говорит, обещала, то отдай!» Второй раз, во сне. Думаю, что тут за сила такая, что мне во сне так она как правду реже и всё. А я обещала.

[Никто не знает?]

Нихто. <...> А я-то служу по мёртвым, всё; зарабатываю рубли какие. Заработала я, помню, немало <...> и говорю, значит, наставнику: «Вот, что я заработала, то <...> я не возьму эти деньги, а пусть будут тут. <...> Свещей последних мне, говорю, отчитайте, и пусть в молебной это будет всё». <...> Потом она [Богородица] мне и говорит: «Ну, тепери-ка <...> тебе всё исполнится благополучно». <...> Мне операция бѣла, я ж не знаю, буду я живая или нет. «До девяноста лет будешь жить!» Так вот, теперь семьдесят второй год, <...> не знаю, ещё восемнадцать лет буду я жить или нет?

9. Был город, а в городе были, ну, в общем, все грешные. А один человек, семья... были, ну, такие, хорошие — Богу молились, и верующие были. А Богу надо этих людей наказать, которые грешат много. Так он пришёл, уже ангел, и говорит: «Слушай, ты уходи с этого города..., входи. Бери свою семью и входи с этого города». А он говорит: «А чего?» — «Ну, вот, — говорит, — так надо... Вот, такого-то дня чтоб ты ушёл бы. Но когда вы пойдёте — (в его было две дочки, жена и он) — когда вы пойдёте; идите и не оглядывайтесь назад. Идите прямо и идите...»

Вот, оны..., этот день пришёл, и вышли с этого города, идут. Муж хорошо идёт, дочки хорошо, а как баба, женщина — хочет посмотреть, что там дёется. Он говорит: «Не смотри, нельзя смотреть; приказано — нельзя». А она: «Нет, я оглянуся...» Она оглянулась — а там провалился город. И она сделалась камнем, что она не послушалась. А он со своими дочерьями пошёл в другой город и стали жить. Дочки замуж вышли, стали опять семью наживать...

10. ...Один раз, не так давно, сплю. Паска была, праздник. Сплю, а кто-то мне рассказывает: «Ты спишь? А в моленной Богу молются, поют». Я проснулась — уже видно; а мне почудилось — ангелы поют. Уже люди отмолились, ангелы поют. <...> Я голосу не слыхала, меня просто побудил кто-то.

11. Никола-чудотворец, он чудеса сотворял. <...> В мёрях, в бурях корабль топится там..., и он тут плывёт, в этом корабле. «Ну, дедушка, как тут быть? Тонем!» — «Ничего, не потонем. Я переговорю, помолюсь — и будем мы спасены». Он только пошёл в комнату (в корабле там есть комната), помолился, поплакал — и буря стала утихать. <...> Приходят к дедушке: «Дедушка, ты знаменитый, волхвует!» [*«Волхвитами», «волховитами» русские старообрядцы Литвы называют самых искусных чародеев .*]

12. ...А про Миколу расскажу, как это было в самом деле. Было мне лет шестнадцать, наверное, или семнадцать. <...> Поехали мы на мельницу. Осень, тёмно; это дело было, может, в октябре или в ноябре. И вот, воз — с колхоза лошадь достали, положили много мешков. <...> И вот, очередь! И пока мы смололи, пошёл гололёд. А наша кобылка некованная. <...> И как там с мельницы надо было вот так вот в горúшку подняться и чтоб свернуть, ехать. Ну, и папка говорит: «Ну, доченька, Бог ведаёт, как мы доедем до дому. Если Бог, Господь Бог нам поможет, так мы доедем...»

Ну и вот, выехали мы на дорогу, и он мне говорит: «Молись Богу, говори “Богородицу”». <...> И всю дорогу я проговорила «Богородицу». <...> Я токо иду сзади за лошадью и говорю. <...> А папа кирúет [правит]. И тоже скользко! И вот, там горка, под горку приехали — такая «Лакáй». <...> И говорит: «Доченька, если мы подыдемся в ету гору, проедем — значит, считай, что мы дома». А токо папа говорит: «Пресвятой Никола-батюшка! Помогй нам, приставь помошь». Я не помню, как мы очутились на той горе. Не помню... Токо папа говорит: «Манютка, ты тут?» Я говорю: «Тут вот». — «Ну, слава Богу...» <...> Вздохнули. Говорит: «Вот, Манютка, еще говорят, что нету Бога». А значит, Никола нам помог. <...>

И тогда пока папа был жив и ходила в моленную; хотя не Никола праздник — любой там, Петро... Когда бы я ни приехала в моленную, всегда для Миколы свещú. «Доченька, поставь свещú для Миколы. <...> Пока будешь жéва, ставь Миколы свещú...»

13. Есть такие легенды, которые... оне превращались в правду. Как один, ну, такой недова́рок был, короче говоря. Он Богу верил и не верил. И, значит, по воды кораблём куда-то он ехал. И вот он, что-то такое в разговоре, и оскорбил святого Николу: «Ай, говорит, этот смердóвич такой Никола. <...> Его тут называют спаситель! Он, говорит, <...> мало что знал и понимал и просто такие оглáски пускал». Ну, такой, знаешь, богохульник; как называли раньше — «богохульники».

Ну и, говорит, проехали там много миль, этот <...> корáбель попортился, не доезжая до берега, и начинают тонуть. Люди все там в крик, которые там на лодки, которые как. А тут яму вже

места нет. <...> Он, значит, выскочил с этого корабля в воду и начинает тонуть. <...> И тогда вспомнил: «Ага... Я же Николу-святителю оскорбил, как я его назвал». И давай его просить. <...> «Никола-свяtitель, спаси меня! — говорит. — Я, говорит, оскорбил тебя. Больше не буду, пока жить буду...» — всё такое. И смотрит — бежит человек, говорит, в красной одежде, бежит по воде, яко по суку. Подбегает к нему, берёт его за руку. «Чего ж это ты, говорит, такой тяжёлый? Тонешь, в воду, говорит, падаешь. Ты <...> иди так, как и я. <...> Не бойся, смело, смело», — говорит. Он так сделал, что он поднялся по воде. Потом он ему и говорит: «А не смердóвича ли ты случайно призываешь?» <...> А он [Никола] не обратил на это внимание и не принял зло, что он его оскорбил.

14. Лежу в двенадцать часов дня в саду, на небе дорога открылась. На одну сторону неба, на другую; посередине белая-белая дорога идёт. Идёт старичок издалека, и так поёт, и так поёт; святое поёт. А я быдто гляжу, гляжу на него, а он говорит: «А что ж ты на меня глядишь? Мне, говорит, от тебя ничего, ничего не надо. Мне, говорит, от твоего мужика только один стакан крови. Один, один стакан крови. Знаешь, кто я?» Я говорю: «Нет». — «Я, говорит, Микола есть. А больше, говорит, мне ничего, ничего не надо». И быдто пошёл, пошёл. Через четыре дня из Германии старик письмо присылает: «Я раненый, в больнице лежу. Мне будут ногу отнимать».

15. ...Георгий Победоносец <...> он стал святым. Раньше, когда были динозавры, какие там все — мама рассказывала ище, тоже ей кто-то рассказывал. Двина вот эта была, Двинск. В Двинске очень много — шесть даже церквей есть наших, вот. Там Двина была, там в Двины какой-то — ну, этот...; динозавры, наверно, по воде ходили. И вот он поднялся, и всё — ему несли, значит, в жертву ребёнка. И когда уже пришло <...> — всех детей отдали, сожрал он — а пришло, уже надо какой-то там... царицы какой-то, может, что там уже не было кого [отдавать динозавру]. А то ён может, значит, затопить весь город; поднимался навповысь, будто как там было.

Тогда, значит, Георгий — ну, звать Георгий было — ну вот, он стал победоносцем. Он сделал какое-то копье и убил этого динозавра вот, в воде. Так он стал Георгий Победоносец. Вот и стали ему молиться.

[*Это в Двинске?*]

Ну... В Двине. <...> И он, значит, такой большой был, что, мол, поднимался, что запрудивал эту реку.

[*Это динозавр?*]

Ну, наверно, что-то такое было в воде. Ну, раньше-то были всякие... Это скоко лет назад... <...>

Все святые, все святые. Ну, счас вот ксендзов делают святыми, много там можно... Все грешные, кто землю топчет, все грешные, все до единого! Святых нет. <...> Мы веруем Иисусу Христу, а делаем все наоборот. Ведь всё делает народ наоборот! Как мóжет [Бог] терпеть? Вот, говорят, что затопит Литву до Ленинграда. И будет так, затопит! А потоп будет; <...> бабушка мне так и говорила, что и Лондон затопит; <...> до Лондона вода дойдет, всё будет. <...> А в двухтысячном первом году может что-то быть, катастрофа какая. И говорит так ищѐ: <...> огнѐм будет, не водой уничтожит народ. <...> Будет огнѐм и, значит, останутся редко-редко. Будут завидовать живые мертвым, что мы их похоронили, а нас будут, может, трупы валяться — не будет кому подобрать. Вот так говорила мне бабушка. И, значит, еще она рассказывала, что будут человек от человека за семь километров больше [жить]. Будут — следы найдут и будут идти следом, чтоб встретиться. И будут обниматься, целоваться — и будет родни́, больше не будет, как [они]... А сейчас вот, перед этим — вот, сейчас идет это время — что и мать, и сын, и все вот — прямо убить человека, как муху, [готовы]. А потом будут ценить вот так вот; и будут спрашивать: «Как ты остался?», «Как ты остался жив?» Вот, будет время. И что с семи городов будут люди приходить в один город [жить]. Будет тогда хорошо жить, говорит, только не очень долго будет. Какая-то звезда падать будет; упадет эта звезда — и больше мильѐн, тысяч раз за землю — она расшибѐт всю. Наверно, грешная земля...

места нет. <...> Он, значит, выскочил с этого корабля в воду и начинает тонуть. <...> И тогда вспомнил: «Ага... Я же Николу-святого оскорбил, как я его назвал». И давай его просить. <...> «Никола-святой, спаси меня! — говорит. — Я, говорит, оскорбил тебя. Больше не буду, пока жить буду...» — всё такое. И смотрит — бежит человек, говорит, в красной одежде, бежит по воде, яко по суку. Подбегает к нему, берёт его за руку. «Чего ж это ты, говорит, такой тяжёлый? Тонешь, в воду, говорит, падаешь. Ты <...> иди так, как и я. <...> Не бойся, смело, смело», — говорит. Он так сделал, что он поднялся по воде. Потом он ему и говорит: «А не смердовича ли ты случайно призываешь?» <...> А он [Никола] не обратил на это внимание и не принял зл, что он его оскорбил.

14. Лежу в двенадцать часов дня в саду, на небе дорога открылася. На одну сторону неба, на другую; посередине белая-белая дорога идёт. Идёт старичок издалека, и так поёт, и так поёт; святое поёт. А я быдто гляжу, гляжу на него, а он говорит: «А что ж ты на меня глядишь? Мне, говорит, от тебя ничего, ничего не надо. Мне, говорит, от твоего мужика только один стакан крови. Один, один стакан крови. Знаешь, кто я?» Я говорю: «Нет». — «Я, говорит, Микола есть. А больше, говорит, мне ничего, ничего не надо». И быдто пошёл, пошёл. Через четыре дня из Германии старик письмо присылает: «Я раненый, в больнице лежу. Мне будут ногу отнимать».

15. ...Георгий Победоносец <...> он стал святым. Раньше, когда были динозавры, какие там все — мама рассказывала ище, тоже ей кто-то рассказывал. Двина вот эта была, Двинск. В Двинске очень много — шесть даже церквей есть наших, вот. Там Двина была, там в Двины какой-то — ну, этот...; динозавры, наверно, по воде ходили. И вот он поднялся, и всё — ему несли, значит, в жертву ребёнка. И когда уже пришло <...> — всех детей отдали, сожрал он — а пришло, уже надо какой-то там... царицы какой-то, может, что там уже не было кого [отдавать динозавру]. А то ён может, значит, затопить весь город; поднимался навповысь, будто как там было.

Тогда, значит, Георгий — ну, звать Георгий было — ну вот, он стал победоносцем. Он сделал какое-то копьё и убил этого динозавра вот, в воде. Так он стал Георгий Победоносец. Вот и стали ему молиться.

[*Это в Двинске?*]

Ну... В Двине. <...> И он, значит, такой большой был, что, мол, поднимался, что запрудивал эту реку.

[*Это динозавр?*]

Ну, наверно, что-то такое было в воде. Ну, раньше-то были всякие... Это скоко лет назад... <...>

Все святые, все святые. Ну, счас вот ксендзов делают святыми, много там можно... Все грешные, кто землю топчет, все грешные, все до единого! Святых нет. <...> Мы веруем Иисусу Христу, а делаем все наоборот. Ведь всё делает народ наоборот! Как мѳжет [Бог] терпеть? Вот, говорят, что затопит Литву до Ленинграда. И будет так, затопит! А потоп будет; <...> бабушка мне так и говорила, что и Лондон затопит; <...> до Лондона вода дойдет, всё будет. <...> А в двухтысячном первом году может что-то быть, катастрофа какая. И говорит так ищѳ: <...> огнѳм будет, не водой уничтожит народ. <...> Будет огнѳм и, значит, останутся редко-редко. Будут завидовать живые мертвым, что мы их похоронили, а нас будут, может, трупы валяться — не будет кому подобрать. Вот так говорила мне бабушка. И, значит, еще она рассказывала, что будут человек от человека за семь километров больше [жить]. Будут — следы найдут и будут идти следом, чтоб встретиться. И будут обниматься, целоваться — и будет роднѳ, большей не будет, как [они]... А сейчас вот, перед этим — вот, сейчас идет это время — что и мать, и сын, и все вот — прямо убить человека, как муху, [готовы]. А потом будут ценить вот так вот; и будут спрашивать: «Как ты остался?», «Как ты остался жив?» Вот, будет время. И что с семи городов будут люди приходиться в один город [жить]. Будет тогда хорошо жить, говорит, только не очень долго будет. Какая-то звезда падать будет; упадет эта звезда — и больше мильѳн, тысяч раз за землю — она расшибит всю. Наверно, грешная земля...

16. Вот, Пасха, Пасха начинается. И дают бесу, говорят, цепь — большая цепь. И он эту цепь лижет и лижет до другой Пасхи. Если он успеет янү перелизать, значит, будет конец свету. А когда «Христа» запоят [в церкви], ему новую цепь дают, это му бесу. Уже он тогда упадёт и ляжит. И опять снова грызть, другой год дожидает...

17. Народился этот..., как говорили, Антихрист. Вот это слышала. А этой Антихрист с лысинкой. И ён, вот, говорит, так даст жízню людям, что будут золото вáжить, во...; будут жить, как в царствии. А после, говорит, так сделае — развалится весь свет. И етот лысýй, говорит, меченýй человек. <...> Люди будут, как говорится: «Дай хлеба! Дай хлеба!» — и ён пропадёт... Это я помню, как сегодня. И тридцать лет поцарствует народ. А вот и на наших глазах, этот, как его... [Горбачев?] ...во-во!..

18. ...Ну его, так вот говорили, что Илья <...> на колесницы <...> едет. Он кнутом там стебáл — это когда мóлонья мигает. Так это уж все говорят; и давнэй, и сечас говорят. Илья едет по небу на колесницы, а эта мóлонья — так [это он] кнутом стебáет.

19. [Почему от молнии огонь такой особенный, что его нельзя водой тушить?]

Я слышала так. Когда Господь прогневался на лукавого, он говорит: «Я тебя убью, стрелюю Ильинóю». А он говорит, что я в человека спрячусь, и ты меня не убьёшь, ты очень человека любишь. На Бога. А он говорит: «Душу его к себе заберу, а тебя и в человеке убью».

Вот, мы всё обсуждали, что громом убивает человека — это грешный очень уже. А это, оказывается, тайна Божия — кто грешный, кто праведный. <...> Самое главное — не эта жизнь, а жизнь загробная.

20. Демон спорился с Ильёй. Он говорит: «Я человека убью». Он [Илья] говорит: «Ну и что? Ты в человека войдёшь, мы, говорит, человека убьём, человек пойдёт в рай, в своё место, а тебя убьём». Вот. И много таких, значит. «Я, там, к скотины подойду, к скоту». — «Ну что, скот погибнет, и ты погибнешь». Всё равно погибает, демона убивает он. Потом демон говорит: «Ну, я, говорит, семь сажень в болото влезу, в самую глубину». Тогда Илья ему говорит: «Ну, тебе там и аминь. Тебя никто там трогать не будет, и ты там пропадёшь...» Вот, он прячется всё, и вот, эта погоня за им.

21. Без Бога — ни до порога, а с Богом — хоть за море.

22. Живи не ложью — всё будет по-Божьи.

23. Бог любит человека и любя, и грубя.

24. Бог — не Яшка, видит, кому тяжко.

25. Бог — не теля, видит крутеля.

26. Бог — не батька, за бороду не возьмёшь.

27. [Загадка] Крякнула утка, за морем чётко: «Собирайтесь, детки, к деревянной матке!» (Колокольный звон, церковь.)

28. [Загадка] Летит зверёк через Божий домик; летит, говорит: «Моя сила горит!» (Пчела, церковь, восковая свеча.)

29. Илья даст гнилья. Праздник Илья; даст гнилья, говорят. До праздника <...> убирайте сено. Ну, Илья — и льёт дождь очень.

30. Этот глухой был, которого Илья всё посылал, куда надо его... Говорит: «Иди, туда лей, где пыль». А ён повернется, где был. Послышалось ему, что не «где пыль», а «где был» — опять туда идёт, поливает. [*Смеется.*] А то говорит: «Иди туда, где просят». А ён не слышит — и пойдёт туда, где сено косят. Вот, и дует тамы-ка, где сено косят. Вот Илья, грозный...

31. Он [*Илья-пророк*] был немножко глуховатый. <...> Ну, ему Бог говорит: «Илья, ты дай людям дождя, когда люди будут просить». А он <...> недослышал. «Да, — говорит, — я вас понял. Дам дождя тогда, когда будут косить». И вот, когда люди косят, тогда он и поливает.

2. ПРАВЕДНИКИ И ГРЕШНИКИ

В эту тематическую группу мы включили несколько легенд о праведниках и отшельниках, возгордившихся своей святостью или превратно истолковавших некоторые нормы христианской морали. Один монах возмутился, узнав, что плодами его трудов пользуется сосед — в результате выращенная им репа начала портиться. Герой другой легенды сокрушался, что потратил деньги на подаяние одному человеку, вместо того чтобы «осчастливить» многих. С помощью чудесного видения ангелы развеяли его сомнения (истовая молитва человека, получившего щедрую милостыню, перевесила множество «малых» подаяний). Прагматическая функция подобных произведений очевидна.

Дидактичны по своей направленности и мифологические сказания о богохульстве, надругательстве над христианскими символами, о нарушениях религиозного и бытового этикета, несоблюдении традиционных обрядов и обычаев. Главная функция этих произведений — утверждение и закрепление поведенческих стереотипов, так называемого старообрядческого «закона». От религиозных и мифологических поверий, запретов и примет (см. раздел 6) они отличаются тем, что не только постулируют и мотивируют, объясняют какие-то обрядовые действия и ограничения, но и на судьбах конкретных людей наглядно демонстрируют слушателям, к чему приводят отступления от традиционных «правил поведения». Такие сказания сюжетны, обычно «привязаны» к местным реалиям, именам близких родственников и соседей рассказчика; в некоторых текстах отразились актуальные для Литвы проблемы межконфессиональных отношений. У литовца-католика молнией загло сено и рожь, которые он убирал в день святого Ильи; у «русского» (так старообрядцы именуют себя и своих единоверцев) «*всё хорошо*», так как он в праздник не работал.

Этот запрет подкрепляется ссылками на авторитет Христа, описаниями небесной кары, неминуемо наступающей ослушников. «*Пусть там катится, и сено гниёт, <...> с неба звёзды падают в праздник — а никто никуда, не пошевелится <...> Потому что человек, когда работает в праздник, особенно дрова рубит, он распинает Христа. Вот, второе распятие Христово!*» В дни «годовых» христианских праздников, а часто и по воскресеньям не работали в поле, в лесу, в доме; не торговали на рынке; не пекли хлеб, старались не стирать

пеленки; даже в лес за орехами не ходили. Этот поведенческий стереотип распространялся и на заговаривание — разумеется, кроме экстренных случаев (остановить кровь, заговорить от змеиного укуса и т. п.). *«Нет пользы. И грех будет большой»*, — утверждают знатоки традиционного этикета. Единственное исключение из общего правила — разрешалось делать гробы; *«домовьё»*, *«дом вечный»* для умершего односельчанина изготовляли и по ночам. Грешно мыться в бане *«с огнём»*, то есть после захода солнца, особенно по воскресеньям — черти могут затащить человека *«за полок»* или *«на каменку»*. (*«А на праздник, главное. А если еще годовой, еще горше...»*; *«Попарился, — и на каменке сжарился»*.) На Благовещенье девушкам даже косу нельзя заплетать, а *«если птица гнездо совьёт — там все птенята подохнут»*. Нарушения этих запретов и для людей чреватые серьезными последствиями — Илья-пророк наказывает грешников внезапной смертью или пожарами, явившийся в виде немощного старца Николай-угодник *«оставил у женщины на руках копыта»*. Кара за непочтительное отношение к религиозным святыням может постигнуть человека и после смерти. Одна девушка в моленной перед иконами расчесывала волосы, как перед зеркалом. *«И вот, говорит, лежала в гробу, помёрши, и коло ей были такие большие червяки, гады были»*.

Эти представления получили естественное развитие и поэтическое оформление в рассказах о вероотступниках и нарушителях религиозно-бытового этикета. В одной из быличек утверждается, что все активисты советского строя, приложившие руку к разрушению сельской церкви, заболели и умерли. Перешедший в католичество мужчина не только отрекся от веры своих предков, но и демонстративно топтал старообрядческий крест. Его начали мучить угрызения совести (*«Я свою веру стоптал...»*), он быстро спился и в пьяном виде угодил под колеса поезда. По наущению отца дети утопили иконы — и вскоре *«оба они сдурнели»*; а их братья, отказавшиеся в этом участвовать, остались нормальными. Не ушел от наказания и сам инициатор этого богохульства — *«его убили при немце»*. Родственник рассказчика, издевавшийся над христианскими святынями, бросавший иконы в воду, разбил голову, когда после купания в бане нырнул в обыкновенную *«сáжалку»*. *«Скоко время пожил, почух — и умер. <...> Наказал Бог»*. Старообрядческий священник, не проявивший должного почтения к святому Егорию [*Георгию Победоносцу*], ослеп; суровому наказанию подверглись те, кто насмехался над Ильей-пророком.

Суд над грешниками и вероотступниками вершится на небесах, а *«приговоры»* приводятся в исполнение на земле. Нередко

проводниками Божьей воли изображаются безмянные старики, Николай-угодник, «святий Егорий». Но чаще всего «карательные функции» выполняет Илья-пророк. (Эта роль обычно отводится ему и в народных легендах — сюжет об охоте за дьяволом и чертями.) «Он очень ревнивый», — так образно охарактеризовал грозного Илью один из наших рассказчиков, подчеркивая его неподкупность и бескомпромиссность. («Микола милостивий» подчас удовлетворяется моральным уроком сомневающимся или «недовяркам».) Повелевающий громами и молниями Илья «строг, но справедлив». Во время страшной грозы он не тронул грешницу, так как рядом с ней по дороге шли ни в чем не повинные женщины. Но стоило ей остаться одной, не помогли и родные стены — грозовой разряд настиг ее в доме.

32. Бог послал умертвить женщину ангела. Ангел пришёл, а у женщины двое ребяток ползают по ней, она больная. Он подумал: «Как же это будет? Если matka помрёт, и дети погибнут без матки». И он не выполнил Бога приказ. <...> Бог засердился, что он так сделал, и взял его наказал, на землю спустил. И сказал: «Покуда будь на земли, покуда тебя кто назовёт ангелом. Тогда я тебя прощу». <...>

Он ходил, ходил и пришёл к ксендзу, и тот нанял его фўрманом ездить. Ну, и ксендз ему говорит: «Что я только скажу, мой приказ выполняй. И вот мы поедем к больному, значит, поедем мимо корчмы. Так ты быстро едь, быстро лошадей гони. А как поедем мимо церкви, тогда тихо едь». Ну, и едут они мимо корчмы — он тихонько едет, <...> а ему велено быстро ехать. А как едут мимо церкви — как пустил, как подогнал коней! Быстро-быстро проехал. Ну, и приехал уж там на споведь больного, ксендз и говорит: «Почему ты такой непослушный? Я тебе сказал: как коло корчмы ехать — быстро, а как коло церкви — помаленьку». — «А вот, как ехали коло корчмы, там сидят два человека, и они такие набóжные, и они такие разговоры вели очень интересные духовные, что было интересно послушать. Я и ехал помаленьку. А как ехал мимо церкви, там лежит уже покойник, значит. Просто чертей там так много собравшись, что я боялся, чтоб на шею не заскочили. Так я зато [потому] гнал».

Тогда ксендз сказал: «Так ты ангел!» Тогда он и пропал.

33. Такие бывают монахи, значит, живут. Ну, два старика жили, там уже в лесах, старички. Вот они сошлись, встретились по нечаянности в поле там где и разговаривают. «Чем ты питаешься?» — «Чем ты питаешься?» Этот говорит: «Я, как двенадцать часов, выхожу на речку, и по речке плывёт половина репки. Я эту репку словлю и кушаю, и обед это у меня». — «А я сею репу и, значит, одну половину сам скушаю в обед, а другую пускаю в речку».

Так этот шёл домой и думал: «Ага, я работаю, стараюсь, сею репу, а этот подбирает даром. Вот я не буду пускать эту репу». И он не стал пускать эту репу в реку. И как начала тогда в его репа эта гнить. Просто не успеваешь выбрасывать, гниёт. Тогда он обратно стал резать половину репы и пускать в реку, и тогда не стало гнить.

А он позавидовал, значит, что вот я работаю, сею, пускаю, а он моим питается. А как не пустил — у него вся погнила. Это вот Бог так делает — нельзя завидовать людям.

34. Как один, значит, богатый человек стал делить [*милостыню*]. И вот, значит, одному дал, другому. Потом дал двадцать пять, или скоко, рублей одному. Потом думает: «А, я плохо сделал. Мне надо было поменьше суммы всем разделить. Тогда было бы больше пользы». Сразу же яму явились весы, ангелы — он был верующим. «В чём же, говорит, ты возбуждаешься, сумлеваешься?» — «А вот, так и так», — говорит. «Нет, говорят, это неправда». Тут, значит, весы появляются, так кидает он, даёт там мелочи, там всё такое. «Ну вот, хорошо. А счас пускай, говорит, придёт этот человек, которому ты дал много». Он, говорит, как пришёл этот человек, как стал молиться от всего сердца. Может, там по рублю было набросано и больше, но этот когда стал ему благодарить: «Спаси, Господи!» (Это у нас как «Спаси, Господи!» — это большое дело. Вот...) Как только сказал эти слова, сразу весы «гиб!» — перевесили. «Вот, говорит, видишь, убеждённый?» И пошёл человек своей дорогой.

35. Когда громом ударит, <...> кого положено вбить, так и вбьёт. Когда шло три бабы в Рустейках, с ягод; и вот, оны шли все рядом. Гром гремит, и вдаряет, вдаряет — и не вбило ни одну. А когда она пришла одна в избу, села вот так, как и я, — и вбило...

36. Если человек сквернословит на божество, закон, пойдёт против Бога, его Бог наказывает. Наказывает болезнью, и даже бывают трагические случаи. Я не буду врать, это я точно сам знаю, потому что мне говорили. Даже с нашей фамилии — Сивóлов в Паскутишках был. И, значит, что? Евбóный зять был коммунист. Не верил Богу, иконы выбросил там, издевался. Иконы <...> в воду бросил, в какую-то сáжалку. Ага. <...> И вот, значит, в одно прекрасное время стали топить оне баню. А баня была коло сáжалки; сáжалка была коло бани выкопана, короче говоря. <...> А в этой сáжалке там разные железняги, разные там острые предметы, разные набросаны в эту сáжалку. Ну, знаете, когда слегка человек входил вот так вот — умыться там или чё-нибудь такое, не задевал эти там предметы, то ничего было. <...> А этот тесть ему и говорит: «Слушай, говорит, Иван! За это дело тебя, говорит, Бог накажет». Ага, хорошо... Вытопили они баню, и тесть мылся, и все они мылись. И вот, значит, после бани, распаривши: «Ай, говорит, надо окунуться в этой... в сáжалке!» Как прыгнул в эту сáжалку и попал на острый, какой там железный предмет, в голову... — и разбился. И скою время пожил, почáх — и умер. <...> Вот так, дорогой. Наказал Бог.

37. Было такое дело. Ещё он срóдня нам немножко, Быков такой. Он ходил-ходил <...> с такой...; она работала в одного богато-го — помещика, пана. И слюбился он с этой работницей; прислуга была, работала в то́го, богатыря [богача]. И после ён — жениться. И мать, и отец не хотели, ругали, гоняли. А он ушёл. И что — пошёл в костёл шлюб [свадебный венок] брать. А ксёндз спросил: «Крест в тебя есть?» — «Есть». — «Так сними его». Он снял. «Полбóжь на пол. Полбóжь и левой ногой наступи и три раза плюнь». <...> А после приехал к нам батюшка. А он был вышивши и говорит: «Папа, я очень грешный». — «Ну, как ты грешный?» —

«Так, что я свою веру стоптал», — говорит. Он стал говорить: «Ну, как мне искупить это всё?..» <...> А он и говорит: «Знаете что? Теперь ничего не сделаешь; поставь иконку, молись утром, вечером и проси Бога, може, простит...» Его поезд зарезал. А как зарезал — одны кусочки собрали токо. <...> Ишёл выпивши по железной дороге.

38. А. С.: А вот в нас случай был тоже, это факт. Моего папы родная сестра. И её муж был коммунист. И когда Совет зашёл, он заставил детей иконы взять и стянуть, втопить. Такая речка была. Вот, два мальчика не согласились, оны не тянули эты иконы. А девочка и мальчик, оны потянули, в сáжалку там, в такую речку, и втопили. И оба оны сдурнели.

А. Н.: Это наяву...

А. С.: Это вот мои родственники, мои двоюродный братик и сестричка. Так это уже точно. Вумные, хорошие были дети. Их Бог покарал, и оны оба стали дураками.

[А этому, кто все затеял?]

Отец; это отец их заставил. Его убили при немце... <...> Он был коммунист и, значит, называл не «Богю» — «малдóвки»; <...> ну, такая, я не знаю, что такое за званьё... [Видимо, от литовского слова «malda» — молитва]. «Несите малдóвки, в речку втопите, чтоб оны не сморбдели б тут». <...> А вторые дети хорошие. Вот, один токо недавно умер, а второй — уже порядочно умер когда... Такие происшествия были.

39. ...Мы Бога не видели; есть он, нет. Веруют... Тут говорят, что якобы девушка одна Богу не верила. И на Паску люди пошли Богу молиться, она пошла танцовать, перед Богом [т. е. перед иконой]. И танцевала — и на месте она пришкварилася, стояла. И стояла она три месяца, и никто её с места не мог стрбнуть. А потом как-то, к каким-то шептунам ходили, и яна, значит, ожила. А так, как... — живая, но как мёртвая; не говорила, остолбелела, как столб.

[А кто она была — русская?]

Нет, католичка.

[А перед Богом каким она?..]

Перед польским. <...>

[А это давно было?]

Ну, примерно, год двадцать.

40. Это моей матери бабушка говорила. Когда-то тамы-ка было, уже не знаю; как там было — правильно иль не... Пришла одна девчонка молодая и... Икона эта стояла, как это такие иконы стоят в окладе, большие; она, как всё равно зерькило. И она светится. Она подошла к этой к иконы и почесалася, себе волосы поправила на головы, эти кудри. И вот, говорит, лежала в гробу, помёрши, и коло ней были такие большие червяки, гады были... В моленной стояла и...

41. ...Благовещенье — перед нашей Паской бывает. И если вот в это Благовещенье, <...> возьмите себе в голову: если лягешь спать с мужем в этот день <...> и родится ребёнок, он будет инвалид, чистый инвалид будет. Если курочка яичко сделает в этот день — цыплёнок будет инвалид. А в этот день нельзя спать с мужем. Даже в этот праздник нельзя косу заплетать. И птица гнезда не вьёт. Если гнездо птица совьёт — там все птенята подохнут. Такой это праздник.

42. В нашем законе в праздник нельзя работать. Никакие работы! И написано в книге: «Аще кто из кристиан от субботнего вечера до расцветающего понедельника йметя в рукоделии — да и будет проклят. Трижды анафема». Такой человек проклиняется, законом проклиняется. Вот.

Кто в праздник работает, карает Господь. Господь говорит так: «За все, говорит, грехи человеку прощу, но за праздники накажу». Потому что человек, когда работает в праздник, особенно дрова рубит, он распинает Христа. Вот, второе распятие Христова, вот так...

43. [А в праздники работать...]

...Не работали. Да, не работали ни в воскресенье, ни на праздники; отдыхали... Нельзя. Не работали. Не работали — и всё было сработано! В другие дни работали; рано начинали и поздно кончали. <...>

В праздник в лес нельзя было ходить; за орехам. Мой дядя Алексей пошёл за орехам в лес — и ему и придвиделось: такая... сидит, говорит, женщина на пне; на пню сидит, и вот так волосам обвесивши и, говорит, зовёт меня, махает рукой. Так ён как пошёл с лесу, говорит, — и ушёл. А что там случилось б, если б он подошёл ба? А, може, что-нибудь могло и случиться? Вот...

44. Зимой на праздник святого Миколы полоскала женщина бельё. Подошёл к ней старичок и спрашивает: «Ты что делаешь, женщина?» — «Полощу». — «А ты знаешь, какой сегодня праздник?» — «Знаю». Старичок ушёл, ничего не сказал больше. Оставил у женщины на руках копыта.

45. На Илью не надо работать ничего, ничего. Вот, был случай. <...> Илья, и дождь подымается. Один мужчина, литовец, взял, скоренько убирает, убирает. Накошено было, рожь была на Илью накошена. А другой сосед, наш русский: <...> «Я, говорит, и завтра уберу». <...> Русский не убирает, а этот говорит: «Буду я смотреть. Я вот уберу, у меня будет сухое, а твоё спортится». И ён взял, свозил в сарай свою рожь; сено было в его, и рожь свозил. А русский: «Да я и завтра вберу, сегодня Илья, не буду». Вот, скоро время — поднялася буря, поднялся ветер; сарай евонный спалило, и рожь спалило, и сено спалило, всё. А в этого русского всё хорошо.

46. Это, помнишь — Натовченко, Гришка Натовченко в Илью рожь свёз. В Илью днём рожь возил, а вечером гром загредел, и в сарай молния — и сгорел.

2. Праведники и грешники

47. Так, один... праздничный день — а это был Илья. А он ремеслом занимался, плёл эты... лукошки. Ну, такие, знаете — раньше сеяли рожь там, ячмень — урожаем. И муку сеяли — такие лукошки были. Он наделал этых лукошков и нёс продавать. Встречает его какой-то там старик и говорит: «Иван, сегодня такой праздник — Илья, а ты, говорит, идёшь на базар, заработки. Ведь нельзя, говорит, праздник сегодня». А он ему и говорит: «Илья, говорит, моих детей кормить не будет». Шёл с этого базара, плохо стало, сел на кувёт — и нашли неживого...

48. Если вы начнёте в воскресенье работать — в понедельник вы пролежите; всю неделю будете лежать. А если <...> в воскресенье будете тратиться — тоже деньги как между пальцами пройдут. Много таких примет, очень много...

49. ...Мой папа был мастер на его дело. Так в деревне было, если кто умер, так к папе обращались; всегда папа гробы делал. В воскресенье, допустим, в праздник грех работать, <...> а вот гроб делать — это в любой момент. <...> Даже и ночами делали.

50. [А не оставляли в бане немножко воды?]

Оставляли... Оставляли — и мыло, и всё... И на праздник нельзя было мыться. Вот, покамест вечерню поп не стоёт, надо вымыться. А ежели после вечерни или вечерню стоят — уже ты не водой моешься, и кровей Богородицкой. И это правда, вот, рассказывали. <...> Пошла в байню <...> женщина. Говорит: «А, Господи!» А раньше ж этого свету не было [электричества в банях]. <...> Моется..., кровей моется. Она и так, и так поглядит; и принесла домой — кров! Грех большой. <...> Лучше не мывши быть.

51. А ещё расскажу... Честно, правда. <...> Это что канава идёт, раньше там Гиня была [речка], а таперь сделали такой канавой.

Ну, и токо мост проедешь, направо — тут попова байня стояла. Ну и тож, на какой-то праздник вытопили янѣ байню, все помылись, воды остаётся. И там старушка такая. «Може, тѣтя, говорит, хочешь? Воды осталось, и пару. Сходи в байню». Ну, яна пошла в байню. Пошла, стала мыться, а янѣ бѣси схватили. И схватили, и дѹсют, мучают. И так за лавку завалилась она, и вот так — как вот в меня вот крестѡк — она вот так схватилась за крест и кричит: «Не отдам! Не отдам!» Ишли парни. «Что за чѣрт? Баба кричит: «Не отдам! Не отдам!» Они пришли, так обсветили, спичкам обсветили. Глядят — баба за полѡк затиснута, чуть янѣ вытянули. <...> Говорят: «Тѣтя, кто вас?» — «Ай, детки мои дорогие, спасайте, говорит. Меня черти, говорит, черти меня... Я же грешная, я согрешила — я же, говорит, на праздник моюся!...» И, говорит, не успела ни раздеться, ничто, и схватили — и давай дусѣть...

52. ...В банях мыться, когда солнце тольки, а потом это нельзя. Это мой отец ещё рассказывал... Это на праздник. Пошёл в байню поздно мыться. И пришли — его на кáменке нашли, <...> стянуто. Как называют...; счас называют чертями.

[Он живой был или нет?]

Не, неживой; спѣченный. Спѣкся на кáменке. Там его, как вот нашли, спѣкши. Кáменка же горячая... <...> Это уже в нас, боронѣ Бога, с огнѣм мыться. Я в отца и вот здесь — мы никогда в байне не мылись с огнѣм. <...> А на праздник, главное. А если ещё на годовой, ещё горше...

53. Каждый праздник больше нас.

54. Бог дал праздники, а чѣрт — работы.

55. [Егория у вас праздновали весной?]

Егория? Праздновали. Будто, говорят, конский праздник; так коней обливали водой, чтоб кони были б жирные во всё лето.

В Бурби́шках батюшка не праздновал праздник, сказал — это конский праздник. И ослеп, ослеп. Уже не помню его фамилию. <...> Мокеев был.

56. ...Гроза начинается. А один был такой невёрник: он бежит с друзьями, ага..., хочет где-нибудь спрятаться — под дерево куда-нибудь или как. И дразнится: «Илья, Илья подаст гнилья; Илья дрожжит [дожжжит?] — свинья вижжит», — вот так вот. И сэади за ним, значит, как дал гром в это дерево — и он погиб вместе. Дерево расщепил и его вбили. Ну вот, видите. Как будто стал надсмеиваться над Ильёй, вот, и погиб.

57. Илья командует — ну, треск что грóмовый и дождями, Илья-пророк. Он очень ревнивый. Могу рассказать.

Он идёт, а навстречу два мальчика. А он был лысый. И эти два мальчика на его — «тьфу-тьфу!» — поплевали. «Какой ты, дед, некрасивый! Мы не хóчем смотреть на тебя», — и тому подобное. Он так обиделся, ну, присердýлся. Посмотрел на́ небо. «Господи! Меня огорчили два мальчика». Так проговоривши. Откуда ни бывши два льва, звери...; и этих мальчиков на клочки разорвали, что они огорчили деда-пророка Илью. Во, какая сила воли!

58. ...Тётка рассказывала. <...> Приходит она к мамы и говорит: «Настасья! А в тебя, говорит, в ведре не полощется?» Она говорит: «Нет, в меня, говорит, спокойно». Она говорит: «Я спать не могу. <...> Что такое, говорит? Встану, <...> кружку переверну, <...> возьму уже дóном накрою [ведро с водой]. Всё равно, говорит, что-то бúrкается». — «Наверно, ты, говорит, грешна, <...> вот, к тебе, говорит, приходит. Тебе надо <...> отдать грехи». Ну вот, она пришла, грехи уже отпускаю...; просит уже. И после она пришла и говорит: «Знаешь, Настасья, не стало <...> в меня уже полоскаться в ведре. <...> Ходила, говорит, к попу на исповедь». Вот, оны и говорили: «Наверно, это бес так делал мне».

59. Живи так, чтобы след оставить, а не живи, чтобы наследить.

60. К вечному вечно открыта дверь.

61. Ни одна душа не видела, а Бог свидетель.

62. Собака и на Бога лает.

3. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Традиционные обряды и обрядовая поэзия сопровождали человека на протяжении всей его жизни. Рождение ребенка и появление у него первого зуба, первая стрижка волос, первый самостоятельный шаг и первое произнесенное слово, именины, сватовство, обручение и венчание, смерть, похороны и поминание умерших в определенные дни — все эти события и даты отмечались коллективно, не только близкими родственниками, но и другими членами общины. Традиционные ритуалы включали в себя целый комплекс действий, магическую силу которых призваны были умножить обрядовые песни, заклинания, стихотворные благопожелания. Кроме данного раздела, произведения такого рода представлены в рубриках «Погребально-поминальные обряды и обычаи», «Загробный мир. Общение с мертвыми», «Рассказы о бытовании заговоров». Чтобы не отвлекаться от основной темы сборника, мы не стали включать в него подробные описания родильно-крестильных и свадебных обрядов, рассказы о похищении невест («свадьба вкράдку»), широко практиковавшимся в семейном быту староверов. Предпочтение отдавалось тем поверьям, запретам, сюжетным рассказам, которые напрямую связаны с религиозным этикетом и мифологическими представлениями.

В экспедиционных материалах широко представлены бытовые запреты, касающиеся беременных женщин. Они базируются на стержневом тезисе — *«Надо воспитывать ребенка в животе»* — и использовании традиционного для народных поверий и бытовой магии принципа подобия. До сих пор многие старообрядцы глубоко убеждены, что поведение беременной женщины во многом предопределяет судьбу ее будущего ребенка. Ей нельзя воровать (*«ребёнок родится вор»*), что-либо выпрашивать и одалживать у односельчан (*«в долгу всю жизнь будет»*), пугаться, *«брыкать ногой»* кошек или собак, смотреть на инвалидов, уродов, на пожар (у ребенка будут пятна на лице). Лунный свет не должен падать на спящую женщину, иначе ее дитя станет лунатиком. Родственники и знакомые тоже должны вести себя предельно осторожно — запрещается даже в шутку замахиваться на будущую мать острыми предметами, а тем более бить ее (ребенок родится *«немой и глухой»*).

У староверов Литвы зафиксированы некоторые обряды и обычаи, редко встречавшиеся собирателям не только в наше время, но

и в XIX столетии. Прежде всего это заговоры «От пупа» и «Править младенца» — заклинания-обереги, призванные уберечь новорожденного от болезней, обеспечить ему покровительство небесных сил (см. №№ 532, 534). В северо-восточных районах Литвы до недавних пор с мужчин, зашедших в дом, где родился мальчик, снимали шапки. Их потом приходилось выкупать, словно расплачиваясь за пополнение мужской «половины» сельской общины. Веревочку, которой младенцу завязывали пуповину, в старину сохраняли и давали ребенку развязать, когда он подрастет. Удается ему распутать узелок — «будет такой развитый, к жизни будет гожий»; «Он свою память развяжет», — полагают наши информаторы. «Катюшина краса — всему городу краса», — утверждает пословица. Чтобы выросла она у девочки «до шелкова пояса, от шелкова пояса до сырой земли», исполняли специальные песенки-заклинания, пронизанные верой в магическую силу прозвучавшего слова. До года детям волосы не стригли, а потом подстригали только мальчиков. Обрезанные волосы и ногти сжигали в печи, «выбрасывать нельзя, <...> это ведь здоровье». Другая мотивировка этого запрета — если «птушка» возьмет волосы на гнездо, «то будет всё время кружиться голова».

У истовых староверов принято давать имя ребенку в строгом соответствии со святцами. В быту некоторые редкие или труднопроизносимые имена упрощают, но это считается отступлением от «закона». Необходимость соблюдения старинного обычая подкрепляется ссылками на авторитет христианского вероучения. Если человека называют по-другому, то ангел-хранитель «далёко стоит и плачет, что не прозываешь своё имя». А после смерти нарушителя традиции ждет наказание — поминальные богослужения не находят «адресата» («не пойдёт за его эта молитва»).

Основные этапы свадебного обряда сопровождались магическими действиями, которые должны были обеспечить здоровье молодоженов, покой и согласие в их семье, материальный достаток. Набор этих действий традиционен для восточнославянских народов. Жениха и невесту обсыпали зерном, мелкими монетами (более поздняя модификация того же ритуала). Родители непременно дарили им иконы, благословляли новобрачных, «чтобы были всегда веселы, как весна, а богатые, как осень». С главой новой семьи здоровались через вывернутый рукав шубы — «чтобы богато жили, чтобы рука была всегда косматая».

Бракосочетание знаменует собой переход человека из одного состояния в другое, смену его социального статуса. В такие моменты он особенно уязвим для «порчи», негативного воздействия извне.

Поэтому во время свадьбы принимали меры охранительного характера, старались предотвратить или нейтрализовать вредоносную магию. Надежными оберегами считались не только иконы и распятия, но и полученные от родителей хлеб-соль, колчуге растения, «отпугивающие» нечистую силу и злые чары. Когда подруги расплетали невесте косу, она садилась на хлебную квашню — предмет, связанный с домашним очагом и выпечкой хлеба. А после венчания новобрачную нередко на руках переносили через порог дома ее мужа. По мнению наших рассказчиков, именно под порог «*волхвить*» чаще всего подсовывали закатанную в хлебный мякиш шерсть черной кошки и черной собаки и другие вредоносные предметы. При первом, ритуальном по характеру входе в новый дом важно было избежать прямого контакта с ними.

Гадания девушек о своей судьбе, как и в большинстве областей России, в основном приурочены к зимним святкам. Обычен для общерусской традиции и их набор. Девушки «*пололи снег*» в надежде услышать собачий лай «*на свёкровом дворе*»; перебрасывали обувь через постройки, чтобы узнать, куда они выйдут замуж; приносили охапки ворованных поленьев и подсчитывали — получится чёт или нечет; задавали прохожим неожиданные вопросы и по ответу судили о своем будущем и т. п. Бытовали и более редкие способы гаданий. Рано утром выходили из дома с украденным у матери блином и отдавали его первому встречному — по его виду судили о будущем супруге. После рождественской службы в церкви, откусив один кусок от краюхи хлеба, звали суженого разговляться. Первую ложку кутьи высыпали за ворот со словами: «*Суженый, ряженный, приходи пшеницы косить!*» «Подчиняясь» магическому заклинанию, будущий муж являлся во сне. Помнят в Литве и так называемые «черные» гадания — с зеркалом, горящей свечой, снятым нательным крестом. Они очень опасны, поскольку гадающий общается с нечистой силой, остается один в укромном месте. Тут важно не потерять хладнокровие, действовать быстро и решительно — не бояться страшных видений, вовремя погасить свечу, отвернуть от себя зеркало, надеть свой нательный крест. «*Если спугаешься — тебе шею набок свернёт, или сердце бкнет — и умрёшь*».

63. [*Беременные женщины как оберегали себя от опасностей?*]

Очень много надо знать. Моя племянница ко мне приехала в гости, а у меня топорок лежал маленький, дрова рубить. Сидит.

А мужик взял топорок этот, нарочно: «Вот, я тебя вот так вот...» А я говорю: «Ты что делаешь?» И она ребёнка родила, губа чуть-чуть разрублена [*«заячья губа»*].

Если женщина беременная, кота брыкать нельзя ногой. Кота если вдарить ногой — ребёнка родит, будет щетина в его, будет чесаться, шерсть будет расти. Она если идёт, женщина беременная, а возьмите, хлеба бросьте в янугу. Ребёнок будет хлеб грызти. Бросьте песком — он будет песок грызти. Чем бросишь — то ён будет грызти. Надо женщины опасаться, чтоб на её не бросил бы никто. И янугу так не вдарил бы никто. Пушай она беременная, и вдарь её вот так во — ребёнок будет немой и глухой.

И женщина должна, если беременная, не взять ничего, не вкрасть ничего, ничего. Я была беременная. Пойду, надо на огород капусты купить, посадить. Она [*продащица*] говорит: «Бери сама, скоко хошь». Нет, я пересчитаю, чтоб было бы правильно. <...> Если я честно делать буду всё, ребёночек мой вырастет, честенький будет. А там воруют, там воруют... И мало воров? Ребёнок рождается вор, он не виноватый тогда...

64. [*Беременным женщинам запрещается делать что-нибудь?*]

Я токо слышала тое, что вот кота нельзя там пихнуть ногой, собаку нельзя ногой пихнуть. Вот, что тогда на женщину влияет. <...> И просить, вот, по деревне, <...> как нищая: «Вот, мне тое дайте, мне тое дайте». Тогда в того человека, будто, заводятся мыши...

65. Нельзя бросать ничего в беременную женщину — ребёнку плохо будет.

66. [*А что беременным женщинам нельзя было делать?*]

Тяжело поднимать нельзя было... Смотреть на таких людей, <...> более уроды какие, тоже нельзя было смотреть. Пугаться нельзя было. Когда пожар, нельзя было схватывать себя за лицо — тогда в ребёнка на лице будут пятна.

3. Жизненный путь

67. ...А потом ещё бывает так. Если вот беременная женщина, и спит, и луна на её падает — обязательно будет ребёнок лунатик. Ну, если этот ребёнок лунатик, он ходит. Вот, ты сидишь, он через тебя перейдёт, сонный, и опять назад. Не называй его имени, он опять пойдёт; на свою кровать ляжет.

Вот, у меня сын был. Я как раз, в нас тут конец дома было, я коло окна стала; луна прямо на меня, когда я беременная была. У меня сынишка лежит на кровати, я сижу за столом; он перейдёт и опять идёт, ложится; ночью разговаривает. Ну, и сказали, что надо поставить балей с водой. Я поставила возле евоной кровати балей с водой; ён с кровати как вставал — и окунулся, испугался. И когда он спугался, больше не стал... лунатить. А так — по крыше ходил, везде ходил. Ну, как котёнок. А назовёшь имя — упадёт сразу, забьётся [разобьётся, зашибётся]. <...> От одного году он ходил, наверно, до семи год. До семи, да и больше ище — учился в школы. И ночью разговаривал. Всё говорит, всё в его вьзнай — где он что вольничал, что..., спрашивай. <...> И всё-всё скажет, все секреты расскажет. Даже начал курить с восьми лет; ночью разговаривает. <...> «Петька, а я спрятал сигареты на чердаке. Мама не знает. Выхожу в школу, сигареты забираю; набе-ру и бегу...» И всё, и мне говорит. И потом...; он на чердак, я за ним сзádi — и он с сигаретой. И на месте всё. Так и всё говорит: «Ну, как же это мама узнала?..» А я в его сонного узнала. Да... Вот такие дела.

68. ...Так можно и это сделать [«торчу»]. Всё можно! Всё делают. Но это надо подумать, что ты сеешь, а надо будет на землі тебе пожать. Как умереть, как душú свою защитить... На девять поколений идёт! Потом <...> твои дети страдают, внуки и правнуки — так и пошло, до девяти колен. Вот так... <...>

Свёкр говорил и моя мама, что надо воспитывать ребёнка в животе, но не когда он рóдится. Мать должна ходить — нигде ничего не вкрасть, не взять, не бить; даже в ту сторону, где такие люди плохие, не поглядеть. Иди мимо; если какой инвалид — сотвори молитву и пойди. <...> Даже иголки... Как мама моя говорила: «Дочка, не одолжи иголки! Вот, пойдёшь одолжать,

а ребёнок всю жизнь буде в долгу! Только буде ходить одождать и людей обманывать».

69. Как уже зачадётся младенец внутри, на третий день Господь определяет этому младенцу — до скока жить, как ему жить, всё. <...> Когда ему помереть, как ему жить — пуцай ён сам собой владаёт. Ежли я могу вот совладать, как вот, например, сегодня [в пятницу] я постничаю, в пятницу, в среду. Я не ем [скоромной пищи]. Значит, я к Богу всё. А другой лицемерит — јист да хвалится. Это горазд большой грех. Вот табе и святой! Ну, ты постничай тихенько, а то: «Я постничаю!» <...>, а чёрта думаешь. Это уже не пойдёт к Богу.

Ещё вот имя. Я так не люблю, как вот оны меня называют [«Лукерья»]. Когда вот имя твоё сменил, ангел [-хранитель] далёко от тебя стоит и плачет, что ты не прозываешь своё имя. Это же ж от ангела. Таперича — крещена «Гликерия», зовјут «Лукерья». Вот, мой ангел от меня далёко стоит и ён плачет, что не прозывается моё имя к ему. А ведь в каждого одного человека ангел есть...

70. [А если человека начинают называть не тем именем, которое он при крещении получил?]

Это недоброе. <...> Как не своим именем назовёшь, так как вот умрёшь и будут поминать, так тогда не пойдёт за его эта молитва, за покойника, ничего. <...> Евбное имя положено; вот, в какое число он родивши и какое имя. А дашь другое, тогда, говорит, пользы не будет...

71. Родіха [роженица] до шести недель одной ногой в гробу.

72. Бог лес не сровнял, не то что людей.

3. Жизненный путь

73. Родился волосатый — будешь богатый.

74. Один рождён в рубашке, другой — в лапоточках.

75. «А шапку вам придётся снять...» Кому-нибудь покориться, перед кем-нибудь извиниться. Или у нас новорождённый сегодня нашёлся; заходит мужчина, стоит, разговаривает, шапку не снимает. Ему говорит [*повивальная бабка*]: «Сегодня шапку вам придётся снять». Она снимает, а он должен её выкупить потом.

76. Ребёнок... Вот если когда будешь вносить в дом, пусть тебя переймут; которые ношенные трусы, вот, прими ребёнка в ширинку. Будет ён расти, а люди будут вже определять, как купить, как его взять. Или девочка будет — как янұ в жёны взять. Если мальчик буде — как этого мальчика... завладеть.

77. ...И которым крестишь ребёнка, и надо крестик сберечь, чтоб он сберёг. Вот тогда очень ему счастливо.

78. [*А как-нибудь гадали — будет жить ребенок или нет?*]
Когда крестят; скоко он там — три раза... Но он [*священник*] быстро. Когда вытянет с воды, если скóрчивши — жить будет, а если вытянется — значит, умрёт...

79. Моя мама была полька [*католичка*], а папка был старовер. Так маму крестили в озере — на Хрещенье! [*19 января по новому стилю.*] В озере крестили и за пóводы опускали; чўшку [*прорубь*] пробили и опускали, подвязавши полотенцы, и окунали с головой. <...> С головой, и не раз — три раза... Она другой веры была.

80. ...Пупок и тот, который, значит, в ребёнка отпадёт, <...> этот пупок прибрать надо. И дай ребёнку развязать, чтоб ён развязал — он свою память развяжет...

[А в каком возрасте давать?]

До школы...

81. Дома рожали этих детей, и пуповину эту завязывали; и должен, когда подрастёт, как сам понимает, развязать этот узелочек. Тогда уже будет он, ну, ребёнок, будет такой развитый, к жизни будет гóжий. Если девочка — будет рукодельная, уже всё.

[Когда ребенку волосы стригли, ногти, не говорили, куда их девать?]

В печку.

[А на улицу нельзя выбросить?]

Не-не... Волосы в ребёнка год нельзя стричь.

82. Если волосы́ [остриженные] птушка возьмёт на гнездо, то будет всё время кружиться голова.

83. ...Женщинам нельзя было волосы стричь. Это — ой-ой-ой! Это большой грех был. <...> А мальчикам — будто с трёх лет; вот, я это не буду врать...

[А волосы куда девали?]

Пали́ли. Выбрасывать нельзя было. Если спрячешь где — мыши вытаскивают; нельзя. Выбрасывать на двор тоже нехорошо, это ведь здоровье. Волосы — в печь, только спалить.

[А сор у вас не палили в печке?]

А я подметаю, всегда палю; я не выбрасываю никуда. Говорят, что нельзя выбрасывать. Ну, говорит, что с дому всё выбрасываешь. Это придмета [примета], что если выбрасываешь шум [мусор], то это выбрасываешь своё богатство...

3. Жизненный путь

84. [Заклинание косы.]

Ты расти, расти, коса,
До могучего плеча;
От могучего плеча
До шелкова пояска,
От шелкова пояска
До сырой земли!

85. Мы гадали на кутейник. Вот, лягешь спать... Это при Сметоны было [*при президенте Сметоне, в межвоенные годы*]. Возьмём четыре палочки; так палочку, так палочку, так. Колодец такой сделаешь [*показывает руками*]. Четыре палочки, и их свяжешь, этот колодец. Этот колодец положи себе под подушку. И скажи: «Кто будет мой суженый-ряженный, пусть приходит ко мне напиться». И ляжете спать, и кто к вам напиться придёт, какой мужчина, вы увидите. Обязательно придёт. Когда выйдете замуж, вы узнаете, что этот самый был ко мне пришёдши.

Бывало, ботинок возьмём, туфель какой-нибудь, и через крышу бросаем. Куда ён ляжет носом, туда ты замуж выйдешь. А потом, когда снег ёстя, возьмём мы, бывало, выйдем — наш папа нас ругал [*за гадания*].

«Полю, полю белый снег,
Приелся батюшкин хлеб.
Залай, залай, собаченька,
Где мой миленький живёт!»

И слушаешь. Вот, в той стороне: «Гав-гам-гам-гам!» — туда выйдешь замуж. А если не выйдешь замуж, ботинок <...> ляжет носом домой.

[*А как узнать, сколько детей у тебя будет?*]

Это только бобы могут сказать.

[*Позднее Ф. Е. Гайкунова гадала собирательнице на бобах, быстро передвигая их по столу и что-то нашептывая.*]

86. Когда где вот перекрёстная дорога, туда выходят и снег так руками полют, пальцами разбрасывают.

«Полю́, полю́ белый снег.
Залай, залай, собаченька,
На свёкровом дворе!»

И слушают, ухо приложивши, в какой стороне собака лает.

87. Ворожили на кутейник. Ой! Как пойдём ворожить, а весело! Дровы, принесём охапку. Тогда за ворожбу [за время гада-ний], в кого дров нету, как наносим дров! Считали... [четное число поленьев или нечетное]. А после бредёшь как и спрашивали: «Папа, мама, жениться хочу!» Один [первый встречный] скажет: «Оженю, оженю». А другой матерно как заругается — как пойдём с хохотом. <...> После азгоробу [изгородь] обхватишь, <...> если непарные — а-а, хохочут! А после <...> на крыжовую дорогу [перекресток]. Надо идти с блином. Вутречком раненько, в матки крадёшь этот блин. На кружово́й дороге слушаешь, где собака залает, в каком боку. Четыре стороны... С такой стороны твой мужик.

[А блин зачем?]

А блин... Вот, идёшь, встретишь уже человека, и этим блином. Буде, значит, человек и будет хороший, богатый, с хлебом. А когда встретишь собаку, собаке отдашь — будет твой собака мужик, нехороший. Кто первый встретит, тому и отдай.

Опять вытягиваем курицу, с-под печки. Ставим зерькило, пшаницы насыпешь и воды. Поставишь. Курица глядит в зерькало: «Ко-ко-ко-ко! Ко-ко-ко-ко!» — ходит. И пшаницу как жрё, как жрё! Воду как пьёт, пьёт! Это да! Ай, тут хохочут: «Мужик пьяница и обжора». Обжора и пьяница — и пёсельник. И в зерькило глядит — это переkrása; и пшаницу клюёт, и воду пьёт, и коко́чет — это пёсельник. <...>

После выливали на воску. Воск разогреешь и выльешь. Мой брат так делал: разогрел и вылил. На холодную воду. Вышел солдат с винтовкой. Второй раз вылил — гроб. Третий раз — обрат-но солдат. И так ясно показывает, так ясно!

После ещё как... В двенадцать часов ночи ставят зерькило. В двенадцать часов, один-разъединый. Ставишь зерькило, сымаешь крест, кладёшь коло зерькила. И ставишь — свещу зажгёшь, и волосы. И глядишь, и приговариваешь: «Суженый, ряженный, приди мне волосы почесать! Суженый, ряженный,

приди...» И придёт; как двенадцать часов, так покажется. Ну, вспей зерькило закрыть и крест надеть. И как ты видела етого — и за такого замуж выйдешь. Покажет, какой твой муж будет. <...> А ежли, значит, твоя смерть в этом году — покажет гроб...

[А почему быстро надо крест одеть?]

Может нечистая сила задавить. Это нечистая сила. Это ж в двенадцать часов..., ето чёрт показывает. Это ж ворожба, я вам сколько говорю — это ж от чёрта! Это грех.

[А в бане ворожили?]

Не, не...; в байни боялися.

88. Это ворожат на кутью. Надо зеркало, надо влезть на чердак, взять свещу, влезть в двенадцать часов на чердак. И вот, надо одной лезть. Если который будет твой парень, или, например, которая твоя девушка, если парню, — и она тебе покажется. Вид покажется. Токо не спугайся. Если спугаешься — тебе шею набок свернёт или сердце бкнет и умрёшь. В двенадцать часов, пока петун не поёт.

89. ...Когда с церквы приходят, гадали на первый день Рожества. Придут с церквы, уже отмоливши — это ж всю ночь молятся в нас — и возьмут кусок хлеба. Токо раз надо кусить и загадать: «Суженый, ряженный, приходи ко мне разговляться!» Ну, и идите спать сразу. Ну, и приснится табе суженый-ряженный. Тоже так гадали...

90. Пошла я хозяину служить, работать. Вот, это уже при кутьи; взяла свещу, взяла горшок и полезла на чердак. И поглядела — в переднем углу мне как раз показался хозяин. Вот, я слезла с чердака и хозяйке говорю: «Тётя, так и так». А хозяйка лежит больная и говорит: «Вот, доченька. Мой муж, твой хозяин, будет как раз твой муж». Вот и правда, так и было. <...> Она помёрла, я с им сойшлася и жила. И я там была, вино пила, по губам текло и в роту не было.

Это мне рассказывала мать моя, это правда была.

91. Муж у меня так ворожил — расчёской почесался и положил под подушку. И меня соснил. Ещё не были знакомы даже... Спал вот здесь во; и снится — в открытое окно, говорит, влезает такая чёрная, высокая... Ну, а потом рассказывал, что это ты была.

[А в какой день?]

Это перед кутьёй.

92. Если хотишь взнать своего жениха, первую ложку кутьи не в рот, а за ворот. И больше нельзя кутьи есть, а хочется — она ведь вкусная. Девушка приговаривает: «Суженый, ряженый, приходи пшеницы косить!» И говорит, что [во сне] приходил с косой такой-то, такой-то парень пшеницу косить. И точно — она за него выходила замуж. Я так не делала, мне охота была кутьи пожить — она сладкая, раз в год только угощают.

93. Или вольву [олово] льют в холодную воду. И застывает там; иногда лошадь получится, король какой — значит, сваты приедут. Иногда даже гроб получается — значит, будет в доме гроб или сам будешь...

94. ...Как родители вже выбирали по родству, если родство какое плохое, значит, уже не отдадут в то родство дочку. <...> В кого земли больше, тот был богатый, а в кого мало... Ну и вот, пришлют сватов, ничего не сложится — родители не отдадут и всё. Выходит сват этот на порог и рушник отвязывает. Отвязал — значит, не сосватал, а не отвязывает — значит, дело у нас пошло. <...> Я помню, в соседей. <...> Ай, как бегим, один одного с ног спшибаем: «Ай, к Телёхиным сватё поехали!» — «Откуда вы знаете, ползаете по деревне, всё знаете?» — «Ай, дядька рушником перевязавши!» Ну, и правда — сосватали Марью под Зарасай. А после как-то сестра ейная, старая дева, долго гуляла, сколько лет. «Ай, туда сват приходил с рушником, а назад вышел без

рушника!» Объяснили нам, в чём дело: значит, невесту не отдадут, зато ён отвязал.

95. Когда уже невеста собирается, <...> назавтре будет свадьба, то собираются эти шаферинки и невесту сажают — как раньше хлёбы пекли, называется «квашня» — то оборачивают квашню и невесту сажают <...> её подружки. И тогда уже расплетают ей одну косу и заплетают две. <...>

[Молодых не обсыпали зерном?]

Обсыпали, когда они приезжают с моленной, повенчавши в церкви. Бóльшая часть — сыпали пшеницей. И деньгами бросали, мелочью...

[А что это означало?]

А, говорят, это к жизни, богатству. После свадьбы специально мужики одевали шубу и переворачивали рукавами шерсть эту и здоровались с молодыком; назавтра, после уже брачной ночи. Чтобы богато жили, чтобы рука б́ыла бы всегда косматая.

96. ...У нас благословляют — становятся и молятся Богу и кланяются родителям в ноги. <...> Родители благословляют иконой, соли, хлеб. Это самое главное, это самое основное — хлеб, соль и икона. <...>

[Икону отдавали насовсем?]

Насовсем. И ставили в угол, когда у молодого если; а если молодуха — так хлеб и соль ввязывают в скатерть, и икону — и везут туда к ему.

97. СВАДЕБНОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ

В этом доме, во высоком терему, за дубовым столом, за белой скатертью, на широкой лавке сидит молодая княгиня Татьяна Ивановна с молодым князем Иваном Максимовичем. Просят они своих родителей — отца и мать, чтоб подошли и наделили своих детей хлебом и солью, счастьем и долью. Не дорого нам наделение, а дорого благословение, которое существует по гроб нашей жизни.

Отец и мать пожелали своим детям, чтоб были всегда веселы, как весна, а богатые, как осень.

98. Когда венчали, и молодыя́м дают держать свечи, молодыя́ и невесте; то смотрели, как будут свечи гореть. Если горит ясно, то будут они хорошо жить, а если горит тускло — то будут плохо.

[А на лошадей не смотрели?]

А-а, это... Распрягаться так распрягались. Это уже к разлуке. Это было даже подстроено скоко раз. Ну вот, меня парень любит, а я пошла за другого. И вот он на вред. Пока они там прощаются, пока одеку́тся, а тут уже стоят подводы, ждут. Ну, подходит кто-нибудь и устроит. Вот, возьмёт, от дуги ремень вытянет; токо те ехать — выскочила дуга. Ну, и всё... Подстраивали, часто подстраивали.

99. ...Там хлѣбины справляли уже, там стол сделали, родню позвали.

[А что такое «хлѣбинь»?]

После свадьбы приглашают уже молодого родители [невесты], приезжают «на хлѣбинь»... Моя дочка вон в Расею аж вышла, самая старшая; и то после ко мне его родители приезжали.

100. Когда едете домой, вам закроют дорогу рогаткой люди, посторонние, и вы должны будете откупиться — поставить водочки, конфетиков. Это «на хлѣбинь» называется. Как меня дожидались с мужем, рогатка заложена. В байне были все. Мужик взял, открыл эту рогатку и обратно закрыл. Они ждут все — проехали или не проехали? Потом отец мой позвал их: «Все, говорит, за столом давно». Как за стол сядут, так и поют. Гости поют, молодуха плачет.

101. [На хлебины ездили?]

Да, приезжали; вот, расскажу ещё. Значит, неделю прожили мы, поехали на хлебины, вот туда, в Балундишки, в свою деревню. Это вже свекровка пирог испекла, такой большой, красивый. Ну, и подарки родителям тоже, сестра́м, брата́м. <...> А когда выезжали с дому мы, оттуда, так тоже наделяли — пирог большой, и хлеб, и соль..., чашка соли или тарелка там. И значит это, чтоб эту соль не рассыпать, берегли. <...> Ну, и поехали на хлебины. Надо ночевать или одну ночь, или три. А две нельзя, а то будут двойняты.

[А «двойняты» — это считалось нехорошо?]

Ну, конечно ж, нехорошо..., не хотели двойня́т.

102. ...Неделю отбудешь [в доме молодого мужа], тада едешь на хлебины. А тогда уже их зовешь на другую неделю, батьку с маткой, в гости.

[А «на хлебины» едут — сколько ночей ночевать можно в родном доме?]

Ли один день, ли три ты... Ли три, ли один. Мы так по одному ночевали; близко, так по одной ночи.

[А почему две нельзя или четыре?]

А вот, не знаю...

103. После первой ночи сватья бьёт горшки, это называется «обломать невесте ро́ги». Горшки бьёт, когда невеста хорошая девушка, не спорченная.

104. Выбирай жену не в хороводе, а в огороде.

105. «Дай, Господи, вам столько сынков, сколько пеньков, столько дочек, сколько в болоте кочек!» [Свадебное пожелание.]

106. За ручку — и повёл, как сучку. [О похищении невест.]

107. Не кайся, рано вставши и рано женивши.

108. Как над церковью крест, так муж над женой.

109. Жизнь прожить — не мех спать.

110. Учёный и Богу лучше молится.

111. Под носом взошло [усы], а в голове и не посеяно.

112. Чужое [краденое] добро выйдет через ребро.

113. Шапку на стол не ложи — весь век в долгу будешь.

114. Откуда ты всё это знаешь, что ты — вороньи яйца пьёшь?

115. Кого заживо хоронят [в разговорах], тот долго живёт.

4. ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ

В похоронно-поминальном ритуале старообрядцев Литвы немало архаичных черт, близкие параллели к которым обнаруживаются в разных регионах России; многие из них являются общими для всех восточных славян. Это свидетельствует и о хорошей сохранности местной традиции, и об исконности и устойчивости самих погребальных обрядов. Согласно народным поверьям, после смерти душа человека 40 дней невидимо летает по свету — наблюдает за тем, как его провожают в последний путь, все ли обычаи соблюдают; переносится в разные точки пространства — *«за свою жизнь где она была, что она творила, что она делала, она везде должна побывать и ответ за всё держать»*. Несмотря на свою бестелесность, душа нуждается в пище и особенно в питье, поэтому в красном углу до *«сороковин»* стоит стакан с водой, накрытый кусочком хлеба; воду надо ежедневно менять.

Глубокой архаикой веет от широко распространенного обычая опускать гроб в могилу не на веревках, а на широких домотканых полотенцах (*«на тóче»*, *«на рушниках»*, *«на холстах»*). В наши дни далеко не все могут объяснить, почему надо делать именно так, или же выдумывают рационалистические, явно вторичные мотивировки (на полотенцах удобнее опускать гроб; они не скользят и не издают неприятных звуков; на веревках только коней опускают в яму; *«токо человек вешается на верёвке»* и т. п.). Но многие считают, что полотенца или *«тóча»* — это широкая и удобная дорога в загробный мир, надежная переправа через море или реку, которые душа умершего человека должна преодолеть на том свете. Полотенца или бросали в могилу (видимо, самое древнее по своему содержанию действие), или оставляли в *«моленной»* для малоимущих односельчан, или разрезали на куски и раздавали нищим. А иногда их уносили домой и потом использовали на похоронах других членов семьи — *«чтоб по одной дороге ходить»*.

Некоторые элементы погребального ритуала связаны с конфессиональным сознанием старообрядцев. Многие из них имеют общеславянские корни, но со временем обросли новыми подробностями и запретами. *«Не полагается на кровати умирать»* — считают люди старшего поколения. Почувствовав приближение смерти, старики

просили родственников положить их на сдвинутые скамейки или на пол — на доски и солому, головой к образам. А после смерти покойника поворачивали ногами к иконам — «*чтобы Бога видел*». Традиция требует, чтобы усопший явился на тот свет в самом благообразном виде; для этого его обмывают, причесывают, одевают во все новое. В Аникшчайском районе взрослым безбородым мужчинам даже привязывали бороды из льна. До сих пор наиболее последовательные ревнители старины еще при жизни сколачивают добротные гробы и засыпают их зерном. Его полагается ежегодно заменять зерном нового урожая, а прошлогоднее — раздавать нищим. Если семейный достаток не позволяет соблюсти этот обычай, гроб заполняют стружками от тех досок, из которых он сделан, или сухими листьями, «*обшмуненными*» с березовых банных веников. Главное, чтобы гроб не оставался пустым — иначе он «*покойника к себе тянет*»; по другой версии — «*там нечистая сила тогда гуляет*». Набожные старушки показывали нам комплекты так называемой «*смертной одежды*», которые они заранее приготовили для себя и своих мужей. Все, что предназначено для перехода в «мир иной», старообрядцы стараются сделать своими руками. Шить надо иголкой от себя, «*на живую нитку*», ни в коем случае не пользоваться швейной машиной. Многие старушки и сегодня называют гроб «*домовьём*», а все, что приготовлено к погребению — «*приданным*», «*пасáгой*»; умерших девушек одевают в белые платья, словно они идут под венец. Это — прямые переключки с мотивом смерти-свадьбы, сохранившимся в ряде поэтических фольклорных произведений (баллады о смерти солдата на чужбине и др.). Если в семье не было мужчин, знакомых со столярным делом, «*домовьё*» готовил кто-нибудь из соседей; делалось это бесплатно. «*Казённые*» гробы, по мнению староверов, не выдерживают никакого сравнения с домодельными. «*Я не хочу в эту будку ложиться*», — решительно заявила Анна Малофеевна Иванова из дер. Ужусалаяй Йонавского района. — «*Это не наш гроб, там опилки. А в меня старолёсина; я отдала чатыре тысячи на тыи деньги...*» А вот как раскритиковала покупное «домовьё» Анфиса Афанасьевна Павлова из Зарасай: «*Я не буду в этот гроб ложиться. Я легла, что мне — и ноги впирают, и голова впирает; да что это за гроб, <...> что и растянуться нельзя будет! Я люблю гроб, чтоб свободный был бы...*» Готовясь к переходу в «мир иной», заранее запасают и «*свечи*» (свечи) — обязательно восковые, а не покупные парафиновые.

В этих и подобных им обрядах и обычаях практически реализуются основные оппозиции традиционной старообрядческой культуры: «старое» — «новое», «наше» — «чужое».

4. Погребально-поминальные обряды и обычаи

В собранных нами материалах отчетливо просматривается двойственное отношение к покойникам. С одной стороны, в них видят потенциальных покровителей и помощников (очевидные реликты культа предков). Поэтому в каждой семье стремятся проявить к усопшему максимум уважения, скрупулезно выполнить все предписываемые традицией обрядовые действия. Сменяя друг друга, крылошане сутками напролет читают над умершим «Псалтырь»; в церкви проводится длительная служба «*Положение во гроб*»; после похорон обязательно устраивают поминки («*прощальный обед*»). В межвоенные и первые послевоенные годы в некоторых старообрядческих приходах считалось зазорным везти покойника на кладбище на лошадах, а тем более на автомашине — гроб несли односельчане на жердях или носилках, иногда за 10–15 километров. Во время похорон в могилу нередко бросают деньги, выкупая для покойника место на том свете: «*Вроде как покупают себе дом*». Сельские кладбища всегда обнесены изгородью, а поведение людей здесь строго регламентируется целым комплексом ограничений и запретов. В индивидуальные и общие поминальные дни («*сороковины*», «*годовины*», «*родительские субботы*») на старые кладбища съезжаются сотни людей со всех концов Литвы и из-за границы; до недавних пор женщины «*голосили*» по своим близким. На «*могилах*» (так называют семейные участки на кладбище) оставляют еду и питье, печенье и конфеты, крошат или закапывают в землю булочки, крашенные яйца («*говорят, и покойники едят*»).

Вместе с тем покойник осознается как представитель потустороннего мира — чуждого и опасного для живых. Чтобы оградить их от возможных неприятностей и бед, используют магические средства и обрядовые действия-обереги. Умершему обязательно закрывают глаза, для надежности кладут на них монеты — чтобы не взглянул на кого-нибудь из живых и не «увел» его за собой. Записано несколько рассказов о том, что покойников выносили из дома через окно, но все исполнители давали этим фактам чисто рационалистические объяснения («*если узко, гроб не проходит*», «*там коридорчик маленький*» и т. п.). Но скорее всего это — реликты архаичного мифологического мышления: надо принять меры, чтобы умерший не запомнил дорогу домой и поменьше беспокоил своих здравствующих родственников. Сразу после выноса тела усопшего в доме устраивали генеральную уборку (до этого нельзя было мыть полы или подметать); разбирали лавки, табуретки, доски, на которых он лежал — «*чтобы еще не было в этом доме покойника*». Постельные принадлежности, одежду, солому, как правило, выносили на улицу

и сжигали (иногда — на перекрестке дорог); носилки, на которых несли гроб, оставляли на кладбище. Довольно широко был распространен и другой обычай: личные вещи и одежду умершего раздавали нищим — *«это будет ему вечная память»*.

При всем разнообразии и архаике ритуальных действий похоронно-поминальный комплекс старообрядцев Литвы не лишен черт спартанской простоты и некоего ригоризма. Во время прощальной трапезы не принято пить спиртное и есть мясо (*«мясо лежит, и мясо кушать...»*). Для покойника не ставят отдельный прибор; большинство информаторов подчеркивает, что так делают литовцы и поляки (то есть католики) или православные-ортодоксы.¹ В отличие от жителей многих областей России и соседей-белорусов старообрядцы не кладут в гроб никаких вещей, кроме *«лестовки»* (так называют четки особого типа), подушечки с богородицкой травой и иногда маленького полотенца (*«На том свете утираться буду»*). Лишь в последние десятилетия староверы начали позволять себе некоторые вольности, да то *«по завету»* самого покойника. Так, дядя одной из наших рассказчиц перед смертью распорядился, чтобы ему в гроб положили бутылку водки: *«Потому что меня встретят, чтобы я мог бы вгостить»*. В могиле не должно быть ничего металлического. В межвоенные годы даже медные нательные крестики начали заменять кипарисовыми; их привозили из Риги. *«Тело тлеет, чтобы и крест ушёл»*, — пояснил собирателям Федор Скокунов из дер. Дегучай Зарасайского района. — *«И крест ставится деревянный, когда уже закопали. И стоит, пока не сотлеет. Земля должна быть землёй...»* Еще более популярно другое объяснение: *«Идёт на Страшный суд душа его, <...> она должна с собой нести крест. <...> Крест каменный душе не под силу, а деревянный каждый может нести...»* Этим же мотивируют обычай не менять сгнивший могильный крест на новый.

116. [Когда в доме покойник], завешивают зеркала. Лбжут к иконам его; у нас лбжат головой сюда, ногами к иконы; считают, что он смотрит на иконы. Когда умрёт, когда вымоют, оденут —

¹ Лишь Анфиса Павлова из Зарасай утверждала, что на поминках ее отца рядом с головщиком поставили *«еще прибор один»*, для покойника [КЭ, 40 (32)]. Поскольку исполнительница отличается завидной осведомленностью и отличной памятью, не исключено, что этот обычай был принят и у староверов Литвы, но к середине XX века его уже забыли.

потом уже ложут. В гроб ложили, когда уже выносят. И пенье... Пенье есть специально, надгробное: «Положение во гроб». А теперь ложат сразу в гроб. <...>

Мужчинам шьют длинный балахон, а женщинам — сарафан и рубашка длинная, рукава. А сарафан без рукав. А на голову платок обязательно, а мужчинам — ничего. А на ноги — тапочки или ботинки какие. Раньше ботинки никто не одевал, не обувал. А теперь многие ботинки уже обуят. Я сама и шью, и вообще здесь всех обшиваю — и на смерть шью, и носить шью. Большинство должно быть одноцветное: сарафан одноцветный, и платок одноцветный должен быть. А балахон — чёрный или тёмный-тёмный, какой-то синий. <...> Ну, девушку одеют в белое платье или сарафан белый...

[А на что в доме клали покойника?]

На какую-то скамью или подставки специальные делают. А теперь другие, вот, и на стол; раскладной стол, и два стола... А прямо на скамью раньше.

[Подстилали что-нибудь?]

Ну, покрывало раньше или ковёр какой-нибудь. Постилают.

В гроб ложат у нас <...> первым долгом саван. <...> Он типа простынь, должен быть длинный, чтобы и ноги, и голову — всё закрыл. И одну сторону оставляют длиннее и закрывают потом. А потом наверх ещё полотно. Подушечка бывает.

А теперь, знаете, вот, и мой отец. У его гроб стоял пятнадцать лет, сделанный. Сами делали. Кто такие верующие очень, они делали сами; им государственный гроб не по закону был. Так он сам сделал, и пятнадцать лет в его гроб стоял, в сарае. <...>

[А в гроб засыпали что-нибудь?]

А он и засыпал; он на лето поставит, где-то он стоит у него. А так засыпали зерном. Ну, он не объяснял, почему.

[А потом куда это зерно девали?]

Использовали для скота.

[Если человек долго болел, что делали с постелью?]

Это пожигают всё.

117. ...У его большое уже приготовлено. И год двадцать лежит. И свечи, и обувь, и надеть. И такую шьют у нас, большую,

наверх... Без ту́ю, не наденешь — саван называется — и хоронить поп не будет. Во...

На но́ги, говорит, надо шить с платна́, чтобы яны там ба б сгнили б. Ай, а таперь больше кожаные готовые купля́ют и обувают тапки. А раньше, да... И чулки прѳстые, с то́чи шили. Бабушка моя набѳжная бы́ла такая, так яна — всё..., всё вы́ткано на става́х. И плат хотели покрыть этот прѳстый. А так — и ботинки, и чулки, и рубашка, и сарафан наверх — всё прѳсто. А таперь уже с магазина.

[А под голову что?]

Под голову подушечку.

[А чем ее?..]

А веником. Веники такие естя..., берѳзовые. Нашму́нишь и... На дно — стру́жки, как делают гроб..., так стру́жки, и тогда платно́м застелют, уже кладут — ёно мягко... Тада по етому то́чу отрежешь и закроешь крышку. И по крышке, по гробу́ то́чу такую застелешь. Раньше на платенцах опускали.

[А почему на полотенцах, а не на верѳках?]

А не-е..., на полотенцах; у нас на полотенцах. Ткали то́чу специально, и по то́че... А тада этим нищим делили. Рукав отмерют, нищим отрежут. Делили эту то́чу.

[А никто не говорил, почему на то́че лучше гроб опускать?]

Вузкая дорога, переходить там какую реку надо... И как на верѳке — как яна пройде́т? Яна не пройде́т верѳкой. А как полоте́нец, так полоте́нец разверни — уже ён широкий, уже она полностью пройде́т...

118. ...Гробы раньше не покупали, свои делали. Вот, если старый человек, доски заготовя; а умер — такие, которые вмели делать, сделают гроб — и хоронили. <...> Свои делали; такие низенькие, невысокие; и крышки такие невысокие. <...>

Даже не полагается на кровати умереть. Надо перед иконам; его положить перво головой. А вже умер, <...> тогда в нашей религии поворачивают ногам к иконам. А у литовцев — головой лежит мѳртый. А у нас должен быть к Богам, чтоб ён глядел бы на Бога. <...> Никакие памятники не надо, а деревянный крест. Старики рассказывали, которые крепко веровают; говорят, что больше не надо крест ставить. Поставили; ён сгнил, свалился <...> —

и, говорит, больше не ставить. Не велят и менять. Что, говорят, Страшный суд буде, и понесёт он на плечах его, на Страшный суд. А там кто знает, никто [из умерших] не сказал, конечно. <...>

Зато [поэтому] в нас, который верует в Бога, другой, пока прибалывает, и просится с кровати снять его, как умирае. Даже моя [жена] не поздбила; мать была спарализованная, а грузная... Говорит, с кровати сняла ану, положила ногам. Она: «Доча, не так положила. <...> Пока живая, должен положить головой [к иконам]. А когда мёртвый, тогда повернуть ногам...»

119. ...У нас должны на лавках. Вообще в гроб у нас не клали [в доме]; должна на досках. Соломки подостлать, прбстынь подостлал — всё. Это в старину так было. Чтоб соломка была под низбм. <...> Когда положат в гроб, и тогда соломку собирают и сжигают. Тогда уже глядят, что ножки есть маленькие, бывали. Показывалися ножки даже — по этому, где соломку зажгёшь.

[А чьи это ножки?]

Дух... Душа, говорят, ходит.

120. <...> Домовьё делали бесплатно. Вот, у нас по соседству жил и делал он, и он не брал деньги. Дают ему доски, и он размер знал, всё... Обыкновенные — белые, красивые. Не красили, ничего...

121. Если уже некрещёный ребёнок, полагается токо так захоронить, как вот, например, и все эти утопленники, висельники. Его отдельно хоронят и всё [за кладбищенской оградой]. И обязательно его токо вворачивали в чёрную одежду. Он некрещёный уже.

[А крест на могиле ставят?]

Ставят теперь, Господи. Есть людей разные. А раньше строго было. Раньше ограда была — могилки огорожены; и вот <...> таких некрещёных, или там висельников, или там самоубиц, или кто отравится — токо за забором хоронили.

[А не бывало, что на месте самоубийства хоронили?]

Нет, на кладбище. <...> Ну, как я пойду в лес [помянуть], похоронен. <...> Это, может, [другим] противно, нехорошо; но мне-то он родной сын или дочь. Ну, как я не похороню? Я похороню там, где хочу, никто мне не укажет. А ещё при Сметоны хоронили. У нас тоже так са́мо, соседки Долгов [от полиции прятался], пропал и пропал, потом вдруг повесился — надоело ему сидеть. Так она ж похоронила рядом — где муж похоронен, там и сын, и сама теперь, спят. Там Господь один судья, будет судить нас, куда кого определить. <...>

[А как со смешанными семьями?]

Ну, и хоронят вместе. Вот, теперь Шальчуса похоронила жена на староверском кладбище. <...> Очень они дружно жили. Похоронивши на своём кладбище и поставивши литовский ему памятник.

[А раньше можно было так хоронить?]

Боже сохрани! Нельзя было. Ни литовцы разрешали на своих [кладбищах] русских хоронить, ни русские — токо на своих кладбищах. <...>

[Вы нам показывали одежду смертную. А гробы заранее не готовили?]

Почему? Все делали его. Не ленитесь — залезьте [на чердак], посмотрите. Давно сделано; стоят гробы у нас, десять лет каких, если не больше.

[А неважно, какой веры человек гроб делал?]

Неважно..

[А в гроб зерно не кладут?]

Надо зерно обязательно! Но у нас стружка. Стружка и закрыто. А раньше зерно сыпали; много зерна люди имели.

[И долго его там держат?]

Пока помрёт человек.

[Не меняли?]

Нет. Зерно, оно стоит... <...>

Я не буду в этот гроб ложиться. Я легла, что мне — и ноги впирают, и голова впирает; да что это за гроб, говорю, что и растянуться нельзя будет! Я люблю гроб, чтоб свободный был бы. Вот, мы хоронили женщину одну. «Ой, ей не было женского гроба, в мужской положили! Мужской, вот, видите какой [большой]», — говорит. Я говорю: «Вот, свободно там будет ворачаться! Ай, как хорошо там...»

4. Погребально-поминальные обряды и обычаи

[А из какого дерева делали гробы?]

Ну, всё равно. Как старики раньше... — ёны называли «домовьё» — токо дубовые делали. И вот, он стоит долго...

[А не рассказывали, почему именно зерно в гроб засыпали?]

Надо заполнить гроб, пшеницу; там нечистая сила тогда [если он пустой] гуляет.

[Но заполнить можно и картошкой, а не пшеницей.]

Нет. Зерно или вот надо стружка; зерно...

122. В меня вже и гроб сделан, всё; стоит в складуку. Я уже никуда не поеду. [Дочери зовут рассказчицу в Волгоград.] Тут родители все лежат, мужик лежит, внучка девятнадцать год лежит — такую молодую схоронила, таперь плачу по внучке.

[А внутри гроба что-нибудь есть?]

А вот, в меня матрас сшитый и подушечка сшита уже. Венчики сухие обшмунены, матрас накрепанный и подушечка накрепанная, всё. Я не хочу в эту будку ложиться; это не наш гроб [покупной], там опилки. А в меня старолёсина; я отдала чатыре тысячи, на тьи деньги. Я по старини делаю, я старину держу. <...> А так: в меня свой гроб сделанный, и одежа в меня, есть вещи готовые — токо помереть... Сегодня я помри, меня помыли — всё...

123. А вот моя пасага [приданое], могу замуж выходить... [О «смертной одежде», приготовленной заранее.]

124. [В комплекте «смертной одежды» мы увидели полотенце, спросили, для чего оно кладется в гроб.]

Как помру, положат в гроб, и буду на том свете утираться. Вот моё всё приданое, в гроб лечь. Теперь токо тапочки сшить. Человек одежу собрал — собирайся и сам в поход...

125. Одевали по-русьску. Ну, заранее; если не успеет кто заранее, и во время похорон шили. Только уже тогда на скорую руку, не поправляли, токо вперёд, и вперёд, и вперёд [иголкой]...

[Иголкой от себя?]

Только вперёд. Вот, на машины или там..., только вперёд шили, уже взад — нет.

126. ...По старинке одела наша мама папу. Бельё новое; значит, носки, рубашка. Галстук — кто хотел; ну, как коммунисты — галстуки, а как мы были беспартийные, так токо рубашка русская, с воротничком встоячку, и балахон. Чёрный, токо чёрный. Тёмно-синий можно было, но я так чёрный купляла.

[Заранее готовили?]

Ну, видишь, заранее готовили, но чтоб наши мужья не знали ба. А оны сжигали — что ты уже к смерти приготовилась? <...> Руками шили. А мертвецу надо на ету..., на живую нитку; нельзя машиной. <...> Нельзя было так шить, что рубец, ай на машинке сел и прострочил. Грех большой. <...>

[А что делали с одеждой, оставшейся после покойника?]

Обычно наша мама, так она так — вымыла и бедным отдавала, нищим. <...>

[Не говорили, почему так надо делать?]

Ну, говорят, мертвец не снится. А так — не дай Бог! Если мертвец станет просить, он всё с дому вынесет. И мёртвому, говорят, если не так похоронишь (это старинные люди говорили), так он в семь раз [больше] возьмёт. Коровы сдыхают. <...> Не везёт в жизни, пока он своё не выберет. Так вот, за это теперь, особенно милостина, говорят...

127. После смерти человека его нужно помыть, переодеть в новую одежду, а старую убрать в узелок и после похорон сжечь.

[А до этого где ее держат?]

Где-то в складике, в уголке; в спальне под кровать можно где-нибудь спрятать. А сжечь — в саду, на окраине поля. Это настоящее бельё всё, самое нижнее бельё. А хорошие вещи, которые были в шкапу, можно распределить, другим людям отдать, бедным. И это будет ему вечная память.

128. Бывают дома́ на два конца, два входа. В первой половине лежит покойник. Во время похорон не выносить, не порядковать никакие отходы, ни мусор какой, — всё чтоб было на своих местах. А на кухне в ведро сложил, второе, третье — и тут же оно сохраняется. Нельзя полы мыть, подметать — ничё, ничё. Теперь уже в деревнях есть раковины, унитаза; тут моет, и вода бежит. Это уже не касается. Грязь — не грязь, там мокро, снег — пусть будет, пока вся эта царамония пройдёт. И ещё. Стоит покойник, сделана ему подставка. Как только возьмут покойника нести, тут же два человека должны быть подготовлены — это место: табуретки, доски там посланы — не медля разобрать. Это чтобы ещё не было в этом доме покойника.

129. Покойнику обязательно закрыть глаза. Покойник должен лежать в доме три дня, ногами на образá, чтобы он мог на них смотреть. Гроб в левом углу комнаты. Все окна, зеркала завешаны. <...> Стол, на котором лежал умерший, после того как его вынесут, обязательно разобрать, перевернуть скамейки, чтобы не было другого покойника в доме. Оплакивание достаточно скромное, нельзя много разливаться. <...> Но траурную одежду нужно носить как можно меньше; лучше белую, потому что душе будет тяжело, когда её будут оплакивать. Детей хоронят в белой одежде. Умершего младенца не крестят.

Говорят, что если покойник долго не остывает, тёплый, то скоро может быть другой. <...> Женщинам, которые оплакивают, нельзя постригаться. Перед оплакиванием нельзя пить чай, кофе.

130. [А почему покойнику обязательно глаза закрывать нужно?]

Если человек помер и не можно глаза закрыть, то тогда медные копейки ложат, пятикопейки что были, ложат на глаза, чтобы закрыть. Так это примечают, что ещё будет; в этом доме ещё должен умереть кто-то. Якобы он [покойник] к себе [тянет].

131. [А крест к гробу прибавали?]

Нет, креста у нас нельзя было; у нас грех крест закапывать — нельзя. Даже сейчас вот..., яны делают, тоже прибавают Исуа Христа. Надо оторвать. В нас большой грех, чтоб икона там не была б, в земле. Ежли по закону. <...>

[А на чем гроб в могилу опускали?]

Токо в литовцев на верёвках, в православных [т. е. у *нико-ниан*]. А в нас должны полотенцы; и эти полотенцы всем нищим разделить. Потому что на тым свете по морю мы пойдём, чтоб это подостлать себе, под нóги. <...> А вот «домовьё» — это да, это по-русски, да; не «гробы» были, а «домовьё»; это правильно...

132. ...Воду, где моешь покойника, надо тоже выливать, чтоб где никто не ходил ба. Где-нибудь так вот, чтобы в куст какой или где-нибудь в такое место, чтоб не ходили там по этой водё.

[А не говорили, почему?]

Ну, говорят, что плохо, а почему — не знаем мы...

[А одежду, в которой человек умирал?]

Эту тоже жгут одёжу, тоже. Ну, если бедные, так носили, носили раньше. Постирает там; носили раньше. А который так по-богаче, так эту всю одёжу в огонь.

[А нищим не раздавали?]

Раздавали! Раздавали, нищим тоже раздавали. <...> Гробы зóрань даже делали многие. Хто богатый, насыпал хлебом; там рожь или там пшаница. Сделают зóрань гроб и насыпают, и он стоит. <...>

[А зерно меняли каждый год?]

Не, не. <...> Как уже покойника ложут, зерно выгребут; его зерно должна где-то в глубокую, глубокую яму закопать. Это уже богатые так делали, а беднейшие — стружками.

[А опускали гроб на чем?]

На полотенцах. Ткут такие полотенца широкие. <...> На полотенцах; на верёвках — не. На верёвках, так нам раньше родители говорили, что по верёвкам я не смогу пройти после; надо переходить его всё — как умрёшь, покойник переходит его. А идёшь по своему, что выткешь такие полотенца, длинные — ну, метров двенадцать такое. <...>

4. Погребально-поминальные обряды и обычаи

[А просто на холстах не опускали?]

Ну, рушники длинные делали. <...> Так на рушниках это ж можно тоже. Токо новые надо...

[А почему гроб, сделанный заранее, нельзя держать пустым?]

Тогда, говорили нам, что быстрее покойника туда тянет он...

133. Когда покойника обмоют, воду под кусты выливать надо.

[А почему нельзя на дорожку, в огород?]

Видишь, говорят, что топтать всю жизнь человека будешь, <...> евбдное тело. Надо, говорят, чтоб его не топтали б.

134. Берут человека, <...> моют. Посадят его на скамеечку, воды погреют и моют; потом одяжут и кладут.

[А воду куда девают?]

Куда-нибудь под хоромы под какие-нибудь, под вугёл куда-нибудь, а не под ногам. <...> Это, говорит, под ногам если выль-ешь, скотина тогда не ведётся...

135. [Когда покойника обмывали, куда потом воду выливали?]

Где такое место, где не ходишь.

[А одежду, постель покойника?]

Когда умер? Это выносят; одёжу спалют, крвать тоже — не спят на этой, тоже выкидывают.

136. [А с одеждой, постелью покойника ничего не делали?]

Палили... Во двор вынесут и спалют, которое не надобно уже.

[А под покойника солому подстиляли?]

Вот счас уже этой соломы не стелют; раньше... под головашки, под голову дали солому; кулёк свяжут, а счас уже подушку кладут. А раньше солому клали. Закрутят там каким полотном, и клали солому.

[Солому потом тоже палили?]

Да это всё, всё; соберут это всё что есть, вот так вот скручивают яну всю в кому, выносят это... Так какая одежда, всё складают, всё палют.

[А палили в любом месте?]

Счас, видишь, солому — нет. Относили подальше от хором... И этот пар, чтоб шло в небо, чтоб шло бы за него...

137. Не отпросишься у Бога, когда смерть у порога.

138. Тут ходит, а с тем светом говорит. (Скоро умрёт.)

139. С тюрьмы есть выход, а с могилы — нет.

140. Живые всегда в долгу перед мертвым.

141. [Загадка] Сидит птица на дубе,
От ней никто не уйдёт —
Ни царь, ни царица,
Ни красная девица,
Ни рыба в море,
Ни рак в норе.
(Смерть.)

142. [Загадка] Певунчики поют, ревуны режут, текунчики текут, бегунчики бегут, сухо дерево везут. В сухом дереве не пыхнет, не дыхнет, не ворохнется. (Похороны.)

4. Погребально-поминальные обряды и обычаи

143. [Загадка] Ишёл я до большого села. Ни петух не поёт, ни собака не лает, ни огонь не горит. (Кладбище.)

144. [Загадка] Жених без рубля. (Гроб.)

145. [Загадка] Саночки ревут, сухое дерево везут. (Везут гроб.)

146. [Загадка] Есть земля, в которой богатый не расщедрит-ся, бедный не разбогатится и ретивый не расходится. (Могила.)

147. ...[В могилу ничего не бросали?]

Ну, копейки кидают, денег. Выкупают, ну, место; може, где другой похороненный какой, так это кидают.

148. Как хоронют, в могилу кидают деньги. Я не знаю, для чего кидают. Вроде как покупают себе дом.

149. ...В меня гроб самостоятельный. Ни в кого в Жусо́лях [Ужусо́ляй] нет гроба́; байки, что богато живут. А в меня гроб — старолёсина, сосновый... Четыре тысячи отдала. Гроб хороший, одёжа хорошая, свечи хорошие. Я вот эти свечи в моленной купляю — это не свечи, солома! Какие тоненькие. В меня свечи — обнаковенные свечи, <...> чистый, чистый до́бовый воск. <...> Этот я не хочу, и на базаре не хочу куплять этот парафин. Какая тут свеща? Вот эта, моя свеща — есть свеща!

В нас саван кладут, а без савана — грех. И в нас на платёнцах опускают [гроб в могилу], на верёвках у нас не опускают.

[А почему?]

На верёвках токо коня опускают! А платёнец... На том свете, може, надо, как говоря это, переходить реки, мытарства. <...>

[А если крест на могиле сохнет, его заменяли?]

Не-е. Боже упаси, нельзя! Крест нельзя. В сторону откинь, но жечь не жги; откинь в сторону, и всё. Не меняли. А тапери-ка <...> каменные эти памятники — тоже большой грех. <...> А нельзя камень класть. А чаво? Как гром гремит, чёрт прячется под камень.

150. [А кресты деревянные ставили?]

Да, дубовые. Деревянные... Придётся там, когда уже..., будет какой-то конец, что ли — надо будет крест этот несть. Разве каменный этот подынешь? <...> Я бы тоже б хотела б деревянный...

151. ...Бабушка говорила, что не ставьте мне камень — тяжело будет держать. <...> Они считают, что они должны свой крест этот нести.

152. [На чем раньше опускали гроб?]

На полотенцу. <...> Раньше люди говорили, что, говорит, как там придётся идти, говорит, на тым свете — верёвкой плохо пройти. <...> На полотенцах лучше.

153. [Как гроб опускали в могилу?]

По-старинному — это на полотенцах. У нас и теперь на полотенцах. Эти полотенца разделяют потом; ну вот, нищие, хто побираются. Иногда батюшке отдают сколько, а больше нищим отдавали. <...> Ну, некоторые берут теперь в похоронном бюро эти ленты, але мало хто. А большинство..., старушки или не старушки, но заготовивши полотенца; десять-двенадцать метров.

[А почему надо опускать гроб на полотенцах, а не на верёвках?]

Оно, как ёно... — дорожка... Идти на суд, на суд Божий дорожка.

[Лучше будет, чем веревка?]

Да, по верёвке хуже пройти.

[А если крест сгниет, его заменяли новым?]

Нельзя! Сгнил — и всё. А теперь всё равно обновляют, какой-то другой поставят.

[А почему нельзя обновлять?]

Ну, знаете... У нас ставили крест только деревянный, потому что, говорят, его надо будет нести на гору. А теперь уже и тяжёлые ставят. А раньше говорили, что его на себе надо будет нести. А теперь ставят памятники.

154. ...И крест ставится деревянный, когда уже закопали [покойника]. И стоит, пока не соглеет. Земля должна быть землёй. <...> Идёт на Страшный суд душа его, <...> она должна с собой нести крест; а крест каменный душе не под силу, а деревянный всякий каждый может нести...

155. [Почему гроб плохо опускать на веревках?]

Видишь, на верёвках, так когда хоронят, дак верёвки бормочут — «вр-вр-вр!», когда опускают гроб. А полотенце — тихенько на полотенце...

156. [А гроб на чем опускали?]

На втиральных. Ну, длинные: двенадцать метров, десять метров — такие.

[А почему не на верёвках?]

Так не годится на верёвке, токо человек вешается на верёвке. А тут покойника опускать, будто неудобно на верёвке... А потом эти втиральники. Такие нищие были; ну, и рвёшь там по метру, по скоко, режешь и этим даёшь... Не пользовался им сам, никогда. Пусть они за его Богу молятся; да, за покойника.

157. ...Вот, раньше как моя бабушка и мама, значит, они ткали. И вот такие платенцы, домашние. И отрезали, специально двенадцать метров; надо по шесть метров. А теперь уже покупают платенцы; потому что кто ткёт? — никто и не ткёт. А раньше ткали, пряли, вязали; а теперь никто не ткёт, лён не сеют. Теперь кто имеет давнёшние, тогда... Вот, например, моя сестра похоронила маму, она своим, где у неё было полотенце покушлено. И она, по этим полотенцам и её дети опустят. Сказала, чтобы все дети на етых полотенцах, значит, хоронились, чтоб по одной дороге ходить. А там правда, неправда? <...>

[А что в гроб клали с покойником?]

Ну, раньше что... Гроб, стружкí, на стружкí матерьял в гроб ложили; потом саван. <...> А когда уже покойника, закрывать гроб, тогда естя два метра — или тюль. <...> Когда гроб несут — «погробщина» ставится; в кого нету, так поп своим, с крестом, таким накрывает. Ну, под эту надо обязательно два метра матерьялу, на низ на гроб, чтоб не голый гроб. <...> Ну, а так — лёстовочку на руку одеют, крест; ну, и больше ничего. Кто захочет, там-ка... Я помню, моего дядьку хоронили, так он сказал: «Мне бутылку водки полбжьте, потому что меня встретят, чтоб я, говорит, мог бы вгостить». Положили ему бутылку водки; да, положили. А потом, ещё один имел золотников много; ну, так сказал, что мне один золотник полбжьте.

[А «золотник» это...]

Золото, золото... Ну, и ему положили, <...> токо, конечно, тихонько.

Вот, когда первый раз хоронят человека, могилки вот... Как во мы взяли могилки — никто там не хороненный; то, значит, надо в могилку бросать деньги. Выкупить место это, а то там не примут, что надарма. Так бросают деньги. А потом уже хоронют — тогда не надо.

[Это когда новое кладбище?]

Новое кладбище, новые могилки. [Или] кладбище старое, но могилку новую. Вот, мы заняли место; никто ещё не хоронен — то надо деньги. <...> Вот, например, меня похоронят — деньги будут бросать; его [мужа] после меня — уже могут не бросать деньги. Вот, такой обычай. А к чему — не знаю; говорят, что место выкупаешь, чтоб спокойно лежал...

158. [*Почему гроб лучше опускать не на верёвках, а на...*]
...на рушниках. Я слышал так. На рушниках опускают. Одно, что на рушнику удобней опускать; он широкий, гроб ставится плавно. А верёвка — она и есть верёвка; там всякое такое, скользит. А второе — потом, когда опустят, похоронят, тогда эти рушнички отдадут нищим; положено отдавать нищим, чтобы нищие помолитися об этом человеке. Это большая польза. <...> Он <...> от всего сердца, <...> от всего усердия потом и Богу молится, и всё такое...

159. [*А вот опускали гроб на...*]

А. С.: ...на полотенцах. Токо на полотенцах; или раньше как были такие полотенца длинные, или же матерьял такой — ну, платёчистый. И надо именно по шесть метров, чтоб двенадцать метров было бы. А теперь на верёвках разных...

[*А не говорили, почему на полотенцах?*]

Потому что широкая дорожка. Должен мёртвый человек ходить по этой дорожке. <...>

[*А гроб на кладбище несли или везли?*]

До кладбища — на лошадях.

[*А если недалеко?*]

Там на руках, на руках несли. Недалеко — на руках...

А. Н.: А если далеко — раньше носили по десять-пятнадцать километров — жерди, на жердях. Раньше это было запрещено на коню возить; приносили десять-пятнадцать километров на себе на кладбище. С одной стороны идут, несут два человека; и смеются. <...> А они [*жерди*] длинные, метра три. Весь гроб верёвкой снизу — и несёшь; лёкко несть.

[*А жерди эти потом...*]

А. Н.: Оставляют на месте. Потом уже вынесут када-то.

А. С.: Раньше цвяты никаких не было [*на могилах*]. Просто приходят, если я; вот, умрёт мой сосед, я прихожу — несу две свещи, четыре свещи. А цветы никакие не были. <...> Токо свёщи ставили. <...>

И в нашем законе надо простую одежду шить. <...> Платья нельзя в нашем законе... Рубашка и сарафан — никакие ни кофточки, ничего. Трусы не одевали.

[*Туфли тоже?*]

Нет, тапочки. Сматёрсчатые тапочки, или вязали.

[*А не говорили, почему мягкие нужно?*]

Вот, поетому говорили, что нельзя, что когда покойник идёт там, на тым же свете, чтоб..., ну, никто не слышал ба, куды он идёт; чтоб тixенько, мякенько... И самому лёкко, потому что далёко проходят, говорят; далёкую путь проходит он, покойник. И других, ну..., не тревожил бы других. А длинное... Ну, я не знаю, это правда, нет, но говорили, что когда длинную одёжу, вот, носит, что вот куды он идёт, что этим сарафаном своим следы заметал бы. <...> Я спрашивала в бабушки, маленькой [*когда была*]: «Бабушка, почему ты такой сарафан длинный на смерть сшила?» А она говорит: «Внучечка, чтоб куды я пойду, чтоб другие не знали, за мной не пошли бы. Или в рай иду, или в пекло — значит, я иду и сарафаном заметаю стегу...» <...>

[*А крест на покойнике нательный, который всю жизнь носил?*]

Нет, специальный. Такие..., как они назывались? — капарисовые. <...> Он не ржавеет, и ничего не становится ему. Человек уже струхнёет, и етот хрестик струхнёет. А етот же [*металлический*] будет такой лежать, в ржавчины, на груди в его...

160. ...Я по-християнски лягу. <...> Ни с музыкой, ничего. И чтоб мне цвяты к гробу ништо не положивши. Если ласка есть — свещу принеси, к гробу приклей. А мне венки не надо. Венки только в литовцах кладут, в православных [*т. е. у никониан*] кладут. <...> Обувает [*покойника*] — чулки, носки и тапки. А ботинки в нас нельзя на гвоздях.

[*Почему?*]

А почему? Исуca Христа гвоздам-то прибивали, распинали. И вот, в нас гвозды чтоб не были б...

[*А на чем гроб в могилу опускали?*]

На платенцах. На ремнях нельзя опускать, на верёвках нельзя опускать — как корову сдохлую в яму опускают. Платенцы...

161. ...Их хоронили за забором [*кладбища*]; который повесился сам себя, ну — самотрáтец, как называется... Сам себя. Ай втопился, ежели умышленно втопился — тоже там хоронили, за забором...

162. ...Сорок дней [*после смерти*] душа, понимаете, летает — за свою жизнь где она бывала, что она творила, что она делала, она везде должна побывать и ответ за всё держать. Вот так. А сорок дней — все мытарства пройдёт душа, <...> и тогда возвращается к своему ангелу. И Господь определяет, что <...> заслужил человек, то душа получает: или в рай, или в ад...

163. Раньше было очень строго. Вот например, где мы стоим, на клиросе, уже не зайдёшь; надо было одежда чтобы длинная одета. В платке обязательно.

[*А цвет какой?*]

Неважно какой, всякий. Траурный. Траур у нас не носят — токо пока похоронят, чёрный платочек.

[*Во время поминального обеда какие блюда на стол ставили?*]

Вот, как раньше — щи сварят, кашу, или две каши — грешневая там, пшонка, или рисовая. Молоко топлёное, творог, пироги домашние.

[*А блины не пекли?*]

Не-не, не делали.

[*А для покойника не ставили?*]

Раньше было, как мой папа помер. Так же само: батюшка сидит, и пономарь — в нас назывался «головщик» — рядом с ним ставят ещё прибор один. <...> Хлебчик возьмут, соли посыпано — хлебчик стоит, вилка, ножик, тама и ложка. И хлебушко положено в тарелочку.

[*А когда кончается обед, этот хлеб куда-нибудь девали?*]

Этот хлеб берут, до сороковой; водички наливают стакан,azole иконки ставят, и этот хлеб, соль положат. Водичку — душа прилетает до сорок дней, испивает; а хлеб остаётся...

164. ...У нас, когда похороны, считается — мясное нельзя кушать. Это, кажется, говорят, что мясо лежит, и мясо кушать. Ну, у нас было так: пироги, рисовая каша, борщ; каша там одна, каша другая; тогда запивать — какой-нибудь компот, один, другой. <...>

[А вино не ставили на стол?]

Во время советской власти стали...

165. Такой случай был. В моей племённицы девочка умерла маленькая. И вот, её одели, здесь бантик сделали голубой, и гробичек и понесли хоронить на кладбище. А на кладбище памятник стоял. И веночек повесили, на памятник этот повесили, и ребёнка хоронят. И ребёнка только стали опускать в могилку, а фотографщик — «чикш!» — сфотографировал. Тогда через скою время фотокарточки вышли, и там — это я сама карточку видала, в меня она была, — на памятнике стоит этот самый ребёнок. И эта ленточка завязана, и ручки сложены вот так вот [*показывает*]. Эту карточку я понесла нашему священнику. «Батюшка, посмотри». И он говорит: «Это самая душа; когда, говорит, хоронят человека, душа сидит на памятнике. Мы не видим ану́. А если бинокль, говорит, быстро возьмёт, он его схватит». И он схватил этого ребёнка — ну, чистый ребёнок, сидит на памятнике. Ребёнок зажмуривши так, ручки сложены, хорошенькая девочка сидит...

5. ЗАГРОБНЫЙ МИР. ОБЩЕНИЕ С УМЕРШИМИ

От старообрядцев Литвы не записано развернутых рассказов о «хождениях» в загробный мир. Во многом это объясняется тем, что для местной фольклорной традиции не характерен сравнительно редкий жанр «обмираний», а в волшебных сказках путешествие «на тот свет» в сущности не отличается от поездки «в тридесятое царство» (Елеонская, 47). Это — трудное, опасное и тем не менее вполне посильное для сказочного героя предприятие; оно не ассоциируется с его смертью (даже временной). Определенную роль сыграло также широко распространенное убеждение в том, что покойникам, посещающим белый свет, категорически запрещено передавать живым какую-либо информацию о загробном мире: «С того света ничё нельзя вынести, и сказать на людей, что [там] есть...» Однако в самих похоронно-поминальных обрядах, в мотивировках ритуальных действий, в рассказах об общении живых с мертвыми содержатся десятки деталей и подробностей, в совокупности создающих достаточно полную картину потустороннего мира.

Он мыслится как отдельное замкнутое пространство, находящееся то высоко в небесах, то глубоко под землей, но чаще всего — в той же горизонтальной плоскости, что и мир живых. «Тот свет» отделен от «белого света» рекой (иногда огненной, в чем правомерно усматривать влияние канонической христианской книжности и духовных стихов о Страшном суде). Именно этим объясняется описанный в предыдущем разделе древний обычай опускать гроб в могилу не на веревках, а на *«тóче»* (домотканом холсте) или на широких и длинных полотенцах — они послужат надежным мостом в мир мертвых. Такие полотенца в старину или бросали в могилу, или разрезали на куски и раздавали нищим. Второе действие семантически адекватно первому: у старообрядцев Литвы до сих пор любая милостыня воспринимается как своеобразная «посылка» умершим родственникам (надо только мысленно произнести нужное имя). Некоторые староверки собирали и хранили обстриженные ногти. «*Как помрёшь, надо на крутую гору лезть*», — поясняла когда-то нашей рассказчице ее мать. — «*А вот эти нёкти <...> будет как подстилка, как клáдка*».

Представления о загробном мире во многом определяют содержание рассказов об общении живых с мертвыми. Наиболее простые

по структуре тексты посвящены неожиданным встречам людей с покойниками. Чаще всего герой выступает в роли пассивного наблюдателя — он видит, слышит, иногда соприкасается с выходцами «с того света», но не вступает с ним в непосредственный контакт. Набор ключевых мотивов тот же, что и в рассказах о столкновениях человека с нечистой силой или «нежитью» (домовым, лешим, привидениями, бесами и т. п.). Как и в других тематических циклах, «ходячие покойники» нередко ассоциируются с чертями или же подчеркивается, что это бесы приняли облик близкого или знакомого человека. Общая черта таких текстов — акцент на явных отклонениях от нормы (необычных звуках, внешности, поведении, сверхъестественных возможностях демонических персонажей, их появлении в неурочном месте или в неурочное время и пр.).

Вторую группу составляют тексты, в которых констатация появления покойника дополняется более или менее развернутой мотивировкой, объяснением народных верований и обычаев. Отсутствие подобных комментариев некоторые исследователи связывают с затуханием традиции. Но это справедливо лишь отчасти, поскольку само бытование таких произведений предполагает осведомленность аудитории в области народных верований. Не случайно большинство информаторов весьма обстоятельно отвечает на наводящие вопросы собирателей — для них это «азбучные истины».

Самые сложные по структуре сюжеты возникают в тех случаях, когда человек активно реагирует на появление и действия покойника, неосторожно обнаруживает свое присутствие, вступает с ним в диалог, предпринимает ответные, а тем более «провоцирующие» действия, нарушая неписанные «правила поведения» при встречах с мифическими персонажами. Некоторые тексты разрастаются в объеме благодаря соединению нескольких типовых эпизодов, между ними возникают сильные логические связи и в итоге мифологическое сказание по своей структуре максимально приближается к классической народной сказке. Именно такой вариант записан от Хавроньи Портновой из Зарасайского района (№ 198). Этот текст содержит целый комплекс традиционных обычаев и верований. «Тот свет» предстает в нем как мир параллельный, по многим параметрам сближается с «белым светом». Там продолжается жизнь, существует старообрядческая община, не желающая принимать в свою среду нарушителя староверского бытового «закона». Там тоже можно «перекулиться», то есть перейти в другую веру. Причиной возникающих осложнений оказывается грубое нарушение требований традиционного ритуала (Павлика похоронили без савана). Самый надежный способ пере-

дать какую-то вещь в потусторонний мир — положить ее в могилу при очередном погребении. Пока гроб не засыпали землей, покойник слышит все, что говорят ему родственники. Один умерший сын приснился матери, второй *«пришел в гости»* наяву.

В наши дни столь подробные рассказы о жизни в загробном мире — большая редкость. Как уже отмечалось, отчасти это можно объяснить широко бытующим мнением, что усопшие ничего не должны рассказывать о потустороннем мире. Отец одной из наших исполнительниц, на редкость смекалистый и оборотистый человек, перед смертью обещал родным, что уж он-то ухитрится передать весточку «с того света». Но когда он явился дочери во сне, в ответ на ее прямой вопрос лишь развел руками: *«Сказать, что там есть, ничего я не могу. А вот Богу молиться надо...»*

Записанные в Литве тексты подтверждают вывод, сделанный И. А. Разумовой на севернорусском материале: для близких родственников граница между двумя мирами проницаема и без посредников — медиумов или колдунов (*Разумова*). Можно уточнить, что рассказы об общении живых с мертвыми — это «улица с односторонним движением», ибо инициатива таких контактов обычно исходит от покойников. Именно они посещают своих родственников, а не наоборот. По всеобщему убеждению, чаще всего это случается в поминальные дни (Троица, Радуница, Дмитровская суббота) и до «сороковин» — в первые сорок дней после смерти, когда души усопших, оставаясь невидимыми для живых, летают по белому свету.

Как и в общерусской традиции, в наших записях преобладают рассказы о сновидениях. Подчеркнем, что это — не вещие сны-предсказания будущего, а форма прямого общения умерших предков с потомками; сновидение функционирует здесь как канал связи между двумя мирами, как своеобразный тамбур, соединяющий их. В местной фольклорной традиции сохранились многочисленные реликты архаичного уподобления сна смерти, понимания его как временной смерти. Не случайно покойники снятся живым преимущественно до «сороковин», в *«родительские субботы»* и другие поминальные дни, иногда — в ночь на среду или пятницу (постные дни недели). К тому же по содержанию рассказы этой группы практически не отличаются от тех сюжетов, в которых умершие приходят в свои дома наяву или в виде привидений.

Визиты мертвецов на белый свет мотивируются двумя основными причинами: либо они хотят помочь своим родственникам, предупредить их о надвигающейся беде, удержать от неразумных поступков, либо сами просят помощи. Умерший отец является дочери

во сне и умоляет ее помочь матери — оказывается, в это время она действительно тяжело болеет и нуждается в уходе. Покойная мать *«сирот наблюдает»* — заботится о малолетних детях. Отец будит свою дочь, едва не проспавшую праздничное богослужение в церкви; другой усопший сообщает домочадцам о том, что корова уже отелилась, и т. п. Умершие беспокоят живых и в тех случаях, когда их похоронили с нарушением принятых обычаев или распорядились их имуществом не так, как было завещано. Покойница-мать во сне подробно проинструктировала дочь, как надо *«обрядить»* умершую сестру, особо предупредив, чтобы не забыли ее *«опояхать»* и заменить нарядную покупную одежду модного покроя домотканой рубашкой с длинными рукавами. Покойный брат жаловался сестре, что он не может никуда пойти в гости, поскольку жена, вопреки традиции, похоронила его в *«одеванной»*, а не новой одежде. А дедушка, завещавший свою кровать любимой внучке, приходил и сдерживал одеяло с других членов семьи, угрожал им расправой и в конце концов добился своего: *«Только его внучка спала, которой он отсулил»*. Изредка встречается еще одна мотивировка: покойник является в мир живых за своими деньгами, которые остались на сберегательной книжке, или же снится односельчанке-вдове, уговаривая ее вырыть спрятанный клад.

Умершие родственники чаще всего просят пищи (*«justь хочу!»*) или просто жалуются на свои беды, не конкретизируя, чего они хотят. Но сам факт подобного сновидения — знак какого-то неблагополучия. Чтобы помочь покойнику, надо заказать поминальную службу в церкви, не скупиться на милостыни. *«А потом я вже знаю, что надо делать. Дал нищим, вот..., и не стала сниться»*. Лучшим подаянием считается вареное яйцо — оно заменяет двенадцать милостынь. Давать нищим деньги не рекомендуется. Покойный сын упрекал за это своего отца: *«Чего ты меня бумажками кормишь, ведь ты сам бумажки не кушаешь...»* Зафиксирована и другая, еще более архаичная мотивировка: в мире мертвых, как и в любом «ином мире», все словно «вывернуто наизнанку», привычные ценности превращаются в бесполезный хлам. *«Деньги — это на том свете вугли»*, — поучала рассказчицу *«древняя старушка»*. Один из самых популярных мотивов таких рассказов — жалобы покойников, что им *«мокро лежать»*, поскольку родственники слишком долго и безудечно их оплакивают. Такие сны нередко служат поучительным уроком для живых. Мать, похоронившая некрещеную девочку, видела во сне, каким обездоленным оказался ее ребенок *«на том свете»*. Теперь она убеждает всех знакомых свято соблюдать традиции, во всем придерживаться старообрядческого *«закона»*.

Многочисленные поверья и запреты связаны с кладбищем, которое осознается как своеобразный «аванпост» загробного мира, где живые должны вести себя предельно осторожно и корректно. Здесь нельзя кричать, громко разговаривать, курить, распивать спиртное, мужчинам — ходить в шапках и фуражках, а женщинам — с непокрытыми головами; отсюда ничего нельзя уносить. Эти поведенческие стереотипы закрепляются с помощью разнообразных быличек, рассказывающих о неминуемом наказании нарушителей этикета. Даже близкие родственники, попытавшиеся сорвать на могиле цветок или взять принесенную соседкой конфету, вызывают резкое недовольство покойника: *«Принеси мою конфету! Не тебе дадена!»* А когда сразу после похорон чужие люди взяли с могилы цветы для свадьбы, это обернулось страшными бедами для всей их семьи.

Представления о необычной природе и особом статусе мест захоронения (островок потустороннего мира в мире живых) устойчиво сохраняются и в наши дни. Они нашли свое развитие в быличках о появлении привидений и кознях «ходячих покойников» (*«водят», «пугают»* на заброшенных кладбищах, забытых могилах или там, где когда-то произошли несчастные случаи, кто-то покончил с собой). А взятый с могилы псенок, щепки с креста (как и игла, которой шили *«смертную одежду»*), считаются одним из самых опасных «инструментов» вредоносной магии.

Для записей последних лет характерны переосмысление, актуализация древних представлений о потустороннем мире, включение в них современных реалий и понятий. Так, невидимая душа умершего ребенка оказывается запечатленной на фотографии, сделанной во время похорон. (Девочка, одетая в *«смертную одежду»*, сидит на соседнем памятнике.) По объяснению наставника, *«это самая душа <...>. Мы не видим ану́. А если бинокль, говорит, быстро возьмёт, он его схватит»*. В другом тексте покойница-мать, явившись сыну во сне, жалуется на «жилищные неурядицы» на том свете: *«Будто яну выселяют с этого дома, где она живет. <...> И говорят ей: «А, ты здесь не приписана...»* Умерший отец не просит, а настоятельно требует помощи от сына, угрожая в противном случае подать *«на лименты»*.

Отдельную группу составляют сюжеты о приходе домой одного из умерших супругов. Контакты с ними весьма рискованны для родственников, а сами визиты усопших изображаются как нечто среднее между явью и наваждением. Покойники ходят по комнатам, беседуют с членами семьи, топят печи, работают, но никаких реальных следов их работы не остается или же они все делают неряшливо и неумело — путают пряжу, рвут нити, выпускают коров

в огород и т. п. Иногда и другие родственники являются в родной дом с недобрыми намерениями. По словам одной из рассказчиц, ее покойный муж пришел во сне и «забрал» с собой брата — он скончался в тот же день.

Самыми опасными для живых считаются встречи с теми, кто покончил с собой, умер насильственной смертью или от запоя, без исповеди. Если почившие родственники без крайней нужды не тревожат своих близких и скорее полезны, чем опасны для них, то самоубийцы постоянно бродят по земле, пугают людей, становятся источником всевозможных бед. «Она возьмёт, сделает так, якобы коровы по озеру плавают. Ну, и все смотрют, а эти, хто бы бросился б». Пока «ходячие покойники» занимаются своими бесчинствами, их могилы остаются пустыми. Согласно народным верованиям, посягая на свою жизнь, самоубийцы тем самым отдают душу дьяволу («вѣсельник» — «бесу баран»), а после смерти превращаются в коней, на которых ездят черти.

Живым не рекомендуется нарушать покой мертвых, вторгаться в их мир. Опасно ходить на кладбище в первые дни после очередных похорон — душа усопшего в виде пара поднимается из могилы, гоняется за человеком и может убить его. Трагически завершаются все истории о том, как легкомысленные люди в шутку приглашают (или силой притаскивают) мертвецов на «сўпрядки» (деревенские посиделки). Покойники жестоко мстят святотатцам: он «задушил их, шкуры снял и выбросил» из клетки. И лишь в одном сюжете благодаря советам мудрой старушки девушкам удалось спастись. «Она взяла, им всем горшки на голову надела, этим девкам». Прибежавшая с косою покойница лишь разбила эти горшки, приняв их за человеческие головы.

Чтобы не бояться умерших, прекратить их нежелательные визиты, рекомендуется дать нищим соли; перед выносом тела поцеловать ноги усопшего; посидеть на лавках, на которых он лежал в родном доме; взять и поносить несколько дней тесемочки, которыми связывали руки покойника.

166. Который сгорел, в егого души нету; сгорает всё [у того], кто огонь прошёл.

167. ...Моя, бывало, и ноги обстригёт, руки обстригёт и берёт, за пазуху. Говорю: «Мама, на что ж ты еты нёкти? Яны́ ж колоть будут». — «Как помрёшь, надо на крутую гору лезть. А вот ети нёкти, говорит, это будет как подстилка, как клáдка. И, говорит, лёгко залезешь». <...> Вот, я от ей слышала, но и она от кого-то тоже слышала? И я как-то так делала. А после тоже думаю: «Ну, дурусти какие...»

168. Потом, в нашем законе, говорят, так: когда помрёт этот крещёный, так уже не встречается с рóдной маткой и с рóдным баткой, а встречается только с крёстным...

169. Мать [*покойную*] снил я так. Я сплю, она приходит: «Сынок, говорит, вставай. Помоги мне, говорит, помоги. Мне очень трудно. Я в другой раз тебе отдам, помоги». Ага... Я подумал, подумал. Встал, думаю: пойду, помогу, что она хочет. Ну, а она; будто люди коло ней, и вот, будто яну́ выселяют с этого дома, где она живёт. И говорят ей: «А, ты здесь не приписана, мол, как ты будешь тут жить?» Ага... «Мы не разрешим тебе тут жить». Ну, я подумал, подумал — что я тут полезу в чужое дело? Ну, и проснулся. Значит, помощи какой-то просит. А потом я вже знаю, что надо делать. Дал нищим, вот — и не стала сниться.

170. Отец горазд просит. Ага... Да так всё просит: «Ты, говорит, помогай мне, дай мне чё-нибудь». Не говорит, что денег. «А то, говорит, я на тебя на лимёнты подам». А я ему говорю: «Дак разве, папка, разве я один? Есть же много в вас, говорю, детей, пускай все помогают». Ну вот, явно так не скажет, но вже предполагает тебе — сам догадайся.

[*Речь идет о покойном отце рассказчика.*]

171. ...Говорят всегда, если на Троицу, в субботу, Троицкую субботу идёшь [*на кладбище, поминать родственников*], так покойники видят тебя...

172. [*Не говорили у вас, что когда покойников поминают, они всё видят?*]

Да, говорят, говорят. Это «Радоница». Богу молятся, и они видят это, горазд радуются все уже. Все уже — и эти косточки, и все. Говорят, лучше Троицу не отмолися, но Радоницу отмолися, и етым, которым старушкам, эту милостинку дай — вот, яичко это вот, хлебушка. Но деньги — это не обязательно давать; это не поминки, говорит, что ты деньги дашь. Они соберут, они пошли в столовую ай где, напьются — и дерутся. <...> Уже это не поминки. <...> Соль ещё делают, вот это хорошо; тоже на кладбищах...

173. ...Говорят, что соли надо нищим давать, чтоб это не снился [*покойный родственник*]. Это снится — просит чего-то. Значит, покойник просит чего-то.

[*А про яйцо не говорили ничего?*]

Ну, это признано в старину, что ежели милостинку яичко дашь — двенадцать милостинок <...> замещает. Или вот приходит нищий, дашь хлеба кусок — это не то. А если одно яйцо дашь — это двенадцать милостинок якобы дал.

174. На Троицу красят жёлтые яички — или берёзовым листиком, они очень жёлтые получаются; или лук — шелуху снимешь, отварить. И тогда нищим делают. Одно яйцо — двенадцать милостынь, у нас говорят. Это лучше, чем денег, лучше, чем что. Отмолятся, батюшка ходит по кладбищу. Как уже пообедают, всё сродство строится, эти жёлтые яички едят. <...>

[*А со скорлупой делали что-нибудь?*]

Другие прямо на могилки рассыпают, а мы не. На кладбище я всегда пшеничку разбросаю, пташки кушают. И яичко раскрошить можно, и целые кладут — не знаю, для чего. Говорят, и покойники едят.

5. Загробный мир. Общение с умершими

175. Увидишь, дедушка, своих — кланяйся там нашим!

176. Переселился на милую, а память ушла навек. (На кладбище похоронили.)

177. Мертвец в дверях не бывает, а своё забирает.

178. В церкви стоят нищие с протянутой рукой. Нельзя пройти мимо, надо дать каждому, поделить хоть по двадцать копеек. И он скажет: «Спаси, Господи!» И это идёт за упокой моих родственников. Одна старушка у меня спросила: «Как зовут твою маму?» — «Надежда Савельевна». Она говорит: «Спаси, Господи!» Это моя дань идёт ей во спасение.

179. А сосед умер, вот. Потом снится. Я будто иду, <...> несу батон, несу хлеб, и он встречается. «Слушай, говорит, дай мне батон, я другой раз откуплю, тебе отдам». Он просит, чтоб ты ему милостыню дал. Батон ему не надо. Чтобы ты дал бы милостыню. Это на том свете, когда человек умирает, большая польза — милостыня из дна моря тянет. Он молится за других людей, он имеет на это право. Но сам за себя — уже всё. Ему токо, которые на земли, за него могут дать какой-нибудь поклон, милостыню за его дать...

180. Говорит, яички — в одном двенадцать милостин. <...> Кто протягивает руку, то надо давать. <...> И говорит, батюшка трясёт лопатой зямлю: «Зямля — и в зямлю пошла, зямля — и в зямлю пошла!»

181. ...Я, бывало, когда наш был такой батюшка в Субатах хороший, такой склонный; я, бывало, поеду, когда папы пана-

фида — отмолюся, когда мамы год — обратно помолюся. Мне тогда как быдто легче станет души, бывало тогда. А туты-ка эты попы сменилися, толку такого не стало ничего... Да дай — ён не будет молиться всё равно. Я перестала молиться. И как начали мне сниться покойники — то папа, то мама, то ето брат. <...> Може, просят кого-нибудь, надо им. Панафиды стали молиться. Начáli молиться — перестали сниться; ну, вот верь — не верь! Что-то естя, вот... <...> Дать милостину некому, но я бы дала...

182. [А во сне покойные родители не просят детей отдать долг?]

Отдай долг, отдай долг! Отдай милостину людя́м, бедным, для бедных. Выдели и отдай. А вы знаете, одно яйцо — двенадцать милостынь. Одно. Она, значит, делится на стоко частей...

183. [Если даешь нищему милостыню, надо сказать, за кого ему молиться?]

А вот так говорят. Если ты хочешь кому дать милостыню, кто умерши, кому ты хочешь дать — умерших-то много, и родни у тебя, допустим, много. Всем — кому ни дашь — польза. Но если кому ты хочешь дать, то ты в своём уме подумай: «Ага, Ивану дам, или Палагáи, или Ксеньи дам...» Ага... И дай. И всё — она это получит. А тебе будет вознаграждение от этого.

184. ...Троица — это траурные дни. Троицкие панахиды — вся неделя.

У Медякова поставлено матери пол-литра на кладбище, печенье насыпано, а самого Медякова нет. Мы тоже — печенье там, конфеты. Я говорю: «Петенька [покойный внук] любил, пусть сладкое појист». А спиртное мы не ставили. Вот, на Украине — там есть и столик, скамеечки; только не в оградке, а рядом с оградкой. Они без водки не могут, там это принято. Военные нальют стакан водки неполный, оставляют. Назавтра приходим — нету!

185. Да яны́ [*свечи на могилах*], как поставишь, ёны сгорят — так и сгорят, а не сгорят — так потом-ка в земельку положим мы. <...> Поставишь впроть головки и впроть рук чтоб уже. Три, три. <...> Глядишь, которые сгорели, как ветру нету.

[*Но вы их не уносите?*]

Не-не, не уносим, не уносим. В земельку. Не уносим; это я́хное уже.

186. А. С.: ...Ну, вы знаете, на кладбищах в нашем законе курить нельзя, водку пить нельзя... Но вже пьют! Голым головам нельзя ходить, без платка. Мужчинам с фуражкам нельзя ходить.

А. Н.: Наверно, месяц назад на базаре мы были. <...> Женщина говорила сама́, сама́ мне лично; стали тоже вот так говорить. Пошла, сорва́ла цветок на кладбище; понравился цветок, сорва́ла цветок. И приснился ей [*покойник*], говорит: «Принеси назад!» И я, говорит, отнесла его назад... Так вот, месяц назад. Вот. Честное слово! <...>

[*А там человек незнакомый ей был?*]

А. С.: Муж, похороненный... А ещё одна женщина... Значит, муж повесился. Вот, в Дегучае. И какая-то ейна подруга принесла на её мужа конфету положила. Даугавпилсского. Она говорит: «А я так люблю такой конфет.¹ Я, говорит, своёго целую пястку принесла, положила на мужа, а ету одну конфетину взяла. Лягла спать, только глаз сложила и, говорит: «Принеси мою конфетку! Не тебе дадена». А она говорит, думаю: нарочно кто-то, шутит кто-то. Проснулась — нигде никого нет. Потом, говорит, опять заснула — опять: «Принеси мою конфетку, не для тебя дадена» И, говорит, отнесла и положила — и не стал сниться... <...>

Вот, вы говорили про Хрицьку про ету², да? Ейной дочки была свадьба. А тогда были дорогие цветы. А похоронили — я не помню, кого; тоже знакомого какого-то. А они пошли, с кладбищев, и этих цветов набрали, к свадьбы. И что вы думаете? И свадьба ихняя распалася, не состоялась свадьба. Значит, покойник всё

¹ Видимо, имеется в виду латышская «Коровка» («Gotīņa»).

² Речь идет об одном из наших информаторов из соседней деревни.

равно своё заберёт. И в тот год и сына убили. Ехали на мотоцикле вдвоём, и убили.

А. Н.: И второго убили, в России.

А. С.: Повесился, вот. С кладбищев ничего нельзя брать...

187. ...Похоронен был у отца сын. И этот мужчина каждый день давал нищим деньги. <...> И вот однажды приснился отцу сын и говорит ему: «Чего ты меня бумажками кормишь, ведь ты сам бумажки не кушаешь?» Отец <...> пошёл к батюшке, к наставнику. И спросил: «Что это значит?» Батюшка отвечает: «Не скажу, не знаю...» Послали его к старушке древней, может, ей сотня лет. Та сказала: «Деньги — это на том свете вугли, никакие деньги. Надо дать просящему, нуждающемуся, чтобы он мог сразу съесть, порадоваться. И всяко может быть с деньгами — или потеряет, или украдут, или выпьет, и никакой пользы от этого покойнику нет. Поэтому надо давать что-нибудь съедобное...»

188. ...Я молюся каждую панихиду, и никогда никого не сонíла. И хочу соснítь, и уже думаю, прошу, уже поеду на кладбище — сонíлся бы, хоть сказали бы... Папу прошу; в меня сестра, мать похоронена, там и дедушка родной лежит. И никогда их не сонíла — значит, они довольные. Молюсь, досматриваю могилочки ихние, цветочки посажу, всегда уберу. И каждое воскресенье ездила.

189. ...[Соседка] говорит: «Не могу спать. Приходит ночью, говорит, он [недавно умерший сын], открывает дверь. Ничего не говорит, молча, стучает дóном, открывает, эту крышку [с ведра] подымает, <...> и вот, водой — “граб-граб” — кружкой черпает. А в меня, правда, воды там немножко, на доньшке. А будто специально он, говорит, стучит, барабанит. Стану, зажгу свет — нет никого. Токо лягу, говорит, и вот опять стук такой». <...> А потом я говорю: «Чего ж вы водички не поставили? Душа-то прилетает, он молодой...»

190. [*Перед похоронами умершей сестры*] ...мне мама говорила, приснилася: «Надо хрест на тесёмочку надеть или на нитки и опояхаться по рубашке, тоже отодрать от матерьялу белого, опояхать [*опоясать*]». <...> Была такая рубаха у ней [*у сестры*], ночная такая — длинная, красивая; хорошая рубашка такая. Она мне соснилася, мама, и говорит: «Тую рубашку ей не надевай! А другую надень, с рукавами». С рукавами; а тая без рукавов была...

191. ...Если не по правилам [*похоронили*], тогда снится во сне. <...> Например, были тоже такие случаи, что тесные туфли обуви. Она [*покойница*] тоже соснилася. Ну, откапывали там, правда, разували.

Потом ещё было. Вот, мой брат второй помёр, ему было сорок восемь лет. <...> Невестка одела ему..., ну, одеванный костюм. По балам ходил в этом костюме. Рубашку не новую одела, всё не новое. И мне приснилось. Я говорю: «Петя, почему ты в гости не пришёл?» Ну, куды-то вже, в гости мы собирались. А он говорит: «Как я пойду в гости? Все в новой одеже, а я в старой. Меня никто и не принимает». Вот это тоже снится, если неправильно [*похоронили*]...

192. ...Бабушке моей было; когда она похоронила девочку, очень она плакала. И девочка ей — просто как наявй, не то что во снах, а наявй. Она пошла за дровам в складик такой, она [*покойница*] пришла, её за шубейку схватила и говорит: «Мама, ты не плачь. Мне очень-очень там мо́кро лежать. Вот. И я не могу перенести, когда плачут». Это было, это бабушка нам говорила.

А потом мы очень плакали, когда моего брата убили. Ему было сорок лет. <...> Так нам даже наявй он привиделся. Мы пошли с мужем корову доить, там, к соседке. Я сижу, корову дою — токо «шоркй-шоркй» по лесу, кто-то идёт. Я так с-под коровы посмотрела, смотрю — мой брат сидит. Сидит в галстучке, в чёрном, и смотрит на меня. Я думаю — сказать? А потом сказала своёму, говорю: «Подойди, посмотри!» Но не назвала имя брата.

Он пришёл, говорит: «Вася!» Как он сказал: «Вася!» — всё, он пропал.

Это точно. Вот, чтоб я одна, а мы вдвоём. Сидит вот, руки вот так сложивши; сидит, на меня смотрит.

Потом вторично. Я вот так сидела, кушала, как вот мой сидит [*во время записи*]. В окно днём, постучался. Я глядь — стоит брат. Наявй, прямо наявй. Я вышла на вулицу, думаю — може, похожий человек какой-то... Вышла — нигде никого. Наявй показался. И во снах часто снила. Один раз сосни́ла, <...> говорит: «Я кушать хочу...» Вот, что-то ему не хватало. Вторично сосни́ла; я его ходила искала, по таким постройкам, там, в общем, такие — ну, ворóты, ворóты, ворóты... Встречаю, где хозяйка стряпала, говорю: «Ты не видела моего брата?» Она говорит: «Вот, он сюды зашёл». Я захожу, а он сидит, скóрчивши. <...> Говорю: «Вася, почему ты сидишь?» А он говорит: «Ну, как я буду лежать, когда мне мо́кро». Тогда я сказала своему попу, а поп и говорит: «Вы не плачьте. Это ему очень тяжело, он не может спать — он весь в воде лежит...»

193. [*Что надо делать, чтобы не бояться покойников?*]

Панафи́ду стоят; идут к попу, что снится или ходит покойник. Даже <...> бывает, что, говорит, точно двери ночью, дверь открывается.

[*А почему?*]

Не знаю, детка. Може, просит что, или, може, похоронили как-нибудь не так его. <...> Идут в церковь, помолиться. Или вот как раньше, это, нищие ходили, нищим что дают, и ён [*нищий*] помолится. <...> Плакать нельзя, что ему трудно; плакать не надо.

[*А раньше плакали?*]

Плакали, ой! Было, голо́сют. <...> Беспрерывно от гробá не отходили. И раньше на кладбище как эти женщины голо́сили. <...> А сейчас... В Дегучáй Рыбакова хоронили — ни жена, ни дети не подумали заголосить...

194. ...Вот, это вот я помню, как сегодня, помню. Была маленькая, але такая памятливая была. Вот, мне было пятый год, как мама помёрла. <...> А мы-то как ребята, <...> два брата и я,

трое. Одному брату седьмой годик, а второму — четвёртый. <...> И что-то вот мне так голову скрутило, гляжу — стоит мама за коменом этым, <...> стоит вот такая, как хоронили янү в белом, и так выглядает с-за комена. Я говорю: «Фаддей, Макара, вон мамка пришла!» А Фаддей — седьмой годик, ему вже страшно, вже понимает, что она помёрши. <...> Ён говорит: «Входим! [Уходим!]» Как хватил нас за руки, и там сажалка такая была, через сажалку, там через посторойки — и к таким..., как же ж их... — Егоровым забёгли. <...> Пришли, так: «Ахы-ахы-ахы!» Говорит: «Ай, Господи, Господи! Сирот, говорит, наблюдает...»

195. А. Г.: А как папка [покойный] снился тебе...

Е. В.: Я очень отца, так любила, так любила, что я не могла; для меня трагедия. Я за три дня [после его смерти] седая-седая стала. <...> И вот, как мама только заболевает, мне всегда вот... Лягу, вроде бы не сплю; а приходит отец и говорит: «Доченька, иди, говорит, к мамке — ты так нужна...» Он меня будит. Прихожу — мамка лежит, как мёртвая, болеет. Побуду с ней — всё нормально, и снова уезжаю. И так отец мне снился часто-часто, когда у мамы беда. Вот сейчас, Надя когда живёт [с матерью] — уже все, не снится. <...>

Когда только похоронили, <...> чуть ли не каждую ночь. «Доченька...» Снится, как будто он лежит, и у него нога прижатая чем-то, знаете. И говорит: «Доченька, ноженьку мне, пожалуйста, подними; положи к этой [другой] ноженьке». <...>

А. Г.: Камень, камень был на ногах, на гробу. Да...

Е. В.: И, говорит, камень лежал. Когда только перехоронили — всё, мне больше отец не снится. <...> И сейчас снится только тогда, когда маме плохо.

196. Один год, на хуторе ещё жили, в нас была молоденькая коровка. И я всё время ходила-ходила, и мама ходила [в хлев]. <...> Потом вже устали, я залезла на печку. <...> И только я заснула и всё, приходит папа-покойник; он уже помёрши. И говорит: «Фенька, ты спишь? Ваша корова отелівши». Я соскочила — и во хлев. А она уже отелівши, и телёночек ходит. Во, видите, как!

Помогают; естя где покойники и так помогут, и токо так.

197. ...Он [отец] был весельник, начнёт там за столом: «Ну, я уж старше всех, я уж, конечно, первый умру. Но всё ж что-нибудь придумаю, я вам скажу, что там». Мол, пишется, что с того света ничё нельзя вынести и сказать на людей, что есть. И вот, действительно, помер отец первый. <...> И прошёл год. Приехали на годовины. «Кому папка приснился?» — «Нет, никому, ничего».

А тут летом сестра моя <...> заболела. «Днём; не скажу, говорит, что я сильно спала, уснула, — просто, говорит, вздремнула. Вздремнула и вижу во сне, говорит, приходит отец ко мне <...> и несёт ко мне цветки, три розочки держит в руке. И мне, говорит, так стало страшно. <...> Поздоровкался, говорит. А я говорю: “Папа, вот там стоит вазочка с водой, ты поставь эти цветочки”. Он подошёл, поставил в эту вазочку и подходит ко мне.<...> Я говорю: “Сядь, папа, сядь; там стул стоит”. И он сел. Одетый — рубашка русская, косовороточка называется; чистенький. Я говорю: “Ну, как ты, папа, живёшь?” А он говорит: “Я хорошо живу, мне неплохо”. — “А ты, говорит, папа, помнишь — говорил нам: что-нибудь да придумаешь, скажешь, что там на том свете есть”. А он, говорит, улыбнулся и говорит: “Сказать, что там есть, ничего я не могу. А вот Богу молиться надо...” И, говорит, я в этот момент проснулась».

198. ...Сын [покойный] приснился ко мне. Надета в его белая накидка, <...> ну, как ксендзы надежут, это уже по-литовски. Я говорю: «Сынок ты мой, какую себе ты должность достал?» <...> А он говорит: «Мама, не бедуй, говорит, я, говорит, святой а Павла-апостол. <...> В меня, говорит, ключи, я ворота открываю, кажного пускаю. Я говорю: «Вой-вой, твоя, говорю, должность...» — «Мне трудно, говорит, горазд уже...» <...> Ну и вот, я дальше не знаю, не соснила больше, как. Я тогда поехала в Зарасай к батюшке. <...> «Батюшка! Я рассказать хочу, что про сон. <...> Я его соснила в литовской одеже, накидка белая». — «Да, доченька, правильно. Ему надо было саван. И теперь они уже ему такую дали накидку, что уже мы не по-крестияньски, <...> не похоронила ты». <...> Я говорю: «Ой, батюшка, а как тогда будет?» —

«Надо помолиться; и кто помрёт — хоть и чужой, говорит, не важно — ай шей, ай скрой [*саван*], но должён положить. Ай в яму [*в могилу*] брось, ай в гроб». А через три года сына [*другого*] привезли так са́мо, вот, с Тюмени. Ну, как привезли, тогда я уже однёму, тада и этому. И так я вдоль положила гробá. Я говорю: «Сынок, передашь ты и Павлику, братику своему; <...> пускай ён наденет».

А ет[от] Федя [*второй сын*] вже раз пришёл, быдто за стол; двое ребятишек своих, деток маленьких. Я говорю: «Что ж ты, сынок, так голову́ повесил?» — «Да, мама, Павлик не хочет со мной разговаривать». Я говорю: «Почему?» — «Бабушка ещё-то разговаривает, а Павлик не хочет, что рядышком [*лежим на кладбище*]. «За тебя надо ещё и Богу, говорит, молиться». Ты сходи, говорит, помолися. «Ты, говорит, нагрубил...» Ну, я опять <...> к бабушке пошла. <...> А ён говорит: «Знаешь, в Тюмени, говорит, всяко бывает. Може, его били, ён мучился; може, ён, говорит, лалялся. <...> Надо ему панафидку постоять, сорок дней». Так я сорок дней отстояла, и ён пришёл в гости. Так, быдто сидит со своей жаной и говорит: <...> «Мне, говорит, Павлюшка принял теперь. Мы теперь мякко спим». Видишь, принял...

Так я уже вот теперь <...> в год чатыре панафиды, так я уже молюсь. Никогда теперь не сню их, никогда теперь — как рукам отняло. Перед Троицей сосну́ — вот, быдто собираются, быдто как в тумане оны мне, быдто оны как прячутся. Вот...

199. [*А не рассказывали, что покойников во сне видят?*]

...Ну вот, эта неделя как приходит родительская, идти Богу молиться по им, — и снится. То папка, то мамка, то муж, брат. Ну, кто-нибудь соснится. Вот, сегодня во снах видела... Мы гуляли с ней, уже помёрши давно, в Каунасе захоронена. Сегодня приснилась. Как наявь! Я говорю: «А где ты, Клавдия, пропадаешь за его время?» — «А я, говорит, б́ыла так б́ыла. Не скажу, где, говорит, б́ыла...» Вот, соснится. И говорим, что просят родители Богу помолиться. В год чатыре раза молимся.

200. А когда моего дедушку отравили, дедушка ходил... Вот, ночам. Пока до года. Это вже точно, сама лично видела. Такой вот маленький фонарёчек у его был. А его один..., ну, поляк отравил. Поспорили там, ай что — не знаю. И его отравили. Ох, он мучился, дедушка, страшное дело; пока в его всё не сожгло... Ходил ночам, это уже точно. Он показывался, пока не отмолилися. Как отмолилися — всё; вот, годовина пришла — всё. И перестал...

201. Мамка говорила. Оставил дедушка кровать, внучке оставил; дедушка умирал. На той кровати не могли никто спать, только тая внучка могла спать. Он приходил и снимал одеяло. Мамка спала со своей девочкой; ён пришёл, говорит; так сидит в головах и говорит: «Долго ты будешь спать на этой кровати? Я тебя, говорит, как тряхну, так ты и полетишь отсюда!» А что — матка девочку под руки и пошла. Только его внучка спала, которой он отсулял.

202. Когда утопленника выбирают [*вытаскивают из воды*], то нельзя на землю класть. Надо на хворост или на лавку — земля притягивает к себе. Утонули тут муж с женой разом, их качали, не могли откачать. Она приснилася сестры: «Домнидушка, Петя-то сразу умер, а я ещё была жива, я всё слышала, что вы говорили».

203. Я своих [*покойников*] не боялась. Токо один раз были предавши мне. Вот, ишла так во с деревни, со своёй; была пошёдцы на сўпрядки, вечером. <...> Гляжу — идут вдвоём! <...> В чёрных халатах, всё как надо быть. Тогда я прибегаю, кричу: «Скорее двери открывайте!» Мачехе. Она говорит: «Что такое?» Я говорю: «Идёт батька и Лёвка». Я пришла домой — нигде ничего. Ни постукавши кто, ничего решительно; просто мне предались, как наявь, оны. Как наявь, как живые предались.

204. Токо один раз меня пугал какой-то. <...> Двадцать лет тому назад; после мужевой смерти. Вот, лежу я. <...> И така светлая ночь, светлая... И хто-то, знаешь, «скрып!» дверям, «скрып!» дверям. Я подумала, что, може, моя дочка эта младшая, ногам. Нет. После подумала, може, кот? Нету кота. И вот, раза три, наверно, так вот, да...

А в меня дочка была с мужем приехадши. И вот, в нас ещё дом, токо мы вошли, и неотлаженный был. И там софка стояла, и яны легли. А там, говорит, «топ-топ, топ-топ, топ-топ!» Слышу, Маринка: «Мама! Мама, ты спишь?» — «Не, — говорю, — в меня болит желудок, я не сплю». — «Иди сюда, включи свет. Что-то нас пугает...» Так вже этот дед встал, сел на кровать, всё крестится: «Господи, хто нас, говорит, пугает? Хто нас пугает?» Тогда... по чердаку; по чердаку «топ-топ, топ-топ!» Я говорю: «Може, крысы?» — «Не, хто-то так...»

А хто... В етом дому, где мы купили, был хозяин повесивши. Вот. Я говорю: «Наш — мы похоронили по-христиански, и с попом, с батюшкой, всё. Не может быть так...» Ну, может, пришёл, знаешь [*старый хозяин*] — поглядеть свой дом. Так ай, как я после боялась одна быть!

205. Одна офицерша лежала с одной в больнице и говорит: «Знаете что? — говорит. — В меня девочка росла, росла; шесть лет вже было девочке. И некрёшенная; вдруг она умерла. И что — я сню... Иду искать ану; иду-иду, иду-иду — и ей нет. Нет! Ну, куда она делась?» Говорит, [*другие дети*] играют; а красиво: яблони цветут, цветы цветут красиво, деток много, да... А она ищет — ейной нет. <...> Подходит дальше. А такая грязь, буза такая, знаешь; копаются детки такие тоже — которые некрёщенные — грязные. И говорит: «Доченька, чего ты сюда попала? Там так красиво!» — «Мама, нас туда не примают, мы грязные...» О... Так говорит: «Буду сама крестить и буду другим говорить... Как наявы мне приснилось...»

206. У нас баба на Скайдры [*в Скайдрях*] жила, поехала она колёсы продавать в Купишки, а ён [*муж*] выпил и захлянулс.

Яна привезла его, ну, и поп не хоронил. Поп не хоронил его, так она похоронила. Так он стал приходить к ней. Как уже в одиннадцать часов, ён и по гребёстам с крыши и спускается в избу. Приходит, счас садится, спицы стругает; а как двенадцать часов пету́н запел — так и нет его.

[А работа его остаётся?]

Так там нету ничего.

207. Есть и люди, которые нехорошие, так тоже наподобие лешего ходят. Жена умерла у одного. Приходит, по шкафам везде ходит и говорит ему: «Ты меня не ожидал?» А ён говорит: «Ожидал. Иди, сядь, посиди коло меня». Не испугался, ничёго. А ёна говорит: «Топерь не посижу, а другой раз приду, так подоло́же посижу, мы здорово с тобой поговорим». И опять сверкнула взглядом и ушла. Так он что ни делал: и молился, и крестился, и памятник ей поставил, и всё... Чуть-чуть отвязался.

Это недавно вот, год назад было в Ду́кштах.

208. ...Там женщина ездила на белом коне. Женщина; она повесилась, ну, и ездила на белом коне... Ну, как её увидишь? Днём не увидишь, токо ночью, до двенадцать часов. <...> Она вреда ничё не делает. Ну, и так много, долго она ездила. <...> Родителям там она не давала покоя своим. И тогда родители пошли уже к священнику и спросили, что сделать, что так и так — Аннушка не даёт нам жить. Так сказали, надо отрубить голову. Откопать могилу и отрубить голову и положить <...> между ног, чтоб она руками не достала. И так и сделали. А после обратно закопали, так, как надо; обратно молилися там. И больше не стала ездить... <...>

Она жила на этой улице, где мы жили; она по этой улице и ездила всегда. А родители её жили где-то в деревне, не знаю... Каждый раз она ездила. Не давала мужу покою, не давала родителям покоя. <...> Из-за мужа на себя руки наложила; и не давала спать. А родителям, что они ану́ вытолкнули за ево [за-муж]; она не хотела выходить, а её вытолкнули. Ну вот, такая история...

209. ...Тоже так. Пришёл — как наяв; пришёл и говорит: «Килина, дай ты мне пожить, я жить хочу». А в нас была неделя родительска — знаешь, родительска; когда по покойникам молятся? И в меня был мальчик оставлено, дочка оставила; я не могла никак выйти помолиться. И ни пшеницы не сварила, ничего. А он пришёл ночью, говорит: «Дай мне пожить». А я говорю: «Игнатка, я сегодня ничего не варила...» — «А, ну, не варила; так я пойду вот туда — там так богато живут...» Там брат жил евбонов. «Ты тогда оставайся, я пойду туда». А такая быдто горочка зелёная... Вот, как наяв! Горочка зелёная и длинный домик стоит. Пошёл, брата забрал... Ну, забрал! Помёр, сразу тогда, в ту ночь. Вот. А меня оставил: «Ты живи ещё!»

Вот как, видишь?..

210. ...Там, рассказывала одна; вот, недалёко там живёт. <...> И вже в двенадцать часов пришёл сын к ей; она выпивши была. Пришёл к ей сын и говорит: «Пойдём, говорит, со мной». А яна бедная как спужалася тогда: «Чё ты, говорит, пришёл?» — «А я, говорит, где пришёл, там и пойду». <...> Ёто от Зуек, кладбище ихное, литовское. Пришёл, говорит, и пошёл туда. Видела. А это ж в двенадцать часов молятся; а ён в двенадцать часов пришёл. А яна напилася, в двенадцать часов не помолилася — ей придиделось. Но я это не верю. Мне не пришлось этого, я не верю.

211. Тут вот етой Нюты ён [муж] помёр, похоронили. Говорит, приходит; прямо слышу — двери открукотся, «топ-топ-топ!» — идёт. И придёт, говорит, — «ух!» на меня. И лежит на мне. Я, говорит, с этого страху — как шеверну, говорит, и вхожу. А куда входить? И раз так, и другой раз. Так ён так не давал покоя до сороковой. Когда сороковую уже отстояли, тогда...

И вот, говорим, без исповеди. [*«Ходят» те, кто умер без исповеди.*] А ён и с исповедью. Вот видишь, что-то такое ёстя... И, говорит, что ён от меня хочет? В его много тысяч было, и в ей на книжку положено. А когда ён помёр, она евбоновы [деньги] сняла

с книжки и [на эти деньги его] похоронила. Ну, и скоко детя́м отдала. Эти дети как на яну́ населися, что батькины деньги отдай. То, може, ён за етыми деньгами приходил — а хто его знает... Вот, таперича, года два, наверно.

212. ...Ехали мужчины, скоко там — человек восемь. Ну, и пьяные все. А ён, видно, засильно пьяный, на его все населись. <...> И задавили. И ён ходил. Ходил, стра́шил, показывался — и бесом, то ребёнком, то клубком, то собакой, то котом. <...> Мне, вот, рассказывала ета..., Федотиха.<...> Арофей его было звать. «Арофей ходит! Пойду ж я, погляжу, говорит, на его. Прихожу — яма, говорит, большая [на кладбище]; я тискаю руку туда — достать там, <...> а я не могу достать, тамы-ка, говорит, ну, вся поробная яма. Говорит, как спугалась, как пошла». И рассказывала, что, говорит, это ён ходит. Значит, что ён без исповеди и пьяный — задусили его. И вот ён не давал покою.

[При первом исполнении Коваленкина говорила, что это бес «вбирается в его шкуру» и «ходит».]

213. ...Мой отец говорил. Вот тут вот возеро естя, Во́ли, и такой завёр крутой, сюда так, к возеру, к Во́лям. И там какой-то человек когда-то ехал. И кого ён вёз там? Или сено... Там ишла дорога, теперь там ниhto не ездит. Шла дорога коло Воль. И ён обернулся [т.е. перевернулся], и его притиснуло возом, он и помер там. Пока его бежали там рятовать [спасать], ён и помер там под етым возом. Какой-то дедок. Так мой отец говорил, что, говорит, как идёшь вечером, то... Там такая ольшина́ была большая — так то под ольшиной этой сидит кто-то, ночью уже. А нет — так шляпа с горы ко́тится. Да...

Вот, это отец мой говорил. Но я не знаю, я вот скоко ходила... Я восемь лет при советской власти отходила на свинарник, отдежурила, ночь в ночь — но ни разу мне не пришлось...

214. Как в нас одна рассказывала женщина. Мужик был такой пьяница, не дай Бог. Вот... Ну, получают там получку или что,

приносят сыны. Приходят сыны: «На тебе деньги». Там, себе сколько оставил, там на бутылку. Он всё, пропил эты. Пропил эты, приходит назавтра: <...> «Давай деньги! Мне надо на бутылку вина, а то я повешуся». Да... Ну что, она боится, даёт на бутылку вина. Боится, каб не повесился. А потом ану научили; одна женщина: «Дура ты, дура! Собирается вешаться, подыщи верёвку хорошую. Придёт: «Давай деньги! А то повешуся...» Только покрепше верёвку», — говорит.

Приходит: «Давай деньги! Пойду вешаться». А тая верёвку: «На, говорит, тебе, вешайся!» Приходит, говорит, к какой-то деревённы, вот. Сел. «Закурю, — он говорит, — тогда буду вешаться». Сел; сидит, курит. Курит, приходят два мужика каких-то: «Эй, друг, ты один не повесися, говорит, мы тебе помогем». Кинул и паперёсину, кинул и верёвку, прибег домой и говорит: «Не, никогда не попрошу в тебе на бутылку. Говорит, нечистая сила хотела меня повесить».

215. [Как хоронили тех, кто руки на себя наложил?]

Коло кладбища кладё. А сейчас не глядят. Счас уже кладут какого попало — и опивши, и повесивши, всякого. <...> У нас один тут был с Сядун, такой человек. Он набóжный был сильно, в моленную ходил, всё что — и повесился. Это с умом... И пильновáли [караулили, следили], и что ни делали. Пока хрест был одетый в его, не мог повеситься, никак. Когда хрест раздел — сразу повесился.

[А что, это связано с нечистой силой?]

Ну, говорят, что с нечистой силой связано. Когда повесишь — значит, это нечистая сила... А таперь не глядят — опился, не опился; повесился, не повесился; етой веры, не етой веры — всё равно на кладбище везут.

216. В их [чертей] кони такие: когда человек повесится, так это в ихнюю в руку — это оны берут, это оны делают ко́ней.

217. ...Вот, отравилась девушка. Так янў так, знаете, что не могли нести. На кóнях яну везли, на лóшадях. Я всё по-прóсто-му: «на кóнях»... И так, говорит, кони в пены были. Кони в пены, чуть везли. Это нечистая сила в эту, в девку — что она отравилась. Вот, закопали... Но я всё же слышала! Не сердитесь, скажете — болтунья! Але что знаю, то расскажу...

Послѣ были танцы, вечѣрки. Это вже в наших, может, прадедах... Вечѣрки, танцы. Ну, и тамы-ка заспорили. Заспорили, что: «Ай, бѣси там, мертвецов бояться!» Два смелых нашлись. <...> «Мы смелые, мы никого не боимся! Нас нихто — ни бес, ни чѣрт, нихто не возьмѣт!» Ну вот, поспорили, говорит: «Ну, идите, вот этого мертвеца откопайте». Пошли, откопали, принесли. (Это мой, царство ему небесное, батюшка рассказывал.) Откопали, говорит, принесли. И там, где уже они были — или танцы, или сўпрядка — посадили в угол этого мертвеца и радоваются, говорит. «Вот, говорит, принесли, исполнили». А старушка лежит так на печке, говорит, и видит — покойник этот сидит, и хвост за лавкой, бесовский, болтается. Янá позвала к себе дочку там или внучку и говорит: «Погляди! Это же чѣрта янў принесли. Погляди, вон-ка хвост у его». Янá: «Ши-ши-ши!». Однóму под вухó, другóму под вухó. Эты стали разбегаться, входить. И эты [ларни] давай входить. А еты... — или два; наверно, два покойника откопали. Схватили еты покойники их за глотку: «Несите, на место нас полóжьте!» И янў несли; донесли до ямы, и их задушили. Задушили еты покойники; это нечистая сила. И нашли их коло ямы...

218. Как шли на вечеринку, был человек один помѣрши. Ну, идут на вечеринку, и оне, значит, зашли [начали] так шутить. «Пойдѣм с нам на вечеринку!» И они взяли его и подымают. Подняли, значит, этот покойник их обхватил. И они уже хочут уйти — нет. Значит, свели его туда, хотели положить, а он не идѣт. «Где вы меня взяли, там меня обратно полóжите». И никуда не могут от него уйти, он их держит, этот покойник. «Значит, ведите, на место меня полóжьте. Ну, и токо вдвоѣм; брали вдвоѣм — вдвоѣм и полóжьте». А этим [другим участникам вечеринки] сказал: «А вы идите и подождите». Они там его свели клáсти. Ожидают, ожидают; и только выбросили етых шкуры. Покойник, значит, задушил их, шкуры снял и выбросил.

Он померший, а лежал в клетѣ; там дух, пахнет.

219. Ещё тоже так са́мо; девки ишли, и тоже девка была по-мёрши. А еты идут, и она — как, Вáсинкой её называли — «Пойдём с нами». Она говорит: «Подождите, сейчас иду!» Вот, как она отозвалась, что пойдёт, так они побежали к одной старушке таковой. И старушке сказали, что она ответила — подождать её, и она придёт.

А тая старушка, видать, знала; так она взяла, им всем горшки на голову надела, этым девкам. И сейчас эта покойница как бегит с косой. Как дала косой! Так горшки были одеты, так ничего; а нет — то всем бы головы сняла.

220. А ещё, значит, одна пьяная женщина — с мужем пѣла как-то, поссорились — откуда-то йшла. А муж где-то был выехадши в город, значит. Едет. <...> Она умерла, он ещё и не знал. Ну, и едет домой. И идут — гармошка играет, танцуют, ага. Он обернулся и говорит: «Где же вы так были, так радуетесь, веселитесь?» — «А на весѣлле, — говорит по-польски, — на свадьбы». — «А где ж это весѣлле?» — «Там и там». Приезжает домой, а там она закупавши, втопивши пьяная. Вот видите. Они радуются, что, значит, йхная добыча.

221. А один человек (это было правда, но давно, конечно), он любил девушку; любил и пошёл в армию. И с ей договорился жениться, как вернётся. Он сам рассказывал, но эт, конечно, при Сметоны было. <...> Он был в армии, идёт с армии. Зима. Ему надо идти было ночью, коло бани. Он токо идёт, а с бани выскакивает евоная девушка и хватает его целовать. Она говорит: «Я тебя встречала». Он: «Как ты знала?» — «Да, я знала, что ты придёшь. Пойдём в баню», — говорит. Пошли в баню оны с жим, пошли в баню. И, конечно, он её цалует, и он говорит: «Цалую так — холодная она, такая непетйтная. И меня цалует. Мне так против, говорит. А я, говорит, взял да спичку “чирк!” — а в ей копытты чертобы. Чёрт! Так я спугался. Я входить, а меня за руку она: “Стой!”» А он как дал в двери, так двери эти и выскочили. И прибег

домой. Прибег домой и говорит: «Так и так». А мама говорит: «Как ты пошёл в армию, она повесилась». Ей уже нет, это был чёрт.

222. Ну вот, одна женщина на Поливáрке — Солóцкий Поливáрок знаете, слышали? Там женщина была, она повесилась. Ну, и ходила. Придёт домой; а там кладбище на месте, ей похоронили. Придёт домой, хозяйничает, работает, печку топит.

[Она одна жила?]

Нет, с семьёй; муж и дети. Хозяйничает, придёт и полным ходом — идёт во хлев, корову доит; подоит, возьмёт и выпустит — то в огороды выпустит, то...

[А молоко куда деваает?]

А она подоит, а молока нету... Или вот, сядет под окно, говорят, кто идёт — рукой машет: «Зайди». А нет — коров выпустит; а там озеро на месте было Поливáрское. Так она возьмёт, сделает так, якобы коровы по озеру плавают. Ну, и все смотрют, а эты, хто бы бросился б эту корову тащить, он и втопился б. Все уже знали, она много кому так делала; не то что в своём доме, по всем соседям.

Так после собралися, пошли к батюшке, спросили в батюшки, что делать. Так он сказал: «Выкопать надо, отрубить голову ей и положить у ей между ног, так чтоб она руками токо не могла достать». И перестала ходить. И осиноый кол ещё.

[А клали её лицом вверх, вниз?]

Вверх..., нормально.

[А батюшка на могиле ничего не делал?]

Нет, ничего. Не молились. Так просто, всадили осиноый кол.

223. [А не рассказывали, что нечистая сила показывается?]

Говорили старики, что ёстя. А нам не пришлось. А кого же, сейчас люди — черти, токо рог нет. Сейчас если б чёрт явился в деревню, так он пошёл бы без рог и без хвоста, ему оторвали б, ребята оторвали б. Вот... А раньше ж этого не было. Раньше люди были богобоязные, всё; так раньше, может быть, им и показывался. А сейчас не...

Мамка рассказывала, что то там, то там что-нибудь счудится такое. Ну вот, и сейчас, в Бураковой, моей сватьи сын. <...> Говорит, окно; лежу на софке, феранка вот так: «Фить!» — и завесилась. Никого нет нигде, а никого. Завесилась... Ужახнулася так, думаю: а что буде дальше? Побыло завешенное, так — «махть!» — и обратно; открылося и всё, как будто и не было ничего. Во...

А раньше люди это признавали, как вроде какой чертёк, может, там какой. Сейчас этого нет, а раньше люди же крестили всё, признавали, что, може, какой задавивши или повесивши, захоронен где-нибудь. Вот, ён, говорит, и показывается, евоное место тут. А сейчас этого нету.

224. Мама сидела, корову ждала, тельиться будет. Значит, сидела во хлевё. Приехал этот, папин брат; приехал, слышит — лошадь выпрягает, стукнул ногой, дугу бросает, всё. Потом как начал эти дровни таскать; а мороз зимой, токо скрипят эти дровни. Мама говорит: «Что ж это такое есть, что он там делает?» Вышла — нигде никого нету.

У нас был, такой дом стоял, в Яктишках; так очень пугало там, всякие там чуды творилися. Когда барабанят, в моленной уже в доску бьют, звоны такие, значит. А тут в сарае об матицу сидит, там неизвестно кто, и барабанит, как в моленной... Разные творилися чуды, очень беспокойная была усадьба. У папы ворожил ворожбит — он в солдатах был — и сказал: «Ваша усадьба обсыпана с кладбища песком, понимаешь, — вот и пугает». Так...

225. [А что надо делать, чтобы покойников не бояться?]

...Надо, кто боится — как помрёт, <...> подошву поцеловать; одной ноги, другой. Говорят, не будет бояться. Я так слышала. Тут вот моёй вот Любы..., этого мужика [ее мужа] батька помер. А дочка, Лёня, — она не подходила, боялася. Ну, так яну заставляли. Говорит: «Идь, поцалуй ойца ноги». Отцу, говорит, ноги поцалуй; одну, другую. Вот, так она шла целовать. И после того ничего, шла к батьке. А так — не подходила к гробу!

домой. Прибег домой и говорит: «Так и так». А мама говорит: «Как ты пошёл в армию, она повесилась». Ей уже нет, это был чёрт.

222. Ну вот, одна женщина на Поливáрке — Солóцкий Поливáрок знаете, слышали? Там женщина была, она повесилась. Ну, и ходила. Придёт домой; а там кладбище на месте, ей похоронили. Придёт домой, хозяйничает, работает, печку топит.

[Она одна жила?]

Нет, с семьёй; муж и дети. Хозяйничает, придёт и полным ходом — идёт во хлев, корову доит; подоит, возьмёт и выпустит — то в огороды выпустит, то...

[А молоко куда деваает?]

А она подоит, а молока нету... Или вот, сядет под окно, говорят, кто идёт — рукой машет: «Зайди». А нет — коров выпустит; а там озеро на месте было Поливáрское. Так она возьмёт, сделает так, якобы коровы по озеру плавают. Ну, и все смотрют, а эты, хто бы бросился б эту корову тащить, он и втопился б. Все уже знали, она много кому так делала; не то что в своём доме, по всем соседям.

Так после собралися, пошли к батюшке, спросили в батюшки, что делать. Так он сказал: «Выкопать надо, отрубить голову ей и положить у ей между ног, так чтоб она руками токо не могла достать». И перестала ходить. И осиноый кол ещё.

[А клали её лицом вверх, вниз?]

Вверх..., нормально.

[А батюшка на могиле ничего не делал?]

Нет, ничего. Не молились. Так просто, всадили осиноый кол.

223. [А не рассказывали, что нечистая сила показывается?]

Говорили старики, что ёстя. А нам не пришлось. А кого же, сейчас люди — черти, токо рог нет. Сейчас если б чёрт явился в деревню, так он пошёл бы без рог и без хвоста, ему оторвали б, ребята оторвали б. Вот... А раньше ж этого не было. Раньше люди были богобоязные, всё; так раньше, может быть, им и показывался. А сейчас не...

Мамка рассказывала, что то там, то там что-нибудь счудится такое. Ну вот, и сейчас, в Бураковой, моей сватьи сын. <...> Говорит, окно; лежу на софке, феранка вот так: «Фить!» — и завесилась. Никого нет нигде, а никого. Завесилась... Ужаснулася так, думаю: а что буде дальше? Побыло завешенное, так — «махть!» — и обратно; открылося и всё, как будто и не было ничего. Во...

А раньше люди это признавали, как вроде какой чертёк, может, там какой. Сейчас этого нет, а раньше люди же крестили всё, признавали, что, може, какой задавивши или повесивши, захоронен где-нибудь. Вот, ён, говорит, и показывается, евоное место тут. А сейчас этого нету.

224. Мама сидела, корову ждала, тельиться будет. Значит, сидела во хлевё. Приехал этот, папин брат; приехал, слышит — лошадь выпрягает, стукнул ногой, дугу бросает, всё. Потом как начал эти дровни таскать; а мороз зимой, токо скрипят эти дровни. Мама говорит: «Что ж это такое есть, что он там делает?» Вышла — нигде никого нету.

У нас был, такой дом стоял, в Яктишках; так очень пугало там, всякие там чуды творилися. Когда барабанят, в моленной уже в доску бьют, звоны такие, значит. А тут в сарае об матицу сидит, там неизвестно кто, и барабанит, как в моленной... Разные творилися чуды, очень беспокойная была усадьба. У папы ворожил ворожбит — он в солдатах был — и сказал: «Ваша усадьба обсыпана с кладбища песком, понимаешь, — вот и пугает». Так...

225. [А что надо делать, чтобы покойников не бояться?]
...Надо, кто боится — как помрёт, <...> подошву поцеловать; одной ноги, другой. Говорят, не будет бояться. Я так слышала. Тут вот моёй вот Любы..., этого мужика [ее мужа] батька помер. А дочка, Лёня, — она не подходила, боялася. Ну, так яну заставляли. Говорит: «Идь, поцалуй ойца ноги». Отцу, говорит, ноги поцалуй; одну, другую. Вот, так она шла целовать. И после того ничего, шла к батьке. А так — не подходила к гробу!

226. ...А ещё старухи говорили, что вот сядьте на это место, где лежал покойник, — никогда покойников бояться не будешь.

[Вообще покойников или только этого?]

Вообще. <...>

(«Только сядешь и встанешь; это чуть-чуть только», — добавила сестра исполнительницы, М. Л. Тихонова.)

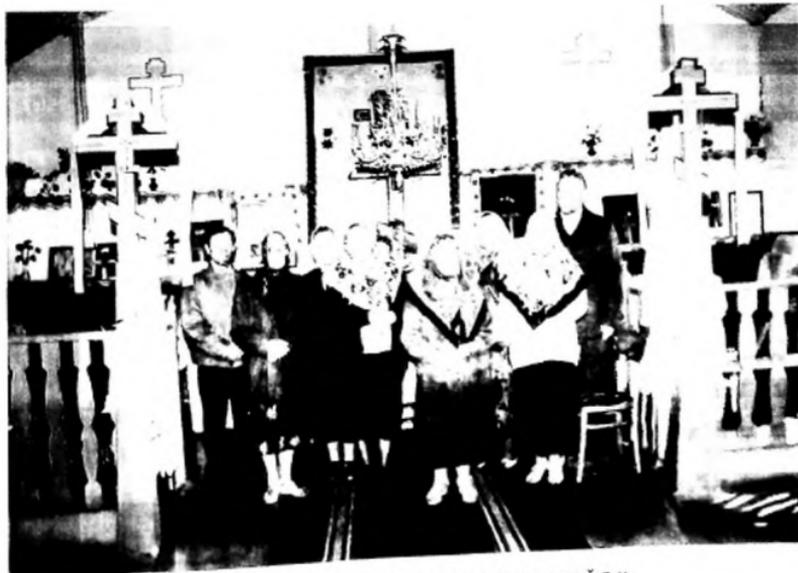
227. Когда мой [муж] помёр, и стали мои прощаться, мои сродственники. Посмотрю, <...> почему это оны в ноги целуют? Просто вот... в носки. Подойшла и поцеловала моя племённица. Я спрашиваю: «А для чего это?» — «Это чтобы не бояться покойников». <...> А я не знала этого. <...> И я пошла, встала; и я так сделала.

Дий Петрович Сиволов (рассказчик) и студентка ВУ Мария Романова (собиратель), дер. Думсай, Йонвский район.

Глихерия Емельяновна Коваленкина (рассказчица), дер. Летишкес, Каунасский район.

После богослужения; дер. Багдонис, Купишский р-н.

Дер. Райстинишес, Зарасайский р-н.

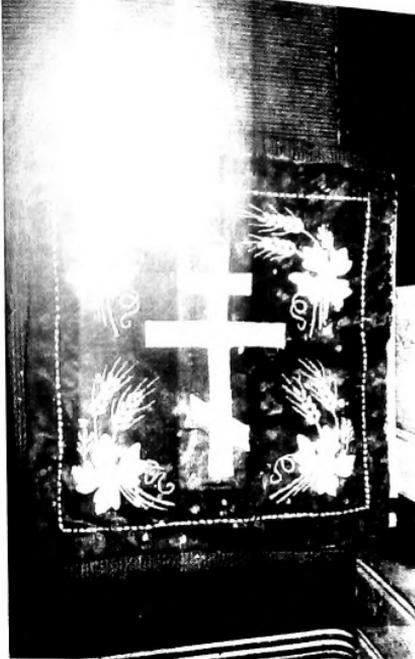
Дер. Юргелишес, Швенчёнский р-н.

Дер. Стальнёнишес, Утенский р-н.

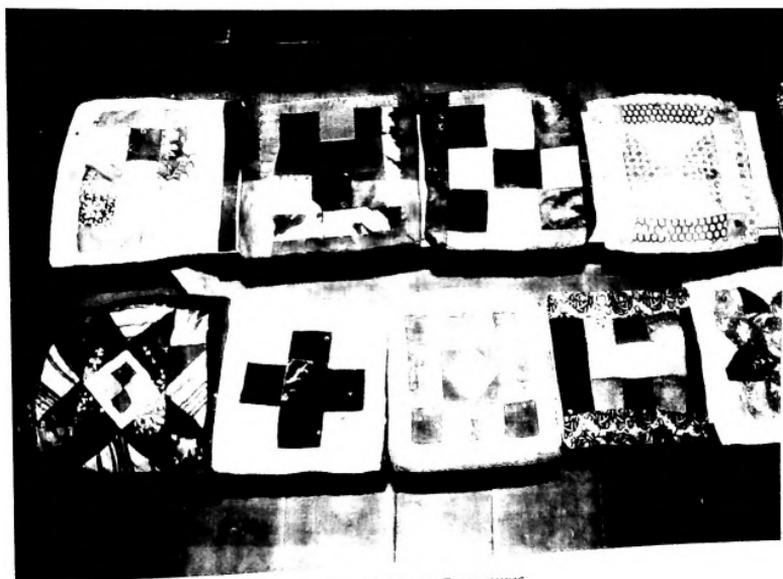
Дер. Нечетай, Утенский р-н.

«Подручник» — подушка для моления
(во время отбивания земных поклонов
в нее упираются руками) — украшение.

Могильный крест;
дер. Стальенишкес, Утенский р-н.

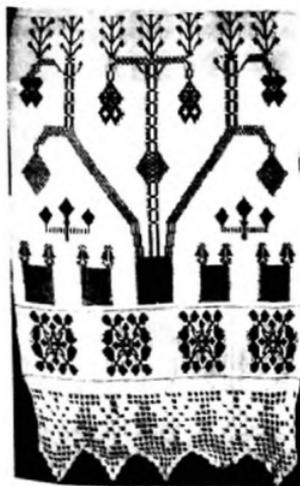
«Подручники»; г. Паневежис.

Узор на полотнице;
дер. Юргелишкес, Швенчёнский р-н.

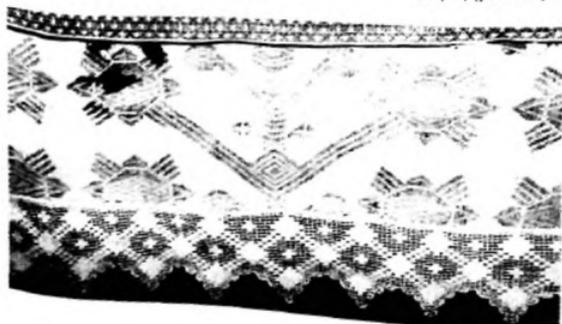
«Лестовки» (старообрядческие чётки);
г. Укмерге.

Узор на полотнице;
дер. Юргелишкес, Швенчёнский р-н.

«Лестовки» (старообрядческие чётки);
дер. Дубенай, Кельмеский р-н.

«Подзор»;
Игналинский р-н.

6. РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭТИКЕТ. БЫТОВЫЕ ТРАДИЦИИ И ПОВЕРЬЯ

Поведение человека в церкви, в общении с представителями иных конфессий, в семейном быту регламентируется правилами народного этикета. Обязательность этих правил подчеркивается тем, что их повсеместно именуют «законом», обосновывают ссылками на традицию, на авторитет старших поколений. Отправляясь в храм, надо одеваться скромно и строго, с утра до окончания церковной службы ничего не есть. «Крепковерцы» осуждают девушек и молодых женщин, которые носят серьги и бусы, в постные дни водят хороводы и поют веселые песни. Особенно много ограничений и запретов должны соблюдать те, кто поет на клиросе, отказывает или оплакивает покойников — им до окончания службы нельзя даже пить чай и кофе. Тяжким грехом считается посещение «чужих» храмов, мытье в бане вместе с иноверцами. Как и в других случаях, закреплению поведенческих стереотипов служат поверья и мифологические сказания — своеобразные иллюстрации к отдельным «параграфам закона». Забыла женщина перекреститься на сон грядущий — и ночью на нее «навалился какой-то камень», избавиться от напасти помогла только молитва. Герою другой былички, не помолившемуся перед отходом ко сну, не дают покоя кошмарные видения, ему чудятся всевозможные страсти — «*то вбивать его хочут, то черти ему снятся*». Необходимость переворачивать на ночь вверх дном пустую посуду, накрывать горшки и кастрюли с едой и питьем мотивируется тем, что Богородица осуждает нерадивых хозяек, а «нечистик» обязательно явится и «*болтанёт хвостом что-нибудь*»; «*приходит чёрт и хвост свой помочит грязный*». Своеобразный культ чистоты подкрепляется ссылками на авторитет небесных сил. Вечером надо убрать все со стола и вытереть его, ибо стол — «*это Иисуса Христа лицо*»; подмести пол в избе, собрать мусор в угол, потому что ночью «*Богородица ходит <...> и она плачет, что нечисто*»; «*Там уже будут черти находиться, а ангелу нельзя*». А вот как по-детски наивно и чистосердечно воспринимала наставления старших одна из наших исполнительниц: «*Бабушка говорила: "Иди, подмети пол; Бог ночью будет ходить, ноги наколет"*. Я мету, мету; руками проведу по полу, говорю: "*Бабушка, я руку не наколола, и Бог ноги не наколет*"». Легендарные мотивы звучат и в поверье, предохраняющем от употреб-

ления скоромной пищи в постные дни: за это прегрешение непременно покарает суровый Илья-пророк («гроза убьёт»). Купаться в реках и озерах начинают с Ивана Купала (видимо, сказывается семантика народного прозвища Иоанна Крестителя), а завершают купальный сезон в Ильин день (3 августа по новому стилю), когда «Бог бросает льдинку в водичку». Яблоки не позволяется есть до «яблочного Спаса» (19 августа); если этот запрет нарушают, «...говорят, на тым свете не дадут родителям <...> яблочков покушать». Традиционное для старообрядческой среды осуждение «зеленого змия» проявляется, в частности, и в том, что в быличках несчастные случаи чаще всего происходят с пьяницами. Напившейся женщине во сне является покойный сын и настойчиво зовет ее пойти с ним.

Основное предназначение подобных произведений — закрепление в быту элементов христианской обрядности и религиозного этикета. Эта цель отчетливо просматривается в рассказах о жесткой регламентации питания во время постов и в постные дни недели, о правилах поведения в праздничные дни, во время богослужения, в текстах других тематических групп.

В сознании многих старообрядцев причудливо переплетаются христианские и языческие элементы. Одна из наших исполнительниц, по ее словам, чудом выжила после тяжелой болезни, пережила состояние клинической смерти (см. № 6). С тех пор каждый прожитый день она рассматривает как подарок судьбы, не боится смерти и в любой момент готова расстаться с белым светом. Эта жизнерадостная, трудолюбивая, на редкость бодрая старушка, большая любительница народных песен, каждое утро выполняет уникальный ритуал «прощания» с «Христом, сыном Божиим», с небесными светилами и «сырой мать-землёю» (№ 255). Это заставляет вспомнить старинные обряды покаяния и исповедования перед «матушкой сырой землей», зафиксированные собирателями в некоторых севернорусских регионах.

В повседневной жизни старообрядцев Литвы многое регламентируется различными приметами, поверьями и запретами. Считается, например, что серьезные дела лучше начинать утром, пока солнце поднимается к зениту. С солнечным светом связаны и другие бытовые традиции и магические действия — запрет мыться в бане после заката, «починать» вечером новую буханку хлеба или выносить сор из избы, необходимость до захода солнца успеть заговорить от змеиного укуса и т. п. Барыш в торговле, прибыль в хозяйстве, хороший урожай сулит «полный» месяц, поэтому большинство огородных культур стараются сажать «на полноте». К этому же времени

приурочивали первый выгон скота в поле. А некоторым людям народная молва приписывает граничащее с чудом умение определять самый удачный момент для сева. Когда родственники и односельчане следовали их советам, «с нивы валилося всё»; «без счёту этого гороху» намолачивали. Если аисты свили возле дома гнездо — это к добру, а запела курица петухом — ее непременно надо зарезать, иначе приключится беда.

В традиционном быту взвешивается каждое слово; особый, нередко сакральный смысл вкладывается в каждое действие. Чтобы купленная корова не уходила со двора к старому хозяину, надо повесить в своем хлеву веревку, на которой ее привели. Купленного коня заводили к избе и кормили зерном из ступы. А если берешь у соседей что-нибудь «на завод» (рассаду, цыплят, котенка), нельзя говорить «спасибо». Как и в других тематических циклах поверий и быличек, во многих текстах ключевую роль играет принцип подобия. Не рекомендуется заносить котов — «как коту жизнь, так и тебе будет жизнь». Аисты лишь в том случае поселяются возле дома, если колесо или борону для гнезда поднимали мужчина и женщина — «и батыану нужно, <...> пара чтоб была». Мусор в избе положено подмстать и сжигать в печи, а не выбрасывать на улицу — «это выбрасываешь своё богатство»; другое объяснение — «будет коршун курей выносить». Нельзя в избе становиться на то место, где стояло ведро — «лицо пойдёт кругами».

228. Посты... Перед Рождеством был большой пост; перед Пасхой всегда семь недель, как закон. Два года ребёнку — уже не давали кушать [скоромного]; молока даже и то не кушали. <...> Среда, пятница постили всё время. <...>

Мне было двенадцать лет, а мою маму в больницу положили, операция была. Я уже была хозяйка. И я думаю: «Пост! Я покушаю молока». А молока ж нельзя было кушать. Взяла ложку, пошла в коридор, открыла — раньше такие кринки глиняные были. Я открыла эту кринку, а потом думаю: «А мне же дедушка сказал: "Покушаешь молока, хотя ложечку, в пост — на всю жизнь будешь грешная"». И я закрыла обрат эту криночку, положила ложку и не покушала; думаю: «Не буду я грешная». Вот видите, как постили раньше! Два года ребёнку — уже всё, уже он начинает постить.

229. Раньше ж не было кос, не косили, а всё жали серпом. Жнёшь, жнёшь — и тут мокро, ажна сухо во рту. Придёшь, а там нечего жрать — картошка да этот суп красный. Пост Петровый — «Петровки», Богородицкий — это всё постили люди, в рот не брали [скоромного]. А если съишь, думаешь — когда гроза убьёт? Я сама съела яичко, вкравши от матки, и думаю: «Господи, чтоб гроза не была, а то сразу вбьёт». А таперича и грозой, ни Богом, ни бесом — никого не убивает.

230. В меня... дядя доводился, так ён токо в Большім посту раз кушал. Ён до обеда ничего — ни яблочек не берё, ничего. Садится, помолится, пропоёт молитвы свои, всё — и тогда всё за столом; и яблок, и всё.

[И кушал только в середине дня?]

В середине дня токо, с утра не-е; ён рано не садился, не ел. И он крепко веровал, он даже мне давал отдельно напиток. Посуда отдельна, ковшик. А молиться — ён ночью молился, пока спим все. А пошевэлились — так он сяде, сидит ужо...

231. ...Вот тогда [*при первой встрече с собирателями*], видите, в посту напела песни, а наавтра я вот упала, убила себе вот позвоношник, — я говорю, «хвост отбила» — и теперь ещё болит. <...> Три я раза перекулилась [*перевернулась, кувыркнулась*]. Вот, говорит [*сын*]: «Прегрешила». — «Да, я говорю — в посту спела песни». <...> Бог сразу же наказал...

232. [*А как надо одеваться, когда в церковь идешь?*]

Надо не евши идти, чтобы не ел человек. И так чтобы платок был чёрный там или какой. Чтобы не крашенная девка пришла в моленную. Как это сейчас и литовские хотя бы — они идут под шапочкой, красивые, нарядные. А у нас так нельзя, у нас так не полагалось.

233. ...У нас в церкви не полагается стоять в носках ни в коем случае. А почему? Значит, так. Когда Иисуса Христа поймали, и эти евреи ходили все в носках, чтоб это не было слышно, когда его ловили. И вот поэтому нам теперь в носках нельзя быть в церкви ни в коем случае. Только в обуви.

Ещё. Вот, идёшь и платок назад отвернёшь, чтоб красивее было. А в церкви это делать нельзя. Чтоб платок был без отворота. И прищиленный по правилам...

234. ...[Раньше] красивей хоронили, красивей свадьбы играли. А тапери-ка — «яко по́ суху», «курту́-бурту́». Таперь девки едут на заработки; слышали? <...> И богатые, и на заработки выехали [за границу]. Вот так. А раньше этого не было. Раньше не носили, как таперь — тело продают; по городу ходят, это лытки голые, токо трусы надетые. <...> А таперь голым головам идут.

235. [А для чего у вас занавески на иконах?]

Бывает, заходят курящие. У нас полагается закрывать икону.

236. ...Надо завсегда перекреститься, как ложишься; три раза перекреститься. А я не перекрестилась: «Ай, ищё встану, — говорю. — Ищё встану, я вже перекрещуся». И легла, заснула. Заснула; може, пол-одинадцатого, може, полдвенадцатого. Знаете что? Как навалился на меня какой-то камень, я не могла никак ничего сделать с ним. Я и отпихивала, я и пихала, я и... — не могу вылезти оттудова, и всё. Ага... А мне дошло до памяти, что это я не перекрестилась. Тогда уже, этот лежит на мне, я вже давай молиться. И вот, как помолилась, перекрестилась — так сразу всё отвалилося. Вся мокрая, вся мокрая была. Вот видите, какая естя нечистая сила.

237. ...И вот, они бедные голодные, <...> потому что до одиннадцати часов нельзя было кушать. <...> Это такой обычай — в праздник, в выходные, пока богослужение идёт, нельзя. <...> А уже в выходные никто не работал, хоть там камни с неба...

238. Как пост, так два года дитёнку <...> — не давали ни молока, ничего. Токо чаёк там, какую булочку-самоделочку... Это от двух! А до двух давали кормить. От двух, уже тогда пост — что старые, бóльшие, то и маленькие...

[А работать в праздники?]

Не-а. Пусть там катится, и сено гниёт там, и пусть там с неба звёзды падают в праздник — а никто никуда, не пошевелится. <...> Пусть вот дождь идёт, туча; можно свезти или сграбить — пущай лежит, мокнет. В нас не работали.

[А не рассказывали, что Илья потом накажет?]

Ну, рассказывали. Говорит, хто нарушит — так Илья парит, гром гремит. Илья ездит какой-то по небу.

239. [До какого времени разрешалось купаться?]

До Ильи. А уже в августе будет вода холоднейшая. Говорят, Бог бросает льдинку в водёнку.

240. ...Вот теперь девятнадцатого [августа] в нас считается праздник престольный. <...> Спас. <...> А старообрядцы, которые верили в Бога, ань яблоки не кушали до этого праздника. Не разрешали кушать; грех это, говорят, до Спасу...

241. ...Спас во будя в нас, девятнадцатого числа. <...> Я ще яблоки не кушаю. <...> Моя мама не, так и я не. Говорят, на тым свете не дадут родителям. Как моя мама рассказывала, что на тым свете не дадут яблочков покушать jim... Так я не, пусть лучше мои родители покушают.

242. [А серьги можно носить староверам?]

Ай, говорят, что на том свете будет гадина; ну, я уж не такая строгая староверка... Будет гадина на том свете, обвившая кругом шею; <...> бусы если там на шее.

243. Гадать нельзя — это грех. Старообрядцам нельзя заходить в чужие церкви — это тоже грех. Нельзя ходить с иноверцами вместе в баню, чтобы не было соблазна перейти в другую веру. На Ивана Купалу — никаких костров. Только сходить в церковь — и домой. В праздник должно быть спокойствие. Петь весёлые песни нельзя — это от чёрта. У нас даже в доме ни радио, ни телевизора нет.

244. ...Каждый человек Богу верит; Бог один, а этих национальностей [религиозных конфессий — речь шла о них], их много, как в парламенте там — и либералы, и коммунисты, и социалисты, и демократы; и эты, как их называют, ай... и таутинки; и эты, как сейчас они во власти..., консерваторы. Так и в этом законе — много этих религий, но сходятся они почти все, в одно... Но знаете, по ступням: в одной религии жёстче закон, в другой там послабше, вот так вот... В православии, в православном законе принято так. Когда Крещение, моленную служат и крест погружают в воду, <...> святоё распятьё. <...> А потом, когда крест вынимают, люди набирают этой священной воды и тогда эту воду прячут. <...> Хранят янү до какого-то момента, когда она понадобится, понадобится. И вот, тогда считается, что это святая вода. Вот так я слышал...

245. А Бог один. Веру никакую не заклиняйте, ни церквы. Где какая церквя — или идёте, или проезжаете — перехреститесь. Никого не стесняйтесь. <...> А сейчас пресный народ. Некрепкий, пресный. <...> Больше не доживёшь. Если семьдесят два года — так это уй! Это вже старая баба считается. А до моих год [рассказщице 94 года] уже трудно добиться.

246. ...А закон [*вероисповедание*], девчаты, никакой не заклиняйте! Какой есть закон — вси Богу молются; один Господь на свете, одно солнце нас прогревает, земля одна нас окáрмливает... На дорогу не плюйте; в сторону плюйте. Вот так; на дорогу — грех, она так муку терпит, дорога. В бок поплюйте. <...> А уже закон — никакой, никакой!.. Кто в каком законе родился, тот в таком законе и Бога призывает, Исуса Христа, Бога нашего; Миколу-святителя, Пресвяту матушку Богородицу, ангела-хранителя, всех святых небесных сил. Все призывают... Бог один. Земля одна, вода одна, солнце, небо одно — всех кóрме, всех пбе... Вот так. Век будете жить — и никакой закон не заклиняйте.

247. Сделай Богу ласку на Рождество и на Паску.

248. Кто не носит хрест на вороту́ — нету совести в роту́.

249. Перегонишь сало в пост — и поджу́лишь летом хвост. (Сало на лето оставляли, на сенокос.)

250. Задаст батька по хвосту, лучше не спи с жёнкой в посту́.

251. Руганье чёрта тешит.

252. Кто курит — того чёрт ту́рит [*от литовского «turėti» — «иметь, владеть, держать»?*].

253. Хорошая хозяйка при чу́жнике [*постороннем*] бельё не стирает.

254. ...Дед ни разу не побрился. <...> С бани придёт, руки помое, потом перекрестится. [«Так дед и водку не пил», — заметила мать рассказчика, Е. А. Спорная.] Врачи приехали; он заболел. «Дедушка, может, выпиваешь?» — «Да, говорит, выпиваю. Как женился, купил две бутылки — вон ещё есть ещё», — говорит. Дед был с юмором...

255. ...Так вот, как было, так не рассказала вам. Как даст, как даст [молния] — прямо всю электра выключилась. А мне так страшно стало. Пошла, села на кровать, где я сплю. И стала молитву читать. А молитвы я — и «Достойну» прочитала, и «Отче» прочитала, и «Богородицу» прочитала, и «До воскреснет Бог» прочитала. А потом... Я всегда прощаюсь, каждое утро. Вымоюсь, <...> становлюсь перед солнцем, <...> все молитвы читаю, а потом прощаюсь. Говорю:

Господи, Сусе Христе, сыне Божий!

Будь впереди, ангелы позади.

Спаситель ты мой, спаси и помилуй.

Три раза проговорю. И потом, значит:

Господи, Сусе Христе, сыне Божий!

Прости меня, грешницу, и помилуй!

Прости меня, солнце,

Прости меня, луна,

Прости меня, звезда,

Прости меня, сырая мать-земля!

Уже как «земля» — кланяйся в землю и говори вот это «Прощение».

256. Мама рассказывала — как ейный дедушка посмотрит на облаки, и знает, когда посеять, когда что. И посеют — так с нивы валилось всё. А когда зять пришёл на эту землю, так ничего не росло — там песочек.

246. ...А закон [*вероисповедание*], девчаты, никакой не заклиняйте! Какой есть закон — вси Богу молются; один Господь на свете, одно солнце нас прогревает, земля одна нас окáрмливает... На дорогу не плюйте; в сторону плюйте. Вот так; на дорогу — грех, она так муку терпит, дорога. В бок поплюйте. <...> А уже закон — никакой, никакой!.. Кто в каком законе родился, тот в таком законе и Бога призывает, Иисуса Христа, Бога нашего; Миколу-святителя, Пресвяту матушку Богородицу, ангела-хранителя, всех святых небесных сил. Все призывают... Бог один. Земля одна, вода одна, сонце, небо одно — всех кóрме, всех пóе... Вот так. Век будете жить — и никакой закон не заклиняйте.

247. Сделай Богу ласку на Рождество и на Паску.

248. Кто не носит хрест на вороту́ — нету совести в роту́.

249. Перегонишь сало в пост — и поджу́лишь летом хвост.
(Сало на лето оставляли, на сенокос.)

250. Задаст батька по хвосту, лучше не спи с жёнкой в посту́.

251. Руганье чёрта тешит.

252. Кто курит — того чёрт ту́рит [*от литовского «turėti» — «иметь, владеть, держать»?*].

253. Хорошая хозяйка при чужнике [*постороннем*] бельё не стирает.

254. ...Дед ни разу не побрился. <...> С бани придёт, руки помое, потом перекрестится. [«Так дед и водку не пил», — заметила мать рассказчика, Е. А. Спорная.] Врачи приехали; он заболел. «Дедушка, может, выпиваешь?» — «Да, говорит, выпиваю. Как женился, купил две бутылки — вон ещё есть ещё», — говорит. Дед был с юмором...

255. ...Так вот, как было, так не рассказала вам. Как даст, как даст [молния] — прямо всю электра выключилась. А мне так страшно стало. Пошла, села на кровать, где я сплю. И стала молитву читать. А молитвы я — и «Достойну» прочитала, и «Отче» прочитала, и «Богородицу» прочитала, и «До воскреснет Бог» прочитала. А потом... Я всегда прощаюсь, каждое утро. Вымоюсь, <...> становлюсь перед солнцем, <...> все молитвы читаю, а потом прощаюсь. Говорю:

Господи, Сусе Христе, сыне Божий!
Будь впереди, ангелы позади.
Спаситель ты мой, спаси и помилуй.

Три раза проговорю. И потом, значит:

Господи, Сусе Христе, сыне Божий!
Прости меня, грешницу, и помилуй!
Прости меня, солнце,
Прости меня, луна,
Прости меня, звезда,
Прости меня, сырая мать-земля!

Уже как «земля» — кланяйся в землю и говори вот это «Прощение».

256. Мама рассказывала — как ейный дедушка посмотрит на облаки, и знает, когда посеять, когда что. И посеют — так с нивы валилося всё. А когда зять пришёл на эту землю, так ничего не росло — там песочек.

257. [Когда скот выгоняли в первый раз в поле?]

А это хоть когда, как придётся. Большинство так стараются полноте выгнать, вот... Когда полнота уже, месяц полный это. Чтоб всегда скотина наевши была, полная. Але это мало хто при-мечает; когда кому приходится, тогда и выгоняют.

258. Нонеца во, огурцы побил град. <...> Сестра подбила — вот, эксперимент будем делать. <...> Огурцы сажать там, когда Пахом бывает, 28 мая. А мы, когда тёпло, тогда и сажаем. Говорят: «Пахом принесёт с мехом». А ён, може, принесёт с мешком, а, може, вынесет с мешком, — говорю вам, — не будет ничего...

259. ...Люди знали время, когда надо сеять, в какое время. Вот. Мне рассказывал отец. Как раньше это, в старину, плоты гнали по воды, гоняли, брёвны. Сколачивали их, плиты, и этот плыт идёт по направлению воды, по водотёку. А один человек, взёмши лукошко, начинает горох сеять. А на плыту этот сопровождающий сидит — недалёко речки [поле было] — и говорит: «Слушай, гражданин, говорит, обожди, говорит. Что ты, говорит, будешь делать?» — «Горох буду сеять». — «Обожди, говорит, сеять. Такая, говорит, минута, час такой нехороший. Ты, говорит, обожди». — «А кто же, говорит, мне скажет, когда сеять? Ты же, говорит, уедешь». — «А я, говорит, тебе предмет покажу; вот я, говорит, на палочку белый флажок, тряпочку повешу. Я далеко, говорит, буду, ежели отъеду. И я, говорит, тебе этой палочкой помашу. А ты, говорит, увидишь — тогда, в это время и сей горох».

Хорошо... Вот, он сел, отдыхает. А этот плыт уже далеко-далеко отплыл, уже его чуть видно. Он думает: «Вот, подлец! Отвлёк меня от работы, болтал языком, а сам ничего не сказал, не показывает ничего...» И смотрит — машет тот ему палочкой, флажком. Значит, сей! Он благословился и стал сеять. Посеял этот горох, говорит, — как вырос горох! Так там, говорит, если пуд [семян посеял], так он несколько там десятков мехов этого гороху намолотил. И скоко его и свиньи таскали, там, трепали, ели; скоко люди его там разносили. И он, говорит, без счёта этого

гороху назло, ведь, что говорит, на своей жизни я никогда такого урожая не встречал. Вот так...

260. Картошку сажать надо, когда тучи на небесах — будет комам, всыпь.

261. Когда солнце заходит, нельзя ложиться спать. Курслеп, куриная слепота нападает на человека — днем видит, а вечером ничего не видит.

262. Многие заносят котов. И я заносила их, бывало. Но это нехорошо, это не ведёт. И точно, когда заносишь котов, так так само и тебе буде жизнь. Так и я — в одном месте долго не жила. Я всё заносила котов; как какой пакостный, так снесёшь где и пустишь. Как коту жизнь, так и тебе будет жизнь. Вот, и у меня. Так я уже много-много домов переменила. Теперь знаю, что котов нельзя заносить. И я их не заносу теперь.

[Через два года рассказчица в очередной раз переехала в другую деревню.]

263. Одна женщина говорила. Она занесла кота, <...> потом как раз и сама туда попала, вышла замуж в тбе место, куда кота занесла.

264. ...Если недоглядели, кот полизал посуду — миску или там тарелку — понесут и разобьют. С ей кушать не будут. <...> Собаку [в комнате] не держали; грех считалось. Собака должен быть на улице.

265. [У вас рядом гнездо аистов. Это что-нибудь значит? Хорошая деревня, хорошие люди, где аисты живут. Где плохие люди, там аистов нет.

266. Е. В.: ...Где ён [«*батьян*» — *аист*] полюбится, ён там и сидит. Во, в нас тут во человек <...> сделал гнездо ему. А ён тут в не бывал. А вот там вот, в Климки, на горе — у его каждый год сидит. Але вот человек <...> сделавши там-ка, и гнездо сделал, и колесо стянул [*лоднял*] на дерево — никак не жил, не сидел.

Н. Л.: И *батьяну* нужно, пара чтоб *была*; чтоб мужик с бабой подымал бы колесо, борону наверх. Тогда *батьян* будет, а так не будет. Один подыметь — ничёго не будет.

Е. В.: С бабой подымал Климка. А Юлик один. И вот, ни разу не сидел.

Н. Л.: А по чём знает, что вдвоём подымали? А вот видите — знает.

Е. В.: Чувствует.

267. Хлеб [*новую буханку*] вечером не начнёшь, это нехорошая примета — мол, кто-то скоро умрёт. И вот, дети мои знают. «Ай, мам, у нас ещё хлеб не *начатый*». А начнёт она, а горбушку положит [к *початой* буханке], тогда ничего...

268. А. Г.: ...Вечером свёкр не разрешал [*начинать новую буханку хлеба*]. Свёкр был *наббжный*, учёный человек; по-церьковному. У нас всегда хлеб был, и вечером мы не начинали булку, только утром.

Е. В.: На ночь вообще нельзя хлеб резать; это, говорят, своё здоровье режешь. Начинать ничего вечером; только утром! До обеда всё начинать надо новое. <...>

А. Г.: Вот так: чтоб пелёнки не стирала [*в воскресенье*]; чтобы были выстираны к воскресенью. Это уже на утопленника...

269. Хлеб верх низом нельзя положить, не надо. А чтоб вот, как ён сидел <...> в печке, так и класть.

270. Это ещё при Сметёны; ну, лет десять мне, наверное, было, не больше. Жила такая старушка возле нашей старой мельницы. Сын был у её рыбак, <...> и этот рыбак зимой уезжал рыбачить, она оставалась одна. И вот, она пришла к нам <...> и просила в мамы моей: «Отпусти, говорит, девочку одну [одну из дочерей] со мной ночевать. Я, говорит, одна боюсь». Ну, мамка меня и послала...

Ну, мы и пошли с бабушкой. А у ней в хате, направо сразу — печка русская. <...> Она там постелила, и мы легли спать. Ну, я как легла, как девчонка — день побегавши, так я уснула сразу и всё. А утром, на самой зоречке она меня будит: «Доченька, доченька, <...> вот ты послушай». И вот, слышу, что вот так вот — «шлёп-шлёп-шлёп-шлёп!» по воде, потом «шер-шер-шер-шер!» как бы венником таким. <...> И так было несколько минут; <...> кто-то в воде купается. «Ты знаешь, доченька, говорит, это, наверно, чёрт в воде купается. Я вечером не накрыла, видно, воду. И стоит ведро открыто, и вот он сегодня на зоречке вымылся в нашем ведре...» Стало уже светать. И правда, ведро стоит открыто. Но, если б там была лягуха, там крыса или мышь, так уж там она могла налить воды кругом, потому что она сильно полоскалась там. Но ничегошеньки, нигде ни капельки. <...> Он скупался, ничего не нарушил. <...> Понесли эту воду, вылили на реку. <...> Она мне дала топор, вырубилы мы чумечку [прорубь], и она ведро вымыла-вымыла и воды набрала.

И вот с тех пор я <...> никогда не оставляю ведро открытым. Это сама лично это видела, лично слышала, что чёрт купается в ведре. <...> А потом люди пьют эту воду, вот поэтому разные болезни бывают у людей, и всё...

271. На ночь вся посуда должна быть перевернута кверху дном.

[А почему?]

А потому, что ходит пресвятая Богородица и смотрит порядки, чтобы всё было накрыто и перевернуто. А если не накрыто и есть там компот, приходит чёрт и хвост свой помочит грязный. И говорит: «Ай, какая здесь грязная хозяйка живёт!»

272. [А почему еду на ночь надо закрывать?]

Ну, потому что нечистик ходит ночью везде; это грех — он всё равно болтанёт хвостом что-нибудь.

[А в какие часы он самый опасный?]

Раньше в двенадцать часов, а теперь назад надо гнать на час.

[А когда кончается его время?]

До трёх. Петухи запели первые в три часа — и он тогда пошёл уже отдыхать...

273. [А на ночь надо всю посуду накрывать?]

Ну, его всё время закрываем. Но особенно в нашем русьском законе, чтобы не было б вот; в нас как печка, и это [«устье» печки] чтоб было б завешено. А то как умрёшь, так тогда рот разинувши будешь, <...> так уж говорят бабы. Потом, если на ночь посуду не помоешь, тогда... Ну, мама говорила, бабушка — что там уже черти купались, с той посуды јисть нельзя. <...> Ещё рассказывали, что нельзя вечером пол мыть — будет беда. Нельзя ёти... вечером подметать и сор выносить — будет коршун курей выносить. [Смеется.] Ну, такие, знаете, забобоны такие...

[А если гости уехали — можно сразу подметать?]

Ну, не, не... <...> В общем, так: ежли куды-то уезжаешь, подметать не надо — несчастливо будет. А как уедут — это я не знаю. <...>

[А если вечером хлеб кончился?]

Начинать — нельзя! Лучше без хлеба покушать, но не начинать. И потом хлеб нельзя вот так вот, обворачивать коркой верхней вниз. Тоже грех. <...> И нельзя не перекрестивши было. Хлеб, булку несёшь, перекреститься надо тогда... И хлеб всегда отец резал. Мама ложки подавала, в чашки наливала. А хлеб чтоб мама резала — никогда в жизни не резала хлеб. Папа резал; папа — хозяин. <...> И пока отец не начнёт кушать, значит,

мы не имели права ложку поднять. Отец кушал отдельно в нас всегда...

274. [А на ночь ведра, горшки закрывали?]

Понакрывать и перекрестить. И пол замётить.

[А для чего?]

А чтобы черти не ходили. С вечера чтобы мусору на полу не было бы. На столе было б вбрано, а что оставши — накрыто. И перекрестить надо всё, во. Комнату перекрестить, двери, окна... И койки надо перекрестить.

[А если не накроешь посуду?]

Там уже будут черти находиться. Если мусор — яны́ будут ходить, а ангелу нельзя. Нам родители так учили: если мусор — не мóжет ангел...

275. Бабушка говорила: «Иди, подмети пол; Бог ночью будет ходить, ноги наколет». Я мету, мету; руками проведу по полу, говорю: «Бабушка, я руку не наколола, и Бог ноги не наколет!»

276. Говорят, когда в квартиры не уберёшь... Богородица ходит; в каждой избы Богородица есть. И она плачет, что нечисто. Мой [муж] такой грязнуля был, не остерегался. И вот сын [такой же]. Я же не могла убрать. И думаю: «Пресвятая ты моя госпожа Богородица! Ты прости! Я же не могу, не могу так исполнить, как закон велит...»

277. М. Ф.: Говорят, что вечером нельзя <...> сор выбрасывать. Это до утра уже лучше. <...> Мама говорила: «Ай, лучше вы уже утром, а вечером не выносите шум» [сор].

Е. Л.: А почему и как, дак и я не знаю. Это так идёт и идёт и стари.

М. Ф.: Когда мы сюда пришли [в новый дом], так тоже. Всё было убрано, но сор — там вот немножко подмётено, не было вынесено. Кто раньше жил. <...> Не выбрасывал. Вечером, наверное...

278. Говорят, что маёшь корову; цедилка сносится — никогда не мой ни посуду этой цедилкой, ничего. В печку кидай, пусть она сгорит.

279. Нельзя стать на то место, где ведро стояло. Где круг такой [след], нельзя стать — лицо пойдёт кругами.

280. Говорят, когда икается — вспоминает кто-то. И можно узнать, кто. Надо имена вспоминать, и как попадётся на это имя — сразу икать перестанешь.

281. [А про гром и молнию ничего не рассказывали?]

Это как по-божественному, говорят, Илья-пророк едет на огненной колеснице, зато [потому] и гремит. И старики, бывало, говорят: «Вот, видишь, уже Илья едет на огненной колеснице. Вот он уже даст, убьёт тебя; молился Богу!» Как только загремит, так сейчас хрестишься, молишься... И платок обязательно. Под дерево стать нельзя, <...> дерево очень магнит, тянет током; может сразу убить. Идёт дождь — стой прямо на поле голом, где идёшь. <...>

Видите, как сильная гроза и ударяет — какая-то стрела откуда-то излучается, и даже вот <...> такая она кругленькая, как граната. Говорил папа, когда в коровы вымя забрусёвши, этой стрелой надо погладить — и пройдёт.

[А как эта стрела выглядит?]

Как железо, как снаряд такой блеснүчий; как чашечка. И будто обгоревши вся.

282. Помню, <...> гроза была. Как дало, в наш дом не попало, убило б меня. <...> А штук восемь коров вбил. Так во хлев был, а под хлевом большая липа была <...> — вчетырёх, впятых надо,

ну, [её] обнять; липа такая. <...> Тогда евреи приехали; им можно жисть [мясо животных], если громом побил. Папка не дал. Говорит: «Пропало — пусть всё пропадает». А яма большая такая, как стрела ишла, как дала коло деревины; такую яму вырыла, что можно вчетырёх сесть — и не видят вас. Глубокая и большая. Папка стал ещё глубей копать, поглядеть, что в этой яме. Так такой — чтоб только приложить с одного боку, на два пальца <...> ширины и должини — обух. Надевай палку и секи дробы. Вот что с неба свалилося. <...> Але топор и топор! Только топор не железный — угольный, чёрного угля. Но не такого угля, который в печке дробы палются, а такой... как стальной всё равно уголь, чёрный. И вот, обуха только кусочек отбитый, а так — надевай палку и секи дробы.

283. ...Запоёт курица [*летухом*], берут её с пёреда и вот так куляют [*переворачивают*]. Если она попадёт [*на порог*] хвостом, то тогда её жить оставляют. А если голова попадёт и не отрубишь, то нехорошо будет в дому.

284. Курица поёт на свою голову.

285. Валяй врага с пёреда до порога, руби на пороге, что попадёт — голова или ноги!

286. Н.: Если курица запоёт [*летухом*], так это уже сразу — завтра и резать, всё.

Е. А.: А бывает, что курица поёт на хорошее.

Н.: Бывает, але большинство она... Я не перевариваю; если запела — всё, режу.

Е. А.: Вот, говорили люди, там я слышала. Что, мол, курица запела, ён взял яну́ и зарезал. А она приснилась во снях, что, мол, я пела вам для хорошего, а вы меня зарезали. Я, говорит, для счастья... Бывает, курица поёт для счастья.

По заветам старины

[*Это когда запоёт петухом?*]

Е. А.: Да-да! Бывает, что как петун поёт курица, да. Как петун. Аж просто ужасно так станет. Гли-ко, что курица поёт по-петунячиному! Мы видели, скоко раз видели.

Н.: Как петух поёт! Неприятная картина...

Е. А.: Думаешь: всё! Что-нибудь такое [*нехорошее*] случится.

7. МАГИЧЕСКИЕ И ЦЕЛЕБНЫЕ СРЕДСТВА

Христианские символы и атрибуты, играющие важную роль в жизни любого верующего человека, у старообрядцев приобретают особую значимость, нередко включаются в круг мифологических представлений, наделяются магической силой. Многие из них воспринимаются как универсальные обереги, а регулярное обращение к ним закрепляется с помощью мифологических сказаний (быличек). Прежде всего это — иконы, кресты, богослужебные книги, «лэстовки» (четки), принесенные из церкви свечи, ладан, крестное знамение. Их боятся «беси» и всевозможная «нежить» (домовые, лешие, оборотни, «ходячие покойники», привидения и т. п.); они нейтрализуют «порчу» и «сглаз», оберегают человека в дальней дороге и на войне, спасают от змей. Если в семье что-то не ладится и подозревают злой наговор, надо принести угольки из церковного кадила, «это вот покурится — тогда в дому этом всё будет хорошо». Решивший покончить с собой мужчина не мог повеситься, пока у него на груди висел нательный крест (см. № 215). При строительстве дома в первом венце вырубали крестообразное углубление и закладывали туда ладан, соль и монетку — «серебришку какую там». Крест вырубался в том месте, где будет «божница», то есть «красный угол»; считалось, что это обеспечит счастье и достаток в новом жилище. Если в деревне случался пожар, то огонь «уводили» от построек: обносили вокруг них икону или распятие и уходили в безопасном направлении (в сторону поля, болота или пустоши). «Куда пойдёшь с иконой, туда <...> огонь пойдёт». Многие рассказчики полагают, что чудодейственная сила иконы или креста не зависит от конфессиональной принадлежности их владельцев. «Мой дядюшка <...> ихну Езу́ску [католическое распятие], хрест, вынес в бок деревни — и ветер повернулся...». Но порой подчеркивается, что от пожара может спасти только «наше» (то есть старообрядческое) распятие». Одна из жительниц Ужусалая настойчиво убеждала собирателей в том, что это она с помощью молитвы заставила вчера страшную грозовую тучу обойти селение стороной.

Надежным оберегом в дальней дороге, на чужбине, на войне считается знаменитый «Сон Богородицы» (апокрифическая легенда

или духовный стих на этот же сюжет). Нередко его сближают с устными по происхождению народными заговорами. Но в отличие от них «*Богородицкий сон*» не обязательно читать вслух; достаточно переписать на листочек бумаги и всегда держать при себе. Одна из наших исполнительниц глубоко убеждена, что именно этот амулет помог ее сыну-авиатору без проблем дожить до пенсии, а позднее спас ему жизнь во время серьезной автоаварии. А брат другой староверки, уходя на фронт, написал фрагмент «Сна Богородицы» на прикладе боевого оружия и возвратился в родной дом живым и здоровым.

В народной медицине, в заговорной практике широко применяется «*святая (крещёная) вода*»; по аналогии с чудодейственным сказочным средством ее нередко называют «*живой водой*». Эту воду приносят из церкви в дни так называемых «*годовых праздников*»; в крещенское утро набирают из колодцев и криниц; зачерпывают в том месте, где сливаются два или три ручья. На «*святую воду*» распространяются все ограничения и запреты, связанные с заговоренной водой. Ее надо набирать рано утром (иногда — в полдень), желательно — раньше односельчан; по пути к колодцу или источнику и обратно нельзя оглядываться, разговаривать, лучше всего — вообще ни с кем не встречаться. Чтобы вода не потеряла своих целебных свойств, ее не рекомендуется делить, переливать в другие сосуды, греть, а тем более кипятить: «*Она через огонь прошла — и всё, уже мёртвая*». (Кстати, при крещении младенца воду тоже запрещается подогревать, какой бы холодной она ни была.) Целебная сила приписывается также воде, оставшейся в банном котле после мытья.

Золу из печей собирали целый год, а в Чистый четверг рассеивали ее по огородам, «*чтоб мошкара не заводилась*». В этот же день в печи прокаливали соль, чтобы она приобрела целебную силу. К Великому четвергу старались приурочить и целый комплекс магических действий по нейтрализации «*черных*» заговоров, нарушавших мир и согласие в семье. «*...Дети стали как кот с собакой жить. Пока в Чистый четверг, <...> не подмели дом, <...> и в сарае, везде подмели и этот сор собрали в мешок. В двенадцать часов надо вынести на кружавую дорогу [«крстовую» дорогу, перекресток] <...> и через левое плечо выкинуть*».

В повседневном быту для профилактики и лечения болезней, для борьбы с пожарами, обеспечения высоких урожаев, предотвращения «*порчи*» до сих пор обращаются к магическим средствам и предметам. Многие из них связаны с архаичными представлениями, в трансформированном виде закрепившимися в христианской об-

рядности. И сегодня почти в каждом доме под иконами можно увидеть пару крашенных яиц, которые лежат здесь от одной Пасхи до другой. Им приписывается исключительная магическая сила, в том числе и продуцирующая. Информаторы убеждены, что когда в храме во время пасхальной службы запоют «Христос воскрес!», воскресают и пролежавшие целый год яички: «*Лежат, как живые*», «*Как сегодня сварено*» и т. п. Но для этого надо, чтобы все это время к ним не прикасалась рука человека, в противном случае чуда не произойдет. Такими яйцами еще не так давно разговлялись члены семьи («чтоб не болели бы»), их скорлупу скармливали курам, разбрасывали по полям, добавляли в семенное зерно («для урожая»), клали в свежее сено, чтобы там не заводились мыши. А целые яички для повышения урожая закапывали в первую борозду при посадке картофеля. Во всех этих действиях явственно прослеживаются рудименты древнейших представлений о яйце как символе жизни, одном из удивительнейших чудес природы (из неживого рождается живое). «Годовое» пасхальное яйцо считается самым надежным, а кое-где и единственным средством от пожара, ибо оно «усмиряет» не только обычный огонь, но и огонь небесный — от грозных разрядов. «*Когда пожар от грома, так перекидывают через крышу этим яичком*».

В пасхальной обрядности прочно закрепился еще один символ жизни, связанный с языческой верой в умирающего и воскресающего бога растительности. Это — знаменитая верба, которую набожные старики тоже держат в домах под иконами, втыкают в хлевах над входом или же зажигают ее и окуривают домашних животных. Согласно народным поверьям, она оберегает от грозы и болезней («*верба — это от грозы хорошо*»). Поэтому в день «*Егория вешнего*» при первом, ритуальном выгоне скота в поле животных гладили или легонько били вербой по спине; вербой же окуривали скот, впервые выгоняя его весной из хлева. А литовцы-католики выпрашивали у стареров пасхальные куличи, считая их лучшим лекарством от детских болезней.

Чтобы лен вырос длиннее, надо было на «*масленку*» проехать на санях как можно дальше; в некоторых деревнях было принято запрягать «неезженных» коней, устраивать им первую «*кátку*». Аналогичный обычай известен и литовцам. Особое внимание уделялось первому выгону домашнего скота в поле. По традиции его приурочивали ко дню «*Егория вешнего*», даже если в это время еще не было травы. Коровам на рога одевали венки, щедро одаривали пастухов. Зафиксированы и другие магические действия и обряды охранительного характера. Чтобы уберечь животных и птиц от «*порчи*»

или духовный стих на этот же сюжет). Нередко его сближают с устными по происхождению народными заговорами. Но в отличие от них «*Богородицкий сон*» не обязательно читать вслух; достаточно переписать на листочек бумаги и всегда держать при себе. Одна из наших исполнительниц глубоко убеждена, что именно этот амулет помог ее сыну-авиатору без проблем дожить до пенсии, а позднее спас ему жизнь во время серьезной автоаварии. А брат другой староверки, уходя на фронт, написал фрагмент «Сна Богородицы» на прикладе боевого оружия и возвратился в родной дом живым и здоровым.

В народной медицине, в заговорной практике широко применяется «*святая*» («*крещёная*») *вода*»; по аналогии с чудодейственным сказочным средством ее нередко называют «*живой водой*». Эту воду приносят из церкви в дни так называемых «*годовых праздников*»; в крещенское утро набирают из колодца и криниц; зачерпывают в том месте, где сливаются два или три ручья. На «*святую воду*» распространяются все ограничения и запреты, связанные с заговоренной водой. Ее надо набирать рано утром (иногда — в полдень), желательно — раньше односельчан; по пути к колодцу или источнику и обратно нельзя оглядываться, разговаривать, лучше всего — вообще ни с кем не встречаться. Чтобы вода не потеряла своих целебных свойств, ее не рекомендуется делить, переливать в другие сосуды, греть, а тем более кипятить: «*Она через огонь прошла — и всё, уже мёртвая*». (Кстати, при крещении младенца воду тоже запрещается подогревать, какой бы холодной она ни была.) Целебная сила приписывается также воде, оставшейся в банном котле после мытья.

Золу из печей собирали целый год, а в Чистый четверг рассеивали ее по огородам, «*чтоб мошкара не заводилась*». В этот же день в печи прокаливали соль, чтобы она приобрела целебную силу. К Великому четвергу старались приурочить и целый комплекс магических действий по нейтрализации «*черных*» заговоров, нарушавших мир и согласие в семье. «*...Дети стали как кот с собакой жить. Пока в Чистый четверг, <...> не подмели дом, <...> и в сарае, везде подмели и этот сор собрали в мешок. В двенадцать часов надо вынести на кружавую дорогу [«крестовую» дорогу, перекресток] <...> и через левое плечо выкинуть*».

В повседневном быту для профилактики и лечения болезней, для борьбы с пожарами, обеспечения высоких урожаев, предотвращения «*порчи*» до сих пор обращаются к магическим средствам и предметам. Многие из них связаны с архаичными представлениями, в трансформированном виде закрепившимися в христианской об-

рядности. И сегодня почти в каждом доме под иконами можно увидеть пару крашенных яиц, которые лежат здесь от одной Пасхи до другой. Им приписывается исключительная магическая сила, в том числе и продуцирующая. Информаторы убеждены, что когда в храме во время пасхальной службы запоят «Христос воскрес!», воскресают и пролежавшие целый год яички: *«Лежат, как живые», «Как сегодня сварено»* и т. п. Но для этого надо, чтобы все это время к ним не прикасалась рука человека, в противном случае чуда не произойдет. Такими яйцами еще не так давно разговлялись члены семьи (*«чтоб не болели бы»*), их скорлупу скармливали курам, разбрасывали по полям, добавляли в семенное зерно (*«для урожая»*), клали в свежее сено, чтобы там не заводились мыши. А целые яички для повышения урожая закапывали в первую борозду при посадке картофеля. Во всех этих действиях явственно прослеживаются рудименты древнейших представлений о яйце как символе жизни, одном из удивительнейших чудес природы (из неживого рождается живое). «Годовое» пасхальное яйцо считается самым надежным, а кое-где и единственным средством от пожара, ибо оно «усмиряет» не только обычный огонь, но и огонь небесный — от грозных разрядов. *«Когда пожар от грома, так перекидывают через крышу этим яичком».*

В пасхальной обрядности прочно закрепился еще один символ жизни, связанный с языческой верой в умирающего и воскресающего бога растительности. Это — знаменитая верба, которую набожные старики тоже держат в домах под иконами, втыкают в хлевах над входом или же зажигают ее и окуривают домашних животных. Согласно народным поверьям, она оберегает от грозы и болезней (*«верба — это от грозы хорошо»*). Поэтому в день *«Егория вешнего»* при первом, ритуальном выгоне скота в поле животных гладили или легонько били вербой по спине; вербой же окуривали скот, впервые выгоняя его весной из хлева. А литовцы-католики выпрашивали у стареров пасхальные куличи, считая их лучшим лекарством от детских болезней.

Чтобы лен вырос длиннее, надо было на *«масленку»* проехать на санях как можно дальше; в некоторых деревнях было принято запрягать «неезженных» коней, устраивать им первую *«кátку»*. Аналогичный обычай известен и литовцам. Особое внимание уделялось первому выгону домашнего скота в поле. По традиции его приурочивали ко дню *«Егория вешнего»*, даже если в это время еще не было травы. Коровам на рога одевали венки, щедро одаривали пастухов. Зафиксированы и другие магические действия и обряды охранительного характера. Чтобы уберечь животных и птиц от *«порчи»*

и «сглаза», использовали не только вербу, веточки рябины, травы «откásник» и «колючий дед». Хозяин становился на табуретки и пропускал коров между ног. В воротах хлева поджигали ладан и ржаную муку, окуривали скот их дымом, заставляли животных переступить через три скрещенные косы. Все это, по мнению наших информаторов, отпугивает нечистую силу, нейтрализует злые чары.

Широко распространены различные поверья, связанные со строительством дома, новосельем, выбором места, в котором лучше всего копать колодец. В экспедиционных записях немало толкований вещих снов, рассказов о том, как сбывались предсказанные ими события.

В русских деревнях Литвы и сегодня можно найти немало знатоков народной медицины, которые прекрасно разбираются в лекарственных травах, знают десятки веками проверенных рецептов их использования. Для данной публикации мы отобрали лишь несколько текстов, органично вписывающихся в общую картину мифологизированного и христианизированного мира. По мнению наших информаторов, особой целебной силой обладает «*богородицкая травка*». Ее применяют для окуривания больных, приготовления различных настоек; ею нередко набивают подушечки, которые кладут в гроб покойнику под голову. Надежным средством против «порчи», происков нечистой силы, лекарством от тяжелых недугов считают травы «откásник» и «колючий дед». Глубокой архаикой веет от некоторых поверий, регламентирующих сам процесс собирания целебных трав. Их надо брать «до полдён», так как после этого «солнце уже сворачивается на свое место, спать, и тогда пользы нет в травах». А «откásник» лучше всего искать в лесу, в самых глухих местах, «где петуны не поют и собаки не лают». Во всех трех случаях отношение к этим травам не в последнюю очередь определяется семантикой их названий. В словосочетании «*богородицкая травка*» доминирующую роль играет магия имени Богородицы; согласно народным представлениям, острые предметы и растения отпугивают нечистую силу, колдунов и ведьм («колючий дед»); название «откásник» наши информаторы связывают с глаголом «откоснуться» (отойти, удалиться; ср. формулу в заговорах: «Враг, сатана, откоснись от меня!»).

287. Один рассказывал, что выходил на войну, на фронт. <...> И вот, отец наградил его иконкой: «Пусть тебя, говорит, Господь хранит, твою душу и тело, чтобы ты счастливый домой вернулся»

и мы тебя повстречали б». И всю войну прошёл, всю войну прошёл... И, говорит, такие случаи были, что, значит, ударили его как-то в это место, в грудь или что. А в его эта иконка была. Иконку даже задели чуть-чуть, а его не убили. И он вернулся жив-здоров. Вот так, дорогой... Это было точно.

288. [*Ничего не делали, чтобы удача сопутствовала в дороге?*]

Чтобы удачно, <...> так наш брат шёл. Так мама, наверно, каждому, когда в армию шли, <...> она крестики давала им. Было в брата распятыё, крест. Ну, всем там не хватало, которые женились; но всё-таки какую-то иконку давала мать.

289. [*А в дорогу ничего раньше не брали, чтоб уберечься от беды?*]

Брали... «Богородицкие сны» писали там. Вот, хто грамотный, тот напишет. Например, мой брат, как шёл в армию, на прикладе был написавши «Богородицкий сон» — там, винтовка в его была или автомат...

290. ...Когда машину купили, он [*сын рассказчицы*] переписал [*«Сон Богородицы»*], в книжечку такую переписал; эту книжечку всегда в машине возил. А когда едет он в Москву; он часто ездил в командировки, в авиации работал. <...> Да и воевсдых — он во многих местах всё ездил — всегда эту книжечку с собой. <...> Я говорю: «Сынок, бери всегда». Он брал в карманчик себе, в пинжак. Вот. Как приехал он токо с института, сразу — я говорю: «Перепиши этот «Сон Богородицы»». <...> Да и в самолёты... Сразу начал работать простым инженером, эти самолёты справлял, летали в воздухе на этих самолётах. Ой, как я переживала, ужасно! Один он в нас. Думаю — не дай какой случай... Говорю: «Пиши. Може, хоть «Сон Богородицы» да спасёт».

И как-то купили первый год машину, и тоже он ехал; и пьяный какой-то ехал, на большой на этой машине; «ЗИЛ», вроде, говорил? Прямо лоб в лоб. Так он говорит, я свернул в кувёт; но

хорошо, что кувёт был такой низкий, а чтоб нет — он бы, говорит, меня вклепал бы, как муху... Тоже рассказывал — может, мне сон помог этот Богородицкий...

291. Дядя рассказывал. Раненные на фронте, на поле боя. Ну, и очень много раненых лежат, очень много... И я лежу вместе с ними. Всё время, может, уже и не верил ничего. Это в Ленинграде, уже, говорит; жена там икон не держала, всё. Но в детстве, помню, что меня мать учила, что естя Бог... И тогда я стал вспоминать: «Если есть какая сила на небесах или что, так помогите мне, пусть меня подберут». И стал он какие-то молитвы читать, какие он знал. И вдруг, говорит, откуда-то пришли связисты, откуда-то санитарка, и его подобрали. <...> Ну, так он просил уже Бога, чтоб его взяли, и как будто Бог послушал. Остальных никто не подобрал, и все завидовали, что «вот, говорит, хорошо — тебя подобрали».

292. [Что-нибудь делали, чтобы остановить пожар?]

Е. В.: С крестом идут кругом, если ветер, например, несёт вот на постройку на чью-то. Например, у нас горит, туда несёт, так там обходят с крестом. <...> И, говорит, и точно — поворачивается ветер в другую сторону.

И. М.: В Лётях горела деревня, вся деревня. <...> Мой дядюшка прибёгли тушить, два километра, все с ведрами. И он взял ихну Езуску, хрест, вынес в бок деревни — и ветер повернулся. А так ветер по всей деревне ишёл, нёс. И пламя сразу повернулось, половину деревни спасли. А если б ветер не повернулся, вся деревня была б сгоревши. <...> Так очень все ему спасибовали.

Е. В.: Там литовцы кругом.

И. М.: Литовцы...; а этот русский наш. Так оны говорят: «Вот, русский, с бородой пришёл, спас половину деревни!» <...> Это было... после четырнадцатого, восемнадцатого года. Ну, уже как с России вернувши были [из эвакуации во время первой мировой войны].

293. [А во время пожара икону не носили?]

А это правильно. Икону надо. Вот, полотенце взять; к себе полотенце вот так во держать, застлавши. И потом икону поставить так во, на грудину. Куда пойдёшь с иконой, туда пойдёт дым, огонь пойдёт. Правильно! Пойдёшь на поле, туда куда-нибудь, повёрнется [огонь] — и пошёл туда.

294. [А что надо делать, когда в деревне пожар?]

Надо Богородицу [икону] брать и нести; на нас будет [идти огонь] — туда нести, чтоб в поле ветер был. Как иконку несёшь, тогда ветер сворачивается в ту сторону, куда ты с иконкой идёшь. Это делали; я и сама ходила с иконкой. Но пожарные скоро приехали...

295. Когда громом ударит, тогда уже водой нельзя потушить [пожар], токо кислым молоком...

296. [А как тушили пожар от молнии?]

Говорили, надо кислого молока влить и «Богородицу» [читать]... Ай, кто там... Не до «Богородицы» было и не до молока кислого...

297. Яичко кладётся [под икону], от Паски чтобы до Паски они лежали б. <...> А потом, когда Паска приходит, <...> «Христос воскрес!» уже скажешь, <...> так это яичко обратно образуется, такое самое свежее бывает. Ну, я практиковал, так разбил, правда. <...> Разбил, но немножко оно высохшее, не совсем как свежее, но не пропавши совсем, держится. Притрагиваться нельзя. <...> Положил — и лежать от Пасхи до Пасхи. Тогда оно и покажется, что как «Христос воскрес!» — то скажешь, так оно делается свежее. А как, понимаешь, убираешь, шевелишь, берёшь с руки в руки — тогда вже недействительно...

298. Ф. К.: ...Когда заканчивается Паска, оставляют яички до следующего. Тогда этим разговляются, и оно бывает хорошее, это яйцо. Ну, только знаете, в старину были иконы ко́женные [от глагола «кадить»], тогда оны не портятся. И нельзя ей руками брать. А когда уже возьмёшь, <...> пятно делается и потом портится это яичко. <...>

[А куда скорлупу девали?]

У нас, знаете, для кур.

Д. П.: Говорят так. Когда яичко пролежит год, никто не знает — там оно плохое или хорошее. Ну, в старину говорили так — когда «Христос воскрес», станут «Христос» петь [в церкви], тогда это яичко, что, может, оно какое и плохое, но оно исцеляется. Я сам пробовал. Отец держал. И он разрезал яичко. И вы знаете — половину яичка было, как сегодня сварено, половина яичка было плохое. Он тогда говорит: «А половина — это руками шупали». А которое было не шупанное, и сам разговлялся этим яичком, и мы пробовали. И яйцо — как сегодня сваренное. Пролежавши год.

[Скорлупу в поле или на огород не выносили?]

Не выбрасывали так на землю, закапывали, <...> в землю закапывали, знаете, чтоб она не валялась. Потому что она ко́женная; раньше кадили святые иконы, и яички кадили. <...> Считались уже священные.

299. Д. Л.: Если рукой не трогать, они [яички] год лежат, до следующей Паски. Можно кушать, должны разговляться этим.

Е. А.: Мы яички кладём тогда, когда «Христа» запоют. Не бери их в руки год — оны лежат, как живые. На другой год будешь їм разговляться.

Д. Л.: Это — первый раз кушать.

Е. А.: Вот, я жїла в папки, папка так делал. На другой год мы этим яичком разговлялись. Весь стол одним яйцом.

300. ...Как «Христос воскрес!» запели, как по нашей нации, сейчас яички ложим [под иконы] и говорим «Христос воскрес!»

три раза. <...> К каждой иконы, значит, ложим. Вот, эти яички; если только громом зажгё — ничем так не затушишь, как этим яичкам. Кинь в огонь — и станет ниже, ниже, ниже... И эти шкорлупки, что, значит, разговляешься; даже от болезней пьют. Да... А это действительно исцеляется яичко. Положь, только чтоб никто не дотронул и не пошевелил сам. Вот, оно будет год лежать, значит. А потом это яичко берут, режут по частям и каждому одному дают разговляться.

[Так оно через год...]

...исцеляется! А так ты его разбей — так тамы-ка будет чёрное только.

301. С. Е.: ...Сколько иконов стоит — и каждую икону стосуешь.

М. Я.: Мног яичек — два положите, нет яичек — по одному [под каждую икону].

Х. А.: Вот, знаешь, говорили, что яны́ не портятся. Правда... Год отлежало, вот; прошлый год... Прошлый год или прошлый год? И на Паску облупила — только подсохши, высохши, а вóньки никакой не было...

[А что с ними делали через год?]

С. Е.: Разговлялись.

Х. А.: А, выкинули вон. Закопала...

С. Е.: Их кушали, а свежие ложили.

302. ...Разговлялись старые люди. Это мама рассказывала... Уборку делали, одно яичко слетело [с «божницы»] — там только дым зелёный вышел. А второе осталось, и мы все разговелись — семья была большая. <...> Такó, как спечено было яичко. Папа маленькими частичкама всем дал, чтоб не болели бы.

303. ...На первый день Паски ложим яички. «Христа» пропоём и ложим. А тада ужó, в проводное воскресенье, <...> мы их берём, <...> разговляемся, скоко там семьи в нас есть. И эти шкор-

лупочки кладём в зерно и зерно рассеваем по полю, вот еты шкорлупочки. <...>

[А когда бывает «проводное воскресенье»?]

Через неделю. Вот, в это воскресенье Паска, а через неделю «проводное» считается.

[А для чего скорлупки в зерно добавляли?]

...Сказано в старинных людях, что так надо. Считаем — ко́женные. Ну, а там, покóдим. Другой раз есть ладан. Пахнет, как чащёй вот — ёлкой или со́сной. <...> И тогда эти шкорлупочки ка́женные кладём в это зерно, и тогда сеем вместе. <...> Для урожая, старинные люди говорят...

304. ...Ну, вот, розговелися, эти облупят яички; уже эту никуда не денут..., шкорлупу. Собирают; и потом такая бабка в какой фартук и кругом поля обнесёт, обсыпет, чтобы был бы урожай. Это вже я помню...

[А от обычных яиц скорлупу в поле не носили?]

Не-не, не-не...

305. А если картошку садишь, хочешь, чтоб картошки было б много, в первую ва́гу [борозду — от лит. «*vaga*»] клали эти яички.

[Целые яички или скорлупу?]

Целые яички, так, как оны есть; и положишь в первую ва́гу, как картошку садишь. <...> В первую ва́гу этих два яичка надо положить. Вот так... А как ищё кушаем яички, в первый день [Пасхи], тогда шкорлупку собираем. Тогда тоже в картошку сыпем и пара яичек оставляем класть, это в картошку.

[А в поле скорлупу не носили?]

Только в огород. Это от старины и от природы.

306. [А со скорлупой что-нибудь делали?]

В сено кладут. Когда сено везут, чтоб мыши не заводились.

307. ...А вот для чего их оставляли. Красное яичко оставлено, лежит; и случится если пожар, дома пожар. Бери это яичко и обнеси кругом дома и брось, где пусто, где домов нету — туда ветер пойдёт. Бывает, на дом прямо пожар идёт; яичко обнеси и брось в пустое место — и ветер подыметя туда, твоя постройка не будет гореть....

308. ...Когда пожар от грома, так перекидывают через крышу этим яичком. А если так пожар [обычный], так надо крест или икону какую-нибудь...; кругом дома надо. Куда ветер. Вот, например, в нас был пожар. Ветерок сам собой был на мою пожню. Мы остались целы. Уже муж мой был такой, нестрашливый, говорит: «Берите иконы, обходите» — и всё... У нас туалет вместе; такие дома нельзя обходить, где туалеты естя.

309. ...Бывало, как <...> положу, оны и лежат у меня спокойно. [А скорлупу куда девали?]
В плитку, спалишь, <...> а куды ж? <...> Уж батюшка кадил, <...> яны ж святые. В плитку...

310. А веточки [вербы] мы приносим и ставим возле икон. <...> И вот, бывает, человек заболевает, <...> притча ему такая, что сердечник бывает. И его, значит, освобождают; вот, покурить этим дымком — и он освобождается. И детей так же само.

[А скот?]

Скот — не знаю...

311. Ребёнок перепугается; ето вот [вербу] зажгёшь и покурить его — и тоже втихает. Так как какие-то нервы такие утишает. <...> У меня коровку вбило, говорю. Не покадила я уголки. <...> Я вроде стеснялася, что скажут «шептуха», так говорят, «колдунья». Ну, я постеснялася; и так гроза как дала! Може, вот, и за ето, что не покадила, не покурила я их. И дом покурила б — и нечистую силу Господь отогнал бы...

312. ...От пожара то, что в вербное воскресенье, когда вербу несёшь в моленную, вот эту вербу от пожара надо сохранить. И вот очень хорошо в хлев, под крышу где-нибудь или в дом; в общем, в постройках эту вербу надо оставить. Она предохраняет...

[А если пожар от молнии, как тушить?]

От молнии сразу схватывается всё. <...> Кислым молоком, хотя немножко где капнешь, там и тухнет...

313. [Ничего не делали, когда скот в первый раз в поле выгоняли?]

С хлева <...> счас сыпят соли маленечко во что-нибудь; и вот, идёт каждая корова там, телёнок к этой соли, чтоб она б лизнула б...

[А вербой скот не гладили?]

Не гладили в нас, не видела. Курить — так кúрили... вербой сухой. <...> Верба эта, на Паску в молебной кóдют, как люди держат. <...> Выгоняешь скот, через порог переходят, <...> на етот дым гонишь скотину. И она идёт через етот дым, идёт на поле. Вот. Тогда глазу не будет бояться...

314. [А на вербное воскресенье скот не били этой...]

...веточкой? Ну, это в пана тогды этого не было. А ето вот в таких вот, ну, мужиках, которые хозяины. Веточкой, когда с хлева выгоняют уже, первый раз, тогда уже быдто веточкой... Когда с зимы в первый раз в поле, так уже веточкой быдто выгоняли.

315. [А не использовали для чего-нибудь воду, которой обмывали иконы, колокола?]

Ну, ето в нас-то не было, но разговор слышала. Ежли в семье что-то не ладится, то, значит, надо иконки; или когда вот поп покладит, и тогда эты вже, значит, угольки с этой, с кадилы. Ну, это вот покурится — тогда в дому этом всё будет хорошо. Ну вот, когда в моленну идёшь на эту, на вербную. Ну, и несёшь вербу. То

7. Магические и целебные средства

тогда держать; когда вводишь на зиму коров, надо покурить — тогда ничего не случится. Так вот, в меня верба и теперь ещё лежит; говорю, как будем во хлев вводить, надо покурить...

[А детей вербой не били?]

Ну, нет... Только детей били, когда вот в них каприз — чего-то захочет, по ногам — трык-трык-трык! — брыгаются. Берёзка такая, как навислая естя; так эту берёзку ломают, веточку и коло огня попарют и пару раз по попке шлёпнут — тогда пёры выходят, якобы. Я не делаю так, а мама наша делала..., шлёскала маленьких детей. Ну, говорит, тогда оны не будут пёрыстые. Ведут за руку ребёнка, а он всё: «Мама, купи что-то!» Брык-брык ногой, и забрыкал. Вот это уже пёры естя, считается; тогда бьют детей етым...

316. [А если скот покупают, что делают, чтобы он на старое место не уходил?]

Это надо верёвку взять; эту, с рог... Если хозяйка тебе даёт с верёвкой, то эту верёвку ты сыми и положи в сарай, где..., ну, хлев называется. И положи и держи яну. Где бы она ни ходила — но к тебе придёт...

317. [Ничего не делали, чтобы купленный скот со двора не уходил?]

Я помню, <...> отец купил коня, так привёл в комнату — была такая традиция — ступа, и в ступы зерно давал. Ступа, где толкут — знаете? Как сегодня помню...

[Что, коня в комнату завел?]

Да, купил коня; в человека купил коня и привёл в комнату, зерно кормил — со ступы. А для чего, не знаю. <...> Прямо в эту комнату привёл. А, не — в другую; другой конец [в избе] был. <...> Мне уже было, наверно, девять лет.

318. [Чем весной выгоняли скот в первый раз?]

Выпускали всяко... Одного видел, так даже становился на табуретки, между ног выпускал коров...

319. [А скот весной не выгоняли в поле вербой?]

Скот... Наша бабушка, бывало, ложит три косы хрест-на́хрест, ставит такую миску и в миске, значит, аржаная мука, и купарис, потом ладан... И она, значит, разжигает — ну, чтоб только дымило, делаем — зато муку аржаную сыпят. Но это и хорошо — аржаную муку, чтоб она дымила только. И вот через этот дым проводим скот.

[А «три косы» — это которыми косят?]

Да, да, да...

[А выгоняли скот в какой-то определенный день?]

Это в нас был, как раньше, Егорий. Вот, после Егория выводили скот.

320. ...А если тебе что сделают, ставь бóсую ногу в землю, чтоб след был; бери с пальца немножко земли — с одной ноги, со второй — и сыпь в этот цветок. Сымаешь — это вже тот человек, который тебе делал, возьмёт на себя... Что делал, так всё ему буде.

[А если корову испортил?]

Так вот тоже. Выводи́, со следа бери и сыпь в этот цветок.

[А как он называется?]

Ра́чек... Он, значит, зимой цветёт, таким звоночкам.

321. ...Когда вот кутейник был рожественский; так эту кутью, когда мы не скушали, так птицам, курам отдавали — пускай лучше яйца несут.

322. [А на Великий четверг соль в печке не прокаливали?]

Да, соли сыпят; как фúкнут — соль трещит. Я в мамы спрашиваю. «А это, говорит, вам не касается...» А чего — вот ето я не добилась. А токо «тресь-тресь!» — соль. И вот она, мама, не объяснила вот. И не пришлось так в старушках [узнать] — для чего ета вот соль.

[А она эту соль потом собирала?]

Нет, она токо... Как она — с пястки [ладони, горсти] в печку как бросила и всё, и она токо потрескала.. Ето уже перед Пасхой...

323. А ещё надо год по́пел собирать, как вот в нас пліты. Собираем по́пел, эту..., ну, золу. И собираем, собираем, а после, в Чистый четверг, последняя неделя [перед Пасхой], тогда етог по́пел сынем по горбду [огороду], чтоб мошкара эта не заводилася б. Вот.

[В печке не калили соль в Чистый четверг?]

Не, ничего; токо одну золу собирали. А в Чистый четверг топим байню, моемся, чтоб были б чистые...

324. Моя тѣща бы́ла. Православные [никониане] воду берут, святая вода считают, когда крестят распятыё. А яна ходила там где..., в крыничку — там была крыничка, как мы в Новотрѣбах жили — в двенадцать часов ночи. И моя жана рассказывала. Пошли с матерью; яна взяла, говорит, меня. Так, говорит, в двенадцать часов зашумело-зашумело. Она подошла к крыничке, прекрестилася; а вода «клю-клю-клю-клю-клю...» — как кипяток кипит. Она начёрнула воды этой. И, говорит, в двенадцать часов крестился Христос; это, говорит, святая вода. Так признавали. <...> Тоже говорили, помогает — болеет человек или что; говорили, что эта вода пользы́тельна.

325. Е. С.: У нас, когда панафида, пшеницы ставят баночку и кругом <...> баночки — све́щи.

И. Г.: И мѣд туда ложут, и водицы. И вода уже тоже..., как бы вам сказать — ни грета, ничего; тоже — живая вода. И потом к этой баночке <...> лепят све́чу. <...>

[А «мёртвая вода» бывает?]

И. Г.: Она не мёртвая, она не бывает; но раз ану́ закипятили — всё.

Е. С.: Она через огонь прошла — и всё, и уже мёртвая.

319. [А скот весной не выгоняли в поле вербой?]

Скот... Наша бабушка, бывало, ложит три косы хрест-на́хрест, ставит такую миску и в миске, значит, аржаная мука, и купарис, потом ладан... И она, значит, разжигает — ну, чтоб только дымил, делаем — зато муку аржаную сыпят. Но это и хорошо — аржаную муку, чтоб она дымила только. И вот через этот дым проводим скот.

[А «три косы» — это которыми косят?]

Да, да, да...

[А выгоняли скот в какой-то определенный день?]

Это в нас был, как раньше, Егорий. Вот, после Егория выводили скот.

320. ...А если тебе что сделают, ставь б́бсю ногу в землю, чтоб след был; бери с пальца немножко земли — с одной ноги, со второй — и сыпь в этот цветок. Сымаешь — это вже тот человек, который тебе делал, возьмёт на себя... Что делал, так всё ему буде.

[А если корову испортил?]

Так вот тоже. Выводи́, со следа бери и сыпь в этот цветок.

[А как он называется?]

Ра́чек... Он, значит, зимой цветёт, таким звоночкам.

321. ...Когда вот кутейник был рожественский; так эту кутью, когда мы не скушали, так птицам, курам отдавали — пускай лучше яйца несут.

322. [А на Великий четверг соль в печке не прокаливали?]

Да, соли сыпят; как ф́укнут — соль трещит. Я в мамы спрашиваю. «А это, говорит, вам не касается...» А чего — вот ето я не добилась. А токо «тресь-гресь!» — соль. И вот она, мама, не объяснила вот. И не пришлось так в старушках [узнать] — для чего ета вот соль.

[А она эту соль потом собирала?]

Нет, она токо... Как она — с пястки [ладони, горсти] в печку как бросила и всё, и она токо потрескала.. Это уже перед Пасхой...

323. А ещё надо год по́пел собирать, как вот в нас плiты. Собираем по́пел, эту..., ну, золу. И собираем, собираем, а после, в Чистый четверг, последняя неделя [перед Пасхой], тогда етот по́пел сыпем по горбду [огороду], чтоб мошкара эта не заводилася б. Вот.

[В печке не калили соль в Чистый четверг?]

Не, ничего; токо одну золу собирали. А в Чистый четверг топим байню, моемся, чтоб были б чистые...

324. Моя тёща была. Православные [никониане] воду берут; святая вода считают, когда крестят распятьё. А яна ходила там где..., в крыничку — там была крыничка, как мы в Новотрёбах жили — в двенадцать часов ночi. И моя жана рассказывала. Пошли с матерью; яна взяла, говорит, меня. Так, говорит, в двенадцать часов зашумело-зашумело. Она подошла к крыничке, прекрестилася; а вода «кю-кю-кю-кю-кю...» — как кипяток кипит. Она начёрнула воды этой. И, говорит, в двенадцать часов крестился Христос; это, говорит, святая вода. Так признавали. <...> Тоже говорили, помогает — болеет человек или что; говорили, что эта вода пользiтельна.

325. Е. С.: У нас, когда панафида, пшееницы ставят баночку и кругом <...> баночки — свiщи.

И. Г.: И мёд туда ложут, и водицы. И вода уже тоже..., как бы вам сказать — ни грета, ничего; тоже — живая вода. И потом к этой баночке <...> лепят свiчу. <...>

[А «мёртвая вода» бывает?]

И. Г.: Она не мёртвая, она не бывает; но раз ану закипятили — всё.

Е. С.: Она через огонь прошла — и всё, и уже мёртвая.

326. [Заговоренную воду можно другому дать?]

Ф. П.: Нет, нельзя. Только одному.

[Разделять эту воду нельзя?]

Нельзя, нельзя. И вот, сделал, помылася, и эту водичку накрыла и поставила. Это три раза надо — утро и вечер, два утра и вечер.

К. П.: Вылил, осталось, тебе лучше — закрыл крышечкой и поставил. И пускай стоит.

[А если осталась вода, выливать ее можно?]

В место такое, чтоб нигде никто не ходил.

Ф. П.: Вот, где-нибудь так под вугёл, чтоб никто не ходил бы, не топтал бы. Всё-таки наговáренная водичка.

327. В байне воды горячей оставляли.

[А мыло?]

Нет. Мыло — хошь, оставляй, хошь, не оставляй; а вода — хорошо. Тогда чуть нестойка, тогда этой воды берёшь, какó надо лекарство, заговаривать — тогда этой водой мыться.

[А воду брать — откуда хочешь?]

С реки можно заговаривать. Токо если заговаривать, так надо впротив воды брать. Не по воды, а впротив воды...

328. [Накануне была страшная гроза, но туча прошла мимо села Ужусалй.]

...Значит, стала молитву читать. <...> Шесть раз прочитала, что:

«Господи, Сусе Христе, сыне Божий!

Будь впереди, ангелы позади.

Спаситель ты мой! Спаси и помилуй меня!»

Шесть раз прочитала; гляжу — моя эта..., гром, эта гроза потíху пошла и пошла, пошла в ту сторону.

329. ...Отец не признавал таких, как он называл, забоббний, но всё же некоторых придерживался. Например, <...> когда весной ходили сеять, прежде чем выйти в поле, молился перед иконами, а потом уже шли в поле. Он лукошко перед собой, на груди повешено, а нам, детям, уже велел лёшить [от слова «леша» — гряда, ряд, полоса]. Это означает, что берёшь, несёшь, ну, часть снопа, соломы; соломку эту одну переломишь и помечаешь, торкаешь в землю, где граница упавшего зерна; то есть отмечаешь границу засеянного участка. Но перед тем как начать сеять, всегда он крестился, а потом в землю втыкал нож — на тот случай, если кто-нибудь из зловредства захочет повредить, повлиять на урожай. Вот, значит, нож предостерегал от будущих неурожаев.

[Нож оставался в земле?]

Не, нет; потом забирал...

330. ...Мне самой было сделано. Когда муж умер, на похоронах нам сделали. Дети стали, как кот с собакой, жить. Пока в Чистый четверг, значит, не подмели дом. Значит, и в сарае, и везде подмели, этот сор собрали в мешок; в двенадцать часов надо вынести на кружавую дорогу [на перекресток]. Вот тогда-то только я и болела, что было мне сделано. И потом мне легче, легче...

На покойнику что хошь можно сделать. Что-нибудь от тебя возьмут и кинут в гроб...

331. ...А вот гажую [змеиную] выползину найди и носи с собой — хошь какая тебе беда, везде выползешь, везде хорошо. Оправдаешься; везде оправдаешься. Вот так...

332. Когда первый раз кук слышишь, надо куляться [кувыркаться]. Не будет спина болеть...

[А помогало?]

А-а, разговорчики. Как болит, так и болит. Бабушкины сказки.

333. ...Новый невод шьёшь — его покуршишь, ёлкам там, всяким разным. Ну, в воду — раньше деньги были серебряные — рубль бросишь в невод, в мотню.

День начинаешь ловить, так в понедельник не идёшь, как и обычно... Начинаешь или во вторник, в эти дни.

[А в понедельник почему не начинали?]

Это ж с предков ведётся, не надо и говорить...

334. Вот, когда дом закладáют, строят, так тогда в первом венце делают такую квадратную дырочку и туда кладут деньги медные, кто имеет — золотые, кто какие имеет — чтобы в доме деньги велись.

[А в какой угол?]

В главный угол, где икона будет стоять.

335. [Когда дом строили, под угол ничего не клали?]

Ложили, ну как же! Там, серебряшку какую там.

[А в какой угол?]

Ну, уже.. в один вугёл. Хрест вырубашь и кладёшь. Всегда. Вот, положишь две балки <...> в длинку, а потом прорубишь хрестик, ага, и положишь. Ладана кладёшь, <...> соли кладёшь, <...> ну, и копейки.

[А для чего это делали?]

Быдто место выкупаешь...

336. Е. С.: Как дом строили, тогда, где иконы стоят, так там копеек ложили и хлеба кусочек; да — и соли.

И. Г.: И живое серебро [ртуть]. Ну, градусник, допустим. Разбил градусник — и туда...

337. [Когда в новый дом вселяются, не пускают кого-нибудь раньше людей?]

Е. Л.: Говорят, что надо кошку вперёд пускать.

М. Ф.: А мы котов пустили, когда пришли сюда. Была кошечка, кот; пошли коты сначала, потом мы с мамой. <...> И говорят, что если коты будут жить, не подохнут — значит, вы будете хорошо жить.

338. Как в этот дом переходили, кота первого пустили. А почему? Кто плохо делает, бурты [от лит. «virtai» — колдовство] какие заговорит, что — так не хозяин помрёт, а кот кончится... Кота, а, бывало — петунá, петуха. Так какую скотинишку — так дорогая, всё; а кота не жалко. <...> А после четыре кота пропало, покуда мы зажи́ли кота.

[А это что-то значит, когда уходят коты?]

Это значит, что плохо бывшим хозяином сделано.

[А домового не приглашали из старого дома?]

Не-а.

339. [Как искали место, где лучше копать колодец?]

Где больше щавель рос, лошадиный, там и подбирали место. Он растёт на низких местах.

340. [Как определяли, где колодец надо копать?]

...Папа, бывало, говорит: «Ай! Вода на своём месте»... Связывают два сукá — или вишенины, или сливина; комля́м вместо и ложат, вот, примерно, сюда во. Если воды нет, она и не шевелится; как токо вода там заиграла, так <...> стрелки эты изогнулись. Изогнулись эты пруты.

341. ...Сон сполняется; вы припомните самы́ — с четверьга на пятницу и со вторника на среду...

342. ...Если во сне проваливаешься; вот, идёшь, с чердака — «ох»; тебе будет очень плохо. В яму ввалился — очень плохо. Если

ты идёшь на гору́ и — «ух!» — покатишься под гору́ — обязательно тебе будет очень плохо. Беременная — видишь себя — дожидай горя. Большое горе! Если грудь даёт сосать ребёнку — высосет тебя, всё высосут, деньги — ты останешься бедная. Видишь большие груди — большая беда тебе будет. Наряжаешься — будешь болеть.

А хорошее... Видишь цветы. <...> Если ты барышня, тогда видишь колечко на руке надетое в тебя — ты выйдешь замуж. А я вот, в меня муж на фронте погиб, я видала во сне, будто бы я стала Богу молиться, и кольцо — «пухш!» — моё, свалилось, пополам. Муж погиб... Цвет видишь, хороший цвет [*цветок*], и он поломался... Твоя жизнь ломается, бросит тебя этот человек, не будет жить. Печенье видеть — потеря друга.

[*А если родителей видишь во сне?*]

Не умерши — это хорошо, а покойников — нехорошо. Кота — это будет вор, вор в вас будет. Бык вас бодёт — вас неприятель сбодает. Корова вас бодёт, и догоняет, бодёт — вредный человек будет вас бості. Коровка ласковая, идёт хорошо, ласково — это будет тебе очень хорошо, кавалер хороший будет. Гадюга ползёт, тебя кусила — кусит тебя. А если проползла мимо — неприятель прошёл мимо. <...>

Собака если чёрная кусается, это друг будет; волк кусает чёрный — это будет жених. Боровики собираешь — это будет жених. Боровики видишь, собираешь, а они поломанные; берёшь, а он уже, как ляпшик [*от лит. «lepšė» — подберезовик*] — это в тебя покойник будет. А боровичок собираешь хорошенький, в корзиночку — это будет в тебя семья, и очень хорошо.

Волосы стричь — это неплохо. От себя отбрасываешь — это неплохо. <...> Кров [*кровь*] если видите, кров — это близкая смерть. Если кров — или на полу, или на себе...

343. [*А сны что-нибудь обозначают?*]

Обозначают. Много мне снилось, и всё так сходится. Вот, я езжу, тренируюсь, уже нервы — как бы выиграть [*зимние скачки на озере Сартай*], место хоть бы не первое, хоть призовое место. Вот, я вдруг сню: чё-то я лезу в гору́, в гору́ лезу, царапаюсь, как-то невздо́лею, всё равно лезу. А говорят, как в гору́ лезешь —

так это хорошо. Ну, и точно — первым приедешь. Сон подсказывает. А раз я соснил: ой, живот заболел мне, опонóсился. И как раз — последним приехал, опонóсился [*смеется*].

Если видишь сон плохой — надо остерегаться, очень остерегаться. Ни ругаться, ни с кем спориться, ничего. И тогда происходит. А вдруг только начни буянить ай что — и что-то случится.

344. У нас как говорят: что соснишь — это неправда. Правда! Бывает иногда, сон так другой раз скажет, как в руку даст. Да! Как в руку даст; точно-точно, так и исполняется.

Вот я, например, сняла мясо. Стоко мяса! И если мясо снишь с кровью — так родственник будет покойник, а если чистое мясо — тогда уж чужой. Ну вот, пожалуйста, <...> я столько мяса! И кусок один отверну, другой. И я не взяла этого мяса. Вот, а так всё мясо разобрали. <...> Ну вот, пожалуйста — токо похоронили женщину, тут ещё похоронили молодого...

345. ...Покойников снишь — скоро кто-то вмрёт. Или сáмы, или с родителей, с роды. Правда ай не — не знаю. Так говорили.

346. Ещё и так гадали. Берёшь ком бумаги, ложишь на донышко [*какой-нибудь посудыны*] и зажигаешь. И вот так поставишь [*показывает, прислонив руки к стене*]. И там тень — лошадь, венки, поезда, как раньше называли [*т. е. свадебный поезд*]. Это к свадьбе. А как сын мой погиб в Афганистане, я гадала — и мне вышел гроб.

347. Об лёну так вроде ворожба была. Когда перед Рожеством кутейник. На стол наложат сена, застелят и ето..., тогда вужин справляют. А с-под скатерти вытянут сенíну. Длинная — «О, буде лён длинный!» А если короткая — «Лён буде короткий».

348. Раньше, знаете, лён сеяли; так на мѣсленку на лошадях каталися. <...> Чтоб лён рос ба. Насядят, бывало, на санки — и по деревне, взад-вперёд.

349. [А на масленицу устраивали что-нибудь?]

А как же! Мѣслена, эта мѣсленка... На мѣслену ещё кѣтку встраивали, каталися, чтоб лён большой вырос ба... Запрягаешь зимой, молодого уже какого [коня]; там, двух год; его запрягаешь на мѣсленку; первый раз запрягаешь, кѣтку делаешь на јим. Ну, и приезжаешь — то сбѣрутса ребята..., целый воз везёшь. Далёко; как дальше везёшь — так больше лён будет; как близко — так лён, будто, маленький будет. <...>

[А когда каталися, молодоженов с саней не сталкивали?]

Не, не было... Ну, бывает в каком месте... перекулисси [перевернешься].

Это было, ай-яй! Кони хорошие; шоркотунѣ... Звонкѣ, шоркотунѣ ставятся в такой хомут. Здалека слышно, что едут кататься; идёт, барабанит на конях. Конь коня лучше. Знаешь, раньше чтоб жеребец был ба, жеребца лучше держали.

[А почему жеребец лучше?]

Жеребец, ён красивей идёт; красиво; и ржёт..., антиресно послушать. Вот, для етого...

350. Когда курица после захода солнца кудахтает — значит, на пожар. У меня дядя был — если петун или курица запоёт, так он сразу ей голову долой и в горшок — тогда, вроде, ничего не будет. Говорит: «На свою голову поёт».

351. Ну вот, приходит соседка и не садится: «Ай, некогда! Ай, некогда!» — «Сядь, куры класться не будут!» Ну вот, она хоть как спешит — всё равно сядет, немножко посидит.

352. Уголѣк с печки отскочил — гости будут.

353. Носови́к [*носовой платок*] дарить — к разлуке.

354. В понедельник и нищий не побирается.

355. ...Вот, потерялась вещь в квартиры. Тогда говорим: «Давайте чёрту бороду́ крутить!» Становишься на половичок и крутишь — и до того докрутишь, что он уже в баранок закручивается. И говоришь: »Шут, поиграй и опять отдай!» (Даже «чёрт» говорят.) И так крутят сильно, что устаёт человек. И через скоко время — найдёшь, где ходил и искал уже. Мы с Таней [*дочерью*] — я крутила бороду́, а она нашла диплом свой или паспорт...

356. Я все травы знаю. Я представляла раньше, ну, где моряцкий магазин был [*в Каунасе*], там был сáндель [*от лит. «sandėlis» — склад*]. При Сметоны я туда представляла все травы... Хошь какую брать — до полдён, до полдён только. А уж после двенадцати — это пользы нет. И кол дороги тоже пользы нет, кол дороги травы собирать, вот....

[*А почему до полдён, не говорили?*]

Солнце уже сворачивается на своё место, спать, и тогда пользы нет в травах.

357. [*А когда травы собирать надо?*]

А. Г.: До Ивана... Иван, где вот называют «Иван Купала».

Е. В.: Всё собирать надо тогда, когда ещё дни на прибыль идут. Когда на убыль — уже такой силы не имеет целебной.

358. Если дома бес естя, ну, чёрт; поку́ришь — ведь он боится этой травы. И если с ума сходишь, попьёшь чуть-чуть, или голова — тоже трава эта хорошая.

348. Раньше, знаете, лён сеяли; так на мѣсленку на лошадях каталися. <...> Чтоб лён рос ба. Насядят, бывало, на санки — и по деревне, взад-вперёд.

349. [А на масленицу устраивали что-нибудь?]

А как же! Мѣслена, эта мѣсленка... На мѣслену ещё кѣтку встраивали, каталися, чтоб лён большой вырос ба... Запрягаешь зимой, молодого уже какого [коня]; там, двух год; его запрягаешь на мѣсленку; первый раз запрягаешь, кѣтку делаешь на јим. Ну, и приезжаешь — то сбѣрутса ребята..., целый воз везёшь. Далёко; как дальше везёшь — так больше лён будет; как близко — так лён, будто, маленький будет. <...>

[А когда каталися, молодоженов с саней не сталкивали?]

Не, не было... Ну, бывает в каком месте... перекулисси [перевернешься].

Это было, ай-яй! Кони хорошие; шоркотунѣ... Звонкѣ, шоркотунѣ ставятся в такой хомут. Здалека слышно, что едут кататься; идёт, барабанит на конях. Конь коня лучше. Знаешь, раньше чтоб жеребец был ба, жеребца лучше держали.

[А почему жеребец лучше?]

Жеребец, ён красивей идёт; красиво; и ржёт..., антиресно послушать. Вот, для етого...

350. Когда курица после захода солнца кудахтает — значит, на пожар. У меня дядя был — если петун или курица запоёт, так он сразу ей голову долой и в горшок — тогда, вроде, ничего не будет. Говорит: «На свою голову поёт».

351. Ну вот, приходит соседка и не садится: «Ай, некогда! Ай, некогда!» — «Сядь, куры класться не будут!» Ну вот, она хоть как спешит — всё равно сядет, немножко посидит.

352. Уголѣк с печки отскочил — гости будут.

353. Носови́к [*носовой платок*] дарить — к разлуке.

354. В понедельник и нищий не побирается.

355. ...Вот, потерялась вещь в квартиры. Тогда говорим: «Давайте чёрту бороду́ крутить!» Становишься на половичок и крутишь — и до того докрутишь, что он уже в баранок закручивается. И говоришь: »Шут, поиграй и опять отдай!» (Даже «чёрт» говорят.) И так крутят сильно, что устаёт человек. И через скоко время — найдёшь, где ходил и искал уже. Мы с Таней [*дочерью*] — я крутила бороду́, а она нашла диплом свой или паспорт...

356. Я все травы знаю. Я представляла раньше, ну, где моряцкий магазин был [*в Каунасе*], там был сáндель [*от лит. «sandėlis» — склад*]. При Сметоны я туда представляла все травы... Хошь какую брать — до полдён, до полдён только. А уж после двенадцати — это пользы нет. И кол дороги тоже пользы нет, кол дороги травы собирать, вот....

[*А почему до полдён, не говорили?*]

Солнце уже сворачивается на своё место, спать, и тогда пользы нет в травах.

357. [*А когда травы собирать надо?*]

А. Г.: До Ивана... Иван, где вот называют «Иван Купала».

Е. В.: Всё собирать надо тогда, когда ещё дни на прибыль идут. Когда на убыль — уже такой силы не имеет целебной.

358. Если дома бес естя, ну, чёрт; покуришь — ведь он боится этой травы. И если с ума сходишь, попьёшь чуть-чуть, или голова — тоже трава эта хорошая.

[А как она называется?]

Она в меня есть эта трава. Откáсник. Она хорошо, как в хаты — тогда нет ни клопов никаких, етых чёртов, ничего нет.

[А когда её собирают?]

Когда цветёт. Я вам дам маленько. <...>

[А «колючий дед» не собирали?]

Колючий дед? А ён без пользы. Если ты его выпьешь, так ты ещё хуже обкоробишь, как этот дед колючий. Да... <...>

А ещё вот присту́пник в меня, пéречник. Как человека перелизуёт, <...> и вот этот корень выкопай и вымой явó, и сотри, и ешь с мёдом, этот корень. И врачи не вылечат, и никто не вылечит, а етым корнем вылечишь. А после ету траву пить. Вот она в меня — пóлно, пóлно, пóлно растёт. Присту́пник и пéрешник, два раза [два названия]... В нас один был перилижавáнный, <...> лежал на столе, надо было операция, левом боку. А доктор ему был знакомый, сосед. И говорит: «Кузмицкай, неужели ты присту́пника этого не достанешь?» А ён в меня растёт. Так ён приехал ко мне, я выкопала корень и нарвала травы, и ён таперь — как вси ходют, так и ён ходит. Вот... А я вам дам этого откáснику, вы явó не найдёте. Я беру токо в лесу, где петунý не поют и собаки не лают. А где собаки лают и петунý поют — он не в пользу...

[А почему надо брать в таких местах?]

А ён не в пользу. <...> Петун запел — уже чёрт ушёл. А пока не поё петун, и чёрты ходют.

359. ...Ну вот, тоже старинные... Ежли вот женщина полюбила другого мужчину женатого; яна его привораживает чем-то. То надо воронéц, такой естя воронéц [трава].

[Чтобы она оставила его в покое?]

Да, оставила в покое; чтоб он не ходил бы к ней, а вернулся к жаны. Этот воронéц тоже немножко тамы-ка положить в чайник, юл-литра воды, немножко этого воронцá, закрыть плотно; отстынет. И попоить скоко — и всё, как рукам снимет.

[Чтоб он не знал?]

Да, чтоб не знал бы... Мужчины; да, мужчины поить надо. што поили — и мужа моего поили, и сына поили... <...>

[А если дети спят плохо?]

Это надо откásником поить; откásник — такая травка есть. И его...; откásником попоишь — покурить. <...> Когда нет уже этого откásника, ничего; вот, в домах есть — или паутинки; хрестна́хрест паутинки эти собрать, откásнику положить, воронца́ — и на сковородку, жару, его положить. <...> Первое вот так вот затопить <...> и ребёнка поставить так; ежели маленький — так на руках держать. И одеялой закрыть, чтоб он подышал бы. <...> И вот, три раза вот так вот покурят его, тогда под кровать, где ён спит, положить. И всё как рука́м отымаёт... От испугу это хорошо. Взрослых хорошо тоже, если взрослый испугался...

360. ...Не надо говорить «спасибо». Если берёшь себе [что-нибудь] на завод — никогда не говори «спасибо».

361. За траву [лекарственную] никогда спасибо не давайте. [А почему?]
Нельзя. Я говорю «нельзя» — и нельзя...

362. ...Носили багульник такой вонючий с леса, из болота, и колючий дед; клали во хлевé, чтоб коров, ну, чтоб скот никто не сворожил.

[А что это за «колючий дед»?]

Ну, вот такой высокий, красным сверху цветёт. Они растут на поже...

363. [Что делали, чтобы нечистая сила в хлев не ходила?]
Это волхв́иты только знали раньше, чернокнижники, да... Мы не знаем этого.

[Нам говорили, такая трава есть — «колючий дед».]

Да, знаем. Мой папа перед Ивановым днём закапывал, [потому] что у них всегда приходилось всё лечить коров. На горе такая старушка жила, она немного, бывало, всё подгадила — то

[А как она называется?]

Она в меня есть эта трава. Откáсник. Она хорошо, как в хаты — тогда нет ни клопов никаких, етых чёртов, ничего нет.

[А когда её собирают?]

Когда цветёт. Я вам дам маленько. <...>

[А «колючий дед» не собирали?]

Колючий дед? А ён без пользы. Если ты его выпьешь, так ты ещё хуже обкоробишь, как этот дед колючий. Да... <...>

А ещё вот присту́пник в меня, пéречник. Как человека перелизуёт, <...> и вот этот корень выкопай и вымой явó, и сотри, и ешь с мёдом, этот корень. И врачи не вылечат, и никто не вылечит, а етым корнем вылечишь. А после ету траву пить. Вот она в меня — пóлно, пóлно, пóлно растёт. Присту́пник и пéрешник, два раза [два названия]... В нас один был перилижавáнный, <...> лежал на столе, надо было операция, левом боку. А доктор ему был знакомый, сосед. И говорит: «Кузмицкай, неужели ты присту́пника этого не достанешь?» А ён в меня растёт. Так ён приехал ко мне, я выкопала корень и нарвала травы, и ён таперь — как вси ходют, так и ён ходит. Вот... А я вам дам этого откáснику, вы явó не найдёте. Я беру токо в лесу, где петунý не поют и собаки не лают. А где собаки лают и петунý поют — он не в пользу...

[А почему надо брать в таких местах?]

А ён не в пользу. <...> Петун запел — уже чёрт ушёл. А пока не поё петун, и чёрты ходют.

359. ...Ну вот, тоже старинные... Ежли вот женщина полюбила другого мужчину женатого; яна его привораживает чем-то. То надо воронéц, такой естя воронéц [трава].

[Чтобы она оставила его в покое?]

Да, оставила в покое; чтоб он не ходил бы к ней, а вернулся к жаны. Этот воронéц тоже немножко тамы-ка положить в чайник, юл-литра воды, немножко этого воронцá, закрыть плотно; отстынет. И попоить скоко — и всё, как рукам снимет.

[Чтоб он не знал?]

Да, чтоб не знал бы... Мужчины; да, мужчины поить надо. што поили — и мужа моего поили, и сына поили... <...>

[А если дети спят плохо?]

Это надо откásником поить; откásник — такая травка есть. И его...; откásником попоишь — покурить. <...> Когда нет уже этого откásника, ничего; вот, в домах есть — или паутинки; хрестна́хрест паутинки эти собрать, откásнику положить, воронца́ — и на сковородку, жару, его положить. <...> Первое вот так вот за-топить <...> и ребёнка поставить так; ежели маленький — так на руках держать. И одеялой закрыть, чтоб он подышал бы. <...> И вот, три раза вот так вот покурят его, тогда под кровать, где ён спит, положить. И всё как рука́м отымаёт... От испугу это хорошо. Взрослых хорошо тоже, если взрослый испугался...

360. ...Не надо говорить «спасибо». Если берёшь себе [что-нибудь] на завод — никогда не говори «спасибо».

361. За траву [лекарственную] никогда спасибо не давайте. [А почему?]
Нельзя. Я говорю «нельзя» — и нельзя...

362. ...Носили багульник такой вонючий с леса, из болота, и колючий дед; клали во хлевé, чтоб коров, ну, чтоб скот никто не сворожил.

[А что это за «колючий дед»?]

Ну, вот такой высокий, красным сверху цветёт. Они растут на поже...

363. [Что делали, чтобы нечистая сила в хлев не ходила?]
Это волхв́ыты только знали раньше, чернокнижники, да... Мы не знаем этого.

[Нам говорили, такая трава есть — «колючий дед».]

Да, знаем. Мой папа перед Ивановым днём закапывал, [потому] что у них всегда приходилось всё лечить коров. На горе такая старушка жила, она немного, бывало, всё подгадила — то

от одной коровки отнимет [молоко], то от другой. <...> А папа мой умел отговаривать. <...>

[А как выглядит этот «колючий дед»?]

...Ну вот, длинные такие листочки, и он очень колкий такой; цветёт сиреневыми такими цветочками. Растёт на дирванáх [заброшенная, необработанная земля]. А у нас раньше он рос где-то. Папка принесёт, возьмёт и закопает.

[Закапывали под порогом?]

Да, да, внутри...

Однажды <...> свекровушка моя нашла; <...> пошла, говорит — сено-то коровушкам дают, остаются объедки — она стала выгребать, а там смотрит — яичко. На яичке что-то было заговорено. Или коровушка, может, раздавила б это яичко, или что. Так она схватила яичко это и сразу в окно. Вы понимаете, токо бросила в окно, даже запищал, как будто человеческий голос — таким писком, таким звоном!

364. [А на Иванов день что-нибудь делали особенное?]

А... Этим делом занимаются, которые понимают, эти самые чародеи, волхвиты́. Оне могут сделать и зло, и хорошее дело; в силах. <...> Есть такой откáсник, трава; его даже нечистая сила боится. Его навешают в ахлевáх, так вот перед Иваном; в воротах где-нибудь, в проходах, в дверях, где скот заходит. Его звали [«откасником»] потому, что нечистая сила и это самое волшебство — она не прикасается, она не доходит. Никакую болезнь, ничего не сделает. И вот этот сам лукавый, который знает это дело, так он подсказывает: <...> «Идите, вот, там и там растёт такая-то трава, и этой травы навешайте — и никто вам плохое не сделает».

[А про траву «колючий дед» не слышали?]

Это тоже какая-то лекарства... Говорили, а я это забыл. Разве всё вспомнишь? Я токо помню, что подковы прибывали, в дверях. В хлевах. В дверях подкову прибьют, чтобы, значит, с хлевá ничего плохого не выходило. Чтобы <...> всё было в этом доме хорошо, чтобы всё оставалось на месте. Прибитая эта подкова, всё — чтоб эта лошадь оставалась на месте. Чтoб ничего не выносилось. И это делали — там и ножи там, другие предметы [приметы, магические действия, поверья], от других таких происшествий. Но это я забыл...

365. [А богородицкой травой подушечки для покойников не набивали?]

Не... Подушечку, в нас это, как раньше делали каждому одному — с веников листья. С берёзовых. Янү очень хорошо пить, янá от высокого давления, эти берёзовые листья. Я же и спасалась. Два раза парализованная, очень высокое давление... Я к врачу пришла; <...> она смеряла давление — очень высокое. Я не напилась, пошла так. А потом второй раз надо было мне к ей идти. Я пошла к ей. Думаю: «Ну, что ж я буду, думаю, ходить? Напьюсь пёрво, тогда пойду». Напилась, пошла к ей. Она смеряла давление: «Что пили?» Я хотела сказать: «Ну, так вы узнайте!» А потом думаю: «Ну, зачем это человека обижать?» Я говорю: «Берёзовые листья». Так она: «А как, какие?» — всё расспрашивала меня, писала. И я говорю: «Надо справедливую только берёзу».

[А что такое — «справедливая береза»?]

А их три сорта. Есть капрызы выгонять, а есть глушина; она никуда не идёт. А берёзы — так я вас научу, как узнать... Вот, листики. Сорвите, как будет справедливая берёза — вот эту надо пить. Вот, потрите такой листик — и она так, вроде беленькое буде. Вот это будет справедливая. А капрызы выгонять — так эта, которые висючие ветки, висят. Вот, ребёнок, который капрызы имеет, и завалится — «брык, брык, брык!» А ты вот эти веточки принесёшь, меж дверей это вот так втрёрнешь, так во, меж дверей. [Показывает.] Втрёрни и держи. И когда он будет «брык-брык!», а ты — только не жалея — так стебани, чтоб он соскочил. И всё, больше не будет делать.

Глушина — она так, пушистая такая. А эта уже, которая висючая — это капрызы выгонять...

366. ...Это лошадь «мышки хватают». Люди говорят — нужно крота живого замучить, порвать, эту лошадь погладить руками в кротовой крови — и пройдут эти мышки. И про человека говорят: «Чтоб тебя мышки хватили!» А как мышки хватают, конь весь дрожит и валится.

8. ШЕПТУНЫ (ЗНАХАРИ) И ВОЛХВИТЫ (КОЛДУНЫ)

Самым популярным, активно бытующим до сего дня циклом мифологических сказаний и связанных с ними поверий являются рассказы о носителях магических знаний. Как и в большинстве областей России, их подразделяют на несколько категорий. Первую, самую многочисленную группу составляют те, кто умеет останавливать кровотечение, знает несколько заговоров от наиболее распространенных болезней, один-два оберега. В недалеком прошлом такие люди были почти в каждой семье, а подобный уровень владения магическим словом и действием считался явлением ординарным — не случайно в народной традиции нет специального термина для обозначения лекарей-самоучек.

Вторая группа — «шептуны», обслуживавшие не только членов своей семьи и близких родственников, но и всех односельчан; порой за помощью к ним обращались и жители соседних деревень независимо от национальности и вероисповедания. Их заговорный репертуар был значительно шире и не исчерпывался лечебными, хозяйственными и универсальными заклинаниями; нередко им приписывается способность оберегать от нечистой силы, ослаблять или нейтрализовывать злые чары. Наши записи позволяют говорить об элементах специализации среди шептунов: одни врачевали женские и детские болезни, другие считались знатоками хозяйственных или промысловых заклинаний, третьи лечили людей и скот от змеиных укусов, к четвертым обращались при серьезном расстройстве нервной системы и т. д. В своей практике они широко используют лекарственные травы и другие средства народной медицины, разбираются во всех тонкостях магического этикета. И хотя их знания (особенно тексты заговоров) окружены ореолом таинственности, в них не усматривают ничего сверхъестественного, недоступного человеческому разуму.

К третьей категории относят колдунов, диапазон действий и магическая сила которых считаются чуть ли не безграничными. Народная молва приписывает им способность творить настоящие чудеса. Достаточно было волхвितке обойти вокруг воза с товарами — и их хозяева быстро все распродавали на рынке. Другой чародей предлагал отцу рассказчика временно превратить его в собаку, чтобы он

смог сбежать в Литву и вернуться обратно в Россию, куда его семья эвакуировалась в годы первой мировой войны. Раздосадованные тем, что их не пригласили на свадьбу, колдуны останавливали «свадебный поезд» — не только лошадей, но и машины; наказывали воров, превращая их в крыс или с помощью заклинаний не позволяя им уйти с места преступления. Они словно читают мысли своих пациентов, знают о целях их прихода; способны бесконтактным способом влиять на состояние людей и животных, находящихся на значительном расстоянии.

Некоторые специфические черты местной фольклорной традиции отражает народная терминология. Бросается в глаза, что общеизвестные термины «колдовать», «колдун», «колдовство» в наших записях встречаются крайне редко, причем не исключено, что в ряде случаев они были просто спровоцированы собирателями, неосторожно употребившими эти слова раньше самих информаторов. В мифологических сказаниях практически не упоминаются «знахари» и «знахарки» (зафиксировано лишь однажды в форме «знáха»), «пертики», «икотницы», «ведуньи» и «ведьмы». ¹ В Литве доминирует термин «волхвйт» (иногда — «волховйт»), генетически связанный с архаичным глаголом «волшитъ», «волхвоватъ». Даже если рассказчики не употребляли это слово в своей речи, на прямой вопрос, не называли ли чародеев «волхвитами», мы неизменно получали утвердительный ответ. Реже, но тоже достаточно часто носителей магических знаний именуют «ворожбитами» и «ворожбитками» (отличая их от гадалщиц и других предсказателей будущего), «чародеями», «чаровникáми». Самыми могущественными колдунами считаются «чернокнижники», особая сила которых объясняется тем, что они обладают «чёрной книгой». («У них книги очень чудные — такая толстая, и листья чёрные; чёрные листья, белыми буквами писано.») Термины «волхвит», «колдун», «ворожбит», «чародей», «чернокнижник» большин-

¹ Аналогичная картина наблюдается и в волшебных сказках русских старожилов Литвы (в основном старообрядцев). В ста с лишним опубликованных вариантах лишь однажды упомянута «ведьма» (в этом тексте она почти все время именуется «змеей», а один раз названа «раганой»; это литовское слово, близкое по семантике к русской «ведьме», встречается еще в трех записях). В четырех текстах героям противостоит «колдунья» («колдун»), еще в четырех — «Баба-Яга». Гораздо популярнее такой архаичный мифический персонаж, как «змея» («змея»), чуть реже упоминается «бес» или «черт» (иногда их заменяют «леший», «злой дух», «не то зверь, не то человек»). В одной из сказок фигурирует «волхвит». А вот «знахарь» назван всего один раз, да и то не в волшебной, а в бытовой сказке, в чисто комической ситуации (мнимая «птица-знахарь» якобы помогает разоблачить неверную жену).

ством исполнителей осознаются как синонимы или очень близкие по семантике слова.

Как правило, русские старожилы Литвы четко различают «шептунув» и «волхвитов», причем делают это сразу по нескольким параметрам. Первые повсеместно аттестуются как искусные целители, способные снять «порчу», избавить от «сглаза», помочь в случае особо тяжелых болезней («врачи от этого не вылечат»), порой даже спасти от козней колдунов. А главное — они никогда не используют свои познания во зло. Шептун — «токо если он ничего плохого не сделал»; «Она не шептун, она вредила очень», — считают рассказчики. Колдуны обычно вредят людям, хотя могут употребить свою силу и во благо человеку — чаще всего, когда надо ослабить или нейтрализовать вредоносные действия других чародеев (а иногда и свои собственные). «Враг! Враг! Раз так делает — так враг человеку», — убежденно заявила А. Зайцева.

Столь четкая поляризация носителей магической силы объясняется тем, что народная молва связывает шептунов с божеским началом, а волхвитов — с бесовским (см. обстоятельные и яркие рассказы Д. П. Сиволова о тайном «посвящении» в колдуны — №№ 372–373). Чтобы заручиться поддержкой нечистой силы, «волхвиты», «чернокнижники», «чаровники» снимают нательные кресты, отрекаются от родной матери и Бога, зато перед смертью расплачиваются за свои грехи страшными мучениями. Видимо, под влиянием этих поверий одна из наших исполнительниц последовательно называла чернокнижника «*чарто*книжником». Волхвиты предпочитают действовать тайком, не любят огласки, скрытны и необщительны. Шептуны живут открыто, наряду с заклинаниями и магическими действиями используют иконы и молитвы, ладан, пасхальные яйца и свечи, «*святую воду*», принесенную из церкви или набранную из колодца в день Крещения. По всеобщему убеждению секрет могущества чародея заключается в том, что всю жизнь ему служат черти, зато перед смертью они жестоко мучат своего «хозяина», забирают его душу, а порой пожирают и тело. «*За всё надо расплачиваться*», — резонно заметила А. Павлова. Страшная смерть волхвита — один из самых популярных сюжетов мифологических сказаний; о шептунах мы ничего подобного не слышали ни разу. Вместе с тем во внешнем облике колдунов нет ничего демонического, никаких особых примет, по которым их можно опознать.¹ Не зафиксированы нами и

¹ Перечень подобных примет см.: Славянские древности: Энциклопедический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. — Т.1. — М.: «Международные отношения», 1995. — С. 29.

популярные во многих районах России, Украины и Беларуси рассказы о кознях колдуна-мертвеца и магических способах их нейтрализации. У русских старообрядцев Литвы подобные сюжеты прикрепились к образу «ходячего покойника»-самоубийцы.

Наши рассказчики неизменно подчеркивают бескорыстие шептунов. Разумеется, их услуги опосредованно оплачивают — подарками, помощью по хозяйству и т. п. Но сами они, как правило, не требуют платы за помощь, опасаясь, что их заговоры потеряют силу. Более того, старушки-знахарки не раз предупреждали собирателей: «За траву [лекарственную] спасибо не давайте...»; «Так горазд прользительней»; «Я не беру ничего, чтобы шло на пользу человеку. А, може, и нельзя». При этом ссылались на пример Спасителя: «Исус Христос без денег лечил». Не исключено, что христианская мотивировка — результат замещения более архаичных представлений: знахарь («шептун») должен бескорыстно помогать людям, иначе он лишится своего магического дара. Волхвиты, напротив, помогают только за плату. «И деньги брал за это...»; «Большие деньги брал».¹

Как правило, шептуны передают свои знания близким родственникам, но при этом надо соблюдать целый ряд ограничений и запретов. Если знахарь никого не приобщит к тайнам «белой магии», большой беды не будет — *«так он и помрёт со своими этими заговорами»*. (Подробнее о сельских целителях и этикетных правилах, регулирующих практику заговаривания, см. раздел 15). Волхвит же, природа колдовских знаний которого принципиально иная, кровно заинтересован в том, чтобы кого-то «завербовать», приобщить к своему бесовскому ремеслу. По всеобщему убеждению, это облегчает его предсмертные страдания. «Если он передаст всё это, тогда ему легче, тогда на другого всё переходит». В отличие от шептунов эти действия чародеев не регламентируются: «Кому твоя душа желает, тому и передавай»; делать это можно в любое время. Порой волхвиты пускаются на всяческие хитрости, обольщают непосвященных, подбрасывают «колдованную книгу» ничего не подозревающим соседям, но ни в одной из быличек не навязывают свои опасные знания собственным детям. Зафиксированные собирателями в ряде регионов России представления о «династиях» колдунов, о пе-

¹ Ср. воззрения чукчей и других народов северо-восточной Азии, убежденных, что шаманы не могут и не должны помогать бескорыстно (по материалам В. Г. Богораза). «Бесплатный совет или лечение совершенно бесполезны. Духи слишком ценят свою силу, чтобы раздавать ее даром». (Герб Фрайкопф. Вселенная шамана. — СПб.: «Isar», 1996. — С. 140).

редаче сакральных знаний по наследству, у староверов Литвы ни разу не отмечены.

Основываясь на записях, сделанных на стыке Псковской, Смоленской, Тверской и Витебской губерний, Е.П. Разумовская отмечает обилие быличек о колдунах-мужчинах и предполагает, что «в недалеком прошлом здесь преобладала мужская традиция» (*Разумовская*, 258). Наши материалы не позволяют делать столь категоричные выводы, хотя и в них рассказов о волхвитах-мужчинах значительно больше, чем аналогичных рассказов о женщинах. Но это соотношение почти полностью выравнивается, если учесть былички об «отвораживании», т. е. нейтрализации колдовских действий, а также очень популярные сюжеты о порче скота, отнимании молока у коров, в которых чаще всего фигурируют женщины. Специализация по половому признаку прослеживается и в других тематических группах быличек. Мужчины наказывают вора превращением в крысу или с помощью заклинаний не позволяют ему сдвинуться с места преступления; они превращают в волков участников свадьбы, сами наделяются способностью к оборотничеству; насылают порчу на лошадей и «отвораживают» их. Сфера вредоносных действий волхвиток — хлев, огород; они же, как правило, ссорят супругов и влюбленных или «присушивают» парня к девушке, а девушку к парню.

Среди живущих в Литве старообрядцев устойчиво бытует характерное для многих народов мира представление о том, что «чужие» колдуны более искусны и могущественны, нежели «свои». Героями многих быличек являются поляки, «сохльв», литовцы, «пинчуки» (жители белорусского Полесья), чародеи из центральных губерний России и даже греки. Когда местные волхвиты оказывались бессильными, за помощью обращались в Латвию и Беларусь, а если и к своим землякам, то к представителям других национальностей и вероисповеданий. В Дукштасе, например, в предвоенные годы славился своим искусством немец Магнус, успешно лечивший многие тяжелые недуги. Любопытно, что в некоторых текстах роль шептунов и чародеев отводится служителям церкви. Старообрядческий поп избавил свою крестницу от сглаза с помощью заговоренной воды; местный пономарь считался в округе самым зловредным волхвитом; католический ксендз, подобно доктору Фаусту, потребовал от чертей, чтобы он «сто лет жил и был молодым», изводил их своими бесконечными требованиями, за что в час расплаты бесы разорвали его на куски.

Многие тексты иллюстрируют негативное отношение рассказчиков к волхвитам, которые, в отличие от шептунов, преследуют

сугубо личные, корыстные цели. Отнимая молоко у чужих коров, ворожитка не остается внакладе: *«В ейной коровы будет много молока, а в этой коровы не будет ничего»*. Оборачиваясь волком, колдун время от времени режет чужой скот и все лето кормит мясом свою семью и работников. Другой чародей прослыл образцовым пастухом — кругом посева, *«а скотина в шкоду не идёт»*. Оказывается, ему помогают невидимые пастушки, напоминающие севернорусских «маленьких» (Черепанова, №№ 340–342 и др.). По заказу заинтересованных лиц и, разумеется, за определенную мзду ворожиты сеяли раздор между соседями, разрушали семьи, разлучали влюбленных. Поиски и наказание воров тоже, как правило, мотивируются тем, что они позарились на собственность колдуна.

Волхвиты ревниво оберегают свой авторитет; периодически демонстрируют свое могущество, чтобы держат в страхе всю округу. Колдун превращает в волков жениха, невесту и их близких только за то, что его не пригласили на свадьбу; он останавливает свадебный «поезд», морочит людей, напуская всевозможные «видения» и «грёзы» и заставляя провинившихся униженно просить пощады, откупаться деньгами, щедрым угощением. А иногда просто от скуки, для развлечения компании позволяет себе злые шутки. Популярными рассказы о состязании волхвитов, видимо, тоже связаны с их стремлением поддержать свой престиж. *«Оне, эти чародеи, по ступням, — считает Дий Петрович Сиволов, от которого записано немало быличек такого рода. — Ты вот знаешь стоко-то, а другой знает выше тебя, тебя наказат мóжет...»* Признаком особого могущества волхвита считается его умение не только «заворожить», но и «отворожить», «отделатъ», «справить на место». Во многих регионах России бытует иное поверье: тот, кто навел «порчу», снять ее не может; для этого надо искать другого колдуна, хотя бы и более слабого (Максимов, 62).

В рассказах о колдовстве нередко описываются действия знатков «черной магии». Чтобы посорить молодоженов, крест-накрест выстригали шерсть со спины черной собаки и черной кошки, скатывали ее в комочек и подсовывали под перину — *«будут век жить, как кошка с собакой»*. Скотину портили, подбрасывая в хлев заговоренное яичко; вреда можно избежать, если вовремя обнаружишь и выбросишь такое яйцо. Чтобы отнять молоко у коровы, рано утром на Иванов день клали три камня вокруг кола, к которому она привязана, и заговаривали их; накрывшись простыней, ходили по траве, собирая росу, которую потом спивали своей корове; выполняли ряд других магических действий. Но чары действуют только

в том случае, если ворожбитке дадут что-нибудь в том доме, против обитателей которого они направлены. Пострадавшие обычно узнавали об этом правиле магического этикета слишком поздно, когда ворожбитке удавалось у них что-нибудь выпросить, сорвать пук травы в огороде или хотя бы выдрать клоч соломы из крыши дома. Рассказывали нам и о других способах предупреждения или обезвреживания «*порчи*». Надо закипятить на сковороде или выплеснуть в горящую печь все молоко, надоенное от испорченной коровы, бросить на волхвиту горсть соли или песку и т. п. Надежным профилактическим средством против колдовства и происков нечистой силы считаются травы «*колючий дед*», «*отквасник*», «*воронёц*» (подробнее см. об этом в предыдущем разделе).

Продавший душу нечистому волхвит долго не может умереть, ему мерещатся кошмарные картины, безобразно распухает и вываливается язык — главное «орудие» всех его злодеяний. «*Вот, умрёт будто, вот, неживой — и опять оживает. Его нечистая сила мучает*». Чтобы облегчить страдания чародея, надо «*выбрать*» три доски с потолка, повесить над ним веники. А если и это не помогает — рассыпать мак во дворе. «*Эты вже придут, её друзья [черти]; пока мак будут собирать, так она за это время умрёт*». Но есть и другой путь — раскаяться в содеянном и вымолить прощение у всех, кому навредил.

Большинство сюжетов русских мифологических сказаний о колдунах, популярных в Литве, зафиксировано в разных областях России. Они составляют один из самых архаичных пластов фольклора старообрядцев, и вполне возможно, что многие из этих сказаний входили в репертуар первых переселенцев (конец XVII—начало XVIII вв.).

367. ...Я тоже так понесла молоко в молбшну, ну, быстро парировала там на деревне. Прихожу; я даже не знала ничего. Открываю двери — клюки, помело в двёрях, лопата — всё на меня. <...> Смотрю, а она [*свекровь*] эти горшечки парит. А для чего это в неё? Всё вверх такие, знаете — кочерга, потом ухваты такие, помело, лопата — и всё вот так вверх поставлено, крестнакрест. Что-то знала она, какой-то заговёр. И всё на меня [*ушло*]... Опять, дверь закрыла, она: «Ой, ой, Афанасьевна, я уберу счас, уберу, уберу...» Смотрю, эти там камни кипят, так сильно кипят, и горшечки все эты парятся. Да... Это я видела.

368. [*Не отговаривали, если змея укусит корову или человека?*]

Отговаривали; был такой... Мне самой; мне корову был вкусивши вот здесь вот, на месте.

[*А что он делал?*]

На хлеб как-то молился Богу. На хлеб молился. А потом хлеб этот, сказал, отдать корове скушать, ну и... Пока он молился, я прибежала — уже корова. <...> ходит, траву скубаёт. «Иди, — говорит, — Вера, домой; корова уже будет ходить...»

[*А как называли таких людей?*]

Ай, я и не знаю... Были у нас..., чернокнижники были. Ну, они и вред могут сделать, и хорошо могут сделать. Если кому только зло имеют, уже навредят. Или корову спортят, или человеку чё сделают. Бывали такие; а теперь не слышно таких. <...>

Мой дедушка ещё рассказывал. Корова у нас была спорчена, и он пошёл туда, к нему и сказал: «Иди скорей домой и скажи, говорит, дочке, что кто придёт что просить — чтоб ничего не давали». Говорит, он всё одно придёт просить. Ну, а пока дедушка прибежал к нам, пришла соседка и попросила. Ну, и дали... Ну, и продали корову эту; пропала. Так он [*дедушка*] видел. <...> Какая-то чёрная книга; развернул чёрную книгу...

369. [*А что у вас рассказывали о волхвитах?*]

Ну, они могли наколдовать на человека, что и руки-ноги отнялись б, и друг друга ненавидят; многое могли сделать... А как мы, так токо эти стишки божественные читать можно. А волхвйт — это совсем другой человек. Или он по родству, може, что знает, или, может, знался с чартокнижником, как говорили. Раньше какие-то чартокнижники были. Там в книгах много написано, как колдовать людей, как всё колдовать. В нас вот таких людей не было; не было слышно... <...>

[*И свадьбу тоже могут испортить?*]

Да, волхвйты эти могут. Поэтому с полбозов в дом вносят; в порогах что-то ложат. Невесту несут на руках, чтоб не сколдовали. Через порог обязательно невесту на руках несут. Могут под порог что-то положить. <...> Всегда у нас тут, всё невесту носили через пороги, чтоб она не шагала сама.

370. ...Мать моя рано умерла. А меня привила бабушка его [мужа], она меня очень любила. <...> Она мне много чего так привила... Бывало, едут на базар, к ей заедут. Она кругом только воза обойдѣ — всё продаст, скоро-скоро, и приеде домой. А как только не заедет к ей — всё... Но она всем не делала. Она крота была замучивши, [его] кровью руки [обмыла]. <...> И вот, приведут скотину — бывало, объистся, дует янѹ; лошадь или корову там, ну, и молодых каких. Она только пройдёт, рукам погладе — и, значит, всё; ниже, ниже боки станут, и всё, здоровая. Ишь какие люди были!

371. Одну чародейку узнали, что, значит, делала вред. Ну, так потом нашлись такие чародеи. <...> Оне, эти чародеи, по ступням. Один, — ты вот, — знаешь стоко-то, а другой знает выше тебя, тебя наказать мѳжет за это дело. «Ты, говорит, в шубы на печке, говорит, застынешь!» Она на печку залезет, в летнее время залезет на печку и колотится; шубу наденет и колотится. Вот... Во, какое наказание он ей сделал...

372. Мой дядя рассказывал. <...> Он ишѣл с вечеринок, смотрит — а какой-то чуродей положил книжку на забор. И оне, значит, кладут книжку, эти чародеи, а то они не могут помереть, им очень трудно потом помирать. <...> А я, говорит, ишѣл, смотрю — книжка. Я, говорит, взял эту книжку, стал читать, стал читать, стал читать... А в этой книжке, говорит, написано: «Читай, говорит, три дня и три ночи. И придѣт к тебе... ну, невидимая сила. Вот... И будет у тебя спрашивать: «Что ты хотишь?» То оне, говорит, будут тебе помогать, служить». Вот... Я, говорит, почитал, почитал — меня страх такой забрал. И, говорит, принѣс эту книжку домой и положил, спрятал, чтоб никто не видел.

Легли спать. А дедушка занимался — бочки делал там, квашонки делал — раньше, знаете, занимались там...; сундучки делал. Ну и , говорит, легли спать. Легли спать — и льѣтся вода, и всё... Тут бабушка встала: «Откуда, говорит, эта вода льѣтся?»

Спать нельзя, скоро, говорит, полная изба будет». Встала, зажгла огонь — никакой воды, ничё нет. Обрато легли спать. Легли спать — горох сыпется с мешка, и всё... Встали, посмотрели — никакого гороху, ничего. Поэтому, что та книжка там лежит. Потом, говорит, токо легли спать, — а как дед занимался бондаркой, тут бочки, значит, обручи нагнанные, подготовленные, там и прочее всё такое. «Пыхш!», говорит, один обруч... Стал дальше слушать, что будет. «Пыхш!» — ещё; ну, говорит, лопают без конца. Встали, зажгли огонь — обручи, говорит, все целые, бочки все целые...

Тогда, говорит, я докумёл. «Ай, говорит, я счас знаю, в чём дело!» Взял эту книжечку и вынес обратно, на тоё место, на забор и положил. Как положил — так и бочки эти перестали, и обручи лопаться, и всё. <...>

...А потом приходит ён и спрашивает человека. А человек должен отречься от креста, от Пресвятой Богородицы, от всёй святыни и крест снять, под левую пятую положить, отворачиваться назад и стрелять, вот... А один так делал, испугался и отвернулся назад. Так назад отвернулся, смотрит — евоная родная мать стоит, Пресвятая Богородица стоит, вот так вот, сзади... и крестная мать стоит, вот... И вот, он их должен был убить, отречься от них. Тогда демон подтверждает и к тебе [на службу] приступает. И что ты захочешь — пойдёшь ловить рыбу: «Щупачок [щурёнок, щучка]-чурпачок, щупачок-чурпачок!» — наловишь рыбы; пойдёшь стрелять, зайца где-нибудь за вухó зацапил [дробью] или ничего не зацапил — заяц твой. Там или ещё какие предметы какие — всё твоё. Вот так вот...

373. Мама моя говорила мне. Значит, дедушка ейный с каким-то другом, значит, дружил, вместе работал. Ну и, значит, он занимался своей работой — клёпкой там, шулы изготовлял, бочки делал там разные. Ну и вот, один был чуродей. А он хотел его к себе привлечь, этого человека. Он говорит: «Знаешь что, Иван там или Андрей, ты очень хороший человек. Ты послушай меня, я тебя, говорит, научу, что ты будешь много знать. <...> И тебе, говорит, будут служить — что ты скажешь, всё твоё будут желание выполнять». Подумал, подумал... «Неплохо, говорит, было б!» —

«А хорошо ты обдумай, говорит. Ежли ты будешь согласен или не согласен». Он говорит: «Да». — «Ну, тогда хорошо...» Значит, он его вызывает. Вызывает, значит, к себе и приносит ведро. Приносит ведро, обыкновенное, накрытое ведро. Вот... И открывает это ведро. «Смотри», — говорит. А там в этом ведре разных зверей, всё по парочкам: и котят, и поросят, и зайчат, вот..., и собаченят... Ну, разных-разных. И он и говорит: «Вот так: выбирай любую парочку, и оне тебе будут служить — что ты скажешь, то оне всё твоё жалание выполняют. Ну, только с таким условием: что я тебе буду дальше говорить, что ты должен будешь сделать». Ага...

Он выводит его на вулицу. «А сейчас, говорит, ты сымай крест...» <...> Он снял этот крест. «А сейчас, говорит, отступи три шага назад... А счас, говорит, этот крестик клади под левую пятку... А сейчас, говорит, не отворачивайся». Дал ему ружьё. «Не отворачивайся, говорит; и, говорит, ружьё на плечо и стреляй назад». Ага... А он отвернул ружьё назад, а сам не втерпел, струсил. Глядь назад... Я вже вчера рассказывал, по-моему... [см. предыдущий текст]. Глядь назад — а там, говорит, стоит родная мать, мать крестная и Пресвятая Богородица. И вот он от всего этого святого отрекается, всё это священство от себя отгоняет. Тогда лукавый его к себе приобретает, и вот тогда уже ты считаешься евбный раб, и он выполняет все твои требования, что ты прикажешь...

И тогда, значит, он растерялся и не стал стрелять. Тогда он подбежал к нему: «Что, говорит, ты? Растерялся? Ах ты, такой-сякой...» По морде ему, по морде, наклескáл, наклескáл. «Ежли, говорит, ты не хотел, не надо было тебе языком болтать. А мне, говорит, сейчас надо перед ним много отчитываться, что я, говорит, тебя к этому делу не привлёк». Вот так, дорогой мой... Какие были фокусы...

[Так ему от этого какая-то польза, этому волхвиту?]

А как же! Он человека привлёк к волшебству, а волшебство — значит, это уже дьяволы. Он же душу к этому дьявольскому полу приобрёл. Вот так и было. Много таких фокусов...

374. ...Токо что не могли [черти] — осиновые листы сосчитать. Когда уже надоість [человеку, которому черти служат]

им давать задание, работу; мак сеют, заставляют их выбрать — выбирают, всё... Как осиновые листья — отказываются: «Мы это не сделаем». Потому, они считают, считают..., а осиновые листья всегда колышутся — и в погоду, и в ветер, в любое время. Считают, считают, а они заколышутся — сосчитать не могут. Это им самое было страшное наказание. Вот так...

375. Дядя рассказывал... Едут с Каунаса. И вот, едут, едут домой. Знаете, как раньше ездили там на повозке, что-нибудь продавать, там, в город... А это в четырнадцатом году было, это царское время. Военные обедают там, ну, отдыхают. А он, значит, неряга такой, натянулся и пёрнул. А эты кушают, солдаты. А этот хохол [один из солдат] и говорит: «Ну, кажи твоя матери, кажи, просерёшься». И поехал дальше.

Поехал дальше; ехал, ехал... Как раздуло явó, как давай он пóпкать, и уже больше нет ему терпенья, и уже всё — раздул живот. Тогда этот кучер и говорит: «Ты знаешь что, говорит, Иван, — говорит, как его, Гаврила там было звать, — плохо будет с тобой. Ты, говорит, пока не поздно, ты вращивайся назад, ежли его найдёшь — в ногах ему качайся, проси в него прощенья за свою невежливость. Если он тебе простит, то тебе, говорит, всё будет хорошо». И оне, говорит, повернулись — и давай назад; а эты вже встали, собираются. И встречает он этого хохла, этого солдата, и узнали его, какой он там был; по приметам узнали, всё такое. И давай его просить там, в ноги качаться: «Прости!» А его раздувает — уже всё, живот лопнет. Ну, и лопнул ба...

Хохол сказал потом ему: «Лопнул бы тебе живот, и тебе был бы конец». Тогда он давай: «Ну, шо кажу твоя матери? — говорит. — Проперделся? Больше не будешь так делать? Похабничать?» — «Не буду, токо прости меня», — так-сяк, ага... «Ну, ежяй, говорит, чтоб этого больше поганства не было б». И поехал, упал живот, и поехал.

376. А мама рассказывала... В лесу ейный отец работал..., ну, заготовку делал — там, они шóлы, бочки делали, там, разное такое. Ну, и в лесу оставляли струмент. Вот, хто-то такой под-

смотрел, что этот струмѣнт, значит, это самое... ихный уже вору-ют. <...> Этот приходит, говорит: «Знаете что? Наш струмѣнт вору-ют. Идѣм быстрой. Но никуда, говорит, оне не уйдут, пока мы, говорит, не придѣм». Приходим, говорит, в лес, смотрим — стру-мѣнт взятый, на плечи положенный, и стоят. И снять не могут, и бежать не могут — и стоят остолбеневши. Токо разговаривают.

Вот, он приходит и говорит: «Ну, друзья, что, говорит, с ни-м[и] будем делать? Хóчете, говорит, мы его снистожим; хóчете — накажем, что он век инвалидом будет; хотите, говорит, — мы его простим. Как, говорит, посоветуем, так мы ему и сделаем». Поду-мали, подумали, подумали, подумали... «А что, говорит, преступ-ления он такого большого не сделал; а что, говорит, струмѣнт хо-тел вворовать — это, говорит, это точно... Ну, что не вворовал, мы его поймали, всё такое... Ай, говорит, давай простим».

Ну, прежде чем простить: «А что, говорит, мы ему на память сделаем? А, знаете что — розгами хорошо отпояшем его». Так они взяли, вырубил прутья и так его вылупили. И оне не могут стру-мѣнт этот бросить, и бежать не могут, токо просятся... Ну, потом один говорит: «Хватит!.. Вы что, говорит, больше будете воровать, ходить по лесу?» — «Не будем, пока жить будем; другу-недругу закажем, токо простите!» — «Ну, говорит, тогда сымайте, бросай-те струмѣнт». Тогда они сняли струмѣнт, положили; и еты пошли своим делом заниматься, работать, а етых отпустили домой.

Так вот, какая-то сила есть, вот, дорогой мой... А другие го-ворят: «Бога нет, то нет...» Есть нечистая сила, и есть святая сила. Святая сила побеждает нечистую, побеждает...

377. Когда понаехало туда [в одну из российских деревень] много беженцев, у одного хозяина сено косили. Косили, косили; он оставляет косу на покосе. Беженцы говорят: «Давай возьмѣм косу, а то украдут». А он им так уверенно говорит: «Не украдут». Утром приходят, а там стоит человек коло косы, а взять не мож-ет. Косу держит в руках, а пойти не может — она заколодована.

378. ...Ещё, один раз ишѣл, значит, коновал — они, кому надо, скот чистют. И зашли в один дом ночевать; а там женщина соби-

ралась дочку замуж отдавать. Они положили сумку свою, и попили яны в байню; байню топили. А она взяла ихние сумочки да и обчистила. Пришли, и они увидали, что у них уже нету, обобрано в сумках. Они ничего не сказали. Так они взяли и овернули её мышкой. Ну вот, и приходят с байны, эта мышка большущая такая в дому, бьётся она по стенам; как прыгнет, как дастся о пол. Ну что ж, и поняли — матка уже тут бьётся ихняя. Так они на коня верхом и догонять этих людей. Ну, и догнали их, им там в ноги кланялись, их просили. Так оне отделали назад и говорят: «Пускай не хлáпится на коноваловы деньги. Мы ану поучим, как делать».

379. [Е. И. припомнила эту быличку, комментируя поговорку «Мудрый, как грек».]

...Якобы греки были очень такие мудрые. Греки, волховиты какие-то ходили; это ещё мама говорила. Едет свадьба — они делают волками. Человек если обидит, они обернут крысами; бегаёт, об стенку бьётся головой. А это есть такая байка, что пришли ночевать эти пинчуки, или волховиты. Разные материалы продавали, кожаные мешки набиты. Хозяин им вытопил баню, они пошли мыться. А эта старуха решила мешки ихни посмотреть. Ну, и что она там нашла — или отрез на платье, или платок — выбрала из мешка, думала, что и знаку не будет. А они ещё в байны были, а уже знали, что она их обворовала. А хозяин был в байны; приходит, видит — большая крыса бьётся об стены; бегит, бегит, прыгает на стену и обратно падает. Соседи говорят: «Бери деньги, догоняй, проси их». Роман его звали, Ромáниха была обвёрнута. Он их, как говорят, казной обсыпал, на колени стал. Они говорят: «Ну, только ради тебя...» Приходит старик домой, а Ромáниха эта сидит уже человеком, но вся оббитая, в сиянках...

Их пинчуками называли, волховитами и якобы, говорят, греки.

380. Беженцы когда приехали в Расею [во время первой мировой войны], работали. Сестра была молодая ещё, ну, её хотели

...урали такое пальто, сто пятьдесят рублей — это большие деньги. Пальто так уж с самых... (лучших) выбрали. И потом, уже было такое тяжёлое время, мама пошла на базар, а мы, дети, и папка спал. И пальто это украла.

Мама пришла, чистит картошку, смотрит — пальтá нет. Она туда-сюда — и нет. Такая большая вещь, и украла.

Тогда сказали люди, что там естя ворожбит такой, что мóжет сказать, где, даже вернуть мóжет. Ну, мама с сестрой и пошли к той — тáя ворожбитка, женщина. Пришли, тáя женщина спит. И она: «Ой, как я уставши, я только недавно легла, маленько отдохнуть. Что вы хотите?» — «Вот, у нас пропажа, убытки большие...» Она стакан воды налила, и крест такой большой деревянный. Спросила, как звать имя, мамы моей и сестры. Мать — Александра, а сестру Наташей звали. Она так облокотилась на стол и начала крестом в этом стакане мешать и так шепчет потихоньку: «Я вас не убоюся, я вас не устрапуюся, Александра, Наталья...»

Ну, тогда она вызвала... А наши — мама, папа — нападали на хозяйку, что это хозяйка подвела и подáла это пальто. Она говорит: «Вот, вы нападаете на такую-то женщину. Она совсем не виновата. А эта женщина — воровка, она только этим и живёт, не от одних вас. Она так ходит, где попадёт, она везде такая. Уже сколькой раз на воды мне попала эта женщина. Вот, вы пришли поздно, она уже три дня как спустила эты вещи. Ежли б она не спустила эты вещи ваши, пришла б в ваш дом с вещами. Теперь она придёт, но одна придёт, без вещей. И она будет цельной день ходить. Вот, плюшевый коротенький пиджачок, синяя линочяя юбка у ней одета. И, значит, она будет цельной день ходить там. Но вы её не троньте, потому у ей вещей нет; ежели её зацепите, вы пострадаете. Она продала эты вещи ваши совсем за дешёвку, токо за пятьдесят рублей она отдала... И что вы хотите ей сделать? Гла́зы копать? Не советую, говорит. А вот торнем в щеку пером — у ей рак получится, и она будет со щекой ходить гнилой. Так она и помрёт от этого...»

Так она и ходила, цельный день ходила. Вот, придёт, как будто кватэру спрашивает; и обратно идёт, во двор заходит. А это её нечистая сила водила уже...

381. Вот, рассказывали так. Когда молодым хочет сделать вред, ну, какой-нибудь там... злѳстник; просто он завидовает этой молодой пары, хочет им зла, чтоб оне плохо жили. Вот, значит, что делали? Выстригали от кошки волосѳй и собаки, вместо эту шерсть совмещали, и в какую-нибудь там тряпочку или что, и бросали на этих молодых, где они там находятся. И, говорит, будут век жить — будут как кошка с собакой, драться так...

382. [А как от такого «глаза» уберечься?]

Шептуны лечили. Или распятѳе водичкой польют, польют; или стол смывали, крест-накрест так его смоет, попьют — и то помогало.

[И людей, и скотину?]

Ну, и скотину побрызгают, чтобы отхватить...

Было таких, вредных; портили... Ну вот, такие чаровники. Делали, что если не нравит там девушку, а сын влюбится — так сделают, счурѳют, что жить не будут. <...>

[А свадьбу могли расстроить?]

Делали тоже, расстраивали. Делали так на свадьбы, что никакого сношения не буде могтѳи сделать. <...> Портили коров. <...> В которых были чѳрные книжки, по этим книжкам. Вмели вред селать.

[А в какое время коров портили?]

Есть праздник, Иван называется. На Ивана портили. Рассказывали — правда то, не правда — что вот молоко цедают, этой цедилкой росу собирают, где чужая скотина пасѳтся. Раненько утром...

383. ...Потом всю свадьбу повернули волка́ми. Засердился какой-то такой, ну, воровбитка... ей не догоди́ли; так она всю свадьбу повернула — и побежали волка́ми в поле. И потом уже в баню зашли, уже волчица маленького — там уже были месяц волка́ми они. Только зашли, смотрят — волчица лежит и по-человечьи стонет.

384. [А вот эти чернокожики свадьбы не портили?]

Никто не рассказывал... Когда-то мама рассказывала, что когда она была ещё небольшая; это было очень давно, в Расеи¹. То там ехала свадьба, двенадцать лошадей — раньше на лошадях ездили — то все обернулись волками; вся свадьба волки стали, и разбежались все по сторонам.

[А почему?]

По злости. Парень-от ходил к одной девушке, а взял другую. Ну, и та пошла к волшебнице этой и попросила... Ну, уплатила, наверно. И вот она это устроила ей. Подъехали, говорит; мост там какой-то был, и всё — куды который разбежались.

385. Кожемяка такой был в деревне. Ну и, значит, он любил выпить, вот... И свадьба была, и его не пригласили на свадьбу. Поезжане ехали, доехали до него — «Тыкш!» — дуга выскочила, разломалась дуга. Поезжане, молодой, молодуха — «Ну что тут?» — забегали, другую принесли. «Пыкш!» — другая сломалась. Ищё третью — и другая [третья] сломалась. Сват слезает: «Ай, — говорит, — обождите... Мы, говорит, отсюда не уедем. Надо, говорит, идти к Кожемяке, к Ивану. Тут, говорит, вся беда в этом. А то, говорит, мы все дуги поломаем и отсюда не выедем...» Пошли к нему. «Дядя Ваня, помоги нам! Вот, дуги поломали, не можем выехать». Он взял такую старенькую дужку, уже там слабенькую, которая валялась негодная. «Ну так, детки, так чего вы, чего вы?.. Тут и воз не такой тяжёлый. Можно ехать». И всё такое... Взяли эту дугу, запрягли. «Вы, детки, езжайте, езжайте! Поедете и приедете!» Тронулись — и поехали, поехали... Этого деда позвали, зафундрили ему... Пожалуйста, угостили деда — и всё. Так вот что...

386. ...А второй [случай] тоже был. Вот, свадьба была, вот... Была свадьба... Обождите, что-то немножко тут я... [Д. П. на минуту задумался.] Вот, значит, какого-то там волхвита не пригласили на свадьбу; его понизили, бесчестили евоный авторитет.

¹ Во время эвакуации в годы первой мировой войны.

8. Шептуны (знахари) и волхвиты (колдуны)

Вот... Ехали поезжяне, и он их в волкѡв перевернул. Это всё поезжяне. И вот, ходили, говорят, эты вѡлки кругом, вѡяли [выли], пока их, знаете, как-то отворачивали. Клади, говорят, какие-то ножи там, и люди... человек должен через этот нож, ну, перекачываться — и переворачивается, значит, в вѡлка или обратно, значит, <...> тоже переворачивается в человека.

И вот, эта молодая, говорит, ходила-ходила, бедная, и зашла в свою баню. А сама была вже беременная. А тут, говорит, прибежали... Там воду брали, говорят, женщины кругом, с коромыслам, как раньше, знаете, — не было таких кранов, как сейчас в городах там, и всё такое. Или колодец — в каждого там хозяйна. Ходили на речку, какой-нибудь там водоём, с коромыслам... И видят — волчица. Она, бедная, входит [уходит], а оне её коромыслам, коромыслам — и убили. А потом стали эту шкуру сдирать и всё то..., смотрят — человек. И тогда: «Ах, ах, ах, ах!» — и узнали, что это, значит, суседка, с той деревни, которую замуж отдавали...

Ну, потом нашли такого человека, значит, это — остальных, которые ходили, отвернули — и, значит, стали нормальные люди.

Вот, дорогой мой...

387. ...Вот ещё, наши рассказывали. Говорит, не позвали на свадьбу человека. Он, может быть, хотел или как там... И он заколдовал их тамы-ка, говорит. И, говорит, надо выезжать, невесту везти — кони ни с места; топочут, белой пеной, говорит... Ну, так они потом догадались — что мы ёго ж не позвали, говорит. Ну, пошли, начали просить, тамы-ка всё, тада отпустил, вот... А может быть, что ён там сделал: кинул что-нибудь в повозку или что-нибудь там такое завороживши. Что, говорит, не могли кони с места... Это папа рассказывал, это я помню тоже... Вот какие были нехорошие люди. Таким делам заниматься — не дай Бог! Лучше ничего не знать.

388. [А бывало, что кто-то мог свадьбу расстроить?]

А. А.: Да. Нашего отца были сделавши, что в его ничего не было. Оженился — и нет ничего. Так вже после нашли такого старичка, отделал...

Делали! Обворачивали ко́ней волка́м; колёсы попадают... Абра́м женился как, с нашей деревни. А здесь во Бúды есть — за лесом, да? — и он в Бúды поехал. А ему сделали там, в Бúдах — взяли, кони распряглися... Спортить так много было таких, знаете, портили; а вот отделать — так мало. Дарья, в нас тоже — помнишь? Уже мы выезжали с дому, тоже колёса посваливали. Правда! Токо стали выезжать...

Д. А.: Ну, как?...

А. А.: Как моя свадьба была? «Как?..»

Д. А.: Не помню... Я забыла...

А. А.: А как Дунька выходила Катеринина замуж. И, говорит, Вульяна пришла: «Акилина, хотишь — мы им сделаем?» Говорит: «Не пригласили на свадьбу, давай сделаем!» И она пошла на свадьбу. Токо, говорят, надо штаны снять и голой задницей на порог... Но надо что-то..., вметь надо.

389. [А были такие, что зло людям делали?]

У нас был один... Была свадьба, и он так сделал, что лошади пошли сабе, а молодуха осталася в телеги. Но он уже умерши, уже нет старика этого. <...> Моя свекровка говорит — даже машины останавливали. Да... Ехали машины, свадьба, и его не позвали — и остановились эти машины все. Вот так... А потом сделали... — тут она и жила в Паскутишках — невеста выскочила с веза и побегла; чуть не умерла, вся посинела.

Поехала вот в Россию, у нас там, соседка моя. Чё-то оны поехали, не знаю, к ворожбиту. И оны везли яички. Им жалко стало, что яички ему дать. И оны закопали в мох. Она сама рассказывала. И вот оны пришли к ему. А вже когда он там поговорил с им что, и говорит: «Не забудьте там взять, кого закопали в моху!» Да, оны думают: «Хм, откуда ён мо́ге знать?» <...> Оны пришли на это место, откопали — а там одни гадю́ги с этих яичек. Да...

390. Бывало, бабы молоко отнимают от коров. На Ивана летом [Иванов день] идут рано утром по росы́, по следам; эту росу́ собирают, и тогда собирают траву — какую, не знаю её — и тогда её варят и сваёй коровы поют. Тогда ещё возьмут от коровы — от этой коровы, которой молоко отнимают — хвоста отрежут кусо-

чек, в ходáк, ходу́ль [обувь свою] положат, молоком почиркают. И она его высушит и спалит. И всё это вместо — и трава, и роса, и этот по́пел — свайёй коровы спойт. Не каждый день, токо на Ивана... В ейной коровы будет много молока, а в етой коровы не будет ничего. Вот как коров портят, я тоже так слыхала.

391. [Рассказывали у вас, как на скот порчу насылают, у коров молоко отбирают?]

Это даже в меня в самой было. Вот, я говорю, где там полячка жила, там, за болотом... нет уже, она умерши. То была нам спортивши корову. <...> Она имеет пользу, а нам вред; переходит к ей молоко.

[А как это делали?]

Она ходила рано утром; набрасывает прóстынь на себя и идёт, когда большая роса — рано утром, когда трава мокрая. И собирает эту росу и... — не знаю, что она с этой росой делает... Эту росу выжимает, а что после — я не знаю. И тогда, когда коровы ходят на поле, вот так привязаны, она приносит три камня и ложит вокруг кола и... Больше не знаю, что она там делает.

Когда мы пошли посмотреть [свою корову], так нашли возле кола три камня положенные и привели корову домой, корова начала кровью доиться.

[А не говорили, как можно уберечься?]

От этого заговóра? Ну вот, можно. Токо надо быстро, надо успеть... Ермолай... он тоже был шептун, чернокнижник этот... Мой дедушка пошёл к нему, и он: «Иваныч, беги скорей домой и говори своей дочке (мамы моёй); они придут что-то просить к ней — чтобы она не дала ничего». А я пока бегла домой, а ей, женщины этой, дочка пришла и попросила у нас...; у мамы были бураки мочёные, так попросила рассолу бурачного. А для чего им этот рассол надо было?... Просто ничего-ничего дать нельзя, абсолютно ничего. А я пока прибёгла, уже поздно. Ну, и пропала корова, и продали на мясо...

392. [Если человек вред приносил людям, тогда трудная смерть, да?]

Да, тогда мучается перед смертью. Ещё, говорят, тогда надо половицу эту у потолка убирать. <...> Он умереть не может, много, долго мучается. Вот, умрёт будто, вот, неживой — и опять оживает. Его нечистая сила мучает. А когда выберешь вот доску одну, тогда быстро душа улетает, и умирает, да... <...> За всё надо расплачиваться.

393. Вот, говорили, мне всё рассказывали. Рапу́ха эта [от лит. «*rapūžė*» — жаба] как привязалась корову сосать. (Ну, это или присказка, или правда была....) И ей сказали, что ты янў поймай, эту рапу́ху, и затопи печку; возьми за ногу́, повесь эту рапу́ху, на трубу слезь, дым... И ей будет тяжело. И кто сделал, тот придёт. Придёт тот человек, и узнают, кто сделал. <...> И так сама сделала, в эту трубу опустила эту рапу́ху — приходит соседка одолжать. Кого — мёду, кого ей надо было? Пришла одолжать.

[А одолжать можно таким?]

Не знаю, не буду говорить... Три дня не надо давать. А всё равно люди лезут, никак не можно, никак нельзя отборониться. Бывало, меня <...> возил к этим шептунам. <...> Токо приедешь [домой] — и являются. То надо денег им, то надо лестницы, то надо ведро, то надо ещё что. А никак не можно — хошь ты закрывайся!

394. Были волховиты — молоко отберут от коровы. Как они там ворожили, как делали — не знаю. Молока не даст корова, и всё. Это, можно сказать, вредители люди. Больше под Ивана, с вечера на Ивана [Купалу].

И так бывало. Вот, один, когда мы работали давней, и хозяин пошёл к лошадям. И видит — ходит женщина в белой одежи. Ну, голова закрытая в ей, всё уж. И он, когда ходил, уздыны взяты были, повод тянет по земле, значит. Он пошёл за этой женщиной, а потом принёс, на гвозд и повесил в кухне. А с уздыны, с верёвки как потекло молоко, так скоко там судей натекло молока с той верёвки.

Но это я сам не видал, но это мне рассказывал человек недавно. Но это ещё при Сметаны [при Сметоне, в довоенные годы]

было время. Трое судей это получилось, потому что он бежал за этой женщиной и обрёт ткнул, и от неё перешло молоко.

[Судей — «два ведра. Сразу несётся — судей называется», — пояснил исполнитель.]

395. ...Один коров пас, а скотина в шкóду не идёт — кругом шкóда, а в шкóду не идёт [в посе́вы]. Один пастух и говорит: «Как ты, говорит, <...> почему в шкóду коровы твои не идут?» — «А ты, говорит, посмотри мне, через левое вухó, посмотри. Всё увидишь». Он посмотрел в его через левое вухó и видит — а там коло шкóды пастушки сидят-сидят-сидят-сидят; как только скотина подвигается в шкóду, они его отгоняют. О! Не надо ни пастухов, ничего... О, как нечистая сила... И помогает человеку. А когда вже человек помирает, тогда оне эту душу уже к себе забирают. Ты отрекаешься от закона, от своего от креста, от всех, и Богородицу от себя отгоняешь — и вот тогда они тебе служат. И что ты захочешь, то ты и сделаешь...

396. Служил один работник у хозяина. Вот, во время сенокоса заметил, что хозяин не режет скотину, а мясо всё свежее. Работник сказал это хозяину. «Раз тебе дан, так кушай!» — ответил хозяин. Но работник не успокоился: «Как это есть? В город хозяин не ездит за мясом, скота не режет, а мясо свежее...»

Однажды работник рано утром шёл привязывать лошадей. Видит, проходит хозяин и ставит прутки́. Поставил двенадцать прутков, стал прыгать через них и превратился в волка. Работник, как только увидел, вытащил один прутóк. Пришёл домой, видит — хозяин дома сидит невесёлый. «Чего ты такой невесёлый? Почему в баню не ходишь?» И рассказал хозяин: «Было это так, но кто-то вытащил один прутик, и вот не могу я теперь в баню ходить, остался хвост волчий... Будь добрым, поставь прутик, ведь ты всё видел; поставь прутóк на место...» Стало жалко работнику, и поставил он этот прутóк. Пришёл хозяин без хвоста.

397. Папка мой рассказывал, как в Расеи были въехадши [в эвакуации в годы первой мировой войны], так, говорит, были такие люди. Папке самому предлагали: «Я, говорит, могу, значит, перевернуть в собаку, и ты можешь сбежать на родину и прибечь». Папка не согласился.

398. ...Значит, едут поезжяне, <...> в церкву, венчаться. И военные занимаются кол дороги. Один военный обращается к своему командиру: «Ваше величество, господин капитан! Разрешите, говорит, коло свадьбы пошутить!» А капитан говорит: «А плохое, говорит, јим ничего не будет?» — «Да нет, — говорит, — просто смешно; посмеёмся; и вы, говорит, вместе с нами...» <...> «Ну, тогда, говорит, пожалуста...» <...>

Он там что такое притворил, пошаптал — ну, как чародей, всё он мóжет сделать. Вот и что... Подъехали немножко поезжяне. «Тпру!» — сват первый едет, останавливается. Так... Молодая вылазит, идёт вперёд; сват сзади, молодой. Ага... Молодая первая, значит, останавливается, юпочку свою задирает, ага...; молодой в попку — б́учки [от лит. «*bičiuoti*» — *целовать*], сват в попку — б́учки; перекрестились, сели на повозку и поехали. Тут еты ротные все «ха-ха-ха, ха-ха-ха, ха-ха-ха!» А он так сделал, как будто они уже приехали в церкву, венчаются там, друг друга цалуют и всё такое. Ой, капитан...; за пупки, за животы все схватились и лопают со смеху. Вот такие фокусы...

399. ...И «волхвитáм» называли, и «чаровникáм» называли. А знаете, чаровники эты — ой, как они страшно умирают, каб вы знали б! Ужас! Кто людям вред делал. <...> Я помню, как один умирал. Трое суток! И на стены ќдался. Ой, ужас! И кричал, и всё. Потом вже сказали, что вот надо потолок разобрать. И разб́ерешь — тогда умрёт.

[А зачем потолок разбирали?]

Нечистая сила улетает... Вот, теперь, этого... Ольгина тётка в этом живёт, в Поста́вах [в Беларусу]. Так она тоже так сáмо. Так вот, третий или четвёртый день умирает, никак не мóжет умереть. Уже и врачи, и уколы дают, и успокоительные, и всё. Толь-

ко кричит: «В меня мухи летают, в меня вороны летают, в меня там всё...» Вой, как страшно! <...> Держут и руки, и ноги, и всё... Встаёт, кричит: «Гоните от меня!» Нечистая сила, всякие там чарты, говорит... А там никого нет...

400. Один ксёндз умирал. Был молодой и сказал... Тоже отрёкся и сказал, что сделайте меня, чтоб я был ба... сто лет жил ба и молодой был ба. Сделали. Жил, сто лет жил и был молодой. Но, говорит, когда умирал — такой звук, трескотень, так, говорит, его схватили — токо, говорит, кусочки <...> по этому, по евоному зданию, где он жил. <...> Разорвали по кускам, что очень он их много мучил. Вот за это дело... А всё старались, чтобы сделать. Вот так...

401. ...Да, мама моя рассказывала, что одна б́ла такая..., очень коровам делала. Так ей..., токо разобрали потолок, тогда она токо умерла. А так не могла умереть. Дак ей язык вышерло, вот так вот — ровно земли. А потом так вот, ишёл, ишёл, таким вот волнам, и вошёл, говорит — тогда она кончилась. Да... Она очень коровам молоко отбирала всё, старуха.

402. [*А такие люди есть, что специально вред причиняют?*]
Естя! Бывают и такие... А врачи от этого не вылечат. Это тогда надо искать человека, шептуны какие; <...> это уже надо, кто знает, да...

Был такой старик — вот, этой Прасковьи муж-то, Трофим этот; такой был паскудный, вот, уже он был человек нехороший.

[*А шептуны есть где-нибудь поблизости?*]

Знаете, теперь нету. Кто были, все поумерли... Вот, на Калиновке б́ла женщина, знаю. Тогда вот здесь, недалеко, тоже полячка б́ла — ну, она не шептун, она вредила очень... И тогда вот здесь был в Петрунйшках, по Кауно улице, такой Ермолай..., а как фамилия, я и забыла. Тоже очень был хороший шептун. Он посмотрел в книгу... Но у их книги очень ч́дные — такая тол-

стая, и листья чёрные; чёрные листья, белыми буквами писано... Это уже они чернокнижниками считались.

[А как они умирали?]

...Когда умирает, очень тяжело ему. <...> Если он передаст всё это, тогда ему легче, тогда на другого всё переходит.

[Почему тяжело умирать ему?]

А Бог его знает. Може, чёрт его мучает... Вот здесь, на Калиновке, тоже была такая чернокнижница, шептунья; так когда она умирала, трое суток мучилась, никак не могла умереть. Так потолок разбирали, и веники вешали над ей — ничего не помогало.

[А потолок для чего разбирали?]

Чтоб уж скорей умереть, я не знаю...

[А веники какие?]

Ну, простые, которые в байню ходить... И тогда кто-то им сказал: «Вы возьмите маку и вынесите на вулицу и посыпьте этот мак; что эты вже придут, её друзья [черти], пока мак будут обирать, так она за это время умрёт». И точно, так и получилось.

[А они мак любят?]

Наверно, любят мак... Они начали собирать, и в это время она умерла...

403. Отец был колдун. И вот, значит, старый был, скоро смерть должна приходиться. Дак он сыну говорит: «Ежли ты хочеш видать мою смерть, так ты подлезь под кровать, возьми хомут и смотри через хомут, как я буду помирать». Ну, он так и сделал. Влез под кровать, взял хомут и смотрит. Отец лежит уже, всё... Вот, через потолок — черти разобрали потолок и лезут. Влезли туда к нему и начали его драть когтям, мясо его жрать. Дярут мясо его, а он кричит не своим голосом, этот уже старик. Когда сожрали это мясо всё, осталась только кожа. Они начали жеребей бросать — кому достанется в кожу эту лезть. Ну, одному досталось лезть в кожу эту; он влез в кожу и лежит. И тогда эти все ушли, а этот лежит в кожи.

Ну, собралися дети, дочки приезжают уже, плачут. Дочка пришла, цалует батька, а брат говорит: «Не цалуй, это бес лежит, это не батька». Ну, так его и похоронили.

[«Это такие при́казки уже», — добавила С. В.]

404. [А такие чернокнижники трудно умирают?]

Да, рассказывали, что очень трудно. Рассказывают, что так он умереть не может. Не может умереть, всё равно что-то надо делать. Пóтолок разбирают. Пóтолок, доски разбирают.

[А для чего?]

Тогда, говорит, ему легче умереть. Или он, наверное, что-то видит. Или ему просто не даёт умереть эти... черти, эти, с кем оны связаны. <...> Мак сыпали. Мак на дорогу высыпят, и пока мак обирают эти, черти, тогда человек умирает; тогда они ему не мешают, им работа своя есть.

Мне-то не пришлось видеть, но рассказывают.

405. ...Это в тётки было, эта самая старуха, приехала в гости. <...> И она кинула два куска мыла, в жолоб, лошади. А уже тёща моему дяде <...> говорит: «А ну-ка, дай, зятёк, это мыло!» И когда она бросила [мыло] в печку, она [чародейка] тогда начала умирать. Умереть не могла. Три дня мучилась, пока не разобрали потолок... Это мыло, чтоб оны помылись потом, в байне, где — и капут, наверно, всей семьи было б. Она в печку — токо раз! печка топилась русская — она в печку так и бросила это мыло. <...> Може, старуха что чувствовала? С какой стати попали коню? А «жолоб» это называется, это такая... корыто; где пьёт там, исть болтушку такую. Вот, «жолоб» называли мы так. И два куска мыла... <...> Вот какие чары...

406. [А про таких людей, что порчу наводят, не рассказывали?]

Были! И колдунáм называли, и ворожбитáм всё больше. <...> Кто ворóжит — «ворожбитъ». Это старинное слово такое. <...>

Туты-ка наши рассказывали про какого-то человека, что он, говорит, был как-то отрёкши от Бога, что как-то с чертям знался, как говорили ище раньше. <...> Так када помёр, говорит, так на четвёрке везли на кладбище, так не могли кони с места тронуться; его, говорит, наверно, держали... Вот это слышала. Правда или неправда, но что-то всё равно что бывши...

407. Рóтуша где [в Каунасе], так войскó... Как раньше веровали, так и войскó молилося. Зайшли молиться; много тамы-ка, не знаю. Ну, и заколдовали јих хто-то. Туты-ка уже на злость заколдовали. [При первом исполнении Г. Е. добавила: «В каждой кирпичины человек остался».] И по сегодняшний день. А когда Советы зайшли — что яны там хотели сделать? — разбирали. Что кирпичинку отобьют — кров [кровь]. А после хто-то туты-ка помнили про ето вот проишествие, старики. Что, говорит, там заколдовáно, говорит, войскó. Молиться войшли, говорит, и јих заколдовали; в каждую кирпичину. Ну, и не стали их разбирать, не стали... <...> И прямо живая кров, говорит. Кирпичину возьмёшь — и кров...

А хто их таперь отколдуе? Нет кому. И как яны тамы-ка мучаются — никто не скажет... Теперь оружие; а тогда ж оружия не было, колдовством боролися.

9. ПОВЕРЬЯ И БЫЛИЧКИ О «СГЛАЗЕ»

От шептунов и чародеев, которым посвящен предыдущий раздел сборника, старообрядцы отличают людей «с дурным глазом». Чаще всего они причиняют ущерб против воли, сами того не желая. (*«Он и не хочет этого, а вже глаз такой»*.) Посмотрит на ребенка, на корову или куриц, на посевы, *«подивітсья»* (т. е. похвалит вслух или мысленно) — и непременно *«сглазит», «вреда наделает»*. Тех, кто способен *«портить»* своим недобрим взглядом, иногда уподобляют гипнотизерам и экстрасенсам (*«...такие всякие, руками лечат; ну, такой он [дар] мает — гипноз там или кого»*). Это опасное для окружающих свойство считают врожденным (*«может, в такую минуту родивши...»*) или объясняют тем, что *«его matka скалечила»* — отлучив ребенка от груди, вновь начала его *«сбосить»*. Аналогичные представления распространены и среди литовцев.

В большинстве быличек о «сглазе» («урёках»), фигурируют односельчане, соседи, реже — родственники. Но бывает, что рассказывают о себе, о своих собственных оплошностях. Одна из старушек уверяла нас, что она сама по небрежности сглазила своего теленка, а позднее — *«овечку была сглазивши свою, собственную тоже»*. А другая рассказчица начала повествование с таких признаний, от которых собирателям стало жутковато. *«А сглазить — я могу тебя сглазить! Извини, конечно... В меня глаз плохой»*. Далее она поведала о том, как нечаянно *«испортила»* собственного мужа — увидела, как он колот дрова, и мысленно восхитилась его ладной фигурой и сильным телом. Такие люди живут под постоянным психологическим прессом, вынуждены контролировать каждый свой шаг, каждое слово, даже не произнесенное вслух. А порой им приходится отказывать себе в маленьких житейских радостях: *«Я никогда на маленького ребёнка не гляжу»*.

Широко бытует мнение, что «сглаз» не для всех одинаково опасен; больше всего от него страдают те, кто родился *«на молодик?»* (на молодом месяце), а также дети (особенно грудные), молодняк домашнего скота, цыплята, индюшата. Некоторые исполнители еще больше ограничивают сегмент потенциальной беды: субъект и наиболее уязвимый объект «сглаза» не только должны встретиться

в определенной точке пространства, но и произойти это должно в «недобрую минуту» («*минута такая естя, что попадает*»).

Подчеркивая произвольность «сглаза», отсутствие в нем злого умысла, наши информаторы допускают и такой вариант, что «порчу» порой наводят сознательно, из зависти к соседям, желая причинить им материальный ущерб или поживиться за их счет. Персонажи таких быличек по существу сближаются с «волхвитами» и «ворожбитками», портящими посевы и отнимающими молоко у чужих коров. Одна из женщин пользовалась в деревне такой дурной славой, что в ее присутствии старались ничего не делать в огороде — она тотчас начинала «копировать» действия соседей и якобы сводила на нет все их усилия. Приходилось односельчанам высаживать рассаду на утренней заре и даже по ночам, при свете луны.

Рассказы такого рода тоже имеют традиционную основу. В заговорах от «сглаза» закликают не только «*глаз синий, глаз серый, глаз чёрный*», «*глаз мужской и глаз женский*», «*глаз косовский*», но и «*глаз радостный и глаз завистливый*», «*радостны урёки и завидные урёки*». Наличие этих формул в текстах, записанных в разных районах Литвы, близкие параллели в заговорах из России свидетельствуют об их исконности.

По мнению носителей традиционной старообрядческой культуры, предохранить себя от «сглаза» или ослабить его воздействие можно разными способами. К новорожденным младенцам до определенного возраста стараются не допускать посторонних. Самый простой и доступный рецепт — обмыть или обрызгать пострадавшего водой («*...помоешься водой — тогда, говорит, ничего*»). Но делать это надо оперативно, «по горячим следам», при первых же признаках недомогания. Чем больше времени проходит с момента «порчи», тем труднее ее нейтрализовать. В таких случаях чаще всего использовали воду, которой обмывали иконы. Но при этом надо соблюдать целый ряд ограничений. Вода обязательно должна быть «живой» (некипяченой). «*Я-то делаю так: смываю распятыё, иконы; смываю стол <...> крест-накрест, с молитвой; смываю все кля́мки в дверях [щеколды, зашелки]. <...> Мыть надо не ладошкой, а другой стороной [руки]*». «*Тогда давай Бога [икону] мыть, молитву сотворить. <...> Утоб только на землю на капнуло б*». Если не помогали средства народной медицины, обращались за помощью к шептунам и чародеям. Многие из них исцеляли своих пациентов заочно, бесконтактным способом — пускали заклинания «по ветру». Но для этого им надо было точно знать координаты потерпевшего и его имя, а при лечении домашних животных — и их масть.

408. Бывало, у нас тут одна такая в деревне жила; бывало, как капусту садить, ежели она куда идёт, выйдет, уже яю каравулят. Выйдет куда, ей нет — все бегом в огород, капусту садить тада. А то капусты не будет, как она будет дома. Спортит всё. А нет — и ночью садют; ежели видно, так ночью садют так во, чтоб она не видела б. <...>

[*Может, у нее глаз плохой?*]

А Бог её знает. Она каравулит. Как хто будет вот садить, яна бегом в свой огород. И что-нибудь она начинает садить. Уже всё — в огороде это уже не будет тогда. Уже тогда лучше не сади и не делай ничего. Или раненько, чуть заря, когда ночью луна. Были такие люди, были. <...>

Глаз плохой, говорит, в того человека, если женщина рбдит этого ребёнка, вот, и она заболает, и она от груди ребёнка отымет, <...> и начинает второй раз кормить. <...> Тогда в ей глаз очень плохой. Вот, она коло коровы пройдёт, счас в коровы глаза на лоб, язык вон. Этой в ей глаз очень плохой. И тогда надо скорей заговаривать воду, её сбрызгивать, давать попить — тогда и встановляется. А так — сразу... И глаза выкачиваются в ей, и слёзы с глаз, и она стоит, голову повесивши, и язык высунет, пена со рту ей. <...> А вже потом, ежели такой человек умирает, то тогда язык в его до сих пор высунется [*показывает до пояса*]. Тада надо язык туда пихать в рот. <...> И не мбжет помереть тогда. Тогда фикус ломают, или в потолке одну доску ломают, или что-нибудь делают, чтоб ён помер ба. <...> Фикус поломают, это уже тогда, говорят, чертям работу дают, а тада она помрёт. А ежели работу не дашь, тогда человек не может этот помереть.

В нас одна женщина такая была, что она никак не могла помереть. В ей руки отгнивали, всё гнило: ноги гнили; и никак она помереть не могла, раз она такая была. И ей и потолок ломали, и фикус ломали. И она потом попросила съехать там, подружку ей-ную привезть; она ей всё передала, тада токо померла. <...> Ежели ей уже сильно плохо, тогда она лишь бы кому передаёт. Тогда она хватается где-нибудь за кого, пускай она и не хочет, да она отдаст ей. Вот.

[*А она с чертями связана?*]

...Яна связана с ними, и яна им работу даёт. Тогда ей ничего не делают. А как она уже не в силах, старая, она работу не мбжет

дать им, тогда ань яю колют, и щипают янү, и пихают, и кидают там-ка, подкидывают. <...>

[А таких людей хоронили, как и всех?]

Их так хоронили; але янь тогда сильно пухнут, и язык с рóту выпирает в ей. Ну, хоронили так сáмо, конечно. Ну, люди янү подозревают, по соседству знают; ну, а батюшка ж не знает...

[А после смерти такие люди не вредят?]

А Бог их знает; не говорили, не рассказывали нам ето. <...>

[А с виду он такой, как все?]

Как и все... Он будет хороший! Он в глаза <...> — ой-йя-йя-йя-йя-йя-йя — будет хороший. Так вот, его хоть поругай, а всё равно он, вот, придёт и будет в глáзы хороший, говорить. <...> Вот, живут вместе, то поругаются там-ка — то за курей, то за детей. И если он такой человек, она всё равно должна...; солнышко вот будет закачиваться, она должна к тебе прийти, помириться. <...> Она к тебе полезет сама. Уже в глáзы полезет, как без мыла, говорят, она тебе лезет. Вот. А зá глаза он всё сделает.

409. [Говорят, бывает, что сглазит человека?]

А сглазить — я могу тебя сглазить! Извини, конечно... В меня глаз плохой. Это просто от человека. Как вот есть такие врачи, говорят. Не врачи, а такие всякие, рукам лечат; ну, такой он маёт, гипноз там или кого... Это от человека. Я никогда на маленького ребёнка не гляжу. Он мне не надо. Я и не завидоваю, а поглядела... <...> Я могу раз-два человека сглазить. И скотину, и всё. <...>

Один раз мой [муж] разделся, дрóвы щепáет; такие плечи широкие. А я поглядела и подумала: «Ай, Господи, как всё равно..., ну, как доска, блестячи». Как щепал дрóвы, как скочил. Я думала, с ума сошёл. «А у меня чешутся всё плечи». А тогда я уже догадалася, что я его сглазила. А ён кричит: «Меня чеши! Я не могу жить, мне там чешется». Ну, кого ж чеши? Чеши не чеши... Тогда давай, Бога [икону] мыть, молитву сотворить. Чтòб только на землю не капнуло б. Надо хрест-нахрест стол помыть, иконку помыть и клáмку. И чтòб токо на пол не капало б. И тогда попьёт, помоеся... — и успокоился.

410. Ф. П.: ...Вот, жили мы вместе вот с ним, дом с домом. И один человек... Что в тебя были — кури или вутки?

К. П.: Индыки.

Ф. П.: Индыки были. Один человек прошёл и подумал — и всё, и пропали индыки. Один за одним, один за одним, и всё.

К. П.: Двадцать штук, все как один. На вулицы были загорожены, и он прошёл, ну, и сколько время вышло, я на вулицу — яны все лежат.

Ф. П.: Он и не хочет этого, а вже глаз такой.

411. И раньше людей сглаживали, сглазу. Я тоже болела, чуть не помёрла. А в нас... тут во, на горушке был такой старичок такой. Пришла к нам такая, там, с-под горки суседка и говорит... А мою маму было звать Киптолиной. А яна и говорит: «Ай, Киптолина, твоя Хавронья как стала такая высокая какая, здоровая, какая красивая». Ага... Ну, яна и пошла домой. Я ничего тоже не подумала, и мать не подумала. И я легла спать. А когда лягешь спать — и заспишь уже его [сглаз]. <...> Какхватило меня ночью — и рвота, и, извините за выражение, и понос, всё, нельзя. Тогда отец побег к этому, к деду — тут вот, на горку — принёс воды, политорную баночку наговоривши. Я помылася, попила — и всё, сразу стало легче. <...>

Человек как человек. Обыкновенный, как и вси. А вот, или минута такая попадает. Минута такая естя, что попадает... <...> А уже мамка моя и говорит: <...> «А я, говорит, тоже забыла. Надо было ей помыться. А как, говорит, помоешься водой — тогда, говорит, ничего». Вот...

412. ...Кто на молодикú родивши, тот боится глаза. А у кого плохой глаз, так я не знаю; <...> просто человек такой естя, и у него, говорит, плохой глаз... Вот, моя тётя Ньюша была. От ней что бы ни взяли: или цветы, раньше дома сажали, или там она помидоры давала — ну, что бы ни взяли, ну, красота растёт. Красота! Ну, а у другого возьми — ничего. <...> Вот, я знаю, моя сестра от своей золовки... Говорит, лучше от ней не покупай. Или корову купишь, или там овечку купишь — ну, говорит, долго не надержишь. Она то падёт, то опять какие-то причины. Значит,

в человека такая рука. Или она завистливая. Рождается человек завистливый, ему всё мало, мало, мало...

413. ...Сглазу?.. Ён не хочет [*вредить*], ён такой человек!

Вот, когда вот со́сишь ребёнка и отлучишь его, и яму́ больше не давай [*грудь*]. А другая пожалеет — плачет ребёнок; возьмёт, даст, когда вже яна́ отлучила. И пода́ла — и всё! — этого человека вже бойся. Ён несчастливый; его matka скалечила...

И его после люди все бояться. Вот, он на одного поглядел — ему вреда наделал, на другого поглядел — вреда наделал... Уже его бояться, чтоб или корову там, или скотину... Ён не хочет его сделать. А куда ён денет? Гла́зы есть, ён должен поглядеть. <...> И подивы́тся, что ай, вот, там красивый..., или много там јист, или богатый. Всё — не пойдёт этому человеку. Это природа, его от родителей всё так получается!

Ён человек, как человек. Вот в нас, что я говорила, соседка ета, Романовчиха. А я такая, простая — вот, иди, погляди, там корова, там что... И яна́ не идёт, говорит: «Не пойду». И вот в моёй братовой [*жены брата*], и в ей глаз дурной. Яна и сама не хочет. <...> Тут ягоды — она посадила, и в меня были. Вот, поглядела — всё! В ей есть, в меня нету. Огурцы... Я ей да́ла гряду, и она посадила, <...> в один день садили. В ей — как насыпать, в меня — ничего. Цвятут — и пустые, пустые, пустые. Вот что за чудо!..

И ещё — горазд тот человек боится глаза, который на молодикү рóдится. Вот, родился на молодикү, уже ён будет бояться. На его хто поглядел, хто подумал — и его может..., даже к смерти вёрнет. Да, да... Когда только вот молодичок нарóдится, месяц. «На́уяс» э тот... [*От литовского «naujas» — новый*]. Мой папа был, царство ему небесное! Вот, хто только на его что поглядит — его к смерти вёрнет. Ну, а в нас такой Заяц был, Заяцев Емельян. Ён шептать..., евонов батька вмел. Ну, так ён меня посылает: «Сходи, говорит, к дядьке Амеляну, говорит, ён воды заговорит». Заговорит воды, принесу, он вымоется, попьёт — и всё, отлегло все боли от его... Вот его тоже, и тоже вот лекарство — и от глаза... Иконку надо на стол, на четыре угла, крест-на́крест. <...> Иконочку, и так водицей сполоскать, и етой водицы попить. Попить и помыться — и всё пройдёт.

На четыре угла... Ты иконочку положил вот, после перене- сёшь туда, после туда...; на четыре угла. Ету водицу после... Ну, сумлеваешься там выпить, то помойся. И токо... всё на óтлив, во так во [показывает — сверху вниз проводит ладонями по лицу]. С молитвам... Вниз всё вот так во... И с молитвой. Как вмеешь — и по-литовски, и по-польски, и по-русски... Или корову. Корову глаз поглядел нехороший, корова «брынк!» — кончается. Ре- шето возьмёшь, вот, и с этого..., с рóту на решето янў побрыскай. Корова встанет, как будто и ничего не было...

414. [А как от сглаза отговаривать надо — пока еще не по- здно?]

Ф. П.: Да, да... Вот, узнал уже вот, вялый такой уже он. Сей- час же заговорил водички, сбрызгал их там, смыл — и всё. <...>

[А заговаривать только на воду? Или и на соль можно?]

Ну, на соль, ежели вот корова заболела. Вот это коровы соль; потом этот соль даёшь ему в водú. А нет — хлебушек мочишь, хлебушка коровы даёшь. Вот, а если, примерно, вас сглазили — водички наговорил; выпила, помылася, три раза попила — и всё. А вы знаете, как сгláзу это бывает? До смерти...

[А как заговаривать надо?]

Ф. П.: Фомка, ты помнишь?..

Ф. С.: «Да воскреснет Бог, и разýдутся вразí его. И да бежат от лица его ненавидящие его. Яко исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога. И знáмэнэм, крэстным знáмэнэм; и да возвэсэлится рэку́- ще. Радуйся, крэстэ Господэ́н; помогай мне с Прэ́свято́ю Госпо́- же́ю Богородице́й и со всеми святыми, и всегда — ныне, прýсно и во веки веко́м. Аминь».

И потом:

«Богородице дево, радуйся! Обрадованная Мария, Господь с тобою! Благословенна ты в женах, и благословэн плóда чрэва тво- его. Яко родила́ еси Христа-Спаса, избавителя душáм нашим».

Вот это вот, как сгláзу — вот, первое, а потом вот это... И толь- ко три раза надо. Один и другой по три раза. <...>

[А говорят это громко или шепотом?]

Ну, конечно, шепотом; так же ж вот не буду говорить, как я вам. Потихонечку. Взял баночку с водой; потихонечку, три раза.

[*Это в любом месте можно?*]

В любом месте.

415. [*А от сглаза заговаривали?*]

Да-да... Я сама умею. От глаза я сама умею.

[*А почему человек сглазить может? От зависти?*]

Нет, в человека такой глаз плохой. Может, в такую минуту родился, не в хорошую. Вот, в моей дочки очень глаз плохой. В моего мужа был глаз плохой. Он если посмотрел на ребёнка — ребёнок обязательно будет болеть. Это от человека... <...> Я могу воду заговорить дома, где человек заболевши; я могу туда эту воду снести и там ему дать. Вымыть человека этой водой, сбрызнуть этой водой.

[*А как определить сглаз?*]

Видно, как он заболел, сразу. Можно сразу определить, с чего он заболел...

416. ...Телёночка я была сглазивши сама. Я коровку дою, а он стоит там в уголочке — красивый, толстенький. Тёлочка. Думаю: «В этом году такая тёлочка у нас хорошенькая...» И тогда четвёртый раз пошла я сено подавать; подаю, коровкам подала — гляжу, моя тёлочка лежит с дúши, токо: «А-а!», «А-а!» — аж язык высунувши. Я сразу догадалась. Походила к этой женщине [«шептунье»], она наговорила; помыла — и всё. Минут двадцать прошло — и встала тёлочка, всё нормально... Овечку была сглазивши свою, собственную тоже...

417. [*Могли ли люди корову сглазить?*]

Корову, да... Я вот сама была. Пошли, наняли, ну, позвали. В меня хрёстный батка, а ён был хрёстный отец и попом был. Так ён пришёл: «Клубника горазд спелая, придёшь завтра собирать?» — «Хорошо, папаша, — говорю, — приду». Пошла собирать. Уже замужем была. Пошла... И вот, целый день собирала, ничего было. К вечеру только в глазах затемнелось, стала и рвать,

стало плохо. Чуть до дому дошла, чуть пришла. Пришла и на диван вот так тоже — и «бабах!» на диван. «Бабах!..» Приходит старик: «А тут что ж?» — «Ой, — я говорю, — как мне плохо...» — «Сглазил!» Я говорю: «Не знаю, может, сглазил». Вот, ён сейчас за кружку, за воду; счас кружку наговорил, этой воды, сейчас. Этот вымыл опять стол, потом пришёл — «пух!» на меня этой водой. А я как прыгну, довольно мне ляжать. «Лежи, — говорит, — лежи». Ну и вот, полежала, побрызгал воды. Наверное, раза два глотнула этой воды. Заснула; наутро проснулась — и всё...

Он мог и от гада заговорить, и от сглаза заговорить, и от рожи заговорить...

418. ...А потом ему [тому, кто навёл «порчу»] очень лихо; ён должен к тебе притти и, значит, что-нибудь да взять. Хошь со двора возьмёт соломину.

[Надо не дать?]

Не-не, уже тогда нельзя давать. Вот, бывало... Я уже не знаю: <...> как прошла [мимо соседка], так коза мне молока не даё и лезет, как самосшедшая. Вверх! Задирает ноги и кричит, бьёт, не даёт доиться... Так я, вот, выведу яну, бывало; так, как вам говорю, сделаю, всыплю (см. № 320) — пойду и подою. А яна [соседка] тогда ходе кругом; хошь в огород втисне руку, хошь травинку с огорода, но берёт.

А зато Бог, видишь, как даёт? Ненаказуемый не бывает человек. Не делай зла... Я не делала ничего, только спасала себя. А вот она лежит [больная], а мне Бог дал живой воды... (см. № 6).

419. А после сюда вот как пришли, тоже так самое. Вот эта соседка, что Романовчиха. Ейной глаз дурной; може, яна ничего не делала. <...> Вот, она пришла, поглядела: «Ай-яй-яй, какое молоко! Скоко корова молока даёт». Всё — нет молока! Приходе ейная сынбова [невестка]. Я говорю: «Яденька! Как ты вже женщина хозяйская такая, ты, може, слышала... Что, вот, моей коровке, — говорю, — так и так...» Яна говорит: «Возьми сковороду, молока влей, и пусть кипит. Кто сделал, тот придёт». А яна не подумала, что ёйная свекровка его делала!

Я туты-ка вліла. Я вже не в печку — яна́ мне так сказала; я знала, что и в печку ето... Кипит это молоко; приходит яна́ [*«Романовчиха»*], запышавши: «Цо ты робишь? Что ты, говорит, делаешь?» А я, как дура... Я говорю: «Что, говорю, корова моя сделана?.. Вот, сыно́ва твоя...» Так яна́ чуть не сгрызла ету сыно́ву, начто сказала... Ну, и сделала; правда, вже ничего; но вже не тоё, что было.

Глаз, глаз, глаз... И яна́ мног кому. Яна́ живёт там, на колёнии, так яну́ все проклинали.

И вот, были такие, мног таких было! Такая Егорі́ха бы́ла, тоже вмела всё сделать. И после такой Иса́енок туты-ка, с ейной дочкой гулял. А яво́нова матка не хотела, чтоб ён яну брал. Так яны́ так сделали, чтоб ён яну́ взял ба и не жили. Яны́ жили, как кот с собакой. Говорит: «Не вижу — жалею, сердце, говорит...» Сойдутся, как лягут — бьёт, говорит: «Ненавижу, всё..», отворачивается.

После уже к таким шептунáм отослали. Ён молоко не ел. <...> К тётке, Лисовской. <...> Отослали его туда, чтоб там отделали. Ён поехал. Яны́ молоко ему отделявали; <...> то ён сам рассказывал.

Одны сделали, другие отделали, и ён такой сумаспешший сделался. <...> После сойшлись, поехали в город...; уже дети нажитые, всё... Ево́нова матка хочет, чтоб яны́ жили уже — не получается. Поехали в город муки купить, там ишшо... В один мага́зин зайшли, в другой мага́зин зайшли, там в третий. И яна́ зайшла — а его нигде нету. Выходит; вже куда ён пошёл — народу кругом! А ён завалился вже, неживой... Колдо́вание ето так делало! Заговёр.

...Как война была, ён патрулём, каким был. И его на фронт, а семью вывезли, в Расею... А ён после с солдатов пришёл сюда. Всё хорошо, и жили, ещё ребёнка... После ён там какую-то мел. Прислала письмо; <...> такую вот четырёхконча́стую, чёрная. А на етом чёрном, там не письмо, а гроб; нарисова́нный, а в конверт положено. Письмо написанное, что токо передайте етому Васе. Може, и его повредило больше. А яны́ развернули, поглядели — јим надо было сжечь, <...> а яны́ развернули, посмотрели и ему пода́ли. И вот от так у јих пошло, пошло, пошло, и ён на тот свет пошёл. <...> И после етого письма ён и погиб.

420 ...У моей братовы... Поросёночек ходил, а сосед пришёл, говорит: «Ой, какой хороший, и крупы жист!» Ён только через двери — поросёночек дрыг-дрыг! — готов. Он вумер, нема его.

[И на человека так же может?]

И на человека так, переворачивает. Это считается «сглаза». <...> Просто такой глаз. Вот, у моего брата двоюродного такой глаз... Ну, у моей мамы зарезали поросёнка. Зарезали, лежал; кров[б] идёт, всё... Он пришёл, поглядел на него — поросёнок встал и пошёл. Понимаете? Кров[б] валится с поросёнка, а он ходит. Это глаз такой, нехороший. У моего двоюродного брата даже, а не какого там чужого...

421. ...Чтоб спасть, да, уберечь? От сглазу можно, значит, взять решето, полить водой и сбрызнуть. Потом от сглазу делают так. Хрест-нахрест смывают стол и етой водичкой тоже обрызгивают...

422. Глаз... Я так не очень и верю. Бывает, кто позавидует, кто там что — и заболеешь. Тошнота надойдёт и рвота — всё это считают, что это сглазу. Шепчут многие; особенно детям. Только вот так: «Тьфу-тьфу-тьфу!» плевали, ребёночка клали спать. <...> Вот так слёнкой мазали... <...>

[А в хлеву ничего не держали от сглаза?]

Говорят, что бабки, которые вот знают, которые молока много ма́ют — там, шепчут, отнимают... Говорят, на постного Ивана, — в нас бывает седьмого июля постный Иван. Давней всё ворожи́ли на постного Ивана. Кладём в дверях деда колючего, тогда, говорят, не пристаёт. И всё много в которых с постного Ивана коровки портились. Бабки отнимали [молоко], которые знали.

[А «дед колючий» — это трава такая?]

Ага... Такой ко́лкий дед; трава такая — ко́лкий дед.

10. НЕЖИТЬ И НЕЧИСТАЯ СИЛА

Цикл поверий и сказаний о нежити и нечистой силе — один из самых значительных по объему; к нему примыкают некоторые сюжеты, повествующие о наказании грешников, о «ходячих» покойниках, о колдунах и заклятых кладах (см. разделы 2, 5, 8 и 11). Однако в произведениях данной рубрики нет обычной для народной мифологии четкости и определенности — контуры персонажей размыты, их функции и атрибуты часто смешиваются. По записям 1960–90-х годов явственно просматривается тенденция к обеднению мифологического «пантеона», вытеснению и замещению духов жилища и природы чертом. Выдвигаясь на первый план, этот образ становится универсальным, обобщенным воплощением мирового зла. Даже об умерших родственниках, досаждающих живым своими нежелательными визитами, иногда говорят, что это — черт, принявший облик покойника.

Из духов, обитающих в избе и в хозяйственных постройках, наши информаторы помнят только домового. В большинстве регионов России это — безобидное, даже полезное существо; не столько «хозяин» жилища, сколько покровитель семьи; во многих текстах сохраняются очевидные рудименты культа предков. При переезде в новую избу было принято приглашать с собой домового; если этого не делали, он тосковал и буйствовал. Домовой не боится креста и крестного знамения, ладана и пения петуха; в отличие от ряда других мифических существ у него нет рогов и копыт. А главное — он заботится о своих «подопечных», предупреждает их о надвигающейся опасности, никогда не вредит людям; в худшем случае по-отечески наказывает нарушителей «правил общежития».

В Литве картина принципиально иная. Сюжетных рассказов о домовом практически не сохранилось; в основном описываются его внешний вид и некоторые характерные действия. *«Который дома чёрт, то домовик»*, — убежденно заявила одна из исполнительниц. Его появление в жилище людей она объяснила тем, что избу построили на том месте, где сидел *«домовик, или, как говорят, нечистый дух»*. Домовой похож на человека, но увидеть его можно только случайно. Зато слышат его часто — по ночам домовой топает и гремит посудой. Нрав у него довольно крутой: если полюбит хозяина — в доме будет достаток, а *«не понравит»* — не миновать разорения. Чтобы умиловить *«домовика»*, по вечерам ему оставляли еду. Зафикси-

рованы в Литве и другие типовые представления об этом мифическом существе. Иногда домовый подкармливает скот, по ночам ездит на лошадях. Но рассказчики не связывают это с любовью «хозяина» к животным определенной масти и желанием «заездить» неугодных ему лошадей. Домовый замещает не только «дворового», «гуменника», «овинного», но и «баенника», что не свойственно русской традиции. (Баня обычно строится за пределами усадьбы, на берегу реки, озера или возле «сáжалки» — небольшого искусственного пруда.) В одной из быличек именно домовый затаскивает на горячие камни тех, кто моется в бане после захода солнца.

С верой в существование «хозяина» бани (а то и целого семейства «баенных») связано происхождение обычая оставлять после мытья кусочек мыла и немного горячей воды; кое-где его соблюдают до сих пор. Воде из банного котла приписывается особая целебная сила (см. № 327). Одна из рассказчиц сообщила, что ее сестре, допоздна замешкавшейся в бане, приснилась женщина и отчитала ее за задержку: «...И мы хотим помыться». В описании внешности мифического существа использованы архаичные детали («страшная, толстая, с одним глазом»), но сам «баенник» (или «обдериха») в быличке не упоминается.

В мифологических сказаниях баня часто осознается как место скопления чертей; она мерещится людям, по неосторожности оказавшимся во власти «бесов», в нее заманивает возвратившегося из армии парня его бывшая невеста, покончившая с собой (см. № 221). Баня была также одним из мест, где девушки во время зимних святок устраивали «черные» гадания, то есть сознательно шли на прямые контакты с нечистой силой.

Из других персонажей народной мифологии наши информаторы более или менее четко представляют себе только лешего («лешака»). Самый популярный мотив — леший «водит» людей в знакомом лесу; приняв облик человека, отправляет путников по заведомо неверной дороге. «Хозяина леса» еще чаще путают с чертом. К его имени прикрепился популярный сюжет о находчивой девушке, которая избавляется от опасного кавалера, написав на клети слово «завтра» — в конце концов ему надоедает приходиться на свидания и он оставляет ее в покое. Леший (а не бес или «ходячий» покойник) в полдень «показывается» на кладбище.

Настойчивые расспросы собирателей о водяном не дали никаких результатов. (Заметим, что в литовском фольклоре этот мифический персонаж тоже отсутствует.) Лишь в одном тексте по косвенным признакам можно опознать «хозяина» озёр, сетующего на

то, что одно из них он, видимо, проиграл в карты. Зато черт фигурирует чуть ли не в каждом втором сюжетном рассказе, и называют его самыми разными именами («бес», «чёрный», «дукавый», «враг», «нечистик», «недобрый», «шут», «шишкó», «шашóк», «Арахта кривой»). Черти проникают во все области человеческой деятельности; в их образах переплетаются христианские и языческие представления. В отличие от волшебных сказок в быличках они никогда не помогают людям, даже временно не становятся их союзниками. Кознями бесов народная молва объясняет многие видения и слуховые галлюцинации, они «водят» и «страшат» людей, провоцируют их на прегрешения, толкают на самоубийство. Некоторые болезни объясняют тем, что «чёрный», «самый главный сатана наступивши был тебе на ноги». Чтобы замаскироваться, черти прибегают к оборотничеству — появляются в виде козленка, мальчика, гостеприимных хозяев бани-миража; принимают облик кого-нибудь из близких родственников. Опознают их по каким-либо «бесовским» атрибутам или явным аномалиям в поведении (у незнакомых парней, пришедших на деревенские посиделки, замечают хвосты; отец, неожиданно появившийся в избе, вылезает через трубу и т. п.). Широко бытует представление о том, что чаще всего люди попадают во власть нечистой силы, когда нарушают какие-то религиозные запреты, важные правила общественного и семейного этикета, совершают или хотя бы мысленно разрешают себе нечестивые поступки.

Черти обитают рядом с людьми, но словно в ином измерении; они становятся видимыми только тогда, когда сами того пожелают. Иногда возможность увидеть «бесей» объясняют применением особых магических способов и средств (надо смотреть через хомут или через левое ухо «волховита» — №№ 395, 403) или тем, что сам чертенок оказывается в запретном для него месте (подробный рассказ В. Горшановой о том, как она в детстве видела черта, бежавшего вверх-вниз под иконой). Как правило, «нечистый» показывается одному человеку, другие не замечают ничего необычного. Подобные мотивы встречаются и в сказаниях о леших, домовых, но там они сохранились в затемненном, редуцированном виде. В быличках о чертях просматривается четкая система воззрений: бесы живут в ином, параллельном мире, который «открывается» перед людьми лишь в исключительных случаях. Достаточно ступить на невидимую «бёсову стегу́», «чёрта дорогу» — и начнутся всевозможные видения и «страхи». Вполне вероятно, что с такими поверьями связаны многочисленные рассказы о том, как человека «водит» в знакомом лесу, иногда рядом с домом. Он не может правильно сориентироваться,

потому что на время оказывается в ином, «бесовском» мире, где все выглядит по-другому. Впрочем, это может быть и мир мертвых — во многих текстах черти доставляют людям неприятности на месте заброшенных кладбищ и одиночных могил или там, где произошел несчастный случай, кто-то покончил с собой, и т. п.

423. [*На вопрос о домовом Д. П. ответил:*]

Рассказывали... Его некоторые видели. Наподобие он человека, но он..., но он быстро исчезал. Ну, просто невидимое такое существо. Он, значит, в каждом доме есть, особенно в хлевах, где скот. Вот, если ему понравится скот — лошадь там — он ану, от другой отымет, подкармливает, подглаживает, всё такое. А если он не полюбит — значит, худает скотина, худает. Рассказывали, некоторые открывали ахлева — знаете, это было в старину, не сейчас. <...> Он покажется тебе, как наподобие как работник там, чё-нибудь покажется. <...>

[*Знакомое лицо или незнакомое?*]

Он покажется совсем чужим, которого ты, может, видел и не видел. По-разному показывается.

424. Домовой... <...> Говорят, в каждом доме есть домовый. Как это рассказывала Поля, надо ему ложить кого-то, чтобы кушать что. Чтобы ён не сердился, домовый.

[*А что он любит, куда ложить надо?*]

Не знаю, я такое не знаю. Она говорит, смеётся: «Может, ты не слышишь?» Ну, другой раз — я ж одна живу — топает кто-то, ходит. А кто топает, кто ходит?.. Я не отзываюсь, ничего не говорю. Говорят, надо спрашивать, тогда ён отзовется.

425. [*А про лешего ничего не рассказывали?*]

Ну, как-то раньше <...> говорили, что вот там вот слышала я, кто-то сегодня мычал — наверно, там лучший живёт...

[*А про домовых слышали?*]

Ну вот, были раньше такие разговоры, что, мол, вой, там что-то причудилось, вот. В бане особенно бывало. Что говорят: «Ой,

наверно, там домовой живёт». Что, мол, тазики были обёрнутые. <...> А там, может, они и забыли их обернуть. <...> Потом ещё говорили, что <...> если солнце закатилось, значит, не ходи в баню, а то домовой затянет тебя на камни, на горячие. Как солнце закатилось, <...> там уже домовой ходит в бане.

[А коней домовые не угоняли?]

Ну, было таких разговоров. Утром прихожу — ой, лошадь уставшая; то, по-настоящему, домовой ездил на лошадке. Очень конь усталый весь уже — кто-то на нем там уже ездил. Значит, домовой...

426. Который дома чёрт, то домовик. Бывало, ежели дом поставят, то люди мусили *[должны были]* уйти, дом мусили кинуть и другой ставить; говорят, домовик не даёт жить. Он кого не понравит, там хозяина или хозяйку, он заездит, домовик. С ночи она вся впотевши, вся она мокрая, и говорят: «Домовик заездил».

[А откуда берутся домовики, когда дом строят?]

Может быть, нападёшь на евоное место, где там сидит домовик, или, как говорят, нечистый дух. Строить начнёшь, а може, он там сидит под камнем, чёрт его знает. <...> Бывает, и нравится. Говорят: «Вот тут домовик любит хозяина, всё поднимается, богатеет». Если домовик любит хозяина, убытку нет.

427. ...Водит, вправду. Орехи собиравши, вправду было. Как ещё я жила там, на своей родине, и там орехов много горазд в лесу было. Пошла я одна, без сестёр, одна так сбегла в лес, порвать. И куды ни иду — всё на тоё самое место. Давала, давала ходить. После сдумала на край, на самый берег — тогда только выбегла с леса. А так — обойду, обойду, всё на это самое место...

[А не говорили, кто это водит?]

Ну, так кто? Мы считаем, что ляшак. А кто больше водит?

428. Один парень ухаживал за девушкой. И сказала: «Ты приходи, говорит, в клеть, я тебя буду там ждать». — «Хорошо, говорит, приду...» Говорит: «Будет надпись написана, и ты, гово-

рит, придёшь и узнаешь точно, когда». И она написала и спряталась. Вот, приходит он, а на двери написано: «Завтра». Ну, хорошо. Приходит — и опять написано: «Завтра». Он уже ходил, ходил; ему надоело, он так и оставил. А потом уже узнала, что это не парень, а это леший приходил.

429. ...Умер человек, и пришли ему заране могилу копать. Видят — лежит, человек там лежит. Живой, борода большая, рыжая. Анё ходили, ходили кругом его — видят, какой-то в шубе лежит человек. Вот, анё скоренько — одни остались каравулить его, а другие побегли за попами, чтобы поглядеть, что за один такой. Пока тыи туда пошли, а етот каравулил его и не видал, куда он делся. Осталось только место тоё, где ён лежал, где голова лежала.

Так вот, видишь, одни говорят, что это мошши святые, а я думаю, что это леший показался им просто, и всё. В самых двенадцать часов днём леший на кладбище всегда показывается. Так она со мной спорит, что это святые мошши были. А я говорю, святые мошши не спугались бы попов, это леший попов спугался. Вот вам всё — и загадка, и разгадка.

430. ...Иду рыбу удить. Смотрю, там камень — и теперь есть, там Морозов живёт. Смотрю — сидит. Кто такой — человек, не человек — и сапоги шьёт, аж дратва визжит. И песню поёт:

«Чичи́ри, Уви́ли и Кумпо́ли — то мби,
А Суве́ки, Суве́ки пропали навеки».

Я думаю — ну, что за холера! Сапоги только шьёт, и только дратва визжит.

[Смысл рассказа в том, что хозяин озер проиграл одно из них в карты. «Чичи́рис», «Авиля́й», «Кумпу́бляй» и «Сувекас» — названия озер в Зарасайском районе.]

431. ...А я всем детям пишу, у меня детей целый полк: «Ходят беды по людям». Каждому на нос наживаю, что не идите

в Зарасайское озеро — Зарасайское озеро прожорливое... Говорят, Зарасайское озеро ни за что не замёрзнет, жертвы ждёт — хотя ворону бросить дохлую надо. Поэтому там тонут часто. Не становится [лед] и всё — надо или собаку, или ворону вбросить. <...> И про озеро Устас говорят, что оно не хочет замерзать, покамест кто не утонет...

432. БЫла в хозяина сестра моя, значит, в работницах. Они с хозяйкой были в байне. А хозяйка — наверное, что-нибудь ей при звездилось, там, что стирает такое в бане. А хозяйка: «Скорей, скорей, не надо стирать!» Ну, и пошла сестра полоскать; вышла из бани хозяйка, стоит там, а сестра полощет. Сажалка [небольшой пруд] коло бани. Как хлопнет дверями; сестра спрашивает: «Что тут такое? В баню вошёл кто-то». Хозяйка говорит: «Не пугайся, это пошёл хозяин в кладовую, значит, стукнул». А потом сестры соснилось ночью, что такая женщина пришла страшная, толстая, с одним глазом и говорит: «Что же вы так долго моетесь? Ведь не одны вы хочете помыться, и мы хотим помыться». Так. Пугало раньше, да...

[А кто приходил в баню?]

Шишкó. «Шишкó» назвали нечистый дух этот.

433. ...У нас такие в Штакáльне [в Аукштакальнисе] тут во были. И тоже были такие люди. Что, говорит, заговорят. Ну, говорит, ноги..., обнемели ноги. Пойдут, масла наговорят — и ноги отходили. А, говорит, к тебе на ноги наступивши был чёрный. Чёрный был... Это «чёрный» — это беси, это сатана. Говорит: «Самый главный сатана наступивши был тебе на ноги».

[А его не видно?]

Да где ж его ты видишь? Ты его не видишь, что ты — не знаешь? Их полки́ полкám, много их есть. Да...

434. Как уже лошадей пасли. Вдвоём пасли. Ну, это называется «очередь» — то ваша, то моя. И вдвоём, вот. «Ну, говорит, ты,

Микифор, посторожи, а я, говорит, маленько прилягу. А после я, а ты, говорит, отдохнёшь...» <...> Это Санька. <...> Лёг, говорит; токо, говорит, стал дремать, как хватит кто-то меня. Гляжу, нету; думал, что Микифор пострашил — нет, говорит, никого. Оглянулся, ай, обратно скрючился. Ну, а знаете — ночь, он уже смучился, спать охота. И обратно, второй раз как дергануло; уже ён не лёг. Пришёл к этому Микифору и говорит: «Знаешь, говорит, что? Меня, говорит; <...> лёг, а меня как торганёт — раз! Я, говорит, и так, и так; думал, что ты. Обратно, говорит, лёг — обратно. <...> Боюсь таперь, пришёл к тебе». — «Ну, говорит, что ты!» Не верит. «Ну, иди, ляг, где я лежал».

Ну, и пошёл ён, лёг, это испытать. Токо стал дремать — и его как хватит! И как его вжехватило, ён от первого разу побег. «Санька, Санька, где ты?» А тот хохочет: «Что!.. Знаешь, говорит, это бёсова стегá. Это, говорит, чёрт тут ходит». А ён тоже от старых слышавши — от родителей или там от людей, что это, где чёрт ходит, на ево́ну стегу́ лягешь, ён не даст тебе...

Ну, так после уже знали место — это чёртова, бёсова стегá, и уже не стали тамы-ка. И ничего, говорит.

[При первом исполнении Г. Е. говорила, что бес «голосом» крикнул: «Что ты на мою дорогу ложишься?»]

435. [А не «водило» вас в лесу?]

Если скот не сбунту́ешь, то за скотом выйдешь. Скажешь: «Домой, домой!» — и оны пошли, пошли; и придёшь за ним. <...> Это сам заблудит человек, нигде там я не считаю «водит». Но, говорят, что «водит». Туты-ка, как в Новотребах жили, так там говорили такое место — там, говорит, «водит». Как кто идёт, или выпивши — и повёл с дороги его, по кустам где. А ну, признавали токо, что вроде чёрта дорога. А там яны́ есть черти или нет?..

436. Наш папа ишёл от деда этого, Арифёя. Мальчишка выскочил и бегит вперёд его. И пришёл, под крышу захватился и, говорит, крутится. Говорит [отец]: «Ну, а тебя беси, чего ты тут крутишься?» И пропал. Когда заругаешься — бес уходит. Это значит, он тебя смустил уже. Он радуется. Зато [потому] и гово-

рят — за святым двенадцать бёсей ходит, уже смущают, чтоб как-нибудь смустить, чтоб ён согрешил.

437. Ну, что про чертёв... Я сама про себя расскажу. Мне, наверно, было лет шесть, потому что я ещё не ходила в школу. И там мы были в соседях, вечером. При свете — а раньше свет был лампы. Так мы сидим; они в другой комнате там собравши, молодёжь. А я сидела здесь одна. А у их так в углу стояла икона. То так, с низа до иконы, сантиметров двадцать не добегаёт. Это уж, и умирать буду, уже это тоже могу сказать, что было — я сама видела...

[А как он выглядел?]

Вот такой вот ростом, маленький [показывает рукой над полом — сантиметров 35–40], чёрный-чёрный весь; рожки, тоже такие маленькие; ушки. Копыты — задние не видела, не буду врать; а он ходил на задних ногах; — токо передние — так как в коровы, коровьи копыта. Хвост такой, и с кисточкой, на конце кисточка такая... То вверх, то вниз вот так вот бегал.

Я начала кричать: «Идите, посмотрите, какое чудо!» Я говорю: «Бегите, смотрите, что я вижу!» Они пришли, смотрят — я вижу, они не видют... Вот это интересно — они не видят ништо, смеются с меня — ты, говорит, може, рехну́лась... Походил вот так вот, по стенке навко́сь, и ушёл.

438. Это мама моя рассказывала, с ней было. Папа мой был на работы, а она ожидала, что придёт папка домой. Она уже легла спать, слышит — пришёл папка. Разуваётся; сапог один разул, бросил, другой. Сел на такой сундучок, так только брязгат клямышком. Ну, и мама и заснула, дальше не слыхала как. А папина сестра, тётя моя, эта не заснула, эта слыхала. Тогда разулся, подошёл — такая висит рукомойка железная; как начал брязгать, будто как железом по этому. Брязгал, брязгал, потом слез через кровать; ноги тут, где спала мама; через эты ноги, и в трубу влез и ушёл. Это чёрт, значит. Точно-точно это было. Моя мама не врёт.

439. Вот, теперь человек идёт пьяный; може, не пьяный. Старик, а може, молодой ещё. И зашёл, говорит, человек, встретили его: «Ай! (там, дядюшка, или как там), пойдём с нами!» Ну, вот, повели его. «Пойдём, говорят, к нам, на печку залезешь, погреешься; тепло, добро будет». А зима, говорит, морозы-трескунь. Вот, оны его завели, он разулся. Не пьяный, говорит, ничего. Печка. Да, печка. Разулся, говорит, положил всё, лёг. На камень — он утром на камне, скоченёвши и неживой, на камне. Пришла там дочка, там дети — и неживой.

440. Тут Федя... Ён и грамот...; не то грамотный, а умный человек такой; не любил ни обговорить никого, ни соврать, ни вворовать. Говорит, иду через мост — «Плесь-плесь-плесь!», и говорит: «Вытянь меня! Вытянь меня!» Я, говорит, и так погляжу, и так погляжу. «Ну, как я тебя вытяну? Я, говорит, не вижу». А ён одно кричит — и мужинский голос: «Вытянь меня!» — и всё. Говорит, я тогда понял, что это нечистая сила; снял шапку, перекрестился — и не стал ён кричать. Пришёл домой, рассказывал. Много кому рассказывал...

441. Собирались раньше, как называли, вечера. Лампы с лучины даже, пряли. Собрались, говорит, приходят парни к нам — ну, до чего красивые все! Так скамейка стоит, мы сидим, прядём. <...> А одна девушка сидела, сидела, потом, говорит — «чхи!» — она увидела хвосты. И, значит, они долго сидели, до двух часов. А оне с двенадцати часов до трёх часов ходят. Ничего плохого не сделали, говорит. Они уже много раз — придут слушать, как мы песни поём; ну до чего красивые; они обратившись уже в человека, а хвосты вот не могли спрятать. И не верили другие девушки. А эта заболела девушка — сохла, и сохла, и сохла, а потом померла. Молодая была.

Ха-ха-ха! Чёрт ведёт? Это бывает... Может, какое-то в человеке что-то в голове, может, что-нибудь. И вот, бывает, заблуждаешься. И вот ходит; знакомый лес, и вот, ходит, ходит — и опять на это место приходит. Блудит. Так всё говорят: это чёрт водил его.

443. ...Мама рассказывала, как её девушка водила; всю ночь проводила. Вот здесь во; вот, как вы проходили, вот, на горке, за канавкой здесь, лесок. <...> Ну, здесь были когда-то кладбища японские. <...> Она была в соседки пошёдцы, идёт домой, а сама говорит: «Иду, иду — и обратно коло этой соседки. Обойду, говорит, придёт сюда, на горку. Как ни посмотрю, говорит, — обратно меня... Вижу, говорит, девушка красивая, в розовом платье, говорит; красивая, молодая...» И всю ночь проводила, до солнца восхода. Пришла домой уже утром.

444. [*Не говорили, что кто-то «водит» в лесу?*]

Да... Меня раз водило, да. Приду в это место — не узнаю! Сосед там коло леса жил; ну, не узнаю его эту постройку, и всё... <...> Пойду в лес, хожу-хожу — обратно на это место приду, и обратно не узнаю. Пошла аж на тот бок, там вышла. <...>

[*А кто там водит?*]

Вот, глум какой-то в голову придёт; приходишь на это самое место, знакомое, и ты его не признаёшь. Стоишь, как болван; не знаешь, что это за местность. И ходишь, ходишь — никак выйти не можешь с этого берега*.

[*А вот «водит» — это место такое?*]

Или место такое, или, может, там какие покойники закопанные бывши, или что...

[**В местном говоре одно из значений слова «берег» — сторона, край.*]

445. [*А в знакомом лесу не теряли дорогу?*]

Бывало... Потеряешь [дорогу]; и знакомый лес — и то водит. Говорили, что черти водят. Потом тут естя Савичуны таки, так

было, что ночью едет, в такие часы, там кто-то — то чёрт показывается, то идёт какой-то тень с ним разом.

[А в какие часы?]

А в двенадцать, там в два ночи...

Было в нас; вот тут-ка, где евреи расстрелянные, так там такое место; так все говорили — там, ну, пугают. <...> А потом ещё такой Завадской был; ну, я помню тоже, мальчуган был. Он охотник был; пошёл с собакой. Что-то собака начала там баловаться, ён янў хотел отогнать; ружьё, сам застрелился. Так вот тоже всегда привиждение, даже и теперь рассказывают, что привиждение бывает. Ночам, какое время идёт; вот тут, в Балттришки.

446. [Вас в лесу не «водило»?]

Нет, не приходилось... <...> Никто не водит! Это просто в человека отключается что-то в мозгах. <...> Это так говорят, что черти водят, и то, и то... <...> В молодых-то это не было, никто не водил; а к старости нас уже «водит». Это мы сами себя водим. <...>

Вот, как кладбище в Миндўсях там естя, так там точно. Там вот идёшь, и потом сэади за тобой — «Топ-топ-топ-топ!» Оглянешься — никого нету. Опять, только начнёшь идти — опять кто-то за тобой идёт. Там-ка вот были кладбища, а теперь кладбища эти разбили. Вот там действительно пугает. <...> То идёшь, как на лошадях кто-то едет; токо «дрын-дрын!» колёсы. Посмотришь — никого нет. Опять как там начнёшь идти — опять едет на колёсах. Это бывает. <...> Ну, потому что там кладбища уже запущенные, никто на них не приходит; а все-таки человек-то сгнивает, а душа есть живая. Вот, душа эта и требует, чтоб кто-то пришёл бы, запугивает... Там теперь земляники собирают, чернику собирают. Кладбища нет, но пугать пугает. Это бывает такое.

447. Бывает такой шашкó; не шашкó, а шут. <...> Мне и самой так было. Мы уже жили в Салóках, я пошла со своей с кумой в лес за дровам. Охапку дров навязали и несём домой их и говорим: «Завтра сюды приедем за дровам». Вот, мы дрóвы подняли, ходили-ходили по болотам, и какой-то мужчина такой — грубый, как вам сказать, «толстой» по-старинному — куёт молотком. Мы

спросили в этого мужчины: «Где это дорога, нам выйти с лесу?» А он нам отвечает: «Вирзówka там, Березówka там». А там были лúны и болота, недалёко тут есть, вóзерко маленькое. Ну, ён нам так сказал, мы и пошли. Вышли на большак с этой женщиной. Это — може, пятнадцать лет, а може, десять. Это правда было. Мы не пошли к Салóкам, а пошли к Дрябишкам, к Зарáсам с дровáм с этим. Встречает нас девочка и пытается: «Тёти, куда вы идёте?» А мы отвечаем: «Мы идём дсмой, в Салóки, несём дрóвь». — «Вы не в Салóки идётё, а вы идётё в Дрябишки, в Зарáсь». Мы девочке поспасибовали, повернулися и пошли в Салóки. Так вот, это нам было привиждение, там никого не было. Мы пошли в двенадцать часов дня, а пришли вечером поздно.

448. А ещё я над вечер, вышла доить с солнышком. <...> Я дою, дою корову, мне как-то невзамётке. Коров всих подоила, уже темнеет. А ён будто всё едет <...> на этом рыжем коню. Едет-едет всё; отвернуся — всё едет, чуть маленько подаётся. После ужo я не стала каравулить. Скорей схватила, стала перевязывать [корову] и пойду домой. Уже всё сделала, иду домой. Так на скотину отвернулася — едет король. Такой высокий конь! Туды-ка наложено, на гриву, обрётъ такая красивая. Шапка вот такая. Уже темновато, темно, але я всё могу приметить. Едет; а дожидаю — что это такое естя? Подъехал ближе; уже не едет, а конь в его нá дыбью вот так вот стал — высóко-высóко. Тогда я что — молитву сотворила. Почувствовала, что это мне чудётся. И пошла я домой.

[А король пропал?]

Не, я не отвернулася. Молитву сотворила — как пошла, так пошла. В меня хрест есть, меня никто не тронет.

449. Дядька Костюк, мамин отчим, с поля шёл; ну, он уже заморился. И вот ему говорят [из бани]: «Зайди, говорит, отдохни, дедушка! Отдохни — вот и баенка стоплена. Говорит, разувайся, мы тебе портяночки посушим». Ну, что, говорит: я разулся, портяночки вешаю, как и нужно в байны, говорит. Проснулся — на камнях портянки, и ноги в воды, и река. <...> А так [портянки] будто на кáменке [в бане], а проснулся — вже на камнях...

450. Дядя Василий шёл с солдат, домой возвращался. Вот, раньше пешком ходили. Вот, назывался город [Зарасай] Ново-Александровск. <...> Подходит он, где Швентойи ёстя, река. И вот так идёт он косогорчиком. Ну, идёт он один. Смотрю — сравнялся со мной, рядом. Я иду одной стороной, а он другой идёт. Я одной, а он другой... Шли, шли мы с ним, шли, шли. Тогда, говорит, взял он шапку и, говорит, надел на палочку. «Я, говорит, не один, мы вдвоём!» А он ему отвечает: «И я не один, и мы вдвоём». Смотрит — токо как тень такая идёт. И вот, ишёл, ишёл он; дошёл до мостика и тогда, говорит, токо в воду: «Булд́а-а-аж!» Упал в воду, смотрю — больше тени этой нету. И токо такой слышался голос: «Пок-пок-пок-пб́-о-ок!..» Это я помню, он рассказывал. А я ничего не боюсь...

451. Как рассказывал папа мой. Значит, ехали с базара. Ехали с базара, ну и, значит, смотрют — козлёнок бежит. Перед д́ождем, такая гроза начинается. Вот, оне сзади за этим козлёнком. А он — дальше и дальше, дальше и дальше...; отводит их. Тогда оне видят — что такое?.. — заблудятся. Ага... Эта женщина отворачивается, говорит: «Знаешь, старик? Тут не козлёнок, а чартёнок!» Тогда он: «Ха-ха-ха-ха-ха! Хорошо, догадались; вот и хорошо!» Приходят обратно к этой повозке, а там большие, большущие камни, в телеге оказываются, вложенные. Они ети камни еле-еле вывернули. Какие были фокусы разные...

452. С черт́ами много где встречаются. На кладбищах... Большой частью после заката солнца, до двенадцати часов... Вот здесь вот, вы проходили, около нас. Вот здесь очень часто пугали. Даже мою мамку женщина водила; несколько раз водила женщина.

[А как это — «водила»?]

Ну так, не может домой попасть. Вот, идёт от соседки, и вот, выходит отсюда, говорит, красивая молодая женщина — волосы длинные и платье красивое, говорит, голубое одетое, до земли. Ну, и...; мамка придёт, уже, говорит, домой приду — нет, смотрю,

обратно у соседки. Так, говорит, постою, постою, молитву сотворю. И пока до тоёго времени, говорит, всё равно не пропустит.

453. ...Вот, эту нашу — были в деревне? — церкву; вот, янў строили, я ещё помню. А мы так недалеко жили и так смотрели, как эту церковь строили. Ну, так говорили, что кто-то...; ну, как нечистая сила, как бёси пугали. Ну, так батюшка наш, бывало, рано — Бахов был — рано встаёт и приходит в молённу. И Симán был, ён пономарём был. Ну, то етот Симán как-то заспался, а поп и говорит: «Ай, думает, не буду его будить! Полезу сам...» Лез звонить. А раньше звонили; таперь так звона его не слышно, нет кому. Ну, и лез, говорит; его как хватили черти — и давай давать! <...> Ён как перепугался, и тут петухи запели. «Во, говорит, счастье твоё», — так сказал по-человечески. — «Это счастье твоё...»

454. Ну, один раз тоже шла я к своей сестры. Там такие тоже езёрочка, кустики, канава. И ишла. Ну, уже поздно, часов в одиннадцать. Вижу... А такой большой-большой туман, большущий туман какой-то. И в этот туман я вошла. Вошла в туман, в самую середину, и стёжка такая. И как-то мне тёмно-тёмно, темнота. На меня напала какая-то темнота, будто меня кто накрыл. И всех святых собрала, и молилася. <...> Ну, мне все святые не помогли. А сидеть, ты знаешь, как холодно. Там холодно. Тогда я перекрестилася знаменем Христовым. Как перекрестилася — туману нет, стёжка, ветерок. <...> Видишь, как там было; янў меня накрыли. А, может, на мне креста не было. <...>

[А как вы думаете, что там могло быть?]

Что там могло быть? Ну, сама знаешь, что там могло быть — чёрный; эти, как его — черти. Яны меня накрыли. <...> Я уже думала, можа, они затянут меня в езерко, может, в какую канаву. Говорили, что они там пугают...

455. Видите, что раньше и страшили... Пошли вот туты-ка, Леткяшки, во... В нас не было телевизора. И ребята пошли к со-

седам там. «Мама, приди нас встретить! Вот, в первом часу его уже страшно; приди», — говорит. А им скоко раз показывалося, всё страшило — то заплачет ребёнок, то, говорит, какой кот бегит... Ну, и я пошла. Месяц светит... А тут вот б́ыло пастбище, ко́ней пасли. Чистое-чистое поле. Иду, а так коло меня токо «Вс-сь!», кто-то так пробег, чёрный, сюда. Думаю, ежели заяц — так зайца ввижу, побегит сюда; или собака — всё равно ввижу, как месяц светит, тихо так. Никого... Дальше подхожу, так «Вш-ш-шь!» — ветер. Я маленько и вжахну́лась. Я смелая, я не боюсь никого! Но туты-ка вжахну́лася. Пришла и рассказываю им — так и так...

А после этот Полшевский — вот, ён таперь живёт ещё, але слабенкий... — копал склеп, и поздно. <...> Говорит, копаю. За шумит ветер. «Ах, чёрт, что же тут такое?» Говорит, как едет <...> человек прямо, на етом, на белом коню, на полёте через етот сирень. И ён, говорит, спугался и пошёл... И второй раз, говорит, и третий. Не мог копать. Наня́л человека, и человек етот выкопал, Володя — вже ён помёрши. А тот [второй] — днём. Ночью нельзя копать. Ён не давал, нечистая сила не давал копать.

456. Кузнец знался с чёртом, чёрт его и спортил.

457. Вот, когда мног народу — вдвух там, втрёх, вчетырёх — и бес не страшит. А почему, я рассудить не могу.

458. Звезда валится — надо какую молитву проговорить. Я не могла, забыла эту молитву. А скоко раз видела, как эта валилася звезда. И надо вот, как она валится, видишь, ну, какую — не помню, какую молитву. Тогда не будешь ни бояться [*чертей, привидений*], ничего; и никто тебе не буде показываться. Не знаю..., вот, помнила; забыла, какая молитва...

11. СКАЗАНИЯ О КЛАДАХ И КЛАДОИСКАТЕЛЯХ

В фольклоре старообрядцев Литвы большим количеством сюжетов представлены былички о кладах и кладоискателях и примыкающие к ним поверья и запреты. Излюбленная тема наших исполнителей — рассказы о «заклятых» деньгах. Долгие годы они ничем себя не обнаруживают, а по прошествии оговоренного срока «показываются» людям — то собакой, свиньей, козленком, змеей, то человеком, клубком ниток или гробом, то золотой каретой, в которую запряжены золотые кони. Часто рассказывают, что на месте скрытых сокровищ по ночам «*ты́хает*» огонек — красный, если спрятано золото; белый, если зарыты серебряные монеты. Как и в мифологических сказаниях на другие темы, информацию о местонахождении «завороженного» клада люди нередко получают во сне. Чтобы завладеть им, надо быстро накрыть подозрительный предмет или животное либо ударить его чем-нибудь и произнести короткое заклинание: «*Чур, моё!*», «*Чур, мои деньги!* *Чур, мои копейки!*» — и клад рассыпется золотыми или серебряными монетами. Но сделать это мало кому удается. Как правило, клады показываются детям, не имеющим представления о том, как с ними обращаться; да и взрослые слишком поздно узнают, что надо было сделать. Иногда они пугаются нечистой силы, которая сторожит заклятые деньги и «*морочит*» всех, кто пытается до них добраться («*то беси, то люди какие идут, то собаки...*»). А бывает, что людей сбивает с толку необычный вид «показавшегося» клада. Муж одной из рассказчиц в полночь увидел в лесу свою корову — ему и в голову не пришло произнести магическую формулу или выполнить необходимое магическое действие.

Один из самых популярных сюжетов — деньги не даются в руки тем, кто замыслил недоброе (убить или отравить напарника, чтобы одному завладеть всеми сокровищами) или слишком бурно проявляет свою радость по поводу нечаянно обретенного богатства. Широко распространено поверье, что если зарытые с «наговором» деньги пытается присвоить не тот, кому они предназначены, то золото «*уходит тогда вниз, тогда нечистик уже прячет*». Хозяин клада, зарывая его в землю и поручая охрану своих богатств бесам, нередко оговаривает необходимость человеческих жертв (сто голов должны сложить кладоискатели, и только сто первому он «*откроется*»), ставит

другие трудновыполнимые условия. Однако чем они сложнее, тем изобретательнее и находчивее охотники за сокровищами; они умудряются тайком «перекодировать» отдаваемый чертам приказ (к фразе «сто голов» потихоньку добавляют — «петушиных», слегка переиначивают ее — «сто колов») или выполняют его формально.

Закрытые клады обычно осознаются как «дьявольские деньги», принадлежащие нечистой силе. Как правило, они не приносят счастья и удачи ни тому, кто их добыл, ни его наследникам — «это ж бесовское, это ж бесу зачатое отдано». Став обладателем заколдованных сокровищ, человек теряет душевный покой, озлобляется, начинает сохнуть, вести разгульный образ жизни. Нередко с ним приключаются необъяснимые в рамках обыденного сознания несчастия — он становится жертвой разбоя, без всякой видимой причины кончает жизнь самоубийством и т. п.

В отличие от украинского, белорусского, литовского фольклора и записей из южнорусских регионов, у староверов Литвы сказания о кладах не прикрепляются к ночи накануне Ивана Купала. Не нашли мы и рассказов о таинственном цветке папоротника, который распускается только в эту ночь и наделяет того, кто его найдет, чудесной способностью видеть скрытые под землей сокровища. Это роднит русский фольклор Литвы с традицией северо-западных областей России, прежде всего Псковской, куда уходят корни многих старообрядческих общин.

В наше время былички о поисках кладов или неиспользованных возможностях завладеть ими обычно оформляются как хроникаты (рассказы о далеком прошлом). Подобные тексты записаны и в Литве; начинаются они фразами такого типа: «*Когда-то люди деньги в стенку совали...*», «*Раньше, говорят...*», «*Ишёл солдат в дорогу...*». Но примечательно, что в половине публикуемых вариантов действие приурочено к относительно недавним временам (годы гражданской войны, межвоенные и даже послевоенные десятилетия), а участниками событий оказываются сами исполнители, члены их семей. В этих текстах формулы зачинов принципиально иные: «*И сейчас золото это есть!*», «*Приехали мы с папой, с братцем коней пасти...*», «*Я <...> как-то шла от их...*», «*Пошел раз муж мой...*». Для них характерна четкая локализация действия (указывается конкретное место — лесной массив, колодец или баня — возле которых «чудились» зачатые сокровища). В результате, не теряя присущего им ореола таинственности, былички приобретают дополнительные атрибуты «документального» повествования, воспринимаются аудиторией как рассказ о реальных происшествиях.

459. ...И сейчас золото это есть! Есть. Ежли вот заклинае — на скоко лет. И вот, заклиняёт; стоко лет уже прошло — его надо выкопать. Не выкопаешь — ёно ходит, ёно показывается. И бесом, и человеком, и клубком. Вот, ты его возьми.

Это моя мачеха — царство небесное. <...> Идёт в колодец, говорит, ни с того, ни с сёго катится клубок. Клубок; прямо клубок — ниток, ай не ниток; клубок катится вот так перед ей. Говорит, я испугалась, уже вечером, и приходе, рассказывае. Говорит: «Это ж твоё счастье. Ето деньги. Им вже время вышло, должен их кто-то забрать». Там заклёто — не то, чтоб пропали; на скоко лет, и чтоб кто взял их. «Дура! Вот, надо было ведром [ударить]: “Чур, мои деньги! Чур, мои копейки! Чур, мои деньги! Чур, мои копейки!” Три раза. И, говорит, были бы твои деньги. Може, золото, може, серебро». — «Ай, я, говорит, не знала етого».

Часто вот так было. И таперь они есть, и таперь показываются людям; а люди ничего не знают, не понимают. То, говорит, кот выскочит, то собака выскочит, говорит, не бывши — и пропадёт в твоих глазах это золото...

460. ...В лесах скоко находили. Много находили раньше, знаешь. Вот, горит огонёк, горит — ему время, на какой срок у него заворожено, вот, должны эти деньги выйти. И вот, показывается тогда огонёк. И даже, говорит, неглубоко — лопатой копнёшь, и уже стук, звенит — то в ящичке каком, то в котле каком. Но, говорит, скоко раз преследовали, огонёк горит — а найти не могут. Значит, не евоное было [не ему предназначено]. Ну, и потом братья пошли, вдвоём пошли; они уже рыли-рыли это место, уже срыли всё — нет. А оно уходит тогда вниз, тогда нечистик уже прячет; это не ихное, вот...

461. Я с Филипповыми дружила. Как-то шла от јих, а јихная байня... Так такой вот огонёк — «пых-пых-пых!»; «пых-пых-пых!»; такой не красный, а такой светлый. Я поглядела, поглядела; после назавтрее прихожу и рассказываю. Говорю: «Коло вашей бай-

ни, говорю, вот такой огонёк, але белый». — «Ай-ай, говорит, это же серебро!» Когда красный — так золото, а это серебро. «Войдѣшь, говорит, на то место — заплѣсневши». Пошли глядеть — правда, заплѣсневши. А это, говорит, моё счастье было...

462. Ишел раз муж мой в двенадцать часов по лесу. Темно было. Вдруг смотрит — коровка наша, Милашка! Он на нее смотрит. «Фу-ты, — говорит, — пошла домой!» А она стоит, как будто ждет чего-то; и вдруг пропала. Вот и ему клад объявился. А раз не стукнул, так он в землю уйдет и через несколько лет еще кому-нибудь объявится.

463. А жыла одна женщина, сирота, бедная сирота. И вот, она лежит на печке, говорит. А с-под печки выскочил козелочек. Говорит: «Как скóкну!» Она не испугалась: «Ну, скóкни». — «Как выйду!» — «Ну, выйди». — «Как прыгну!» — «Ну, прыгни». И он прыгнул. И рассыпался золото.

Вот, видите. Было суждено этой старушке. И она набрала золота целое решето. И она с радости с этой, сердце ей...; померла. Так и осталось [золото]...

464. Когда-то люди деньги в стенку совали, и чудились потом — то козелок выйдет, то коток с-под печки. Вот, Леснова — вышло к разговору — купила дом, где евреи жили, где евреев [немцы] расстреливали. «А тебе тут не приснилось, где золото?» Она рассмеялась и говорит: «Это когда-то говорили. Останутся одни дети, и выходит козелок с-под печки. Родители приходят, а дети рассказывают, что очень красивый козелок с-под печки выходит, с нами играет. Дети довольны, им нравится. Ну вот, уже другие стали интересоваться и научили: как он выйдет, скажи “Чур, моё!” и вдарь его, этого козелка. Приходят родители, дети расстроивши — что с козелочка: лежит кучка золота, а козелочка нет. Детям интересней был козелок, чем эта кучка».

[Колесникова припомнила этот сюжет, комментируя по словицу: «Было дело, стена деньги ела».]

465. Шёл солдат в дорогу. Зашёл к старикам переночевать. «Изба наша маленькая, а в том конце нельзя, пужают нас», — ответили ему. «Я не боюсь, — говорит солдат. — Пойду, переночую». Хозяйка постлала кровать ему. Пошёл он спать. В двенадцать часов слышит: «Вылезу, вылезу, вылезу!» Солдат сказал: «Вылазь!» И вылез большой гроб. Он дал в этот гроб палкой, а там полно денег было — и серебра, и золота. Солдат набрал полные карманы и платок носовой и пришёл к старикам. «Ну, дедушка, теперь тебя никогда не будут пужать». — «Спасибо», — говорит дедушка. И старики стали богато жить, так как все деньги солдат оставил дедушке.

466. Приехали мы с папой, с братцем коней пасти. Мне тогда лет восемь было. Пришли. Папа спит, а мы с братцем коней караулим. Уже ночь, часов двенадцать. Вдруг слышим, где-то вдали какой-то колокольчик. А то маленькие были, подумали, что где-то кузнецы железные копытца подковывают. А колокольчик тоненький-тоненький все ближе. Вдруг мимо нас прямо по ногам каретка золотая — «вжих!» Маленькая такая кареточка и золотая вся. И кони золотые. Раз проехала; а мы сидим, дрожим и не знаем, что делать. Другой раз, третий — и исчезла. А мы с братцем прижались вот так друг к дружке и дрожим. А она как исчезла, так мы кричим папе: «Папа, папа!» А он говорит: «Что такое?» Мы и рассказали. А он и говорит: «Это вам, дети, клад продавался [подавался?]. Надо же было его лошади вдарить. Он бы и рассыпался».

467. [А деньги горят?]

Закопали, положили в чугунок какой, закрыли и закопали и говорят: «Кому взять, тот возьмёт, а кому нельзя взять, тот не возьмёт...». Дедушка мой пошёл с товарищем деньги копать. Уже добрались до денег, уже добрались, до чугунка этого. Дедушка мой в яму влез, а этот, там сверху, думает: «Он подаст мне чугунок, а я его лопатой и убью там, ага». И деньги зашумели, загремели,

и пошли, и пошли... Дед вылез с ямы, а он к нему в ноги и говорит: «Прости ты меня, говорит, я тебя хотел убить за эти деньги». И ни ему, и никому.

[А когда горят — в любое время?]

Ночью, ночью. Огонёк, показывается только тому человеку, который может взять; знак это. А другому уже не покажется.

468. [А как искать заклятое золото?]

Раньше же, говорят, вот, идут — блестит огонёк. Подходят — он пропал. Вот это место и роют. Кому счастье — тот и сундук найдёт. А кому нет счастья...

Ой, раньше люди дураки были. Мой папа вот рассказывал, как там у них в Дегучай один старик был. У них земля была, они брали далеко землю, занимали. <...> И вот, они там были всё лето. А старик-отец оставался дома; старуха ходит по хозяйству. А как-то один сын что-то был забывши. И вот он, немножко или заметил что, что старик что-то там на уме замышляет. Старуха пошла, говорит, на поле, к скотины, а он, говорит, подкараулил. И вот, полезет старик к печке; под печкой было такое отверстие, лазейка тут — там курей на зиму приводили, как мороз большой. И вот, он залез, говорит, взявши такой котелочек с собой, и пополз. Выкопал там ямку; набра́но у него, говорит, много-много кобликов [колышков]. И вот, тогда, говорит, он забивает эти коблики и <...> сам себе приговаривает; а сын сзади стоит. Вот, он забивает этот коблик и говорит: «Тот найдёт этот клад; лягет сто голов, и тому достанется этот клад». Отец говорит: «Сто голов», а он: «Сто колов»; этот: «Сто голов», а этот: «Сто колов». Этот опять: «Сто голов!», — «Сто колов!» Так и осталось, и отец вышел и помер.

Вот, он, пока не было никого, сто колов забил и этот клад нашёл. И тоже, говорят, он стайл, <...> никому не сказал. <...>

На своих детей он [старик] не поделил, а вот надо, чтобы сто голов легло бы.

469. Говорили, что вроде заклинали [клады]. А люди брали... Говорили, где там клал человек, закапывал: «Кто эти деньги возьмёт, так положит сто голов!» — «А сто колов!» Вот, обратно;

три раза сказал. «Ну, и пусть будет сто колов!» Ён принёс сто колов, говорит, положил — и эти деньги, говорит, взял.

470. Один мужик помёр. Ну, и вдовы бедной приснился. Говорит: «Вот, иди, там и там, на поле такой камень, там под камнем, говорит, закопано золото. Ты иди, его откопай». Это приснилось ей. Встала яна́, никому не говорит, думает: «Что за сон?» Вторую ночь приходит. А вже им надо, время им [деньгам] выйти. Вторую ночь приходит, говорит: «Так идёшь ты копать или не?» Обратнo проснулась, сама сабе думаю, думаю, говорит... После третью ночь. Какхватило яну́, говорит, с кровати вышвырнуло, и так громко, говорит: «Идёшь ты забрать еты деньги или не?» Яна́, говорит, перепугалась, встала и родителям рассказывает. И пошла к попу. Пошла к попу, рассказывает, что даже спать не даёт мне, говорит, етот сон. А ён и говорит, поп: «Ты иди, говорит. Возьми токо надёйного человека, чтоб ничего на тебя не подумал». Ну, кого яна́? Возьму уже этого..., деверя, и пойдём мы с јим. Пошли, говорит, на поле. Камень лежит етот. И вот, отвернули етот камень и стали копать.

Как едут, говорит, бёси — прямо на јих бёси едут. Это ж бёсовское, это ж бесу заклётое отдádено. Говорит, припрятались яны, припрятались. Как станут копать — обратнo, опять то бёси, то люди какие едут, то коты, то собаки... Ну, але яны́ так помучились и всё-таки докопались. Докопались; котёл, говорит, замураванный такой котёл. Взяли яны́ и несут. Несут, и донесли уже до дому, и ён подумал: «Убью яну́ — и мне останется ето золото». Токо подумал, токо — «зин-зин-зин!» — всё пропало, всё провалилось! Забрезготáло, и всё провалилось...

471. ...Ехали два брата в лес, по дрова. Вот. Встречают старичка по дороге. «Здравствуйте!» — «Здравствуйте!» Ага... «Куда вы едете, ребята?» — «А вот, едем; дровишек побрать едем». А он им и говорит: «Детки, не едьте вы этой дорогой. Обьедьте где-нибудь кругом. Там змея лежит, она, говорит, вас прожрёт». Ага... Оне его не послушали, поехали. Ехали, ехали, подъезжают к такому предмету, смотрят — куча золота. Золото это горит на солн-

11. Сказания о кладах и кладоискателях

це. Ага... Вот, они возрадовались, говорят: «Ой, какой дурак старый, а! Хотел, значит, нас отвлечь от такой драгоценности». <...> А в самых ни мешка там, ничего. Много золота, в карманы его всё не поместишь. Брат брату и говорит: <...> «Ты, говорит, сбегай домой. Возьми, говорит, мешок. Придешь, говорит, и в мешок оберём, и всё будет хорошо. И, говорит, не забудь — мы, может, в лесу долго будем — возьми, говорит, хлеба кусок». Ага... Этот, который коло золота остался, думает: «Ага... Как сделать, чтоб это золото мне одному осталось? Ага... Брат придёт, значит, я его убью — и это золото останется одному мне». А тот, который побежал домой, думает: <...> «Он просил у меня хлеба, а я этот хлеб отравлю — отруты там положу в этот хлеб и дам ему этого хлеба. Он хлеб станет есть, умрёт, а я золото заберу». Хорошо... Вот, этот брат приходит, значит, в этот лес, <...> а тот <...> топором его — раз! — и убил. <...> Взял этот хлеб, а этот хлеб отравленный. Стал этот хлеб жисть — и сам умер. <...>

Этот старик правильно им сказал: «Не едите этой дорогой, там змея лежит, она вас прожрёт». И обоих прожрала...

12. ПОВЕРЬЯ И БЫЛИЧКИ О ЗМЕЯХ

Змеи с глубокой древности привлекают к себе пристальное внимание людей, занимают видное место в мифологических представлениях многих народов мира; образ змея-искусителя вошел и в христианскую мифологию. Этнологи отмечают многообразие ипостасей этого персонажа, диалектически переплетающихся друг с другом. Мировой змеем разделил небо и землю, на нем держится земля; змея является символом плодородия, воды и огня (особенно небесного), символом мудрости и долголетия, даже бессмертия (шумеро-аккадский эпос о Гильгамеше). В Китае дракон с давних пор считается воплощением силы и могущества («С деньгами — дракон, без денег — червяк»). В произведениях повествовательного фольклора змея охраняет подземные сокровища, приносит людям деньги (популярные у славян сказания об огненном змее), нередко выступает в роли целительницы (добывает для человека живую и мертвую воду в волшебных сказках, в русской былине «Михайло Потык»). Однако у народов, мифология которых прошла длительный путь развития, в том числе у большинства индоевропейских, на первый план постепенно выдвинулись отрицательные элементы характеристики. Змея чаще всего осознается как враждебное человеку существо, воплощение водного, нижнего, потустороннего мира [МНМ, I, с. 468–470]. Настороженное, негативное отношение к змее — злонамеренной, коварной и смертельно опасной, доминирует в фольклоре и языке восточных славян. «Змея умирает, а всё зелье [яд, отраву] хватает»; «Пригрел змею за пазухой»; «Злая жена — та же змея», — утверждают народные пословицы. Слова «змея», «змея» (в говорах — «гад», «гадина»), «змееныш», «змеиный», словосочетания «змея лютая», «...поганая», «...подколотная» воспринимаются как ругательства; спиртные напитки называют «зеленым змием», а сибирскую язву (чуму рогатого скота) — «змеиным пострелом» [Даль, I, с. 687] и т. п.

До 1996 года от старообрядцев Литвы не было записано ни одного поверья, ни одной былички о змеях. Видимо, это объясняется невниманием собирателей к данной теме. В экспедициях последних лет удалось собрать богатейший материал, насыщенный архаическими элементами, реликтами языческих верований. Показательно, что в волшебных сказках, записанных от местных исполнителей, фигурирует не только многоглавый змей-дракон, традиционный противник сказочного богатыря, но и «змея» («Сама Змея»), часто заменяющая ведьму, колдунью, черта и другие мифические существа.

Большинство наших информаторов считает безвредными водяных змей, противопоставляя им «земляных («подземных») гадов». Они выползают на поверхность один раз в семь лет, и их укусы смертельны — «всё, никакого нет спасенья; ни врачи, ни заговóры, ничего... Сразу же насмёрть»; «Никто не отлечит — ни врач, никто. Не вспеет»; «От гада отворяживают, а от его — уже нет»; «А ён уже если кусил — отговóра никакого нет; от разу [умираешь]». Описали нам и внешний вид «земляного гада»: длиной 50–60 сантиметров, толщиной 5–7 сантиметров, «чёрный-чёрный; в его нет головы. <...> Круглый, как катáлка». Заслуживает внимания тот факт, что «земляной гад» копит яд под землей, в течение семи лет не видит солнечного света, не слышит человеческого голоса, пения петухов и т. д. (Ср. распространенную в русском фольклоре, в том числе и у старообрядцев Литвы заговорную формулу, характеризующую иной мир: «где петуны не поют, собаки не лают...») Некоторые информаторы уверены, что все змеи получают свой яд от земли: «...Гад должен к земле притулиться, и какой-то яд он получает». Аналогичные представления характерны и для литовцев — змеи собирают яд на камнях. Зафиксировано у старообрядцев и поверье о змеином царе (у литовцев — «король змей»), но представляют его довольно смутно.

Народная молва связывает змей не только с землей, но и с солнцем; однако связь эта не поддается однозначному толкованию. Те же «земляные гады» появляются на поверхности и жалят скот и людей только в солнечные дни. Убитая и разрубленная на куски змея живет до заката солнца и даже может «отжить». В этих текстах солнце выступает в роли своеобразного покровителя змей. Это согласуется с широко распространенным литовским поверьем о том, что когда человек убивает змею, «солнышко плачет». (Ср. русское поверье, в котором этот метафорический образ «расшифрован»: если убитую змею повесить на березу, то пойдет дождь — *Даль*, I, с. 686). Но в наших записях отразились и прямо противоположные представления. По всеобщему убеждению, от змеиного яда можно спастись лишь при одном условии — пострадавшего должны успеть «отворожить» до заката. «Если уже солнышко закатилось — всё, мóгешь помереть». Поэтому змеиный укус в темное время суток считается особенно опасным, а то и вообще неизлечимым. Ужаленному «гадом» человеку нельзя заходить под крышу, его врачуют под открытым небом (видимо, и здесь имеется в виду магическая целительная сила солнечного света). Стихия огня противопоставляется змеиному началу и в текстах заговоров: «Гад, гад! <...> Возьми свой яд. Если не возьмёшь свой яд, <...> возьму из белого Янтаря-камня огня, у петуха —

крови и выжгу, выпекую весь твой яд» [Заг., № 18]. Петух издавна воспринимается славянами как один из символов огня, пожара. Было бы соблазнительно сблизить и «Янтарь-камень» со стихией огня, причем огня небесного (янтарь часто называют «солнечным камнем»). Однако в нашем случае это было бы некорректно, поскольку в цитируемом варианте заклинания «янтарь» по созвучию заменил знаменитый «Латырь («Алатырь»)-камень», фигурирующий в произведениях разных жанров русского фольклора.

Противоречивые мнения высказываются и по поводу того, как надо себя вести, увидев змею. Одни информаторы считают грехом убивать ее. А Иванова заявила собирателям: «Я одного гада три года кормила хлебом. <...> Але хто-то вбил, так жалела его...» Другие рассказчики, напротив, уверены, что со змеями обязательно надо расправляться, иначе по повелению Бога на этого человека «три дня солнце не светит». Но если «гад» кого-нибудь ужалил, его лучше оставить в покое, не убивать, «потому что так трудно заговорить».

Особый интерес представляют рассказы о способах профилактики и нейтрализации змеиных укусов, о людях, умеющих заговаривать «от гада». Отправляясь в лес или на болото за ягодами и грибами, обычно клали в корзинку или за пазуху кусочек хлеба, выполнявший функции магического оберега. Хлеб предварительно заговаривали, но многие информаторы, забыв текст заклинания, уверены, что хлеб и без заговора уберезет от встречи со змеями. Иногда с этой же целью использовали морковку. «Мы брали морковку или хлеба корочку. И никогда не видели этого гада. <...> И не заговаривавши, просто так». Видимо, в основе этих представлений лежит уверенность в том, что кусочек хлеба «отводит глаза» змее и она не реагирует на появление человека. Лишь один исполнитель сказал, что «тогда гад тебя не порушит», все остальные подчеркивали: «...никогда гада не увидишь», «ходишь — никого не увидишь». Когда же мы поинтересовались, можно ли съесть заветный хлеб в лесу, исполнительница убежденно заявила: «Не, нельзя... Тогда уже сразу увидит». Из контекста ясно, что имелась в виду змея.

По мнению староверов, некоторые магические действия достигают цели только в том случае, если они совершаются в дни определенных церковных праздников. Надежным оберегом от змей считается молитва. «Я иду в лес, <...> три раза «Богородицу» проговорю и вспомню только, который день кутейный [в какой день недели был рождественский сочельник] — никогда змеи не увидишь; и хотел бы — не увидишь». А другая женщина из того же села закликает змеей сразу на все лето, но эту молитву она трижды читает в день Благовещенья.

До недавних пор искусством заговаривания от змеиных укусов владели многие люди старшего поколения. Но случалось, что «обыденного» заклинания оказывалось недостаточно и приходилось обращаться за помощью к полупрофессионалам, так называемым «шептунам». В разных районах северо-восточной и центральной Литвы нам говорили, что труднее всего нейтрализовать укус «супоросой гадючки». «Если она, ну, как вам сказать, беременная, так вот стоко раз надо заговаривать, скоко в ей детей», то есть необходимо заговаривать каждую змеиную голову. Поскольку трудно узнать, «супоросая» змея или нет и сколько змеенышей в ее чреве, на всякий случай рекомендуется произносить заклинание двенадцать раз. Не исключено, что в такой ситуации не просто повторяли один и тот же текст, а пользовались несколькими магическими формулами. От одной женщины в Рокишкском районе записано два разных варианта заговоров от «гада» [Заг., №№ 21–22)]. Наиболее могущественные «шептуны» могли исцелять домашних животных на расстоянии. Не покидая своего двора, они разбрызгивали, пускали «на ветер» заговоренную воду. Но для успешного лечения им надо было знать точное направление, имя и масть укушенной коровы или лошади.

В экспедиции 1996 года мы зафиксировали краткое упоминание о том, что некоторые люди способны ликвидировать последствия змеиных укусов, разговаривая с «гадюгами». Позднее от Христины Портновой удалось записать развернутый рассказ на эту тему. Когда исполнительнице было 11 лет, в лесу змея ужалила ее в ногу. Привела к ней местную «шептунью», но по каким-то только ей одной ведомым признакам она поняла, что ее магическое слово не действует — она могла заговаривать только до трех раз. «Оны [шептуны] чувствуют, что не могут отговорить». Пришлось срочно везти девочку в дальнюю деревню. Вторая целительница быстро разобралась, в чем дело, и пояснила: «Она, говорит, двенадцать детей имеет». Произнося заклинания на все «двенадцать голов», старушка называла змею не «гадом», а ласково — «Ласточкой» и в конце сказала: «Эта Ласточка тебе всё здоровье даёт».

Один из «шептунов», разговаривая со змеями, называл их женскими именами, демонстрировал односельчанам свою власть над «гадами», но перед этим предупредил, чтобы его случайно не столкнули с места, иначе ему будет худо. Видимо, это поверье связано с заговариванием змей и очерчиванием так называемого магического круга, за пределами которого заклинание не действует. Вторая исполнительница убеждена, что если знахаря, лечившего людей от змеиных укусов, все-таки ужалит «гад», то этот человек «должён

отболеть за всех», кого он когда-либо исцелил. Эти тексты перекликаются с восточносибирскими быличками о колдунах, которые «командуют» змеями, обеспечивают безопасность косарей на лугах и полях, «допрашивают» и сурово наказывают «виноватую» змею, осмелившуюся кого-то ужалить [Зиновьев]. Близкие мотивы находим в одной из быличек, записанной от нескольких исполнительниц в Йонавском районе. Переселившейся в их деревню женщине при разделе земли по жребию досталась «мишара» — моховое болото, буквально кишевшее змеями («габжее болото»). С помощью заговора она заставила «гадов» навсегда покинуть эти места.

Сюжетов о змеях, охраняющих спрятанные или заклятые сокровища, нам найти не довелось; в мифологических сказаниях в этой роли обычно выступают черти, «беси» или просто «нечистая сила». Но в одном из текстов ключевой аллегорический образ связан именно с этим мотивом. Встреченный братьями старик посоветовал им ехать другой дорогой: «Там змея лежит, она, говорит, вас прожрёт». Они его не послушали и нашли кучу золота, а позднее, движимые алчностью, погубили друг друга (см. № 471).

Змеи используются и в народной медицине. Широко бытует поверье, аналогичное литовскому, что если змею разрубить на куски и добавить их в корм для скота, то поросята и телята будут лучше есть и быстрее расти. Считается, что спиртовые настойки на змеях (и даже чай) и у людей повышают аппетит, помогают от желудочных болезней. Но пользоваться такими снадобьями надо предельно осторожно — в больших дозах они могут только навредить. Засушенные кусочки змей выполняли также функции оберега — при первом выгоне скота в поле их привязывали к рогам, чтобы «никто эту коровку не сглазил, не сколдовал».

Ужей в народной традиции, как правило, отличают от змей, считая их безобидными и даже полезными существами. Одна из женщин очень живо и эмоционально рассказала, как в детстве она заблудилась в лесу и уж вывел ее прямо на отца, давно разыскивавшего потерявшуюся дочку. Но некоторые информаторы уверяют, что ужи (как и ящерицы) иногда кусаются, и укус их так же смертелен, как и укус «земляного гада». Случается это лишь тогда, когда человек раздражит ужа. «Але его трудно раздражить, ён сильно спокойный». Данное поверье отразилось в одном из заговоров, записанных от старообрядцев Литвы. В нем «уж и ужица» перечисляются в одном ряду с «медью и медяницей, гадом и гадиницей» [Заг., № 18]. Эти тексты перекликаются с популярным среди литовцев мифологическим сказанием о «домашнем» уже, который отложил яйца в сапог. Когда

12. Поверья и былички о змеях

человек вынул их, уж в отместку за нанесенную ему обиду отравил молоко во всех глиняных горшках и кувшинах. Но стоило хозяину положить яйца на прежнее место, как уж хвостом перебил все горшки.

472. [*А что делали, когда в лес собирались, чтобы змеи не укусили?*]

...Бывало, идём мы в клюкву. А я очень боялся их. И вот, он сейчас на хлеб наговорил; хлеба кусочек положили там в ведёрко или там в корзиночку. «Идите смело, не бойтесь никого!» И пойдёшь, ходишь — никого не увидишь.

[*А хлеб этот есть нельзя?*]

Не, нельзя. Тогда уже сразу увидит [змея].

[*Это на один день или надолго?*]

Не, на один день. <...>

[*А убивать их можно?*]

Не, нельзя. Змею нельзя вбивать. <...>

[*А какие гады самые опасные?*]

Земляные. Водяных не надо бояться. И вот — ты гада не тронешь, он тебя не тронет. А вот этих, земляных — их надо бояться.

473. [*А от гада заговаривали?*]

Заговаривали, токо вот не знаю я. Были, были; заговаривали.

[*Это когда укусит или чтоб не тронул?*]

И так, и так. Да... Кто говорит, что можно, говорит, кого-то брать с собой в карман. Хлеба там или чего-нибудь — тада ён к тебе не подходит, гад этот. Так я вот и не знаю, как там настоящее было. <...>

[*А хлеб этот надо заговаривать или просто взять с собой кусочек?*]

Не могу сказать точно это уже; такой тонкости я вже не знаю. В нас гадов как нет, так и не знаю. Нету, нету в нас никакой пбсти, в нас токо волк..., волки прокрадают...

474. Меня были вкусивши [змеи], да. Я вот пошла в чарнику, собирать. А там..., как называется? — корч такой, дровина спилована. А там чарника — уже чёрно-чёрно-чёрно там. И я собираю там. Собираю, только слышу мне <...> как кто иголкой — жих! — в ногу. И вот только пустила туда яд, и сразу и пошла, и пошла... <...> У меня уже нога распухла, во какая. Потом одна женщина <...> мне заговорила. Але только надо до солнышка. Если уже солнышко закатилось — всё, мógешь помереть. Токо до солнышка. А уже после солнышка ничего не поможет...

475. [А что-нибудь делали, чтобы в лесу гады не укусили?]
...Мы брали морковку или хлеба корочку. И никогда не видели этого гада. Вот, морковину вытнем, положим или за пазуху яну́, или хлеба кусочек в карман — и никогда не видели. И не заговаривавши, просто так... Морковку лучше всего ещё, как хлеб. С веткой притом.

476. [А что делать, чтобы в лесу змеи не трогали?]
Я всегда, бывало, три раза «Богородицу» проговорю и вспомню только, в который день [недели] кутейник был. Никогда змея не увидишь; и хотел бы — не увидишь.

477. Я как увижу гада, так я с лесу выхожу вон, очень боялась. А сестра у меня была, <...> она била их; а я уходила. А говорят, кто уходит, на того Бог тогда... три дня солнце не светит. Так говорили. Ну, може, на меня и не светил, но я боялась.

[Кто от гадов уходит?]

Ага. Не бьёт, кто не бьёт. Надо бить, а я боялась, я не била.

478. [Если змею увидишь, убить ее надо или, наоборот, не трогать?]

Как старики говорили, что законно — убить надо. <...> А то, вишь, грех какой-то, понимаешь... А яну́ вбей — она отжила и пошла, и нет ей.

[А что делать, чтоб не отжила?]

Поразбить ану́ совсем; не отживёт, как голову разобьёшь. Поразбей, а хвост всё равно до самой..., до солнца заката будет шевелиться, вот. А как солнце закатилось, так и всё, пропало. Подох... И вот тапери-ка. Укусит; до солнца должён заговорить, а не заговоришь — мógешь и гíбнуть...

479. И. Г.: ...И вишь, если кúсит гад, то нужно один раз [заговор читать], але взнай... А если, как вам сказать, гáдинина...

Е. С.: Мéдиница.

И. Г.: ...мéдиница кúсит, то надо стоко раз заговаривать, скоко... если она, ну, как вам сказать, беременная, так вот стоко раз надо заговаривать, скоко в ей естя...

Е. С.: ...детей в утробы.

[А как узнать?]

И. Г.: Вот в том-то дело, беда! Тогда уже от мéдиницы говорят больше раз, это, говорят, не вредит.

Е. С.: Говорят, что двенадцать раз надо.

И. Г.: До двенадцать раз повторять. И никакого лекарства не надо было, ничего.

Е. С.: Надо заговаривать до солнечного заката.

И. Г.: Гада возьми, голову́ отруби — и он до солнечного заката всё равно живёт.

[Оставля́ть нельзя́ голову?]

И. Г.: Видишь ли, гад должен к земли притулиться, и какой-то яд он получает. Когда укусит, этот яд выходит, он потом должен опять из земли...

480. [А если укусит супоросая змея, как надо заговаривать?]

Ну, тогда, — мама моя рассказывала, — скоко в ей гадю́гов есть. <...> И очень трудно тогда заговорить. И когда убьёшь её... Тогда уже, если она вку́се, не убивай её. Потому что так трудно заговорить. Ежли гадюга порóсная, горазд трудно заговорить. Надо считать всех. А как там сосчитаешь, скоко у ней есть? <...> Под крышу нельзя́ идти, когда кúсит гад. Да... У́же в хату не ходи, где-нибудь на улице будь.

481. Тут разговор был такой. <...> Мой тесть пас коров в лясу. А их [гадов, змей] собравши целая куча. А один самый большой..., что вроде царь яхный. Так он там стёбнул [кнутом], але кого — так гнался, так чуть вшёл. Вот, скрутится, как прыгне, как прыгне!.. Ён так, и так, и так бежал; так вшёл от его токо.

482. А есть и такие гады... земные, подземные. Он в семь лет — ну, так старики говорили — в семь лет один раз выходит. И один укус его — всё, никакого нет спасенья; ни врачи, ни заговёр, ничего. Сразу же насмёрть.

483. [Про подземного гада не рассказывали у вас?]

Е. Л.: Подземные гады, так они же ядовитые. <...> В моёго деверя корову... Пошла в обед, подоила и отошла, може, так, как до дорожки, — токо «У-у-у!» — корова. Вернулась — уже и нет, уже и пропала [змея]. Значит, он вылез, вкусил и ушёл.

[А нельзя вылечить? Ведь заговаривают.]

Подземного не успеешь. Говорят, что через семь лет он вылезает.

М. Ф.: Он появляется, когда солнечный день. <...> Говорили, что нельзя их убивать.

484. В нас еще при Сметоны было. <...> Мать привела корову, летом. А жарко так было! В обед доить корову привела. И яна яну подоила и в этом сарае оставила. Молоко понесла домой и, говорит, молоко снесу, приберу уже, процежу там туды, в какую банку, а корову после заведу, уже на поле. И в этот момент... — как там было дело, что там...; скоко я живу, но мне ни разу, ни разу такого не приходилося — змея земляная кусила корову за вымя, за сиську кусила; не знаю, за переднюю, ай за заднюю, вот, за сиську. А раньше ж были такие люди, отговаривали — и от глазу отговаривали, и от этой гадости отговаривали. Тогда отец побежал, к суседке там, к старушке. И яна отговорила. Не знаю,

кого она дала — хлеба дала и сахарю, быдто, дала. И ён ей скор-мил это, принёсши это — и прошло. Вот. Да...

485. [А что делать, чтобы гады в лесу не тронули?]

И говорить «Богородицу», три раза «Богородицу» прогово-рять. Ну, тада ты яво не видишь. А када видишь, так надо палку брать и бить. Да, я била их... Что ён наносит на человека тварь такую, мóжет умереть.

[А какие гады самые опасные?]

Да, мёденицы бывают, такие блеснующие. А мёденица, гово-рит, кусит, так тамы-ка невозлячимо. А туты-ка вмеют заговари-вать гада.

[А про подземного гада не рассказывали?]

Да, земляной... А чи як..., хто сдох на месте? Овечка ай коро-ва? Вкусит — так и не отойдёт; ниhto и не вылечит, ничего; на месте...

[Уже и заговорить нельзя?]

Не-не, всё...; кусил и... В деда как в поле как пасла, так овеч-ка — на полёте...

[А они часто выползают?]

А бес их знаешь... <...> Покуль солнушко не закативши. Да, надо заговорить [до заката солнца].

[А когда гада убьёшь, не надо его вешать на сук?]

Кинь — и всё, и ён будет жить до солнушного заката. Вби-тый будет шевелиться. Как солнушко закóтится, так ён сдохнет. <...>

М. Я.: Нельзя ящерицу трогать.

Х. А.: А ён, говорит, как кусит, как янó не загојишь [не зале-чишь]. Гниёт тело...

486. [А про подземных гадов не рассказывали?]

А, говорили, подземная как уже укусит, говорит, тада вже всё. Никто не отлечит — ни врач, никто. Не успеет. Она на ходу, как кусит, на ходу человек умирает. <...> И скот — лишь бы кто...

487. Когда делили нам землю, ей [соседке] досталась одна мшара. И все стали смеяться, что, значит: «Гажее болото тебе». А она говорит: «Ничего, в меня гады не будут». И она заговорила их; соседи наши видели — говорят, за железную дорогу ползли, <...> в казённый лес. И всё, и сейчас вот мы живём — это рядом коло нас — никогда не видим ни одного гада...

488. [Вы про земельных гадов вчера рассказывали...]

Эты земельны... Я корову подоила, и вот как кусила — токо «брынкшт!» и всё. Только нога дрыгнула, и больше ничего. <...>

[А тут уже никто не поможет?]

Не-а, не могут, никто. От гада отвораживают, а от его — уже нет.

[А он часто показывается?]

Не-а. <...> Редко, но только уже... Мы его не видели; только говорили уже эты, которые старики. Вот этот был Максим, говорил: «Ето не... покажется!» Он, что называется, с-под земли, вот.

489. [А про земляных гадов не рассказывали?]

Ничего не слышала... Ну, земляные гады-то естя. Оны ежели укусят — никакого лекарства нету, человек умирает от них...

490. Д. А.: ...Вот, дедушка вмел наш! Бýла я списавши от этого, от гада. Когда замуж вышла, оставила; наверно, Грунька схватила [рукопись заговора]. <...> Мне был рассказавши про гада, как вот змей вкусе. <...> Там тоже <...> надо вгадать, какой гад. <...> Ну, там они разные: <...> один рябый, другой полосатый, третий так — рудый какой, четвёртый...; тоже там есть разные. И всех надо вспомнóть.

А. А.: ...Мама наша рассказывала. Идём в лес. Лежит, говорит, свернувши, да; на сонцу. И дедушка возмёт за пазуху его. О-о! — не кусит, ничего. А нет — ён пошепчет что; пойдём назад — и ён буде лежать. <...>

Д. А.: Стишки, стишки [так старообрядцы Литвы называют заговоры] какие-то вмел.

491. ...У меня случай был. Я даже удивилась, как это может? Я не верила, я ведь, знаете, атеистка.... У нас корову укусила гадюка, там, в Паскутишках. И эта корова стояла, две недели ничего не ела; вздулось вымя у неё и нога... <...> А папа ушёл... Был здесь у нас такой Филипп Лопаев. Пошёл к нему и попросил заговорить. Сказали, что он от гадюк заговаривает. Пошёл, говорит; только спросил у меня, какой масти, и какую-то водицу заговорил, говорит, и на ветер эту водичку плеснул. «Иди домой, — говорит. — Если гадюка укусила — поправится». И вы знаете, точно: пришёл батя домой... Я уж этой коровке носила..., думаю, может, температурка; слышала, что брусника помогает — и брусничник. Она ничего не ела. Чудно! Из хлевá вышла сама, пошла на луг пастись...

492. [А гады есть у вас в лесу?]

Есть, есть.

[А как от них уберечься?]

Так во... Входишь в лес... <...> Когда было Благовещенье; не когда будет, а когда было Благовещенье — три раза перекреститься. Буде лежать, тебя не троне, и буде лежать..., и отойдёте. <...> Я одного гада три года кормила хлебом. Приду, накрошу — ён појист и лежит. И дожидает, пока я приду вутром, хлеба вже ему накрошу. <...> Але хто-то вбил; так желела его... А я не бью гадов. Только проговору три раза, когда было Благовещенье, и ничего не говорю. Токо три раза надо перекреститься...

493. ...Одна бабушка с гадюгами разговаривала; она водичкой подмыла — и всё. [Вылечила от змеиного укуса].

494. Я собирала гонобóль, собирала ягоды, такие, как черника — всё говорят «пьяница» [голубика]. И кусила меня гадина в ногу. Я рассказывала сегодня внучке. Говорю, я пришла..., собирала-собирала; я пришла с лесу, говорю — распухли <...> ноги,

всё, говорю. <...> Ну, пошли, старушку привели... Старушка эта три раза она [заговаривала]. И сказала, что она [змея] детей имеет [«супорóсая» — говорила Х. К. при первом исполнении], и, говорит, надо ещё. Она детей имеет, надо ещё где-то [заговаривать]. А я, говорит, не могу больше — до трёх.

Ну, он [бригадир] тогда поехал в Байбáй, туды в Мúрлишки, тогда к этой старушке. И тогда эта старушка стала заговаривать, пока напала на это. «Она, говорит, двенадцать детей имеет, эта Ласточка». И вот, она воды заговорила, я воды этой попила. И помыли янú [ногу] — уже этого я, как спáла, уже не знаю, не помню, скоко [раз]. Токо говорили, что вечером вспел Игнасюк — он литовец, бригадир. И вечером я проснулась, на другой вечер. Сутки.

[И она к ней обращалась только «Ласточка»?]

Да, да...

[А такие старушки и разговаривают со змеями?]

Да, да, разговаривают. Вот, она. В лес пойдёшь, уже могут оны к ей все притить; ёна знает заговор; к ей придут, и янú уже не тронут. Она и на руки их возьмёт, и всё уже. Вот. И янú не тронут.

495. [А змей не называли по-особому — не «гадами», не «змеями»?]

...Человечьим именем. Да... Мне рассказывал свёкор, что <...> каждый гад имеет своё имя. Ну, в разговоре, имею в виду — что какую молитву [заговор от конкретной змеи или вида?] знает он. Другой знает другую; там, по-видимому, другие имена. И когда человека укусит, говорит: «Ай, не помог; один заговорил, говорит, — ему не помогло». Поехали к другому шептуну — и другого не помогло. Поехали к третьему — и третьего не помогло. Ну, тогда там к четвёртому. И, значит, напал. И, значит, ему, этому человеку, стало легче. Потому что этот разговор [заговор] «на гада» — не каждый одинаково. Понимаете — не каждый одинаково. И вот когда нападает..., попадает на имя того гада, который укусил — человеку сразу же полегчает.

У нас в деревне такая Астрикёя бýла укушена. Журавíну собирала. Клюкву мы называем «журавíной». Собирала, и укусил. Так ей Карúся, по-моему, заговорила — Астрикёи, и прошло,

да? Каруся. Вот, значит, напала... Такая Каруся у нас умела заговаривать в деревне, полячка. И вот, она ей заговорила, и ей сразу, значит... — а нога была раздутая; страшно, какая была нога! — и вот, у ей прошло. А потом в больнице мама лежала. Была тоже, вкушена; кто — Мезейкене, по-моему, были кусивши... гад; и врачи лечили. Ничего не помогло, пока не заговорили бабки...

496. [А почему от одной змеи легко заговорить, а от другой трудно?]

Может, не попадают на кровь, я так думаю... Всё-таки это от крови много что значит; у человека каждого своя кровь. <...> Помню, бабуля наша говорила: кого змея укусит — несчастливый человек. [Некоторые информаторы убеждены, что заговор действует наиболее эффективно, если у знахаря и его пациента одинаковая группа крови. Ср. № 507.]

497. Мой сынишка, <...> когда в Миканцах были, и они бежали там по полю. И прибег: «Мама, что-то мне вот кто-то укусил, мне тут так болит...» Ножка распухла. А отец заговаривал от гада. Он заговорил — и ему прошло всё.

[Ваш муж?]

Дедушка... Ну, свёкр. <...>

Вот только кто заговаривает, если того человека укусит гадюга — человек этот должен отболеть за всех, которых он снимал боль. <...> Вот я когда в Думцах жила, вот эта соседка — она и кровь заговаривала, как вот я вам рассказывала, и она от гада заговаривала. И вот яна́ была в лесу, они вот поехали веники <...> резать, и там её укусил гад. Так она счас же, на месте там заговорила себе. Так она, наверное, месяца три вообще в кровати лежала.

498. [А не говорили, что если гада увидишь, то надо его не трогать, или наоборот — надо убить?]

Не-а. Что хошь, мógешь то с им делать. Могли убивать, или что, или как — всё равно.

[А про земляных гадов не рассказывали?]

Ой, земляные! Один раз сама пасла вот тут коров, в Шляпкива такого, видела. Вот такой вот длины [показывает руками сантиметров 50–60], такой вот толщины, во [5–7 сантиметров]. Чёрный-чёрный; в его нет головы. Круглый, как катáлка. А ён уже если кусыл — отговóра никакого нет; от ráзу. Мне сáмой... Пошла вот тут во, стою на камне. Токо гляжу — вьётся в земли, вьётся, вьётся, вьётся... А ходила в меня тёлка. Токо в нос тёлке — раз! Тёлка — брык!

[И уже не отговоришь?]

Не-не! От земляного гада не отговоришь, и если ужа раздражишь.

[А он тоже кусается?]

Тоже кусается, але его трудно раздражить; ён сильно спокойный. А если уже кусыл — всё; тоже отговóра нет никакого.

Естя гадина супорóсая такая. Так двенадцать раз надо говорить [заговор], если яна супорóсая, толстáя...

499. Змея кусает не для сытости, а для лихости.

500. Змея в щемялке, а всё шипит.

501. Это в Салóцким лесу, ягодки собирала-собирала и от своих, от кумпани и осталася. И как осталася? Вúкали [аукали] оны меня, всё, а я на другую сторону, на левую пошла. Всегда мы на правой стороны собираем ягоды. А тут налево. И вот, эта стегá; я думаю: «Куда эта стегá?» Я дальше, я дальше этой стегóй. Уже зашла. <...> Тогда я села на пень, <...> сижу и плачу. А пáпертник такой, и всё... А этот уже ходит. Думаю — а это, може, гад, може, что. А ён «фы-фы!» — фыкает, ходит. Думаю: «Что ж ты?» А я вже ноги подобрáла. Я говорю: «Да не трону, думаю, я тебя; не буду. Я сама боюся». А он глядит всё, и фыкает, и смотрит.

12. Поверья и былички о змеях

<...> Думаю: «Он хочет меня кусить». И вот, он пройдёт-пройдёт дальше, и всё фыкает: «Фык-фык-фык!» — как, подходяще как под ёжик. Ушки такие беленькие. <...> Думаю: «Буду я вставать, что ён будет...» И гляжу — я встала, и он уже вперёд и вперёд. <...> И этой стегбй уже идёт. А вже слышу — суки лом... — «хрясь! хрясь! хрясь!» А это уже лесник и папа едет за мной. <...> Как я вот сюда вперёд, слышу: «Хто там? Хто?» А вже темнело давно. А он взял, поперёк пошёл. После уже вышли, меня папа на коня посадил, вышли на дорогу, стала я рассказывать им. Я говорю, что-то, говорю, такое, папа <...> — небольшой, ушки такие? А лесник говорит: «Это уж, ён тебя выводил бы на дорогу...» <...>

[А сколько Вам лет было?]

Мне, наверное, лет одиннадцать. Вот...

13. ЗАГОВОРЫ

Заговоры уходят своими корнями в глубокое прошлое и основаны на языческой вере в магическую силу слова. Позднее они испытали определенное воздействие христианских воззрений, что отразилось на их содержании, художественной форме и лексике. С помощью заклинательных формул наши далекие предки надеялись заручиться поддержкой стихийных сил природы и их повелителей, Бога и христианских святых, предотвратить или прекратить нежелательные явления, вызвать или ускорить благоприятные для человека перемены. Но если молитва может быть «услышана» или «не услышана», то правильно произнесенное заклинание, по глубокому убеждению исполнителей, безотказно действует на небесные силы и силы природы, на оружие и болезни (точнее — на олицетворяющие болезни мифические существа), на растения и животных и, конечно же, на людей всех возрастов, чинов и званий — от колдунов, «начальников и начальниц» до новорожденного младенца или полюбившейся парню *«красной девицы»*.

Особенности бытования произведений этого жанра, их обрядовое «сопровождение», строгие правила обучения заговорному искусству подробнее будут освещены в 14-м и 15-м разделах. Здесь мы остановимся на характеристике самих текстов народных заклинаний.

Первооткрывателем русской заговорной традиции в Литве был известный финский исследователь этого жанра профессор Вильям Мансикка. В 1928 году он совершил поездку по северо-восточной Литве и, наряду с литовскими заговорами, записал 5 текстов от *«русских старушек»* из Швенчёнского района. На сегодняшний день общее количество записей приблизилось к 100 вариантам, большая часть из них опубликована (*Заг., №№ 1–60*). Реестр народных заклинаний достаточно обширен — 37 сюжетных типов. Как и в современных записях из других регионов, преобладают медицинские заговоры — и универсальные (*«от всяких болезней»*, *«от боли»*, *«от головной боли»*), и направленные против конкретных недугов (от заражения крови, от змеиного укуса, *«против веснухи»*, *«от шб́ла»* — то есть нервного расстройства, водобоязни и т. д.). Отдельную группу составляют заговоры, призванные обеспечить здоровье новорожденного младенца (*«от ту́па»*), избавить ребенка от бессонницы, убрать от детских болезней. Особого внимания заслуживает так назы-

ваемое «перепекание ребенка»: архаичное содержание вербального текста сочетается с не менее архаичными магическими действиями (больного или физически слабого младенца «парят и правят» в русской печи, в которую поставлен новый глиняный горшок с водой).

Наши материалы заставляют еще раз усомниться в справедливости расхожего мнения о том, что активное бытование лечебных заговоров во многом связано с нехваткой врачей, низким уровнем медицинского обслуживания и т. п. Излюбленным мотивом многих рассказов о «шептунках» являются утверждения, что они помогают и в тех случаях, когда бессильными оказываются самые искусные врачи; что доктора удивляются выздоровлению безнадежно больных, а порой и сами лечатся у деревенских целителей. Любопытно, что особенно много подобных историй записано в окрестностях Каунаса — крупнейшего в республике центра медицинской науки.

Во вторую группу входят хозяйственные заговоры и обереги, призванные обеспечить хороший урожай зерновых и овощей, приплод скота, удачу на охоте, в рыбной ловле, в торговле, безопасность в лесу, на чужбине, на войне. Их записано немного, но, судя по рассказам наших информаторов, в недалеком прошлом они бытовали достаточно широко. Лучше других сохранились обереги (универсальные — «от всех несчастий» и более частного порядка — «от страха в дороге»), заклинания от сглаза, «от ветру» (то есть злого наговора, пущенного «по ветру»). Неоднократно фиксировались в Литве и заговоры третьей группы, направленные на урегулирование общественных и личных отношений между людьми. Несомненный интерес представляют любовные заклинания — «присушки» и «отсушки» (любовное чувство, как и болезни, «порча», якобы насылается со стороны или «остужается»). Оригинален по содержанию «судебный стих»: ангела-хранителя призывают «замести» глаза и рты судьям и прокурорам, «чтобы рот не разевали, глаза не выголяли, зубы не выщеряли б на раба Божьего...» Варианты этого заговора записаны в 1977 и 2000 годах, но в них упоминаются реалии дореволюционной России — «мировой» (судья), «суд военный». Как видим, несмотря на неоднократную смену властей оппозиционные по отношению к ним фольклорные произведения во все времена остаются актуальными. Не забыли в Литве и заклинание «от пьянства», построенное по классической схеме: «хмель и вино» отсылаются на край света, в нежилые места («в тёмные леса, где люди не ходят и кони не бродят, <...> на быструю воду, по которой води люди не ездят»), им советуют привязаться «к лихому человеку, который добра не сделает».

Большинство заговоров направлено на благо человеку, поэтому в их тексты естественно вписываются некоторые молитвенные формулы, имена христианских персонажей (Святая Троица, Богородица, евангелисты, герои библейских сказаний). Но есть и так называемые «черные», вредоносные заклинания и примыкающие к ним «отсушки» и «присушки» («приворотные» любовные заговоры). В них за помощью обращаются к нечистой силе («призываю к себе девять бесей, девять чертей...»), к персонажам языческой мифологии и, естественно, не употребляют молитвенных слов и выражений. По вполне понятным причинам «черных» заговоров записано немного («чтоб не повезло на охоте», на остановку свадебного «поезда», присушки), но в рассказах об их бытовании нет недостатка.

Народные заклинания в Литве чаще всего называют «*приговорами*», «*заговорами*» (обычно с переносом ударения на третий слог). Слова «*заговаривать*», «*приговор*» встречаются и в самих текстах. Термин «*слово*», широко распространенный в России, нашим информаторам практически не знаком. Лишь однажды исполнитель пояснил, что от змеиноу укуса раньше «*словами заговаривали*», но в данном случае, скорее всего, имелась в виду единица речи, а не название фольклорного жанра. Не известен местной традиции и термин «*статья*», также неоднократно фиксировавшийся в России. Два рукописных текста названы «*молитвами*»; правда, оба они занесены из Зауралья. Но и в одном из вариантов местного происхождения заклинание именуется «*молитвой*». «*Три девы голые, босые, беспоясые, простоволосые*», олицетворяющие весеннюю лихорадку, сами подсказывают способ исцеления: надо три раза прочитать эту «*молитву*» (то есть этот заговор) — и «*мы к ним не прискокнем*». Две женщины необычно «озаглавили» свои заклинания: «*Судебный стих*» и «*Стих [от с]глаза*». Это не случайные оговорки, поскольку и в других районах Литвы, в приграничных селениях Латгалии и Беларуси заговоры нередко именуют «*стишками*». В таком же значении этот народный термин неоднократно фиксировался в зоне псковских говоров (Разумовская, с. 259–262, 264–266 и др.), которую современные исследователи склонны считать прародиной старообрядцев Литвы. Сближению народных заклинаний с духовными стихами могли способствовать ритмическая организация текстов и обилие в них христианских элементов.

От староверов записаны разные по своей художественной форме произведения этого жанра: и короткие формулы, состоящие из одной-двух фраз; и развернутые, «эпические» заговоры; и тексты, целиком построенные на диалоге (некоторые из них непременно

должны исполняться «двумя лицами»). Эпические заклинания, как правило, имеют трехчастную структуру. В зачине описывается реальное или воображаемое действие заговаривающего («*Встану, благословясь, пойду, перекрестясь...*»), приводящие в конце концов к контактам с языческими или христианскими персонажами (Николай-угодник, Георгий Победоносец, «*Михайла-архангел*», «*царь Давид*», «*святая мученица Сламонида*» и др.; «*водица-царица*», «*заря-зарница, красная девица*», «*Вихорь Вихоревич*», «*Сам Самоох*», «*Крикса*», «*Фокса*», «*змея Сарафея*», «*заморский непροстой петун*» и т. п.). Основная часть текста строится на аналогии, развернутом сравнении описываемого с желательным или же содержит прямое побуждение к благоприятным для человека действиям: «*Гад, гад, возьми свой яд...*», «*Ты, вих, не будь так лих, не ломи кости...*» Завершается заговор традиционной «закрепкой», «замыканием»: «*Век по веку, отныне и до веку...*», «*Запираю приговор тридевятью замками...*». Эти функции нередко выполняют молитвенные формулы: «*Да помоги, Господи, всем людям твоим...*» и др.

Для стилистики заговоров характерны повторы разных типов, подробное перечисление частей тела или различных форм закливаемой болезни, обилие глаголов в повелительном наклонении, звукопись и рифма. Поэтические образы, стереотипные формулы народной поэзии нередко сочетаются с церковнославянскими оборотами речи («*на небеси*», «*речет мать Божия*» и т. п.). Их сохранению в фольклорных текстах во многом способствует рукописное бытование заговоров, характерное для духовной культуры староверов (см. следующий раздел сборника). Один из вариантов целиком построен на абракадабре. Четкая установка на традицию, широко бытующее мнение, что в «стишке» нельзя менять ни единого слова, иначе он потеряет свою силу, приводят к многочисленным искажениям, замене и переосмыслению имен собственных. Иоанн Златоуст превращается в «*Никиту Краснопева*», Параскева Пятница — в «*утреннюю зарю Параскавею*», апостол и евангелист Марк — в «*Самарку*» (вместо «со Марком»). Особенно много вариаций породило название легендарного «*Латырь (Алатырь)-камня*». Некоторые исполнители сохраняют традиционное звучание этого непривычного для русского уха слова, но гораздо чаще его искажают до неузнаваемости, фантазируя в духе народной этимологии: «*Болотырь*», «*Лодырь*», «*Пилатырь*» (по созвучию с евангельским «Понтием Пилатом») и даже «*Янтарь-камень*».

502. [Сон Богородицы] Мати Мария почивала в городе Ерусалиме. Пришёл к ей Иисус Христос и говорит: «О, мати Мария, спишь или так лежишь?» — «О, сын мой возлюбленный! Мало эту ночь видала [спала?], много снов во сне видала. Пришло ко мне три жидовина, Христа распинали, ручки-ножки гвоздям прибавали, святую кров [кровь] проливали, терновый венок на голову надевали». — «О, мати Мария! Праведен твой сон есть».

Кто сон этот проговорит, спасён будет от змея летучего, от гада ползучего, от ночи блуждающей и от болезни лежащей.

(Болеет человек. В лес идти; проговорите стишок — никакой гад не вкусит.)

503. От всех несчастий. Воскреснет Господь на небеси, и вострепехнут крутые горы, воздреганется [воздрогнется?] сырая мать, матушка земля. И вострепехнут крутые горы. Рассып[л]ются ка... [горы?] каменные и висчезнет [исчезнет] сила Дияволова! Аминь.

(Перекрециваясь.)

504. [Молитва-оберег]. Ложилась раба Божия Марфа спать под Христову печать, Богородицкий замок; а враг-сатана, откачнись от меня! В нашего Христа написано три листа: Иван и Марья и друг Христов, Иван Богуслов. Ложусь спать со Христом, крещуся крестом. Крест на мне и крест передо мной, крест — ангел со мной. Крест — хранитель, крест — спаситель и крест — церковная красота и крест — от бесев избавитель. Ангелам слава. Ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

(Это я спать ложусь, всегда говорю.)

505. Молитва от страха в дороге. [По рукописи.]

Святому отче Николаю
Возьми ключ от рая,
Закрой глаза злодею,
Руки, ноги, пути, дороги
А ты, пресвятая Мария,

Накрой меня своею темною
Святою ризою от всех
Ненавистных людей
Аминь, аминь, аминь.
Господи, благослови меня.
Спереди сам Господь
Сзади Иисус Христос
Надо мною 300 ангелов
Сзади 400 архангелов.
Господи наш, благослови меня
в путь-дорогу на сон грядущий.

506. Заговор от сглаза. Водича-царица, прекрасная девица пробегает про чистое коренье, про белые каменья. Серый глаз, бурый глаз, чёрный глаз, радостны глаз и завидные глаз! Радостны урёки и завидные урёки! Идите [во] мхи, в болота. Там сидит красная девица, шьёт, зашивает кровавые раны. Шёлковы ниточки, золота иголка. Вы там живите, к нам не ходите; вы там гуляйте, к нам не бывайте. Вам там вечная жизнь. Аминь.

507. [Заговор «от сглазу»].

А. Г.: ...Как от сглазу... Могу и сказать; могу сказать — всё равно мне скоро умирать, вы младше меня. Вот:

«Белый глаз, серый глаз, рудый глаз, чёрный глаз! Радостные урёки, завистные урёки, идите в чистые поля, в зелёные луга. В чистых полях, в зелёных лугах стоит дуб колоколист; на том дубу сидят птицы ярские, поют песни Господние. Не пойдёте песни Господние слушать, придёт сам Сус Христос, Пресвятая Госпожа Богородица. Возьмёт от Агриппины врёки, понесёт во пни, во болота, в гнилые колоды.

И ныне, и присно, и во веки векомъ».

«Аминь» никогда не надо говорить... А мóжет перевернуть человека глаз. Я двух младенцев спасла. Перевернуло бы; умерли б... Глаз. Глаз — самое это... опасное, да. Радостный хуже, чем завистный. Если порадоваешься так очень. Особенно когда мать отсаживает ребёнка и, значит: «Не дам сиськи!» Тут давала, тут —

не дала, и обратно — пожалела, и обратно ему дала. Вот этот человек будет всегда сглаживать.

[А сглаз на всех одинаково действует?]

Очень хорошо тогда, значит, воспринимает [заговор], когда ежи, вот там... [у вас] вторая группа кровей, и в меня. Вот, вы от меня всегда вылечитесь. По крови... (Ср. № 496.)

[А на кого сглаз сильнее всего действует?]

Е. В.: Не на всех... Смотря от человека души чистоты. Если он чистый, он не возьмёт много — понимаете? А если, конечно, у него столько греха, и он принимает.

А. Г.: Это очень надо, знаете, такому...; никому ничего не делать, чтобы не сделать вреда; чтобы не ужалить человека, чтобы, значит, как змея... А надо всё с чистой и с хорошей совестью. <...>

Перед образам стать; и надо это воду ложечкой чистенькой мешать и вот этот стипок заговаривать; и три раза. Девять раз...

[А потом водой этой...]

Вот, попить, помыться, да... Если на пользу — уснё, и всё. <...> И корову, да — это самое. Значит, ей попить немножко дать и, значит, яну... не к головы, не против шерсти, а по шерсти всё. Вот, попрыскай и всё, значит, помой.

[А воду любую можно брать?]

Лучше всего с речки. И надо черпать яну...; значит, вот, как вода идёт так — так вот так надо начерпать [показывает руками — *против течения*]. И сколько взял в кружку, столько и носи. Полную взял — полную носи, и наговаривай полную. Взял половина — половина наговаривай. Чтоб не прибавлять и не отбавлять.

508. [От крови]. [А как отец от сглаза лечил?]

Заговаривал... Он становился, черпал воды кружечкой, а тада перед иконой становился, вот; и перехрестился и тада так вот говорил. А меня..., меня токо научил — когда в меня дети были маленькие — так научил токо детский заговёр. Мне не отец научил; пришёл вот тут сосед-литовец. Пришёл и говорит: «Я, говорит, умею заговаривать от этого..., когда кровь идёт, вырывается». И ён меня научил, проговорил. <...> Никакой там заговёр. Я и вам расскажу...

Говорит, Иисус Христос ишёл через море и зацапил за камень.
Задяржи, Иисус Христос, кров[ь] и загбй эту рану.

Вот и всё, и весь заговор; и полезно.

[Один раз сказать надо?]

Три. Три раза надо говорить.

[И прямо, где кровь идёт, или на что-нибудь надо наговаривать?]

Вот, с носу, с носу когда кров[ь] идёт... Токо он, бывало, говорил, что я по ветру пускаю. А я так заговариваю, я просто... У моего сына в старшего горазд часто проходила кров[ь]. Я просто так вот. Ни я воды какой, ничего; просто ён сидел, я токо проговорила так...

509. От крови. Бежит конь карь, на нем сидит старик стар. И ты, кровь, стань у раба Божьего (имярек). Если не станешь, то тебе будет, кто в воскресенье дрова рубит. Всегда — ныне, и присно, и во веки веков.

510. [От крови]. [Как] на курице не орать [пахать], на пеху на бороновать, так этой крови раба Божия не выходить.

(Три раза надо проговорить. И когда кончаешь, надо говорить: «Аминь, аминь, аминь», и три раза плюнуть, и левой ногой подтереть.)

511. От укуса змеи.

Во чистых полях, зелёных лугах
Сидит девица под липовым кустом
И заговаривает яд:
«Гад, гад! Возьми свой яд!
Не возьмёшь свой яд —
Не примет тебя ни куст, ни вода,
Ни Болотырь-камень,
Ни солнце, ни земля!»

512. Заговор от гада. Змий, змий, возьми свое жало! Не возьмешь своё жало, пойду к Михайлы Архангелы; не даст тебе места ни в лесах, ни в болотах, ни в гнилых колодах.

513. Заговор змеи. (На воды заговорить, смыть тую рану водою.)

Гад, гад, возьми свой яд! Не возьмешь своего яда, не примет тебя, гада, ни белый камень, ни ракитовые кусты, ни сырая земля. Замыкалась заря, соезжались гости со всех сторон и со всех государств, заговаривали гада гадинского и змея ходу твоею и яду языком суроватым. Аминь, аминь. И зааминивал змеиное твое жало. Всегда — ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

514. Заговор от головной боли. (Сеять пшеницей возле головы.)

Ветренъки, ветренъки подорожные, подпорожные, подугольные, подзавальные! На чем пристали, на том обрящетесь. Вызываю я вас, выкликаю я вас на синее море, на чистое поле. Там, на синих мхах и болотах, ветренъки твои гуляют, ветренъков дождают. Там мёд-вино пьют и тебе дадут. Тут вам не хупуванье*, не красованье, не зависть, не радость. Идите на мхи, на болота, на сухие колоды. Без вас мама Маню родила, без вас на свет пустила. Аминь этой болезни. Тьфу!

[* «Хупуванье» исполнительница объяснила как «гулянье».]

515. От зубов. Спрашивает молодой месяц старого: «Не болят ли зубы мертвому?» — «Не болят, не ноют, не ломают, не колют». Замертвели, как у мертвого, и тогда, и ныне, и во веки веков. Аминь. (Три раза.)

516. От зубной боли. Месяц ты, месяц, серебряные рожки, золотые твои ножки. Сойди ты, месяц, сними мою зубную скорбь, унеси боль под облака. Моя скорбь не мала, не тамка [не тяж-

ка], а твоя сила могуча. Мне скорбь не перенести. Вот зуб, вот два, вот три, вот все твои. Возьми скорбь, месяц ты, месяц, сокрой от меня скорбь.

517. [Заговор от «скульы»]. Так вот берёшь мизёнчик... И вот по этой скульы*, кругом скульы водишь.

И ныне, и присно, и во веки веком. Аминь, аминь, аминь.

И ныне, и присно, и во веки веком. Аминь, аминь, аминь.

И ныне, и присно, и во веки веком. Аминь, аминь, аминь.

Крестом надо. И тогда плюй. Три раза надо говорить. И надо под левую ногу плюнуть и ногой растереть.

[* «Скула́» — опухоль на лице, чирей.]

518. От ячменя. Ячмень, ячмень, на тебе кукиш! За кукиш что хошь купишь. Купи себе топорок, секи себя поперёк.

519. [Заговор от лишаев.]

[*А когда нужно заговаривать, в какое время?*]

...Бывало, на старику, как месяц старый. На старику. Даже круги... Я помню, ещё я никакая девчужка была, — мама, правда? — в меня на бороды был круг. Ну, круг такой; ну, понимаете — такими кропочками, круг. И вот, мне тётка Менадбра его заговаривала. Не как не заговаривала, а просто резала, ножом, кругом. На бороды.

[*Так она резала или обводила?*]

Обводила. Обводила и говорила; и я это запомнила и могу вам сказать. И она если в гул говорила — значит, это не было секрет. И это всё помогает...

Взяла ножик и водит. Вот, допустим, это вот круг. <...> Надо найти сук, где-то на полу или где-то.

Сук, сук, сук.

Возьми свой круг.

Отдай мою красоту.

Возьми свою нечистоту.

И вот так три раза. И мне круг пропал. И я эту молитву... Ну, не молитву — просто слова — запомнила, по сей день знаю. <...> Я знаю, что старый месяц был только... Старый месяц пропадает — и всё это пропадает. <...> В меня борода чистая, счас же нет ничего... А, «лишаи» — во-во-во! А мы называем «круги»...

Ище вот пшвагра [свояк] мой; ну, кавалер ещё был, ходил к сестры к моёй. Вот так сидит. И вот, смотрю — на шее, вот, точно такой, как у меня был. Я говорю: «А что это в тебя тут?» — «А, — говорит, — какой-то круг, какие-то болячки образовались». Я говорю: «Будет конфеты — я тебя вылечу». — «Ну, какой доктор нашёлся!» Говорю: «Давай, попробуем». Ну, и вот, я ему: «Сук, сук, сук, возьми свой круг...» В шутки! На окне как раз был сук. Я ему поговорила. Приходит через неделю с конфетами...

520. [Заговор «от кругов»]. Бывало, наша баба, где сук, так:

Сук, сук,

Возьми свой круг,

Возьми свою красоту,

Отдай мою чистоту.

Поплюёшь — «тфу-тьфу-тьфу...» И всё..

[*Это когда на теле краснота?*]

Яны́ по телу бывают. Ето «круги́» [лишаи], всяка разна бывает. Где сук. Надо сук, чтоб сук [в бревенчатой стене, на подоконнике, лавке и т. п.]. Поплевал, помазал. Слёной поплевал, помазал-помазал — и готово, и здоровый. Я ещё Сенькину мальчишке, бывало, ворожила, а он уже жанивши...

Хто первый человек [*первый ребенок в семье*], ён горазд ворюжит хорошо. <...> Я первая. Первая родивши.

521. [Заговор от бородавок].

...А я таперь в престарелом дому́ ворожу всё. Эти бородашки растут и всё. И по всем докторям оны ездили, и резали, и что ни делали — а ничего не сдёют. Приходят они. <...> Там я трбуху поварила шелухи етой, пошпатала... Ниток нету — там ниток собрали, сделали. И токо раз — по сегодняшний день...

[А что варили?]

С картошки шелуху, сырой.

[И на неё надо пошептать?]

Там оно сухое... Ниток надо больше шептать, связать узелки. И ту воду, и важут бородашки, и важут. И где они естя — и пропали...

[А пошептать что нужно?]

Ну, надо шептать... А вам надо?

[Ну, конечно, надо!]

Стих коротенький...

«По сей час, по сей раз, по сей минутъ».

И всё. Раза три, шесть, девять хошь проговори, повáжишь — и всё... Таперь много, ай-яй-яй! Как взнали, так сразу: «Бабушка, бабушка!..» И несут — то шоколадку, то... Варить, то знаешь, хто там будет варить? Как дома, бывало, так я наварю много; такая густая, хорошо — склизкая. А там... Али, помогает. Пошепчу, помажу...

522. От вывиха. Ехал Царь Давыд по зелен луг, по калиновому мосту. Конь стал, вих перестал. Вих, вих, не будь лих; не ломи раба Божьего (имя) кость (...название вывихнутой кости), ломи сухую стрость. Ветхай молодецкой и марта месяца, по сей час, по сей минуту. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Аминь.

523. От виху. Святой Ягор и святой Никола ездил по ржах и по межах. Надломили болью кость и раздробили. Серое мясо, кость, сойди с костей [сойдись с костью?], а мясо — с жиллом. А ты, вих, не будь такой лих! Не ломи кости и не зноби сердце раба Божьего по сей час, по мой приговор и ныне, и приснь, и во веки веков! Аминь.

524. Заговор от грыжи. Там, на море-океане, лежал Лодырь-камень, на том камне сидела девица. «Девица, девица, чем ты питаешься?» — «Тым я питаюсь — рабы Божьей... грызь сгры-

заю, тым только сыта бываю». — «Грызи, грызи, чтоб его во веки не было!»

525. Заговор против веснухи.* (Заговаривается вода. Надо стать со стаканом воды под деревом и сказать заговор.)

Под деревом открытым стоят три святых Симона с огненными мечами, а им навстречу идут три девы голые, босые, беспоясые, простоволосые. Выходят им навстречу три Симона с огненными мечами и спрашивают: «Девы, девы, куда вы идёте?» Они грубо отвечают: «Идём в свет тело щипать, кости ломать, душу к смерти гнать. Кто молитву знает, пусть три раза прочтает,—мы к ним не прискокнуем».

[* «Веснуха» — лихорадка.]

526. [Заговор от бессонницы]. Ну так вот, тепери-ка ещё один стишок скажу. <...> Если вечером наговариваешь; выносишь ребёнка, или самому...

Вечерешняя зарница, красная девица; вечерешняя зарница, красная девица; вечерешняя зарница, красная девица! Возьми от Агрипины ночницы — ночные и полуночные, денные и полуденные, часовые и получасовые, минутные и полуминутные. Паче час, паче день. И ныне, и присно, и во веки веком. Аминь.

527. От бессонницы. Заря, зарница, красная девица, сама мать и сама царица, светлее месяца. Ясные звезды, возьмите у меня бессонницу, бездремотницу, полуночницу. Среди ночи приди ко мне хоть красной девицей, хоть матерей-царицей. Сложи с меня окояну силу.

528. Заговор от бессонницы. Курки-рябошки, курки-рябушки, курки-чернушки, и вы, петушочки красные! А вы рано не спевайте, девочке спать давайте. Натё вам хлеб-соль, а Маше дайте сладкий сон.

529. От испугу. Водица-царица и Христова источница! С востока бежишь, на западе падожь [*падёшь?*]. Обмываешь крутые берега, желтые пески. Отмой раба Божьего (имя) от всякого испугу — от ночного, полуночного, от дянного, полуденного; сухоту, и ломоту, и нечистоту. С буйной головы, с хрибятной кости, с горячей крови, с рецевого сердца, со всего стану человеческого. Аминь.

530. [От испуга].

С испугу... в скором моменте — так это помôдет воды наговорить. А если протянет долгое время, это надо в бане парить. И <...> надо стишок говорить. <...> Надо, например, посуду взять. Например, такую кружку, ай большу какую..., ну, литровую, например. И ножиком надо, и во так во вот [*крестит ножом внутри кружки*], перекрестить. Вот тогда:

«По сей день прѣтча, по сей час прѣтча, по сию минуту прѣтча. От всех иных болестей, от бумажной крови, от ни этой боли. Младенца — ай, там Ивана, ай Сергея — по сей день прѣтча. Аминь, аминь этой боли».

И плюнуть под леву ногу. И три раза так.

[*По просьбе собирателей Ф. С. прочитал «стишок» повторно.*]

«По сей день прѣтча, по сей час прѣтча, по сию минуту прѣтча. От всех иных болестей, от бумажной крови, от ни этой боли. Младенца Сергея, от утренней зари, от полуденной зари, от полуночной зари, от вечерней зари. Аминь, аминь этой боли».

Смочить надо все составы [*суставы*]; все составы надо смочить. Лицѣ помыть и дать выпить. Ну, ложечки две там, три ложечки. И воду не втирать [*вытирать*] — так, как вымыл, так пускай будет. Это утром рано надо, на зорьке; в обед и вечером на зари так. Это вскорости. А если долгое время протянуть, это надо обязательно в бане попарить. И еты сами стишки говорить.

[*А в бане тоже воду наговаривать?*]

Воду наговаривать и в воды смочить его, значит; веником парить и етот стишок говорить надо.

[*А веник, который в доме?*]

Не-не, который в бане...

[А наговоренную воду давать до того, как парят, или потом?]

Потом...

531. Заговор от шала. Теляран слоран желактивот. Стопонет килераш илераш. Аминь.

532. От пупа. Середа благочестивая, пятница великая, святая мученица Сламонида, которая Христа на руки принимала и обливала, пуп завязывала и заговаривала. Пуп-пупище, иди в своё жилище! Не я тебя кричу, не я укликаю. Святая матушка Сламонида, которая Христа на руки принимала и обливала, пуп завязывала и заговаривала — со скорых ног, со скорых рук, с ретивого сердца, с буйной головы, со всех жил, со всех пожил, со всех суставов, со всех посустав, со всех костей, со всех покостей. С батюшкина зачаждения*, с матушкиного порождения. Не я пособляю, сам Исус Христос с Пресвятой Богородицей, с Лукой и Самаркой**, с Иваном-Краснопевцем***.

Отшатнись, сатана, отопрись, ворота. Любящего Бога (имя) все беси погибают. Кто сполнил небу и землю и раба Божьего (имя).

По сей день, по сей час, по мой приговор.

Аминь.

[* «Зачаждение» — зачатие. ** «Самарка» — искаж. «со Маркой». *** «Иван Краснопевец» — Иоанн Златоуст.]

533. [От «порчи» младенца].

(Если ребенок очень слабый, говорят, что его «испортили», — тогда его просовывают через все промежутки лестницы и говорят:)

«Тихонький, тихонький, не ломайся над ребенком Петром (называют крещеное имя ребенка), ломайся над лестницей!»

534. [«Править» младенца]. (Еще болеющего ребенка палят в печи. Ребенка заворачивают в толстое ватное одеяло, ненадолго оставляют в печи, пока говорят нижеприведенные слова. В печь поставлен новый глиняный горшок. Держа ребенка в печи, говорят:)

Утренняя заря Параскавея, приди править и парить младенца Петра (здесь называют крещеное имя ребенка). Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. И ныне, и присно, и во веки веков. Вечерняя заря Соломонея, приди править и парить младенца Петра (называют его имя). Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. И ныне, и присно, и во веки веков.

(Тогда ребенка вытаскивают из печи. «Аминь» не говорят — нельзя, ибо тогда ребенок может не выдержать и умереть.)

535. От потниц ребячьих.

Святой Савостей, отпусти болей!

Святая Маланья, отпусти желанья!

Зелёным венчиком потерю [*потру*],

Святым духом отправлю [*выправлю, исправлю*].

Двадцать сухостей, двадцать болей; все сухоты и ломоты, и криксы, плаксы, и все недуги! Не я помогаю — сам Иисус Христос с Пресвятой Богородицей.

Вечерняя ночница, повечерняя ночница, ночная ночница, денная денница! Отступите, пропадите от рабы Божьей... Идите во мхи и болота, в гнилые пни, колоды, где петухи не поют, котки не воркуют.

По сей день, по сей час, по мой приговор. Всегда — и ныне, и пристные, во веки веков. Аминь.

536. Заговор от пьянства. Во имя Отца, и Сына, [*и*] Святого Духа. Аминь. От раба Божия (имярек) в тёмные леса, где люди не ходят и кони не бродят. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. (Дважды.) Хмель и вино, выходи на быструю воду, на которой води люди не ездят; от раба Божия (имярек), хмель и вино, поди на буйный ветер, который по дальности ходит. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, привяжись к лихому человеку, который

добра не сделает, от меня. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

537. На капусту.

— Капуста, капуста! Бог помоги вам сидеть в огороде!

— А спасибо, — она говорит.

— Что я слышал, что у вас нездоровится, у вас слабые есть корни, у тех корнях килы, у тех килах черви?

— На море, на океане сидит заморски[й] непростой петун; он прилетит и мне килы расперет, и черви выйдут.

Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу. И ныне, и во веки веков. Аминь.

538. Чтоб не повезло на охоте. (Заговор ведется двумя лицами, повторить три раза.)

Первое лицо: Кто идут?

Второе лицо: Охотники.

Первое лицо: Куда идут?

Второе лицо: Стрелять.

Первое лицо: Не стрелять, а дичь пугать. Пускай свои ружья налескуют.*

(Снять кальсоны и помахать ими в сторону охотников.)

[* «Налесковать» — видимо, от глагола «ляскать» — хлопать, щелкать и т. п.]

539. Приворотный. Встаю, раба Божия (имя), не крестясь, не молясь, не умывши и не утварявши*. Выхожу из дверей в двори, в чистое поле. Призываю к себе девять бесей, девять чертей. В чистом поле синее море лежит, на синем море — каменная плита. На той каменной плите сидят три девицы, родные сестрицы; жгут железо, разжигают; медь разжигают, серебро разжигают.

Вы, девицы, родные сестрицы! Не жгите железо, не жгите медь, не жгите серебро, не утваряйте* землю. Разожгите (имя), чтобы не мог бы быть без рабы Божьей (имя) — ни дня днествовать,

ни ночь ночевать, ни час часовать. Ходила раба Божья (имя) по чистому полю, собирала цветочки-василёчки. А пойдём вместе с нами в каменную баню. В каменной бане сам Самоох. Возьмём каменную доску и наложим на (имя) большую тоску, чтобы не мог бы он дня дневать, ночь ночевать, ни час часовать без рабы Божьей (имя). Чтобы была милее всего белого свету, милей матери, милей отца, милей девок, милей баб, милей солнца, луны, милей праведной росы. По сей день, по сей час, по мой приговор. Аминь.

[* «Утварять» — приводит в порядок.]

540. Судебный стих. Родила раба Божья (имя) раба Божьего (имя). Не одна родила — с пресвятой Богородицей и тремя ангелами-хранителями.

Иду на суд военный; не одна иду — с пресвятой Богородицей, с тремя ангелами-хранителями. Один идёт вперёд, а второй — сзади, а третий след замечает.

Ангел-хранитель! Замети и мировым*, и прокурорам и глаза, и рта, чтобы рот не разевали, глаза не выголяли, зубы не выщеряли б на раба Божьего (имя)!

Ихные стены, раба Божьего (имя) верх.

Выходил (имя) из дверей в двери, в чистое поле. В чистом поле синее море. Около синя моря стоит зелёный дуб, под зелёным дубом стоят двенадцать молодцов, двенадцать замков и двенадцать ключёв. Вы, молодцы, не сидите, но рабу Божьему (имя) помогите. Возьмите ключи, отомните замки, чтобы не был бы в тюремном заключении.

[* «Мировой» — мировой судья во второй половине XIX в.]

14. РУКОПИСНЫЙ СБОРНИК ЗАКЛИНАНИЙ

На бытование русских народных заклинаний определенное воздействие оказала книжная культура, высокий уровень грамотности старообрядцев. В частности, отмечены случаи заимствования текстов из печатных источников. «Заговор от пьянства» (см. № 536) рокишкской знахарки А. Карповой почти слово в слово, но в усеченном виде, повторяет поморский вариант, около 150 лет тому назад опубликованный в «Памятной книжке Архангельской губернии» и позднее перепечатанный в сборнике Л. Н. Майкова (*Майков*, № 207). А ее заклинание «От зубной боли» (см. № 516) идентично тексту из другого классического сборника XIX века — «Сказания русского народа» И. П. Сахарова (*Сахаров*, с. 45, № 15). Вероятнее всего, Карпова усвоила оба заговора не по книге, а по рукописи, причем не совсем исправной. Об этом свидетельствует и стяжение текстов, обычное при их копировании, и специфический характер разночтений (например, вместо слов «*моя скорбь* <...> *не тяжка*» исполнительница сказала: «...*не тамка*» — видимо, так ею было прочитано неразборчиво написанное «*не тяшка*».

Есть все основания говорить и о рукописном бытовании устных по происхождению заклинаний; их переписывали для более точного усвоения. В экспедициях нам не раз доводилось слышать о тетрадках со «*стишками*», как здесь принято называть произведения этого жанра. Несколько раз мы были близки к тому, чтобы получить рукописи в свое распоряжение, но в последний момент под разными предлогами нам все-таки отказывали — сакральные знания до сих пор ревниво оберегаются от «чужих». Лишь дважды нам улыбнулась удача. Лидия Беззубова из Дукштаса позволила скопировать «*Молитву от страха в дороге*» (см. № 505) и универсальный заговор «*От боли*». Эти рукописи, полученные информатором от родственников на Урале (тоже старообрядцев), по глубокому убеждению Беззубовой, помогли ей в начале 90-х годов благополучно миновать все пограничные и таможенные барьеры, без хлопот возвратиться в Литву. А в 1998 году Агриппина Яковлевна Голубева из деревни Юргелишкес Швенчёнского района доверила нам небольшой сборник, содержащий 11 медицинских заговоров.

Агриппина Яковлевна родилась в 1929 году, всю жизнь провела в родной деревне — центре одного из самых старых на востоке Литвы

старообрядческих приходов. Училась по одному году в польской и русской школах; «славянскую грамоту», как и многие ее земляки, освоила самостоятельно. Исполнительница неплохо разбирается в народной медицине, сама собирает и сушит лекарственные травы. Смутно помнит сюжеты нескольких старинных баллад, называет их «*постными песнями*» — «*только в посты поют*». Примерно 15 лет назад она переписала у своей односельчанки Феклы Власовны Артаевой заговоры из тетради (Артаева умерла 4–5 лет назад в возрасте около 80 лет). Мы попросили Голубеву «озвучить» заклипания по рукописи (на память она помнила тексты нетвердо, так как давно ими не пользовалась). Рукописные варианты заговоров помещены слева, прочитанные — справа. В публикации сохранены все особенности написания и произношения, включая явные ошибки и отклонения от языковых норм. Комментарии и пояснения исполнительницы даны в круглых скобках, вопросы собирателей — курсивом в квадратных скобках. Рассказы о бытовании заговоров записаны после продолжительной беседы во дворе, не зафиксированной на пленку. Наличием этой предварительной информации вызваны некоторые вопросы собирателей.

При контрольном чтении заговоров Голубева нередко запинаясь, искажала отдельные слова, порой заменяла диалектные формы («*суставья*», «*гдзъзы*», «*болоты*», «*ветуньы*») их литературными аналогами. От хозяйки рукописного сборника мы записали и народный термин «*спискі́*», свидетельствующий о традиционности письменного бытования заклипаний в восточных районах Литвы («*Раньше много списков было...*» и т. п.). Позднее этот термин неоднократно фиксировался нами на востоке Швенчёнско-Игналинского края и в соседних старообрядческих общинах Беларуси (Видзы, Кукляны, Апидамы).

541. НА СОН ГАРЯДУЩАМ

Да воскреснет Бог, и разыдутся враги Его, и да бежат от лица Его ненавидящий Его. Яко исчезнет дым да исчезнут. Яко тает воск от лица огня, тако дапогибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением, и да возвеселимся рекуще: радуясь,

(На сон грядущий надо сказать первым?)

Да воскреснет Бог, да разыдутся враги его, да бежат от лица его ненавидящих его, яко исчезнет дым. Да исчезнут, яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога, знаменующимся крест-

кресте Господень прогоняй беси силаю на тебе пропятого Господа нашего Иисуса Христа, во ад сошедшего и пропавшего силу дьяволу и давшего нам крест свой честный на прогоняние всякого супостата, Препомогай ми с Присвятую Госпожею Богородицею и со всеми святыми небесными силами всегда: ныне и присно, и во веки веком, аминь.

ным знаменем. Да возвеселимся, рекуще: «Радуйся, Христе господи!» Прогоняй беси силою на тебе пропятого господа нашего, Иисуса Христа, во ад сошедшего и пропавшую силу дьяволу и давшего нам крест свой честный на прогоняние всякого супостата. Препомогай ми с Пресвятую госпóжею Богородицею, всеми небесными святыми силами. Всегда — и ныне, и присно, и во веки веком. Аминь.

[Это когда читают?]

(Это когда сглазу, этот стишок читают.)

[А читают на что?]

(Можно на воду, можно на соль, можно на сахар; хоть на что...)

542. ОТ ПОРУШ[ЕНИЯ]

Мать матица, стань на своё местечко пупуп пуписча иди на свое гнездисча ния помошница нея заговорчица, ни я помогаю, не я заговариваю только раба божия (имя) пособляю тридевать жил, тридеветь пожил посея день посея час. Аминь.

Мать-матица, стань на своё местёчко; пуп-пупище, иди на своё гнездище! Не я помощница, не я заговорщица; не я помогаю, не я заговариваю. Только рабы Божия (надо имя, кого... вылечить)... рабы Божия (я на своё имя) Агриппины ни по... соблюю... Тридевать жил, тридевать пожил. По сей день, по сей час, во веки веком. Аминь.

(Это от порушения...)

[А «торушение» — что это такое?]

(Ну, когда что тяжело подынешь, срушишь, с места пупик этот. Нужно заговаривать его, даже нужно камушки вставлять

и тереть надо, с водой и с мылом; теплой водой. Вот... Ежели не помогает заговор, то нужно на пупик заговаривать прямо.)

[А Вы говорили — на соль?]

(На соль, и на воду даже заговаривают. <...> На сахарь; чай слбшут, пьют тоже...)

543. ОТ ВИХУ (ЛЮДЯМ)

3 раза и 6 рас уезжал царь да солнушка воевать собирал царь кости и жилья и все сус-тавья раба божия (имя) и вих на места стал тридевять жил тридевять пажил по сей день по сей час. Аминь.

(А теперь от виху.)

Три раза, в шесть раз уезжал царь до солнушка воевать. Собирал царь кости и жилья, все суставы, рабы Божии (обратно на себя) Агрипины, всех [должно быть «вих» — см. рукописный вариант] на место стал. Тридевять жил, тридевять пожил. По сей день, по сей час, во веки веком. Аминь.

(Вот. Это для людей, от виху. Ну, кто будет, <...> больной будет — того имя называть, не моё...)

544. (СКОТА) (ОТ ВИХУ)

Ехал Бох на железный мост, мост проломился конь провалился красной шерсти и вих на места стал три девять жил три девять пажил по сей день по сей час

Аминь.

(Это от скота, от виху.)

Ехал Бох на железный мост; мост проломился, конь провалился, красной шерсти; всех [должно быть «вих» — см. рукописный вариант] на место стал, тридевять жил, тридевять пожил; по сей день, по сей час, во веки веком. Аминь.

(Для скота...)

545. ОТ ПУЖАНЬЯ (3 р.)

Атпарю раба божию (имя)
посей день переполох посей
час, переполох посей господния
минуть переполох посей утрен-
ной зари переполох посей день
посей час.

Аминь.

(Теперь от пужанья...)

Три раза, в шесть раз отпа-
риваю рабы Божей (обратно
свое) Агриппину в сей день, пе-
реполох, в сей час, переполох,
по се господние минуты, пере-
полох, по сей утренной зари,
переполох. По сей день, по сей
час. Аминь, аминь.

(Это от пуганья, если спугается человек, младенец какой.)

[Этот заговор на что заговаривают?]

(И на воду можно заговаривать, а на человека можно загова-
ривать на самого. И воду большинство моют...)

546. ОТ ГАДА

Гад, Гадица ясная змеица
сподлипова куста вышла крас-
ная голова ясныя глаза по
мору плыла пуза хвоста немо-
чила ярость в воду жила в гору
посей день посей час

Аминь.

(Теперь от гада...)

Гад, гадица, ясная змеица!
С-под липового куста вышла
красная голова, ясные глаза;
по морю плыла, пуза, хвоста не
мочила. Ярость в воду жила, в
гору,* по сей день, по сей час.
Аминь, аминь.

[* Видимо, должно быть: «ярость — в воду, жало — в гору...»]

547. ОТ КРУГА

Сук сук возьми свой крук
возми своих кросоту отдай мою
чистоту.

3 раза

(Теперь от круга*.)

Сук, сук, возьми мой круг;
возьми... всю [должно быть —
«свою»] красоту, отдай мою чи-
стоту.

(Три раза надо проговорить этот стишок.)

[* «Круг», «круги» — лишай.]

548. ОТ ОГНЯ

Огонь огонь скорбящий
возми свой дух скорбящей
огонь избеной огонь баяный
огонь ветренный тридевять жил,
три девять пажил посея день,
посей час

Аминь, аминь.

(Теперь от огня, если огонь
прикинувши...)

Огонь, огонь скорбящий,
возьми свой дух скорбящий.
Огонь избáви... [должно быть
«избяно́й» — см. рукописный
вариант], огонь баенный, вет-
ренный. Тридевять жил, три-
девять пожил. По сей день, по
сей час.

Аминь, аминь.

(Это когда вот прыщички от огня эти...)

549. ОТ РАДИМЦА. (ЭПИЛЕПСИЯ)

Два на 10 братьев родам-
цов днявныя и ночныя и полу-
ношныя часовыя и минутныя
не тряситесь, не знобити раба
божия помой заговор всегда
нине и присно и во веки веком
аминь (3 раза) (на воду, мьть-
ся водой).

(Теперь от родимца...)

Два на десять [т.е. «две-
нацать»] братьев-родимцев,
днявные и ночныя и полуноч-
ные, часовые и минутные; не
трясите, не запо... не запобедь*
раба Бокá...** По мой заговór,
всегда — ныне, и присно, и во
веки... Аминь, аминь.

(Тоже три раза надо проговорить этот стишок...)

[* «не знобите»; ** «раба Божия» — см. рукописный вари-
ант.]

550. ОТ НОЧНИЦ

Начиная ночницы дневные полуношницы кататесь ночницы за мхи и болоты за гнилые колоды где собаки не лают питуны, не пают по сей день по сей час.

Аминь, аминь.

(Теперь от ночниц.)

Ночная ночница, дневная полуношница; катись, ночница, за мхи и болота, за гнилые колоды, где собаки не лают, питухи не поют. По сей день, по сей час.

Аминь, аминь.

(От ночниц, когда младенцы не спят.)

551. ГРЫСЬ

Грысь, грызуха не грызи раба Божия (имя*) а грызи падлипаю** кость, избав миня от муки, от болезни и я тебя от лежни посеяй день, посеяй час, аминь, аминь.

3 р. читать
(На 9 узелков)

(Ну, и всё... Ага, «грызь»...)

Грызь, грызуха, не грызи рабы Божии Агриппины, а грызи падлиную кость [«под липою кость»? — см. рукописный вариант; ср. № 546]. Избавь меня от муки, от болезни... от тебя лежни. По сей день, по сей час. Аминь, аминь.

(Надо девять узелков завязывать и три раза читать стишок.)

[* Внизу подписано: «имрек». ** Над буквами «...аю» в скобках надписано: «ую».]

552. [ЛЕЧЕНИЕ ЗАГОВАРИВАНИЕМ]

[Вы говорили, что когда от сглаза лечат скот, то нельзя на ветру спрыскивать?]

Да, надо токо в квартиры или в хлевё.

[А почему на ветру нельзя?]

А потому что это не польза, ветром уносит заговор; бесполезно. Если токо соли посыплет; соль если заговоренная, на хлеб, и хлеб дать сразу в рот, то это, говорит, полезное. А если так токо помыть на ветру — это бесполезно. В хлевё...

[Еще говорили — в праздник...]

И в праздник нельзя, да. Это вот наши праздники; и наши, и ваши [т.е. католические] все... В праздник не заговариваем: бесполезно, говорят. Не будет пользы.

[Потом — как передавать...]

Надо передавать младше себя; а старшим если передам, от меня пользы людям не будет, если я буду заговаривать.

553. [ЛЕЧЕНИЕ ЗАГОВАРИВАНИЕМ]

...Она [внучка] *простыла*. Я точно знаю, [потому] что в комнате в нас прохладно. И после байни легла спать. И сразу встала — и температура была, и все губки, как лягушьям наростом таким, прыщички, как нарывает... И в ротiku так было. Было у меня сало; я отрезала кусочек, приложила. <...> К обеду уже всё. Отвязали марлечку — ротик чистенький, губки чистенькие...

[И что-то, говорили, с угольком делать?]

Это когда *от огня*... [см. № 548]. Надо три уголька, и напроць этих..., где болячки, на губках, большинство так на лице; у младенцев на губках бывает, там, на личику. Вот так этим угольком, так три раза покрутить возле этого, и кружечку с водой держать, и в воду эту бросить. Оно аж зашумит в этой воде, уголёк этот. Он холодный, а он будет шуметь, как горячий.

...*На круги* [см. № 547] не уголёк, а сучок нужен; ножичком порезать. Найти сучок где — ай в стуле, ай в столе. Как выговариваете, и ножичком вот так, крест-накрест.

[А *от гада* [см. № 546], *Вы говорили*, — нужно до захода солнца?]

До захода солнца. После уж, солнце зайдёт — скоко хопь говори, ничего не помогает этот заговор.

[И как, вы говорили, — на каждую голову?]

Да, если лютый...; его... мать сама, пузатая такая, эта гадюка — нужно ану распороть, и скоко там голов, на каждую голову заговор сделать, заговорить... Они, наверно, больше не бывают, двенадцать этих гадюков [т.е. змеенышей]...

[А чтобы змей не бояться, в лес идти?]

Надо на хлеб, на кусочек наговорить этот стишок.

[И не обязательно самому?]

Не, мы не вмели; бывало, это тётя нам наговаривала. Мы в ведёрки тут, кто имел, то в корзинку положим и ходим — даже не видим ни одного. Так пойдёшь, так боишься — то там бегит, то там бегит, некогда ягоды собирать...

[*Они не показываются?*]

Да, они не показываются тогда, вот; они боятся этого заговора. И не кусят...

[*И от виху [см. № 543], Вы говорили, — на масло?*]

На масло или на жиры; абы несолёное токо..., наговорить. И мазать когда, надо всё так вниз смазывать совсем; с ноги там или с руки — вот так будешь мазать [*показывает*]. Здесь мазать, а вниз так всё стирать.

[*А почему несолёное — не говорили?*]

А я не знаю; солёное, может, не в пользу или что...

Виха хорошо сразу на руку наговаривать. Наговариваешь, вот так вот потираешь... Тут вот девочка, она на качельке качалась и выбила совсем эту косточку. Пришла к ей с криком, тоже распухши эта ручка. И на ручку наговорила. Я смотрю — идёт уже в школу, вот... А кричала как она, с качельки сваливши была...

[*Вот, про родимец [см. № 549] Вы ещё рассказывали...*]

Это вот как вы называли, эта болезнь..., как по-медицинскому. А в нас по старинке — «родимец».

[*И говорили, что вечером надо заговаривать?*]

Большинство вечером, и до солнца чтобы [*до восхода*]. И вечером уже, как солнце зайшодцы. Это как и заговаривать... <...> А утром — до солнца, пить и мыться этой водичкой.

[*От ночницы [см. № 550] — тоже на воду?*]

Угу... На воду, на ребёнка... Спать не спится, всё ночницы эти пристают.

15. РАССКАЗЫ О БЫТОВАНИИ ЗАГОВОРОВ

Практика заговаривания и обучения этому искусству сопряжена с целым комплексом ограничений и запретов. *«Заговоры вам не откроют старики. <...> Потому что <...> оны тогда уже будут не действительны»,* — заявила одна из исполнительниц. — *«И заговоры могут передать только перед смертью <...> или самому первому в семье, или бы последнему. Детям».* «А в чужую семью нельзя?» — поинтересовались собиратели. *«Не-не-не... Это всё тайна».* Многие рассказчики сетовали на то, что они не переняли магическое искусство своих родителей только потому, что им это не положено по рождению. *«Заговоры могли только первый ребёнок в семье и последний. <...> А эти средние — тех не помогало».* *«Мне никто не передаёт, потому что я средний, в середины родивши...»* В таких случаях иногда старались усвоить заклинания «на стороне». Х. Карпова, от которой записан единственный заговор «на кровь», подчеркнула: *«Мама, она по-другому говорила. А я по этому заговариваю».* Видимо, и некоторые другие исполнители часть своего репертуара усваивали за пределами семьи — от них записано по два-три варианта заклинаний на одну тему. Однако «права по рождению» не всегда достаточно для успеха — надо еще обладать отменной памятью, лучше всего запоминать текст заговора с одного раза. *«А ежели ты говоришь, говоришь яму, а ён не помне — уже этому не передавай, от его пользы никакой не буде».*

Нельзя возобновлять заговорную практику, если во всеуслышание заявил о ее прекращении. Одна из наших рассказчиц глубоко убеждена, что нарушение этого запрета стало причиной преждевременной смерти ее матери. *«Если сказал — больше не будешь лечить, всё! Пуцай он там вмирает на месте, не должен лечить больше. А вот она, знаешь, такого мягкого характера, не могла отказать»* — и умерла в ту же ночь.

Широко распространено поверье, что обучив кого-либо своим заговорам, человек уже не может ими пользоваться, в его устах они теряют силу. Считается даже, что заклинание вообще десакрализируется, лишается магических свойств, если его знают двое или трое. Именно поэтому передавать заговоры другим рекомендуется перед смертью. Когда дочери А. Карповой упрасивали ее обучить их заго-

ворному искусству, она всерьез обижалась: «*Вы моей смерти дожидаетесь!*» Девяностолетний М. Прусаков, три четверти века занимающийся рыбной ловлей и слывший в округе самым опытным и удачливым представителем этой профессии, знает немало промышленных заклинаний, примет и магических действий. Но несмотря на все уговоры он так и не открыл собирателям свои «секреты», считая, что они еще пригодятся ему самому. Г. Коваленкина, от которой мы записали рассказы о таинствах народной медицины, о лечении заговариванием, множество быличек о шептунах и волхвитах, наотрез отказалась сообщить тексты заклинаний: «*Приезжайте, когда я помирать буду...*»

В свете этих верований и обычаев естественным выглядит парадоксальное, на первый взгляд, несоответствие между обилием поверий и быличек о знахарях и колдунах и сравнительно скромное количество записей самих заговоров. Исполнители охотно описывают благодеяния «шептунов» и козни «волхвитов», сообщают разнообразные способы предупреждения или обезвреживания «порчи», называют травы, которые издавна считаются надежным средством против происков нечистой силы и связанных с нею людей. Но как только речь заходит о текстах заклинаний, многие информаторы начинают отнекиваться, ссылаясь на плохую память; утверждают, что настоящие чародеи перевелись; в лучшем случае многозначительно указывают на соседей, которые тоже не горят желанием посвящать собирателей в тайны магического знания.

Неписаное правило передавать заговоры перед смертью и только старшему или младшему ребенку характерно и для литовского фольклора. В большинстве районов России таких ограничений нет или же они не столь жестки. В частности, народный этикет предписывает знахарям обучать заклинаниям тех, кто моложе их по возрасту, не обязательно родственников — этим обеспечивается естественная преемственность традиции. А иногда общепринятые нормы ориентируют на исполнение некоторых типов заговоров детьми. В Каргопольском крае (Архангельская область) зубную боль поручали заговаривать тем, у кого все зубы целы (Смирнов, с. 7).

Следует отметить, что в старообрядческой среде не все знатоки народной магии ревниво оберегают свои секреты. Анализ собранных материалов свидетельствует о том, что степень «закрытости» сакральных знаний не связана с региональными различиями и не зависит от негласного статуса исполнителя (считают его «шептуном» или не считают). В разных деревнях одного прихода или даже в пределах одного селения доводилось сталкиваться с прямо противополож-

ным отношением к заповедным «стишкам»: одни оберегают их как зеницу ока, другие понимают, что традиция не должна пресекаться. А. Суетене, оказавшаяся настоящим кладезем премудрости, едва ли не лучшим знатоком заговорной традиции, не таилась от собирателей. «Надо передать, надо на земле оставить...» Другая старушка переписала на листки бумаги универсальный заговор-оберег и вручила их всем своим крестникам. Иногда исполнители ссылаются на авторитет своих «учителей». «Она если в гул [то есть громко] говорила — значит, это не секрет», — объяснила М. Мелькова свое разрешение записать от нее заговор «от кругов». А вот тексты других заклинаний она нам так и не открыла.

В последние годы заговоры удавалось записывать в основном от людей, которые приобщились к ним «по случаю» и не слывят «шептунами», а тем более «волхвитами». Например, Д. Сиволов, рассказав отличную быличку о колдуне, остановившем свадебный поезд (все дуги ломались до тех пор, пока он не смиловился), процитировал и фрагмент «приговора»:

На этот воз

Семь тонн гороху,

Семь тонн там лёду,

Семь тонн там... (ище каких-нибудь там...),

И жаних, и невеста —

И воз ни с места!

Вспоминая, как в детстве мать вылечила его «от кругов» (лишав), он подробно описал все ее действия и воспроизвел текст заклинания:

Сук, сук!

Возьми свой круг,

Возьми свою чистоту,

Отдай мою красоту!

Для Сиволова это — не разглашение тайного знания, а бытовые иллюстрации к фольклорным текстам, поскольку сам он заговорной практикой не занимается.

Бережное отношение староверов к духовному наследию предков способствует тому, что до сих пор сохраняется немало архаичных представлений о бытовании народных заклинаний, о чудотворной природе магического слова и действия. Некоторые информаторы полагают, что наиболее эффективно заговаривание «по крови», когда у знахаря и его клиента совпадает группа крови. Редкие неудачи шептунов склонны объяснять тем, что они «не попадают на кровь». Непременным условием успеха считается чистота помыслов, благо-

честие и добросердечность знахаря. Можно даже говорить о существовании своеобразного «морального кодекса», который четко регламентирует заговорную практику людей, не связанных с колдовским, «бесовским» началом. Наиболее четко его сформулировала А.Г. Суетене. Она глубоко убеждена, что молитва и заговор теряют свою магическую силу, если их произносит человек с сомнительной репутацией. «Надо никому <...> не сделать вреда; чтобы не ужасить человека, <...> как змея». «Я прожила всю жизнь — никому [не навредила]; и воды не замутила». Агриппина Гавриловна строго соблюдает все предписания религиозного и бытового этикета, охотно делится с соседями результатами своего труда. Высаживая что-нибудь в саду или в огороде, она заклинает небесные силы ниспослать хороший урожай: «Господи, зароди на всех долю: и на пленных, и на военных...» Считая, что искусство заговора доступно лишь избранным («Не каждый это может; дар кому даден»), Суетене рассматривает его как общественное достояние и потому не отказывает никому, кто обращается к ней за помощью. «Я не могу отказать, потому что грех не хочу принять». Как и большинство других сельских целителей, она особенно щепетильна по части оплаты своих услуг, отвергает даже безобидные гостинцы, ссылаясь при этом на авторитет Спасителя: «Исус Христос без денег лечил». «Деньги человека портят», — убежденно заявила собирателям Аграфена Гавриловна. Не менее категорично осуждает корыстолюбие и ее дочь, Елизавета Венедиктовна Боровик: «Согрешил он перед Богом, всё. Он купил уже себе лукавого; он не сможет людям добро делать».

Определенные нравственные требования предъявляются и к тем, кто обращается за помощью к знахарям. Они тоже должны очиститься от грехов, попросить прощения у обиженных, вернуть хозяевам украденные у них вещи, а главное — искренне верить в магическую силу «шептуна», иначе любые заклинания окажутся бесполезными.

554. Заговоры вам не откроют старики. Потому что, говорят, что оны тогда уже будут недействительны. И заговоры могут передать токо перед смертью. Бывало, так моя свекровка говаривала. Передают их перед смертью и токо чтоб или самому первому в семье, или бы последнему. Детям.

[А в чужую семью нельзя?]

Не-не-не... Это всё тайна. Тётка моя от гадов заговаривала, и от рожи заговаривала — от всего. Ну, от гадов — это я верю... Корову раз привели, корова вся раздутая. Только бабка эта заговорила, хлеба коровы дала — и сразу отпустило корову. Потом нашли, в ногу укушено было. <...> Подземные какие-то есть [гады], что они вылезают раз в год — вкусят и обратно прячутся.

[А если не передашь заговор?]

Если не передашь, так она и помрёт со своими этими заговорами.

[А ей ничего не будет?]

Ей ничего, а что ей... Наша бабка помёрла, никому не передавши, потому что не было кому — первый сын умерши был, а этим средним оно не передаётся...

555. ...А знаешь, може, Бог и есть. Есть. Мне в пупу грызь, и я три опарации перенесла, печени камни убирали. Три. Было, доктор поглядит: «Ище рано резать тебе грызь, пусть растёт больше...» А дочка моя мógет пошпатать. Токо чтобы не был бы резанный. И вот, яна, може, знаешь, года три, а може, два шаптала — когда в меня заболит ён. Таперь его и с фонарям не найдёшь! Вбрался... Так вот я поэтому думаю, что, наверно, Бог есть. Там Божия молитва шепчет. И, наверно, Бог есть...

556. [Вы говорили, грех отказать, если просят...]

А. Г.: Я никогда ни с кого деньги не брала. Ой, мне давали — я не беру, не, не, не. Это Исус Христос без денег лечил. А деньги тапери-ка... Деньги человека портят.

Е. В.: А потом этот человек, понимаете, слабеет, слабеет... Согрешил он перед Богом — всё. Он купил уже себе лукавого; он не сможет людям добро делать. У него появляется а́лочность — и всё...

А. Г.: А я прожила жизнь — никому, и воды не замутила. С огорода; я иголки чужой не взяла, так прожйла...

557. ...Одна бабка есть в Кляйпеды, она людей очень лечит. Ну, она сразу узнает, если плохо ты делаешь чего. Вот, один делал; как вещи обирали. И вот, хотела вылечить мать его. Она [шептунья] сказала: «Отдайте долг, отдайте вещи чужим, что брали, — тогда лечить буду». А так она кару несёт Господнюю...

558. ...Ну, это говорили, что надо верить... Ну, вернее, надо верить, что поможет [заговаривание]. А если не веришь, зачем человека беспокоить? Пользы может не быть. Ещё... как когда, этот самый хотя и «старик» [старый месяц]. <...> А бывает, что раза два и три приходится «старика» проведать, пока оно попадёт. Это тоже момент какой-то бывает. Или день, или минута какая — всё равно бывает. <...>

Вот, бородавки... Токо я, конечно, не скажу, как мы лечили. Была в мамы моей вот здесь бородавка. [Показывает на пальцы.] А я говорю: «Боже мой, а если бы у меня так? Как бы я писала?» — У меня писущая работа же была всё время. — «Как бы я писала?» Буквально через несколько дней смотрю, на мне, на моём пальце сидит бородавка. Я тогда — мамы лечила, мамы три раза полечили, мамы прошло... А я себе, може, месяца два, пока в меня вычиталось это всё. Вот видите как! В такую минуту подумала, понимаете? И вот как раз, пожалуста, — и мне здесь появилась...

559. [Одна пациентка, которой помогла А. Г.]

...потом встречает: «Ай, надо тебе гостинца купить!» Я говорю: «Я гостинцы не беру, а за что мне...» Говорит: «Купила масти [рекомендованной А. Г. мази], помазала — как рукой сняло!»

А я вам этот рецепт дам... А вы самы, верно доктор... Не? <...> Я и детям говорю. Надо передать [знания], надо на земле оставить. Надо чистую туда душу!

560. Ежли на суд идёшь. Или ты будешь обвинённый, или в тюрьмы кто посажен невинный — надо передать ему, чтоб он но-

сил [переписанный на бумагу «Судебный стих»]. Обязательно на свободу придёт. <...> И с собой носить.

В армии в меня внук был; были стишки [заговоры] там хорошие написаны. Так украли деньги от его и даже эти все стишки, которые я была давши ему. Был у него «Богородицкий сон» там, знаете. <...> И как рыбу идти ловить. И вот ён пойдё за рыбой — вот такую шуку прёт. Но только что..., надо идти одному, не с друзьями. Ён пойдёт, отдельно сяде где-нибудь — рыбы! Вот так...

Это в Рымках ещё, была одна. И она мне кума, крестила сына. И вот, она мне давала — всем крестникам своим дала, кого она крестила — всем передала.

[А как её звали, не помните?]

Ивóблиха... А звать не знаю; муж был Ивóлий.

561. Это привораживали. Это надо летучую мышь, и поймать эту мышь, и у ней в крыльях естя такая косточка, такая, как вилочка. <...> И эту косточку...; вот, когда идёшь и тебе парень правится, а он на тебя не обращает внимания; вот, ему где-нибудь эту косточку — она острая — так где-нибудь вколоть в одежду.

[Можно в любое время?]

Да неважно, неважно. Это делали часто, когда кирмаши [сельские ярмарки]. Да, сходилось, получалось.

[А иголку, которой саван шили, не использовали для этих целей?]

А иголка... Иголка — это очень нехорошее замечание. Иголку нельзя вставлять.

562. Я сама вот ходила лечиться, ездила я в Вилейку, к одному дедушке. <...> Я очень болела, я ходить не могла. <...> И дедушка мне сразу тот сказал: «Доченька! Ты с кем-то жила в плохом отношении по соседству. В тебя взято песочек с-под ног. Говорит, ты вот ходила, а ён тебя..., или на мать, на отец рассердился, и он тебе со следка взял песочек и повесил в трубу. Если не снял эту, говорит, песочек, ты всю жисть будешь болеть». Так я всю жисть и болею суставами. Во... «Токо, говорит, тебя можно

вылечить, если покойника кость ты будешь жисть; накормить тебя покойника костью». Но я не согласилась жисть покойника костью — боялася. Ну, так болею всю жисть...

563. Мне в моей жизни зубы заговорили. Ещё было каких восемнадцать лет. <...> Поехали на кирмаш [*сельскую ярмарку*], на фест поехали. Пошли в церкву, помолились Богу. Пришли с церквы, пообедали. У нас не кушавши идут в церкву. <...> Идём купаться в озеро. А мне зубы схватили, не могу — некуда деться мне. Идёт друг, говорит: «Ну что, Миша, неможешь?» А я говорю: «Свет кругом кружится...» А на берегу озера у него тёща жила. Зашли к тёще. Посмотрел [*друг*], луку сорвал головку — ещё лук был старый — отрезал корешки, посыпал соли, пошептал. «Ну и вот, — говорит, — возьми, пожуй; можешь проглотить, а можешь выплюнуть». Я проглотил. И вот уже, слава Богу, девятый год мне — ни разу не болели. За какого полчаса утихли зубы, и сегодня не болят.

564. В моего брата была нога..., вся в этих бородашках. Може, их семнадцать, а, може, двадцать; как стянуло ногу, совсем — ну, не может совсем. А хто... — може, бабушка? — говорит: «Вы найдите нитку, эту..., ляную [*льняную*], сосчитайте хорошо эти бородавки все и завяжите эти..., семнадцать, скоко там будет, узелков. <...> И как с крыши..., с полноты, уже как кончается молодик [*молодой месяц*], с крыши потекёт вода, это вот дождь идёт; и на землю вот тут во её положьте. Вот, утром захотел сикать — и бяги на эту нитку». И пропало...

565. ...От испугу лечили, от рожи лечили. Лечили, когда круг бывает — вот, чешется. <...> И своим лекарством можно лечиться — вот, корову подоишь, на цедилке пена остаётся, — этой пеной мазали. На окнах эти..., росины бывают — этим росинам мазали. Своим средствам.

566. А. Г.: А моя мама даже рака заговаривала. Она молодая зато [потому] и умерла; немножко что-то приняла от кого-то. Вот, как хлеб, бывало, в печку садят — эта чтоб самая вода была. И потом она..., ну, мне не передала. Она передала стишки такие; говорит, это тебе нужны будут. А остальное она мне не передала. <...>

[А кому можно заговоры передавать?]

Самому младшему или первому [ребенку] передать. И тоже — если он передаёт, а в его же в башки нет ничего, и скажет: «Уходи от меня».

Е.В.: Надо святому, чтоб в Бога верили; и людям — только добро. Значит, бабушка <...> где-то оступилась, и значит, ей прикрыли, и никому она не передала — всё с собой унесла.

567. [А не окуривали от «сглазу»?]

Ну, это как спужанье, как спугается. Собаки, бывало, спугается, быка какого там спугается, коровы... Күрат. Брата моего мамка күрила. Батка пришёл пьяный, он лежал. Как хватил его маленького, сонного — ён спугался. Ай, он тоже кричал, как вот я таперь кричу. <...> Так его баба Салманита, на тым свете... Кладла на шубу, помню, как тапери-ка, и ету..., хрест-нахрест эту шубу, мех выстригала. Ну, и тогда этым кльчкám..., кидывали этой простыней уже его там. Але отошёл... Але клали батьку. Ён спужал его. И батьку клали; шубу эту стригли и его тогда күрили...

568. ...Воды надо держать взапас. Она не спортится. Пусть и год стоит, эта заговоренная вода. Это не простая — вот, с крана прямо напустил, и всё. Она [обыкновенная водопроводная вода], бывает, там, постоит, ужо... А эта заговоренная вода — она пусть и год, и два стоит — она не попортится. <...>

[А если змея, гад укусит?]

Это, я вышла замуж, и мой свёкор — умел очень хорошо. Так к нему едут и едут. Вот так, приехали. «Ай, коня вкусил гад!» «Я был в лесу, меня вкусили...». — «Едьте домой!» Вышел на вули-

цу, стал коло сгоробы, вот так во... Всё! «Гад, гад...», как-то ён там наговаривал. Три раза туда фукнет, туда фукнет — и всё.

[А люди уже уехали?]

А люди въехали, ему люди не надо. Токо сказать, ну, примерно, вот там конь красный или там чёрный; или корова там рыжая или какая... Токо спросит, и всё. И вышел на вулицу, в три стороны пофукал — и всё. «А вы едите домой, едите; вы мне не надо!» Вот. Очень хорошо наговаривал...

569. [Не рассказывали, как у коров молоко отбирали?]

Говорят, что давней больше было, сейчас это вышло с моды. А как давней было на Ивана... Помню, свекровка ещё жила. «Дочушка, надо...» Трава эта называлась...; забыла, как ану называли — такая, жёлто с белым, цветок один. Так, бывало, этой травы надо побрать и посушить. И от глазу хорошо — и дитям, и скотины. Бывало, подойники эти парют, корову где доишь. Так с этой травой, надо наварить яну и вымыть; вымыть — и дона, и кверху обернуть...

570. ...Так это папа наш всё говорил [заговаривал] много: что и собака если укусит, или что. <...> А вот наш старик, говорит, возьмёт это на хлебик, вот, напишет, собаке даёт појисть — и собака поправляется. <...>

[Что, на хлеб пишет?]

На хлебе какие-то буквы напишет, даст собаке съисть, говорит, — собака выровняется...

571. Заговоры <...> для своих, говорит, можно. Токо таким неможно передавать заговоры, которые уже старше. А младшим, говорит, можно.

[Не будет действовать тогда?]

Ну, говорит, пользы не будет. И вот в праздник если заговёр какой мөгешь, пусть и набожный ён, там один Бог токо спомин[ается]... В праздник его заговаривать неможно. Нет пользы.

И грех будет большой. В праздничные дни. Любые — воскресенье там, вот, Пятро́ будет, там — любой праздник нельзя.

572. Я скоро принимала [заговоры]. Раз мне, бывало, скажут — я и всё... А ежели ты говоришь, говоришь яму, и ён не по мне — уже етому не передавай, от его пользы никакой не буде.

ПРИМЕЧАНИЯ

В примечаниях приводятся следующие сведения: архивная метрика впервые публикуемого текста или данные о первой его публикации; фамилия и возраст исполнителя; фамилии собирателей; время и место записи. Пословицы, загадки, приметы и некоторые широко распространенные обычаи и поверья не паспортизированы. Если в беседе участвовало два человека, то принадлежащие им реплики в тексте предваряются их инициалами. Отсутствие каких-либо данных означает, что составитель ими не располагал. Все магнитофонные записи расшифрованы составителем сборника. Если тексты были записаны вручную, это оговорено в примечаниях.

Список принятых сокращений см. в конце публикации.

1. КЭ 41 (24). Исп. Ф.Е. Гайкунова, 81 г. Зап. Ю. Новиков в августе 1996 г., Петрунишкый Зарасайского р-на.
2. РПЛ, № 1167. Исп. Е.И. Колесникова, 59 лет. Зап. Ю. Новиков в 1978 г., Салакас Зарасайского р-на. Записано вручную.
3. КЭ 49 (61). Исп. Г.Е. Коваленкина, 75 лет. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1997 г., Летишкес Каунасского р-на.
4. КЭ 48 (8). Исп. М.И. Ярова, 72 г. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1997 г., Ванджѣгала Каунасского р-на.
5. ЖС, № 159; КЭ 1 (3). Исп. К.В. Богомольникова, 72 г. Зап. Ю. Новиков в июле 1968 г., Тумалинай Игналинского р-на. Записано вручную.
6. КЭ 61 (3). Исп. А.Г. Суетене, 78 лет. Зап. Ю. Новиков и М. Романова в августе 2000 г., Ужусалай, Йонавского р-на.
7. КЭ 49 (8). См. № 3.
8. КЭ 48 (4). См. № 4.
9. КЭ 41 (23). См. № 1.
10. КЭ 38 (28). Исп. П.А. Маслوبةва, 74 г. Зап. Ю. Новиков и Д. Раджюнайте в июле 1996 г., Сирвиджяй Утенского р-на.
11. КЭ 37 (124). Исп. И.И. Баранов, 82 г. Зап. Ю. Новиков и Р. Тримакас в июле 1996 г., Тумалинай Игналинского р-на.
12. КЭ 56 (7). Исп. М.Э. Мелькова, 59 лет. Зап. В. Дьячкова, Ю. Новиков и М. Романова в июле 1998 г., Шуняляй, Зарасайского р-на.
13. КЭ 50 (81). Исп. Д.П. Сиволов, 75 лет. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1997 г., Думсяй Йонавского р-на.
14. КЭ 46 (44). Исп. С.С. Афанасьева, 77 лет, родом из дер. Пуца. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1997 г., Аникшдай.
15. КЭ. Исп. И. Шварцова, 59 лет. Зап. Г. Поташенко в июле 1997 г., Рагува Паневежского р-на.

16. **ЖС**, № 171; **КЭ** 37 (51а). Исп. В.Я. Долгова. Зап. Р. Еленские и Ю. Новиков в июле 1996 г., Зарасай.
17. **КЭ** 49 (7). См. № 3.
18. **КЭ** 56 (36). Исп. Е.Ф. Анисимова, 84 г. Зап. Ю. Новиков и М. Романова в июле 1999 г., Паажоляй Рокишского р-на.
19. **КЭ** 37 (132). Исп. М.Ф. Рябченко, 75 лет. Зап. Ю. Новиков и Р. Тримакс в июле 1996 г., Дукштас Игналинского р-на.
20. **КЭ** 50 (23). См. № 13.
30. **КЭ** 59 (58). Исп. К.Г. Буйдова, около 65 лет. Зап. Ю. Новиков и М. Романова в июле 1999 г., Паажоляй Рокишского р-на.
31. **КЭ** 50 (6). См. № 13.
32. **КЭ** 9 (6). Исп. С.В. Чувькина, 74 г. Зап. В. Клиз, Ю. Новиков, Н. Стунджите и др. в августе 1977 г., Салакас Зарасайского р-на. Записано вручную.
33. **ЖС**, № 162; **КЭ** 9 (5). См. № 32. Записано вручную.
34. **КЭ** 50 (54). См. № 13.
35. **КЭ** 43 (45). Исп. Е.Л. Мелькова, 90 лет. Зап. Ю. Новиков и Р. Тримакс в июле 1996 г., Смалвос Зарасайского р-на.
36. **КЭ** 50 (91). См. № 13.
37. **КЭ** 60 (38). Исп. Дарья Аксентьевна, 75 лет и Акилина Аксентьевна, 77 лет. Зап. В. Дьячкова и М. Романова в августе 1999 г., Ужусаляй Йонавского р-на.
38. **КЭ** 59 (45). Исп. А.С. Игнатова, 70 лет. Зап. Ю. Новиков и М. Романова в июле 1999 г., Паажоляй, Рокишского р-на. Рассказицу дополнял А.Н. Игнатов.
39. **КЭ** 59 (44). См. № 38.
40. **КЭ** 56 (17). Исп. Х.А. Кузнецова, 70 лет. Зап. В. Дьячкова, Ю. Новиков и М. Романова в июле 1998 г., Данейкяй Зарасайского р-на.
41. **КЭ** 41 (19). См. № 1.
42. **ЖС**, № 71; **КЭ** 50 (25). См. № 13.
43. **КЭ** 59 (54). См. № 30.
44. **ЖС**, № 72; **ВУ** – Йонава. Исп. М.Т. Сергеева, 67 лет. Зап. Т. Ковш, А. Сельчинская в 1977 г., Рудменай Йонавского р-на. Записано вручную.
45. **КЭ** 41 (18). См. № 1.
46. **КЭ** 43 (4). Исп. И.Г. Мамзелев, 65 лет. Зап. Ю. Новиков и Р. Тримакс в июле 1996 г., Авиженес Зарасайского р-на.
47. **ЖС**, № 73; **КЭ** 50 (26). См. № 13.
48. **КЭ** 61 (63). Исп. Е.В. Боровик, 48 лет. Зап. Ю. Новиков и М. Романова в августе 2000 г., Ужусаляй Йонавского р-на.
49. **КЭ** 60 (52). Исп. А.Г. Лукашевич, 50 лет. Зап. В. Дьячкова и М. Романова в августе 1999 г., Ужусаляй, Йонавского р-на.
- 50-51. **КЭ** 49 (52 и 58). См. № 3.

52. КЭ 56 (44). См. № 18.
55. ЖС, № 76; КЭ 43 (2). Исп. Е.С. Мелькова, 95 лет. Зап. Ю. Новиков и Р. Тримакас в июле 1996 г., Авиженес Зарасайского р-на.
56. ЖС, № 77; КЭ 50 (24). См. № 13.
57. КЭ 37 (123). См. № 11.
58. КЭ 55 (92). Исп. Х.К. Портнова, 65 лет. Зап. Ю. Новиков и М. Романова в июле 1998 г., Дегучай Зарасайского р-на.
63. КЭ 41 (4). См. № 1.
64. КЭ 54 (51a). Исп. Е.А. Ногина, 73 г. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1998 г., Юргелишкес Швенчёнского р-на.
66. КЭ 57-(36). Исп. А.Я. Голубева, 72 г.. Зап. Р. Еленските, Ю. Новиков и Р. Тримакас в сентябре 1998 г., Юргелишкес Швенчёнского р-на.
67. КЭ 59 (34). См. № 38.
68. КЭ 61 (37). См. № 6.
69. ЖС, № 24; КЭ 52 (16). Исп. Г.Е. Коваленкина, 75 лет. Зап. Р. Еленските, Ю. Новиков и Р. Тримакас в октябре 1997 г., Летишкес Каунасского р-на.
70. КЭ 53 (70). Исп. А.А. Гаврилова, 69 лет. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1998 г., Валучай Швенчёнского р-на.
75. РПЛ, № 1789. См. № 2. Записано вручную.
- 76-77. КЭ 61 (47 и 39). См. № 6.
78. КЭ 43 (25). См. № 46.
79. ЖС, № 26; КЭ 43 (7). См. № 55.
80. КЭ 61 (38). См. № 6.
81. КЭ 40 (24). Исп. А.С. Зуева, 63 г. Зап. Ю. Новиков и Д. Раджюнайте в июле 1996 г., Русейкяй Зарасайского р-на.
82. КЭ 1 (28). См. № 5. Записано вручную.
83. КЭ 37 (161). Исп. В.Н. Горшанова, 72 г. Зап. О. Медведева и Ю. Новиков в июле 1996 г., Яктишкес Зарасайского р-на.
84. ЖС, № 29; ВУ – Лаздияй. Исп. А. Никулина, 65 лет, Зап. Т. Пресс и М. Волкова в 1973 г., Лаздияй. Записано вручную.
85. ЖС, № 12; КЭ 41 (5). См. № 1.
86. КЭ 37 (25). Исп. Е.И. Колесникова, 79 лет. Зап. И. Дапкute, Ю. Новиков и Д. Раджюнайте в июле 1996 г., Салакас Зарасайского р-на.
87. КЭ 52 (127). См. № 69.
88. КЭ 7 (16). Исп. М.Л. Семенова, 49 лет. Зап. А. Адомайтис, Ю. Новиков, Н. Стунджите и др. в июле 1977 г., Салакас Зарасайского р-на.
89. КЭ 57 (40). См. № 66.
90. КЭ 3 (41). Исп. М.Л. Семенова, 47 лет. Зап. Д. Белкин, Ю. Новиков, О. Шулене и др. в августе 1975 г., Салакас Зарасайского р-на. Записано вручную.
91. КЭ 38 (41). Исп. А.О. Жаунерова, 51 г. Зап. Д. Раджюнайте и Ю. Новиков в июле 1996 г., Шеймайтис Утенского р-на.

92. КЭ 37 (29). См. № 86.
 93. КЭ 37 (16). См. № 86.
 94. ЖС, № 30; КЭ 40 (28). См. № 81.
 95. ЖС, № 31; КЭ 37 (166). См. № 83.
 96. КЭ 38 (1). Исп. М.Г. Савиченко, 87 лет. Зап. Ю. Новиков и Д. Раджюнайте в июле 1996 г., Рустейкяй Зарасайского р-на.
 97. ЖС, № 32; ВУ — Швенчёнис. Исп. Е.Н. Рыбакова. Зап. Р. Лаздините в 1964 г., Швенчёнеляй Швенчёнского р-на. Записано вручную.
 98. КЭ 37 (167). См. № 83.
 99. КЭ 40 (18). См. № 81.
 101. ЖС, № 33; КЭ 53 (48). Исп. Е.А. Лазарева, 73 г. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1998 г., Поповка Игналинского р-на.
 102. КЭ 55 (107). Исп. Х.А. Иванова, 83 г. Зап. Ю. Новиков, М. Романова в июле 1998 г., Шуняляй Зарасайского р-на.
 103. КЭ 1 (56). Исп. С.П. Зыков, 80 лет. Зап. К. Залешкас в 1969 г., Тумишкяй Зарасайского р-на. Записано вручную.
 116. КЭ 47 (1). Исп. Е.В. Кузьмина, 70 лет. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1997 г., Ужусаляй Йонавского р-на.
 117. КЭ 55 (111). См. № 102.
 118. КЭ 60 (8). Исп. Т.С. Родионов, 84 г. Зап. В. Дьячкова и М. Романова в августе 1999 г., Ужусаляй Йонавского р-на.
 119. КЭ 60 (25). Исп. Е.З. Сиволова, 62 г. Зап. В. Дьячкова и М. Романова в августе 1999 г., Ужусаляй Йонавского р-на.
 120. КЭ 60 (35). Исп. М. Климова, 64 г. Зап. В. Дьячкова и М. Романова в августе 1999 г., Ужусаляй Йонавского р-на.
 121. ЖС, № 49 (частично); КЭ 40 (34). Исп. А.А. Павлова, 70 лет. Зап. Р. Лебедите и Ю. Новиков в июле 1996 г., Зарасай.
 122. ЖС, № 50; КЭ 47 (19). Исп. А.М. Иванова, 91 г. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1997 г., Ужусаляй Йонавского р-на.
 124. ЖС, № 51; КЭ 54 (56). См. № 64.
 125. КЭ 53 (14). Исп. М.С. Петрова, 72 г. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1998 г., Апшутай Игналинского р-на.
 126. ЖС, № 52; КЭ 48 (24). Исп. П.И. Буракова, 66 лет. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1997 г., Ибеная Каунасского р-на.
 127-128. КЭ 41 (42 и 41). Исп. Ф.Г. Куракина. Зап. Ю. Новиков в декабре 1996 г., Вильнюс. Исполнительница живет в Зарасай.
 129. ЖС, № 53; КЭ 39 (29). Исп. М.П. Толстопятова, 33 г. Зап. И. Дапкуче и Д. Раджюнайте в июле 1996 г., Салакас Зарасайского р-на.
 130. КЭ 37 (159). См. № 83.
 131. КЭ 60 (26). См. № 119.
 132. КЭ 55 (30). Исп. З.М. Балапкина, 73 г. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1998 г., Капустине Зарасайского р-на.
 133. КЭ 55 (91). См. № 58.

134. КЭ 56 (45). См. № 18.
135. КЭ 59 (22). Исп. А.Н. Игнатов, 77 лет. Зап. Ю. Новиков и М. Романова в июле 1999 г., Паажоляй Рокишкского р-на.
136. КЭ 56 (49). См. № 18.
147. КЭ 38 (38). См. № 10.
148. ЖС, № 57; КЭ 3 (34). Исп. П. Колесникова. Зап. Д. Белкин, Ю. Новиков, О. Шулене и др. в августе 1975 г., Салакас Зарасайского р-на. Записано вручную.
149. КЭ 47 (28). См. № 122.
150. КЭ 60 (49). См. № 37.
151. КЭ 60 (33). Исп. Анна Филипповна. Зап. В. Дьячкова и М. Романова в августе 1999 г., Ужусаляй Йонавского р-на.
152. ЖС, № 54; КЭ 48 (75). Исп. М.Н. Митрева, 75 лет. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1997 г., Покупеляй Кельмеского р-на.
153. ЖС, № 55; КЭ 47 (9). См. № 116.
154. ЖС, № 56; КЭ 44 (38). Исп. Ф.Ф. Скокунов, 66 лет. Зап. О. Медведева, О. Микенайте в июле 1996 г., Дегучай Зарасайского р-на.
155. КЭ 43 (31). См. № 55.
156. КЭ 48 (57). Исп. А.И. Зайцева, 83 г. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1997 г., Покупеляй Кельмеского р-на.
157. КЭ 59 (49). См. № 38.
158. КЭ 50 (53). См. № 13
159. КЭ 59 (31). См. №№ 38 и 135.
160. КЭ 60 (10). Исп. А.М. Иванова, 93 г. Зап. В. Дьячкова и М. Романова в августе 1999 г., Ужусаляй Йонавского р-на.
161. КЭ 59 (17). См. № 135.
162. КЭ 37 (82). Исп. А.А. Павлова, 70 лет. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1996 г., Зарасай.
163. КЭ 40 (32). См. № 121.
164. КЭ 43 (43). Исп. М.Ф. Котова, 62 г. Зап. Ю. Новиков и Р. Тримакас в июле 1996 г., Смалвос Зарасайского р-на.
165. ЖС, № 59; КЭ 41 (14). См. № 1.
166. КЭ 52 (58). См. № 3.
167. ЖС, № 97; КЭ 52 (51). См. № 69.
168. КЭ 43 (8). См. № 55.
- 169-170. КЭ 50 (9 и 10). См. № 13.
171. КЭ 53 (81). Исп. М.Н. Смагураускене, 55 лет. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1998 г., Бачкининкай Швенчёнского р-на.
172. КЭ 55 (86). См. № 58.
173. КЭ 59 (30). См. № 38.
174. КЭ 37 (33). См. № 86.
178. КЭ 41 (43). См. № 127.
179. КЭ 50 (11). См. № 13.

180. КЭ 55 (103). См. № 102.
181. КЭ 59 (10). Исп. А.Г. Кириллова, 72 г. Зап. Ю. Новиков и М. Романова в июле 1999 г., Паажоляй Рокишского р-на.
182. КЭ 48 (5). См. № 4.
183. КЭ 50 (55). См. № 13.
184. КЭ 37 (31). См. № 86.
185. КЭ 55 (93). См. № 58.
186. КЭ 59 (49). См. №№ 38 и 135.
187. ЖС, № 189; КЭ 37 (32). См. № 86.
188. КЭ 41 (34). См. № 162.
189. КЭ 40 (33). См. № 121.
190. КЭ 37 (59). Исп. Х.Т. Карпова, 83 г. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1996 г., Стравай Рокишского р-на.
191-192. КЭ 59 (33 и 32). См. № 38.
193. КЭ 59 (23). См. № 135.
194. КЭ 49 (4). См. № 3.
195. КЭ 61 (62). См. № 48. Рассказ дополняла А.Г. Суетене.
196. ЖС, № 190; КЭ 54 (37). Исп. Ф.П. Дубинова, 74 г. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1998 г., Юргелишкес Швенчёнского р-на.
197. КЭ 37 (101). См. № 162.
198. КЭ 55 (85). См. № 58.
199. КЭ 55 (104). См. № 102.
200. КЭ 60 (26). См. № 119.
201. ЖС, № 191; КЭ 46 (29). Исп. А.А. Колейникова, 72 г. и З.А. Прусакова, 67 лет. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1997 г., Вешинтелис Аникшайского р-на.
202. КЭ 1 (10). См. № 5. Записано вручную.
203. КЭ 54 (55). См. № 64.
204-205. КЭ 60 (44 и 43). См. № 37.
206. КЭ 46 (28). См. № 201.
207. КЭ 1 (5). См. № 5. Записано вручную.
208. КЭ 56 (24). Исп. В.Н. Горшанова, 74 г. Зап. В. Дьячкова, Ю. Новиков и М. Романова в июле 1998 г., Яктишкес Зарасайского р-на.
209. КЭ 60 (46). См. № 37.
210. КЭ 56 (43). См. № 18.
211. КЭ 49 (83). См. № 3.
212. КЭ 52 (30). См. № 69.
213. КЭ 56 (16). См. № 40.
214. КЭ 54 (33). См. № 196.
215. КЭ 55 (48). Исп. Е.Н. Соколова, 68 лет. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1998 г., Аукштакальнис Игналинского р-на.
216. КЭ 7 (18). См. № 93. Записано вручную.
217. КЭ 49 (64). См. № 3.

218. ЖС, № 192; КЭ 9 (2). См. № 32. Записано вручную.
219. КЭ 9 (3). См. № 32. Записано вручную.
220. КЭ 50 (45). См. № 13.
221. КЭ 41 (13). См. № 1.
222. ЖС, № 193; КЭ 37 (173). См. № 83.
223. КЭ 48 (25). См. № 162.
224. КЭ 6 (45). См. № 32. Записано вручную.
225. КЭ 52 (33). См. № 3.
226. КЭ 47 (42). Исп. Ф.Л. Тихонова, 66 лет. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1997 г., Киселишкес Йонавского р-на.
227. КЭ 56 (48). См. № 18.
228. ЖС, № 60; КЭ 55 (27). См. № 132.
229. ЖС, № 62; КЭ 41 (29). Исп. Е.К. Спиридонова, 87 лет. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1996 г., Зарасай.
230. КЭ 60 (57). См. № 118.
231. ЖС, № 64; КЭ 40 (34). См. № 121.
232. ЖС, № 65; КЭ 39 (38) Исп. Е.И. Плюскова, 78 лет. Зап. И. Дапкуте и Д. Раджонайте в июле 1996 г., Мартинишкес Зарасайского р-на.
233. КЭ 39 (20). Исп. К.Е. Гаврилова, 65 лет. Зап. И. Дапкуте и Д. Раджонайте в июле 1996 г., Салакас Зарасайского р-на.
234. КЭ 60 (14). См. № 160.
235. ЖС, № 66; КЭ 46 (17). Исп. Ф.С. Юпатова, 90 лет и Н.А. Юпатов, 93 г. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1997 г., Паэжеряй Аникшайского р-на.
236. ЖС, № 67; КЭ 54 (34). См. № 196.
237. ЖС, № 63; КЭ 42 (8-9). Исп. Л.И. Рагаускене, 65 лет. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1996 г., Зарасай.
238. КЭ 53 (64). См. № 70.
239. КЭ 55 (58). Исп. А.А. Тереньева, 77 лет. Зап. Ю. Новиков и М. Романова в июле 1998 г., Симанишкяй Игналинского р-на.
240. КЭ 60 (1). См. № 118.
241. КЭ 60 (24). См. № 119.
243. ЖС, № 68; КЭ 39 (31а). См. № 129.
244. КЭ 50 (51). См. № 13.
- 245-246. КЭ 60 (12 и 21). См. № 160.
254. ЖС, № 70; КЭ 54 (60). Исп. Д. Спорный, около 40 лет. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1998 г., Бачкининкай Швенчёнского р-на.
255. КЭ 61 (19). См. № 6.
256. ЖС, № 96; КЭ 37 (54). См. № 190
257. КЭ 57 (28). См. № 66.
258. КЭ 59 (51). См. № 30.
259. КЭ 50 (86). См. № 13

260. ЖС, № 95; КЭ 56 (50). См. № 18.
261. КЭ 1 (23). См. № 5. Записано вручную.
262-263. КЭ 6 (61 и 62). См. № 32. Записано вручную.
264. КЭ 60 (6). См. № 118.
265. КЭ 40 (29). См. № 81.
266. КЭ 55 (4). Исп. Н.Л. Иванов, 84 г. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1998 г., Мейкштай Игналинского р-на. Рассказчика дополняла Е.В. Иванова.
267. КЭ 38 (43). См. № 91.
268. КЭ 61 (4). См. № 6. Рассказчицу дополняла Е.В. Боровик.
269. КЭ 54 (72). См. № 266.
270. ЖС, № 79; КЭ 37 (100). См. № 162.
271. ЖС, № 80; КЭ 41 (46). См. № 127.
272. КЭ 40 (39). См. № 121.
273. КЭ 59 (48). См. № 38.
274. КЭ 55 (29). См. № 132.
275. ЖС, № 81; КЭ 37 (51). См. № 16.
276. ЖС, № 82; КЭ 52 (135). См. № 69.
277. КЭ 43 (37). Исп. Е.Л. Мелькова., 90 лет и М.Ф. Котова, 62 г. Зап. Ю. Новиков и Р. Тримакас в июле 1996 г., Смалвос Зарасайского р-на.
278. КЭ 53 (88). См. № 171.
279. ЖС, № 83; КЭ 38 (44). См. № 91.
280. ЖС, № 84; КЭ 40 (10-6). Исп. Е.Е. Павлова, 45 лет. Зап. И. Далкуте и Ю. Новиков в июле 1996 г., Зарасай.
281. КЭ 40 (51). См. № 121.
282. КЭ 41 (27). См. № 229.
286. КЭ 54 (47). Исп. Е.А. Ногина, 73 г. и Н. Ногин. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1998 г., Юргелишкес Швенченского р-на.
287. КЭ 50 (84). См. № 13.
288. КЭ 43 (48). См. № 35.
289. КЭ 54 (48). См. № 64.
290. КЭ 57 (25). См. № 66.
291. КЭ 43 (48). См. № 35.
292. КЭ 47 (7). Исп. Е.В. Кузьмина, 70 лет и И.М. Кузьмин, 70 лет. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1997 г., Ужусаляй Йонавского р-на.
293. КЭ 53 (9). Исп. М.А. Лукашонок, 89 лет и И.А. Лукашонок, 48 лет. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1998 г., Лукашовка Игналинского р-на.
294. КЭ 57 (37). См. № 66.
296. КЭ 55 (115). См. № 102.
297. КЭ 48 (52). Исп. А.Ф. Антонов, 76 лет. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1997 г., Ликшелис Кельмеского р-на.

298. ЖС, № 122; КЭ 50 (20). См. № 13. Д.П. Сиволова дополняла его жена Феокиста Ксенофонтъевна.
299. ЖС, № 123; КЭ 54 (58). Исп. Е.А. Спорная, 68 лет и Д. Спорный, около 40 лет. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1998 г., Бачкининкай Швенчёнского р-на.
300. КЭ 61 (17). См. № 6.
301. КЭ 55 (116). См. № 102. В беседе участвовали М.Я. и С.Е. Мельковы – дочь и зять исполнительницы.
302. КЭ 37 (130). См. № 19.
303. ЖС, № 124; КЭ 54 (44). См. № 64.
304. КЭ 55 (59). Исп. А.Т. Королева, 68 лет. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1998 г., Тетервиняй Игналинского р-на.
305. ЖС, № 125; КЭ 47 (13). См. № 122.
306. КЭ 47 (32). Исп. Е.И. Сергеева, 85 лет. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1997 г., Ужусаляй Йонавского р-на.
307. ЖС, № 126; КЭ 41 (16). См. № 1.
308. ЖС, № 127; КЭ 37 (131). См. № 19.
309. КЭ 48 (56). См. № 156.
310. ЖС, № 128; КЭ 48 (11). См. № 4.
311. КЭ 52 (57). См. № 3.
315. КЭ 59 (42). См. № 38.
316. КЭ 61 (36). См. № 6.
317. КЭ 59 (24). См. № 116.
318. КЭ 60 (59). Исп. Т.С. Родионов, 85 лет. Зап. Ю. Новиков и М. Романова в августе 2000 г., Ужусаляй Йонавского р-на.
- 319-320. КЭ 61 (15 и 34). См. № 6.
322. КЭ 55 (88). См. № 58.
323. КЭ 47 (14). См. № 122.
324. КЭ 60 (65). См. № 318.
325. КЭ 43 (31). См. № 55. В беседе участвовал зять рассказчицы И.Г. Мамзелев.
326. КЭ 54 (12). См. № 196. Исполнительницу дополняла ее сестра К.П. Авденкова.
327. КЭ 47 (15). См. № 122.
328. КЭ 61 (21). См. № 6.
329. ЖС, № 133; КЭ 48 (81). Исп. Я.Д. Семенов, около 60 лет; родом из дер. Шеймотис Утенского р-на. Зап. Ю. Новиков в декабре 1997 г., Вильнюс.
330. КЭ 61 (32). См. № 6.
331. КЭ 60 (23). См. № 160.
332. ЖС, № 134; КЭ 55 (37). Исп. Е.Е. Сеницын, 75 лет. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1998 г., Поливарок Зарасайского р-на.
333. КЭ 37 (109). Исп. М.А. Прусаков, 89 лет. Зап. Ю. Новиков и Р. Трима-

- кас в июле 1996 г., Дукштас Игналинского р-на.
334. ЖС, № 135; КЭ 40 (25). См. № 81.
335. ЖС, № 136; КЭ 55 (21). Исп. И.И. Богомольников, 85 лет. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1998 г., Дукштас Игналинского р-на.
336. КЭ 43 (29). См. № 55. В беседе участвовал зять рассказчицы И.Г. Мамзелев.
337. КЭ 43 (39). См. № 35. В разговоре участвовала М.Ф. Котова.
338. ЖС, № 100; КЭ 38 (32). См. № 10.
339. КЭ 39 (19). См. № 233.
340. КЭ 46 (60). Исп. П.Л. Буракова, 80 лет. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1997 г., Римкай Йонавского р-на.
342. КЭ 41 (15). См. № 1.
343. КЭ 38 (56). Исп. Павел Иванович, случайный попутчик собирателей. Зап. О. Медведева и Э. Микеняйте в июле 1996 г., Зарасай.
344. КЭ 37 (81). См. № 162.
345. КЭ 53 (76). См. № 69.
346. КЭ 37 (27). См. № 86.
347. КЭ 60 (69). См. № 318.
348. КЭ 61 (61). См. № 6.
349. ЖС, № 14; КЭ 54 (73). См. № 266.
351. КЭ 40 (26). См. № 81.
355. РПЛ, № 2609. См. № 2. Записано вручную.
356. ЖС, № 138; КЭ 47 (16). См. № 122.
357. КЭ 61 (13). См. № 6. В разговоре участвовала Е.В. Боровик.
358. ЖС, № 139; КЭ 47 (17). См. № 122.
359. КЭ 59 (41). См. № 38.
360. КЭ 61 (33). См. № 6.
361. ЖС, № 140; КЭ 47 (31). См. № 122.
362. КЭ 40 (21). См. № 81.
363. ЖС, № 141; КЭ 40 (35). См. № 121.
364. ЖС, № 142; КЭ 50 (58). См. № 13.
365. КЭ 61 (16). См. № 6.
366. РПЛ, № 2140. См. № 2. Записано вручную.
367. КЭ 40 (36). См. № 121
368. КЭ 56 (26). См. № 208.
369. КЭ 57 (23). См. № 66.
370. КЭ 61 (41). См. № 6.
- 371-372. КЭ 50 (32 и 37). См. № 13.
373. ЖС, № 182; КЭ 50 (64). См. № 13.
374. КЭ 50 (39). См. № 13.
- 375-376. КЭ 50 (34 и 35). См. № 13.
377. ЖС, № 186; КЭ 1 (29). См. № 5. Записано вручную.

378. КЭ 9 (16). См. № 32.
379. РПЛ, № 1063. См. № 2. Записано вручную.
380. КЭ 6 (78). См. № 32. Записано вручную.
381. КЭ 50 (89). См. № 13.
382. КЭ 60 (62). См. № 318.
383. КЭ 6 (54). См. № 32.
384. КЭ 56 (29). См. № 208.
385-386. КЭ 50 (29 и 77). См. № 13.
387. КЭ 59 (5). См. № 181.
388. КЭ 60 (39). См. № 37.
389. КЭ 60 (28). См. № 119.
390. КЭ 2 (77). См. № 90.
391. КЭ 37 (168). См. № 83.
392. КЭ 40 (35). См. № 121.
393. КЭ 53 (89). См. № 171.
394. ЖС, № 183; ВУ – Зарасай. Исп. П.Г. Каузов, 60 лет. Зап. И. Зданавичуте и Л. Казлаускайте в июле 1971 г., Гарбунолишкяй Зарасайско-го р-на. Записано вручную.
395. ЖС, № 184; КЭ 50 (38). См. № 13.
396. ЖС, № 185; ВУ – Шилуте. Исп. С.Т. Иванов, 71 г. Зап. О. Кулбокайте, З. Митюриня и Б. Маулюте в 1973 г., Русне Шилутского р-на. Записано вручную.
397. КЭ 61 (55). См. № 6.
398. КЭ 50 (76). См. № 13.
399. КЭ 54 (22). Исп. К.П. Авденкова, 67 лет. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1998 г., Юргелишкес Швенчёнского р-на.
400. КЭ 50 (40). См. № 13.
401. КЭ 60 (29). См. № 119.
402. КЭ 37 (157). См. № 83.
403. ЖС, № 187; КЭ 6 (74). См. № 32. Записано вручную.
404. КЭ 56 (27). См. № 208.
405. КЭ 60 (30). См. № 119.
406. КЭ 59 (4). См. № 181.
407. ЖС, № 164; КЭ 52 (42). См. № 69.
408. КЭ 55 (32). См. № 132.
409. КЭ 53 (86). См. № 171.
410. КЭ 54 (9). См. № 196. Рассказ дополняла К.П. Авденкова.
411. КЭ 56 (21). См. № 40.
412. КЭ 56 (5). См. № 12.
413. КЭ 52 (71). См. № 69.
414. КЭ 54 (11). Исп. Ф.С. Авденков, 86 лет и Ф.П. Дубинова, 74 г. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1998 г., Юргелишкес Швенчёнского р-на.

415. КЭ 56 (28). См. № 208.
416. КЭ 57 (31). См. № 66.
417. КЭ 46 (46). См. № 14.
418. КЭ 61 (35). См. № 6.
419. КЭ 52 (50). См. № 69.
420. КЭ 60 (67). См. № 119.
421. КЭ 59 (37). См. № 38.
422. КЭ 57 (45). Исп. Т.Т. Филиппова, 86 лет. Зап. Р. Еленските, Ю. Новиков и Р. Тримакас в сентябре 1998 г., Юргелишкес Швенчёнского р-на.
423. КЭ 50 (43). См. № 13.
424. КЭ 37 (66). См. № 190.
425. КЭ 39 (6). Исп. А.М. Скороходова, 60 лет. Зап. И. Дапкуте и Д. Раджюнайте в июле 1996 г., Сталненишкес Зарасайского р-на.
426. КЭ 3 (35). См. № 148. Записано вручную.
427. КЭ 38 (24). См. № 10.
428. ЖС, № 170; КЭ 37 (96). См. № 162.
429. КЭ 1 (4). См. № 5. Записано вручную.
430. ВУ – Зарасай. Исп. О.О. Дейнис, 81 г. Зап. в июле 1971 г., Грибиняй Зарасайского р-на. Записано вручную.
431. РПЛ, № 2040. См. № 2. Записано вручную.
432. КЭ 6 (47). См. № 32.
433. КЭ 55 (56). См. № 239.
434. КЭ 52 (29). См. № 69.
435. КЭ 60 (60). См. № 118.
436. ЖС, № 173; КЭ 52 (22). См. № 69.
437. ЖС, № 174; КЭ 37 (151). См. № 83.
438. КЭ 6 (44). См. № 32.
439. КЭ 7 (19). См. № 93.
440. КЭ 52 (35). См. № 69.
441. КЭ 37 (94). См. № 162.
442. КЭ 55 (13). См. № 266.
443. КЭ 56 (30). См. № 208.
444. КЭ 57 (38). См. № 66.
445. КЭ 59 (16). См. № 135.
446. КЭ 59 (43). См. № 38.
447. КЭ 4 (4). См. № 90. Записано вручную.
448. КЭ 38 (23). См. № 10.
449. КЭ 55 (83). См. № 58.
450. КЭ 37 (85). См. № 3.
451. ЖС, № 176; КЭ 50 (44). См. № 13.
452. КЭ 37 (154). См. № 83.
453. КЭ 49 (2). См. № 3.

Примечания

454. КЭ 39 (22). Исп. А.А. Терентьева, 75 лет. Зап. И. Дапкунте и Д. Раджюнайте в июле 1996 г., Симанишкяй Игналинского р-на.
455. КЭ 49 (54). См. № 3.
- 457-459. КЭ 52 (43, 32 и 11). См. № 69.
460. КЭ 40 (42). См. № 121.
461. КЭ 52 (31). См. № 69.
462. РФЛ, II, № 181. Исп. А.Ф. Дейнене, 70 лет. Зап. в 1971 г., Грибиняй Зарасайского р-на. Записано вручную.
463. ЖС, № 177; КЭ 40 (43). См. № 121.
464. РПШ, с. 46. См. № 2. Записано вручную.
465. ВУ – Утена. Исп. М.Н. Григорьева, 63 г. Зап. Р. Кизлайте и Б. Мацайте в 1970 г., Политишкес Утенского р-на. Записано вручную.
466. РФЛ, II, № 180. См. № 430. Записано вручную.
467. ЖС, № 179; КЭ 46 (31). См. № 201.
468. ЖС, № 180; КЭ 40 (41). См. № 121.
469. КЭ 60 (74). См. № 318.
470. КЭ 52 (12). См. № 69.
471. ЖС, № 181; КЭ 50 (78). См. № 13.
472. КЭ 54 (20). См. № 399.
473. КЭ 59 (1). См. № 181.
474. КЭ 54 (21). См. № 399.
475. КЭ 54 (50). См. № 64.
476. КЭ 61 (31). См. № 6.
477. КЭ 53 (63). См. № 70.
478. КЭ 54 (75). См. № 266.
479. КЭ 43 (17). См. № 46. В разговоре участвовала Е.С. Мелькова.
480. КЭ 60 (31). См. № 119.
481. КЭ 60 (9). См. № 118.
482. КЭ 43 (18). См. № 46.
483. КЭ 43 (46). См. № 35. Рассказ матери дополняла М.Ф. Котова.
484. КЭ 56 (20). См. № 40.
485. КЭ 55 (114). См. № 102.
486. КЭ 53 (67). См. № 70.
487. КЭ 47 (46). См. № 226.
488. КЭ 55 (81). См. № 58.
489. КЭ 59 (39). См. № 38.
490. КЭ 60 (41). См. № 37.
491. КЭ 60 (34). См. № 151.
492. КЭ 60 (22). См. № 160.
493. КЭ 44 (39). См. № 154.
494. КЭ 55 (82). См. № 58.
495. КЭ 56 (5). См. № 12.
496. КЭ 60 (37). См. № 120.

497. КЭ 60 (51). См. № 49.
498. КЭ 55 (52). См. № 215.
501. КЭ 55 (80). См. № 58.
502. КЭ 41 (3). См. № 1.
503. Заг., № 1. Исп. "русская". Зап. В. Мансикка и А. Белинис в 1928 г., Денюнай Швенченского р-на. Записано вручную.
504. Заг., № 3. Исп. М. Арефьева, 68 лет. Зап. Б. Кербелите и Ю. Новиков в июле 1960 г., Шпуляй Зарасайского р-на.
505. Заг., № 4. Исп. Л. Беззубова, 55 лет. Зап. Ю. Новиков и Р. Тримакас в июле 1996 г., Дукштас Игналинского р-на.
506. Заг., № 10. Исп. М. Харитонова, 90 лет. Зап. Т. Кудевич и Р. Соловейчик в 1977 г., Паскутишкес Йонавского р-на. Записано вручную.
507. КЭ 61 (8). См. № 6.
508. КЭ 56 (37-38). См. № 18.
509. Заг., № 14. Исп. И. Колпакова, 87 лет. Зап. Л. Аникеева и Т. Козел в 1977 г., Спаненай Йонавского р-на. Записано вручную.
510. Заг., № 16. См. № 190.
511. Заг., № 20. Исп. Е. Сергиенко, 70 лет. Зап. Л. Фролова и Т. Крижановская в 1976 г., Ужусаляй Йонавского р-на. Записано вручную.
512. Заг., № 24. Исп. А. Ивановская. Зап. К. Залецкас в 1969 г., Паграужес Зарасайского р-на. Записано вручную.
513. Заг., № 25. Исп. Г. Васильев, 64 г. Зап. Р. Дзвонкуте и В. Черкесайте в июле 1971 г., Петкушкяй Зарасайского р-на. Записано вручную.
514. Заг., № 26. Исп. М. Ефименко, 86 лет. Зап. Л. Мартысевич и Л. Халонен в 1974 г., Вильнюс. Записано вручную.
515. Заг., № 28. См. № 504.
516. ВУ. Исп. А. Карпова, 72 г. Зап. Войцехович в 1965 г., Стравай Рокишкского р-на. Записано вручную.
517. КЭ 61 (10). См. № 6.
518. Заг., № 29. См. № 514.
519. КЭ 56 (1). См. № 12.
520-521. КЭ 54 (4) и 53 (91-а). Исп. С.Ф. Триголубова, 89 лет. Зап. Р. Еленските и Ю. Новиков в июле 1998 г., Бачкининкай Швенченского р-на.
522. Заг., № 34. Исп. В. Лепехина, 72 г. Зап. Л. Мартынова и З. Фиясь в 1978 г., Вильнюс. Записано вручную.
523. Заг., № 36. Исп. М. Сукова, 60 лет. Зап. Б. Арманите и Р. Батутите в 1987 г., Изабелина Игналинского р-на. Записано вручную.
524. Заг., № 39. Исп. Т. Бондарев, 90 лет. Зап. Т. Гордеева и М. Цымбалюк в 1977 г., Ужусаляй Йонавского р-на. Записано вручную.
525. Заг., № 41. Исп. К. Волосенко, 75 лет. Зап. Т. Гордеева и М. Цымбалюк в 1977 г. в Ужусаляй Йонавского р-на. Записано вручную.
526. КЭ 61 (9). См. № 6.

527. РФЛ, I, № 59. См. № 516. Записано вручную.
528. Заг., № 46. См. № 514. Записано вручную.
529. Заг., № 49. Исп. А. Скоробогатова, 67 лет. Зап. Г. Бурак и Т. Киунова в 1977 г., Ужусалай Йонавского р-на. Записано вручную.
530. КЭ 54 (14). См. № 414.
531. ВУ – Рокишкис. См. № 516. Записано вручную.
532. Заг., № 53. См. № 509. Записано вручную.
- 533-534. Заг., №№ 50 и 52. Исп. П. Федотов, 55 лет. Зап. А. Урбонас в 1939 г., Данейкяй Зарасайского р-на. Записано вручную.
535. Заг., № 51. Исп. А. Несименкина, 55 лет. Зап. Т. Ковш и А. Сельчицкая в 1977 г., Ужусалай Йонавского р-на. Записано вручную.
536. ЖС, № 118. См. № 516.
537. Заг., № 56. Исп. «русская старушка». Зап. В. Мансикка и А. Белинис в 1928 г., Парингес Швенченского р-на. Записано вручную.
538. Заг., № 57. См. № 524. Записано вручную.
539. Заг., № 58. См. № 509. Записано вручную.
540. Заг., № 60. См. № 509. Записано вручную.
- 541-551. КЭ 57 (1 – 22). См. № 66.
- 552-553. КЭ 57 (22-а – 24). См. № 66.
554. КЭ 42 (1). См. № 237.
555. КЭ 55 (112). См. № 102.
556. КЭ 61 (12). См. № 6. В беседе участвовала Е. В. Боровик.
557. КЭ 61 (59). См. № 6.
558. КЭ 56 (2 и 3). См. № 12.
559. КЭ 61 (44). См. № 6.
560. КЭ 61 (45). См. № 6.
561. КЭ 37 (162). См. № 83.
562. КЭ 55 (33). См. № 132.
563. КЭ 37 (105). См. № 333.
564. КЭ 53 (91). См. № 171.
565. КЭ 59 (40). См. № 38.
566. КЭ 61 (7). См. № 6.
567. КЭ 53 (87). См. № 171.
568. КЭ 54 (19). См. № 399.
569. КЭ 53 (50). См. № 101.
570. КЭ 59 (1). См. № 181.
571. КЭ 53 (72). См. № 70.
572. КЭ 61 (48). См. № 6.

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Авденков Ф.С. (414, 530), Авденкова К.П. (399, 472, 474, 568), Анна Филипповна (151, 491), Анисимова Е.Ф. (18, 52, 134, 136, 210, 227, 260, 508), Ангонов А.Ф. (297), Арефьева М. (504, 515), Афанасьева С.С. (14, 417), Балапкина З.М. (132, 228, 274, 408, 562), Баранов И.И. (11, 57), Беззубова Л. (505), Богомольников И.И. (335), Богомольникова К.В. (5, 82, 202, 207, 261, 335, 377, 429), Бондарев Т. (524, 538), Боровик С.В. (48, 195), Буйдова К.Г. (30, 43, 258), Буракова П.И. (126, 340), Васильев Г. (513), Волосенко К. (525), Гаврилова А.А. (70, 238, 339, 477, 486, 581), Гаврилова К.Е. (233), Гайкунова Ф.Е. (1, 9, 41, 45, 63, 85, 165, 221, 307, 342, 502), Голубева А.Я. (66, 89, 257, 290, 294, 369, 416, 444, 541-553), Горшанова В.Н. (95, 98, 130, 208, 222, 368, 384, 391, 402, 404, 415, 437, 443, 452, 561), Григорьева М.Н. (465), Дарья Аксентьевна и Акулина Аксентьевна (37, 150, 204, 205, 209, 388, 490), Дейнеца А.Ф. (462), Дейнис О.О. (430, 466), Долгова В.Я. (16, 275), Дубинова Ф.П. (196, 214, 236, 326, 410), Ефименко М. (514, 518, 528), Жаунерова А.О. (91, 267, 279), Зайцева А.И. (156, 309), Зуева А.С. (81, 94, 99, 265, 334, 351, 362), Зыков С.П. (103), Иванов Н.Л. (266, 269, 349, 442, 478), Иванов С.Т. (396), Иванова А.М. (122, 149, 160, 234, 245, 246, 305, 323, 327, 331, 356, 358, 361, 492), Иванова Х.А. (102, 117, 180, 199, 296, 301, 485, 555), Ивановская А. (512), Игнатов А.Н. (135, 159, 161, 186, 193, 445), Игнатова А.С. (38, 39, 67, 157, 159, 173, 186, 191, 192, 273, 315, 359, 421, 446, 489, 565), Карпова А. (516, 527, 531, 536), Карпова Х.Т. (190, 256, 424, 510), Каузов П.Г. (394), Кириллова А.Г. (181, 387, 406, 473, 570), Климова М. (120, 496), Коваленкина Г.Е. (3, 7, 17, 50, 51, 69, 87, 166, 167, 194, 211, 212, 217, 225, 276, 311, 345, 407, 412, 419, 434, 436, 440, 450, 453, 455, 457, 458, 459, 461, 470), Колейникова А.А. и Прусакова З.А. (201, 206, 467), Колесникова Е.И. (2, 75, 86, 92, 93, 174, 184, 187, 346, 355, 366, 379, 431, 464), Колесникова П. (148, 426), Колпакова И. (509, 532, 539, 540), Королева А.Т. (304), Котова М.Ф. (164), Кузнецова Х.А. (40, 213, 411, 484), Кузьмин И.М. (292), Кузьмина Е.В. (116, 153, 292, 317), Куракина Ф.Г. (127, 128, 178, 271), Лазарева Е.А. (101), Лепехина В. (522), Лукашевич А.Г. (49, 497), Лукашопок М.А. и И.А. (293), Мамзелев И.Г. (46, 78, 479, 482), Маслобоева П.А. (10, 147, 338, 427, 448), Мелькова Е.Л. (35, 277, 288, 291, 337, 483), Мелькова Е.С. (55, 77, 155, 168, 325, 336), Мелькова М.Э. (12, 412, 495,

519, 558), Митрева М.Н. (152), Несименкина А. (535), Никулина А. (84), Ногин Н. (286), Ногина Е.А. (64, 124, 203, 286, 289, 303, 475), Павел Иванович (343), Павлова А.А. (121, 162, 163, 188, 189, 197, 223, 231, 270, 272, 280, 281, 344, 363, 367, 392, 428, 441, 460, 463, 468), Петрова М.С. (125), Плюскова Е.И. (232), Портнова Х.К. (58, 133, 172, 185, 198, 322, 449, 488, 494, 501), Прусаков М.А. (333, 563), Рагаускене Л.И. (237, 554), Родионов Т.С. (118, 230, 240, 264, 318, 324, 347, 382, 405, 435, 469, 481), Рыбакова Е.Н. (97), Рябченко М.Ф. (19, 302, 308), Савиченко М.Г. (96), Самойлова Е.И. (12, 20), Семенов Я.Д. (329), Семенова М.Л. (90, 216, 390, 439, 447), Сергеева Е.И. (306), Сергеева М.Т. (44), Сергиенко Е. (511), Сиволов Д.П. (13, 20, 31, 34, 36, 42, 47, 56, 158, 169, 170, 179, 183, 220, 244, 259, 287, 298, 364, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 381, 385, 386, 395, 398, 400, 423, 451, 471), Сиволова Е.З. (119, 131, 200, 241, 389, 401, 420, 480), Синицын Е.Е. (332), Скокунов Ф.Ф. (154, 493), Скоробогатова А. (529), Скороходова А.М. (425), Смагураускене М.Н. (171, 278, 393, 409, 564, 567), Соколова Е.Н. (215, 498), Спиридонова Е.К. (229, 282), Спорная Е.А. (299), Спорный Д. (254, 299), Суегене (Суета) А.Г. (6, 68, 76, 77, 80, 255, 268, 300, 316, 319, 320, 328, 330, 348, 357, 360, 365, 370, 397, 418, 476, 507, 517, 526, 556, 557, 559, 560, 566, 582), Сукова М. (523), Терентьева А.А. (239, 433, 454), Тихонова Ф.Л. (226, 487), Толстопятова М.П. (129, 243), Триголубова С.Ф. (520, 521), Федотов П. (533, 534), Филиппова Т.Т. (422), Харитонова М. (506), Чувькина С.В. (32, 33, 218, 219, 224, 262, 263, 378, 380, 383, 403, 432, 438), Шварцова И. (15), Юпатовы Ф.С. и И.А. (235), Ярова М.И. (4, 8, 182, 310).

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ЗАПИСИ

АНИКШЧАЙСКИЙ РАЙОН – 14, 201, 206, 235, 417, 467.

ВИЛЬНЮССКИЙ РАЙОН – 514, 518, 522, 528.

ЗАРАСАЙСКИЙ РАЙОН – 1, 2, 9, 12, 16, 32, 33, 35, 40, 41,

45, 46, 55, 58, 63, 75, 78, 79, 81, 82, 83, 85, 86, 90, 92, 93, 94, 95,
96, 98, 99, 102, 103, 117, 121, 127, 128, 129, 130, 132, 133, 148,
154, 155, 162, 163, 164, 165, 168, 172, 174, 178, 180, 184, 185, 187,
188, 189, 197, 198, 199, 207, 208, 213, 216, 218, 219, 221, 222, 223,
224, 228, 229, 231, 232, 233, 237, 243, 262, 263, 265, 270, 271, 272,
274, 275, 277, 280, 281, 282, 288, 291, 296, 301, 307, 322, 325, 332,
334, 336, 337, 339, 342, 343, 344, 346, 351, 355, 362, 363, 366, 367,
368, 378, 379, 380, 383, 384, 390, 391, 392, 394, 402, 403, 404, 408,
411, 412, 415, 425, 426, 428, 430, 431, 432, 437, 438, 439, 441, 443,
447, 449, 452, 460, 462, 463, 464, 466, 468, 479, 482, 483, 484, 485,
488, 493, 494, 495, 501, 502, 504, 512, 513, 515, 519, 533, 534, 554,
555, 558, 561, 562.

ИГНАЛИНСКИЙ РАЙОН – 5, 11, 19, 57, 101, 125, 202, 215,

239, 261, 266, 269, 293, 302, 304, 308, 333, 335, 349, 377, 429, 433,
442, 454, 478, 498, 505, 523, 563, 569.

ЙОНАВСКИЙ РАЙОН – 6, 13, 20, 31, 34, 36, 37, 42, 44, 47,

48, 49, 56, 68, 76, 77, 80, 116, 118, 119, 120, 122, 131, 149, 150,
151, 153, 158, 160, 169, 170, 179, 183, 195, 200, 204, 205, 209, 220,
226, 230, 234, 240, 241, 244, 245, 246, 255, 259, 264, 268, 287, 292,
298, 300, 305, 306, 316, 317, 318, 319, 320, 323, 324, 327, 328, 330,
331, 340, 347, 348, 356, 357, 358, 360, 361, 364, 365, 370, 371, 372,
373, 374, 375, 376, 381, 382, 385, 386, 388, 389, 395, 397, 398, 400,
401, 405, 418, 420, 423, 435, 451, 469, 471, 476, 480, 481, 487, 490,
491, 492, 496, 497, 506, 507, 509, 511, 517, 524, 525, 526, 529, 532,
535, 538, 539, 540, 556, 557, 559, 560, 566, 582.

КАУНАССКИЙ РАЙОН – 3, 4, 7, 8, 17, 50, 51, 69, 87, 126,

166, 167, 182, 194, 211, 212, 217, 225, 276, 310, 311, 345, 407, 413,
419, 434, 436, 440, 450, 453, 455, 457, 458, 459, 461, 470.

КЕЛЬМЕСКИЙ РАЙОН – 152, 156, 297, 309.

ЛАЗДИЙСКИЙ РАЙОН – 84.

ПАНЕВЕЖСКИЙ РАЙОН – 15.

РОКИШКСКИЙ РАЙОН – 18, 30, 38, 39, 43, 52, 67, 134,

135, 136, 157, 159, 161, 173, 181, 186, 190, 191, 192, 193, 210, 227,

256, 258, 260, 273, 315, 359, 387, 406, 421, 424, 445, 446, 473, 489,
508, 510, 516, 527, 531, 536, 565, 570.

УТЕНСКИЙ РАЙОН – 10, 91, 147, 267, 279, 329, 338, 427,
448, 465.

ШВЕНЧЕНСКИЙ РАЙОН – 64, 66, 70, 89, 97, 124, 171, 196,
203, 214, 236, 238, 254, 257, 278, 286, 289, 290, 294, 299, 303, 326,
369, 393, 399, 409, 410, 414, 416, 422, 444, 472, 474, 475, 477, 486,
503, 520, 521, 530, 537, 541 – 553, 564, 567, 568, 581.

ШИЛУТСКИЙ РАЙОН – 396.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Барановский — *Барановский Василий*. Хранители старой веры : Страницы истории Зарасайской старообрядческой общины. — Зарасай, 2000. — С. 17-18.

Белоусов — *Белоусов А.Ф.* О влиянии старинной письменности на мировоззрение русских старожилов Прибалтики // Ученые записки Тартус. ун-та, 1973, № 491.

ВУ — Фольклорный архив кафедры славянских литератур Вильнюсского университета.

Даль — *Даль Владимир*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. — М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.

Елеонская — *Елеонская Е.Н.* Сказка, заговор и колдовство в России. Сборник трудов. — М.: Индрик, 1994.

ЖС — Живое слово : Фольклор русских старожилов Литвы. Составитель Юрий Новиков. — Вильнюс, 1999.

Заг. — *Novikovas J., Trimakas R.* Lietuvos rusų sentikių užkalbėjimai // Tautosakos darbai, t. VI-VII (XIII-XIV). — Vilnius, 1997. — P. 267-287.

Зиновьев — Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Сост. В.П. Зиновьев. — Новосибирск, 1987.

Криничная — Северные предания: Беломорско-Обонежский регион / Издание подготовила Н.А. Криничная. — Л., 1978.

КЭ — Кабинет этнологии исторического факультета Вильнюсского университета, коллекция фольклорных материалов. Первая цифра обозначает номер тетради, вторая — порядковый номер текста в ней.

Майков — Великорусские заклинания. Сборник Л.Н. Майкова. — Санкт-Петербург, 1994. (Первое издание вышло в свет в 1869 г.)

Максимов — *Максимов С.* Нечистая, неведомая и крестная сила. — М., 1996.

МНМ — Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1. — М.: «Советская энциклопедия», 1987.

Морозова, Чекмонас — *Морозова Н., Чекмонас В.* О мифологизации событий прошлого в устной традиции старообрядцев Литвы // Senosios raštijos ir tautosakos sąveika: Kultūrinė Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės patirtis. — Vilnius, 1998. — P. 105-113.

Никитина — *Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание. — М., 1993.

Путилов — *Путилов Б.Н.* Героический эпос и действительность. — Л., 1988; Исторические песни XIII-XVI веков. / Издание подготовили Б.Н. Путилов и Б.М. Добровольский. — М.-Л., 1960.

Разумова — *Разумова И.А.* Рассказы о связи живых и умерших родственников в современном семейном фольклоре // Народная культура Русского Севера: Живая традиция. Выпуск 2. — Архангельск, 2000. — С. 47-52.

Разумовская — *Разумовская Е.Н.* Современная заговорная традиция некоторых районов северо-запада. (По полевым материалам 1973 — 1988 гг.) // Русский фольклор. Т. XXVII: Межэтнические фольклорные связи. — Санкт-Петербург, 1993. — С. 257-273.

РПЛ — Русские пословицы Литвы: Из собрания Елизаветы Колесниковой / Издание подготовили Ю.А. Новиков и Т.С. Шадрина. — Вильнюс, 1992.

РФЛ — Русский фольклор Литвы: Исследование и публикация Н.К. Митропольской. — Вильнюс, 1975.

Русское Устье — Фольклор Русского Устья / Издание подготовили С.Н. Азбелев, Г.Л. Венедиктов и др. — Л., 1986. — №№ 81-86, 94-118.

Сахаров — *Сахаров И.П.* Русское народное чернокнижие. — СПб, 1997. (Первое издание вышло в свет в 1841 г.)

Смирнов — *Встану я благословясь...*: Лечебные и любовные заговоры, записанные в части Архангельской области / Издание подготовлено Ю.И. Смирновым и В.Н. Ильинской. — М., 1992.

Соколова — *Соколова В.К.* Русские исторические предания. — М., 1970.

Тумилевич — *Тумилевич Ф.В.* Сказки и предания казаков-некрасовцев. — Ростовское книжное издательство, 1961. — №№ 25-37 и др.

Черепанова — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Составитель и автор комментариев О.А. Черепанова. — СПб, 1996.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Новиков Ю.А. Духовное наследие предков</i>	3
1. Христос. Богородица. Крестная сила	21
2. Праведники и грешники	35
3. Жизненный путь	47
4. Погребально-поминальные обряды и обычаи	63
5. Загробный мир. Общение с умершими	85
6. Религиозный этикет. Бытовые традиции и поверья	113
7. Магические и целебные средства	131
8. Шептуны (знахари) и волхвиты (колдуны)	158
9. Поверья и былички о «сглазе»	185
10. Нежить и нечистая сила	196
11. Сказания о кладах и кладоискателях	212
12. Поверья и былички о змеях	220
13. Заговоры	236
14. Рукописный сборник заклинаний	254
15. Рассказы о бытовании заговоров	263
Примечания	274
Список исполнителей	289
Указатель мест записи	291
Список принятых сокращений	293

ПО ЗАВЕТАМ СТАРИНЫ

Мифологические сказания, заговоры,
поверья, бытовая магия старообрядцев Литвы.

Издание подготовил Ю.А.Новиков

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
и Вильнюсским педагогическим университетом*

Художник *А.Глебов*
Фото *А.Петрашунаса*
Технический редактор *М.Матвеева*
Выпускающий редактор *Е.Самойленко*

Сдано в набор 06.10.2004. Подписано в печать 15.12.2004.
Формат 60X90^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Schoolbook.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 11,6.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1002.

Издательство «Тропа Троянова»
199406, Санкт-Петербург, а/я 27
E-mail: itt@tropa-trojanova.com
Интернет: www.tropa-trojanova.com

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Искусство России»
Санкт-Петербург, Промышленная ул, 38/2

ISBN 5—89798—034—9

9 785897 980349